

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД
В ИЗУЧЕНИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Материалы

XIII Международной научной конференции

8–12 сентября 2025 г., Москва, Россия

Москва 2025

УДК 94(47).032
К63

Утверждено к печати Учеными советами

Института российской истории РАН,
Института археологии РАН

Ответственные редакторы:

Е. Л. Коняевская, П. Г. Гайдуков

Редколлегия:

Л. А. Беляев, К. В. Вершинин, А. А. Гиппиус, А. А. Горский, В. В. Игошев, П. В. Лукин, Н. А. Макаров, Ю. А. Петров, П. С. Стефанович, С. З. Чернов

Рецензенты:

к. и. н. А. В. Малов, к. иск. М. В. Вдовиченко

Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XIII Международной научной конференции (8–12 сентября 2025 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: ИРИ РАН, ИА РАН, 2025. – 222 с., ил.

В сборнике представлены материалы XIII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Центральная тема конференции – юбилейная дата: 900-летие со дня смерти Владимира Мономаха. Среди авторов статей сборника историки, археологи, историки церкви, историки литературы и языка, фольклористы, искусствоведы, изучающие историю и культуру русского Средневековья.

ISBN 978-5-6054485-0-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ. ЭПОХА. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- А. А. Гиппиус*
ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ПРАЗДНИК ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ
10
- П. С. Стефанович*
ПОБЕДЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И «УЧЕНИЕ ОБ АНГЕЛАХ»
В СТАТЬЯХ 1110–1111 гг. ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
11
- П. В. Лукин*
«И ПОСЛАШАСЯ ПАКИ КИЯНЕ К ВОЛОДИМЕРУ, ГЛАГОЛЮЩЕ...».
АПЕЛЛЯЦИИ К «НАРОДУ» КАК РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ
13
- В. А. Аракчеев*
К ВОПРОСУ О СМОЛЕНСКОМ ДОМЕНЕ
ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА
15
- А. В. Сиренов*
ВЛАДИМИР МОНОМАХ В РУССКОМ ИСТОРИОПИСАНИИ XVI–XVII вв.
16
- А. Ю. Виноградов*
ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
17
- В. В. Игошев*
ДРАГОЦЕННОЕ УБРАНСТВО КАМЕННЫХ РАК СВЯТЫХ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА, ИЗГОТОВЛЕННОЕ В 1115 г. ПО ЗАКАЗУ
ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ
18
- Т. В. Гимон*
ЛЕТОПИСАНИЕ В КИЕВЕ И ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-ЮЖНОМ В 1110-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1120-х гг.
20
- Д. А. Добровольский*
СОЧИНЕНИЯ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ГЕОРГИЯ (60–70-е гг. XI в.):
ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕМА И АТРИБУЦИИ
21
- С. Н. Темушев*
УЧАСТИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В ВОЕННЫХ АКЦИЯХ
ПРОТИВ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА
22
- М. К. Юрасов*
ВЛАДИМИР МОНОМАХ, МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ И АРПАДЫ
24
- Р. П. Храпачевский*
ЗНАЛ ЛИ ВЛАДИМИР МОНОМАХ ХАНА КОЧЕВНИКОВ ТАТАРА
(ПО ДАННЫМ ВЕНГЕРСКИХ, РУССКИХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ)
26
- А. В. Сумин*
О ВОЗМОЖНОМ ПЕРВОМ УПОМИНАНИИ ИНСТИТУТА «СЛОВА И ДЕЛА» В «ПОУЧЕНИИ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
27
- А. А. Роменский*
НЕКРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА:
РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРОТИВОСТОЯНИИ РУСИ С ПОЛОВЦАМИ
28
- А. В. Смирнов*
СМОЛЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ПЕРИОД 1054–1077 гг.
30
- Н. В. Трофимова*
«ЕГОЖЕ СЛУХЪ ПРОИЗИДЕ ПО ВСИМЪ СТРАНАМЪ»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ЛЕТОПИСЦАМИ РАЗНЫХ ЭПОХ
31
- Л. Б. Сукина*
ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА НА КНИЖНЫХ МИНИАТЮРАХ XVII в.
С КОМПОЗИЦИЯМИ ДРЕВ СТЕПЕНЕЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ
33
- ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА –
ЕГО ДЕТИ И ВНУКИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ**
- А. А. Астайкин*
О МАЛОИЗВЕСТНЫХ РУССКИХ КНЯЗЬЯХ, ПОГИБШИХ НА КАЛКЕ
35
- В. А. Буров*
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЛЕТОПИСНЫМ СООБЩЕНИЯМ О НАЧАЛЕ НОВГОРОДА
36

Ф. Н. Веселов
«И ИЗДУШИША ВСЯ»: МОНГОЛЬСКОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ»
В ПОХОДЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ 1237–1238 гг.

38

И. И. Елкина
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРОЯ И ДЕКОРА
ДРЕВНЕРУССКИХ ВОРОТНИКОВ ИЗ ШЕЛКА (XII–XIII вв.) ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

39

Прот. К. А. Костромин
БОРЬБА С МНОЖЕСТВЕННЫМИ БРАКАМИ И ПОЛИГАМИЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
(ПО КАНОНИЧЕСКИМ ОТВЕТАМ РУССКИХ МИТРОПОЛИТОВ XI в.)

40

Д. М. Котышев
СОБЫТИЯ 1195 г. В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ
И МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

42

Р. Р. Красавцев
НОЧЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ XI–XIII вв.

43

М. С. Крутова
«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РУКОПИСНЫХ ФОНДАХ ОР РГБ:
КЛАССИФИКАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

45

С. М. Михеев
КНЯЖЕСКИЕ ДЪЯКИ XI в., ПОХЛЕБКА С ЧЕРЕМШОЙ И ПРОЧИЕ ПОПРАВКИ
К НАДПИСЯМ-ГРАФИТИ СОФИИ КИЕВСКОЙ

46

Ф. Д. Подберёзкин, Ю. Н. Кежа
ЗНАМЯ В ОБМЕН НА ПОКАЯНИЕ?
НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКО-ЛИВОНСКОГО ДОГОВОРА 1209 г.

47

Е. Д. Подвальнов, Д. Л. Выслоужилова
ФЕНОМЕН «РУССКИХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ» ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЧАСТНЫЙ ПРИМЕР РОССИЙСКОГО МЕДИЕВАЛИЗМА?

49

Г. А. Пожидаева
КУЛЬТУРА КОНДАКАРНОГО ПЕНИЯ НА РУСИ XI–XIV вв.

50

В. Г. Луцко
ИКОНОПИСНЫЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

52

Е. М. Райчинец
ИНОЗЕМНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НОВГОРОДЕ В XII–XIII вв.

53

Е. В. Салмина, С. А. Салмин
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ПСКОВА XI–XII вв. НА ТЕРРИТОРИЮ ГОРОДСКОГО НЕКРОПОЛЯ
(РАСКОПКИ 2016–2020 гг. У МСТИСЛАВСКОЙ БАШНИ)

55

И. Турет
ВОСПРИЯТИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО СЮЖЕТА
«ВИДЕНИЕ СМЕРТИ ПРАВЕДНОГО И ГРЕШНОГО» В МОСКОВСКОЙ РУСИ

56

О. В. Часовитина
«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ» И «DE EXCIDIO BRITANNIAE»:
ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ

58

С. Б. Чебаненко
ОТНОШЕНИЕ К МЕСТИ И УТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕИ БОЖЬЕГО МЩЕНИЯ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО И СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ

59

Е. Ю. Шеголькова
БОЛЬНЫЕ И НЕДОСТОЙНЫЕ:
СВЯТОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ И ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

60

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУСИ ПЕРИОДА МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Т. И. Афанасьева
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И МЕСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ
«МОЛИТВЫ К СВЯТОЙ ТРОИЦЕ»

62

А. А. Бондаренко
ДОГОВОР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ОЛЬГЕРДА, «ИЖЕ ТОТ КНЯЗЬ БЫЛ НЯТ»:
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД МОСКОВСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

63

А. М. Введенский
ТЕКСТ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДО 1310-х гг.

65

- Г. С. Гадалова*
ИМЯНАРЕЧЕНИЕ ТВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ В XIII–XV ВВ.
66
- Н. Ю. Гребенников*
К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ КОНЦА XIV В.
68
- И. М. Грицевская, В. В. Литвиненко*
ПРЕСЛАВСКАЯ РЕДАКЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИИ ВОПРОСООТВЕТОВ
К КНЯЗЮ АНТИОХУ ПСЕВДОАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО
69
- А. Л. Грязнов*
«НАША ОТЧИНА ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ»
В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ
71
- А. В. Дедук*
КОПОНОВ, ПОПОВ, ОПАКОВ ИЛИ ОВАКОВ?
(ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ «ЛОКАЛИЗАЦИИ» ОДНОГО ИЗ ЛЕТОПИСНЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ)
72
- Е. Е. Иванова*
ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ:
РЕВИЗИЯ СПИСКОВ И НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
74
- Т. Б. Карбасова*
ПАХОМИЙ СЕРБ И КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК
75
- Д. В. Кашианов*
О ДАТЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОБРЕТЕНИЯ МОЩЕЙ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО
76
- А. Ю. Козлова*
БАРСОВСКАЯ ПАЛЕЯ (ГИМ. СОБРАНИЕ Е. В. БАРСОВА. № 619):
НЕКОТОРЫЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
78
- М. В. Корогодина*
О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРВЫХ ХРАМАХ В АЛЕКСАНДРО-ОШЕВЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ
79
- А. Е. Косицкая*
ЛИТУРГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ
80
- В. С. Курмановский*
СМОЛЕНСКИЕ БОЯРЕ И СЛУГИ XV – НАЧАЛА XVI В. И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ
82
- И. И. Макеева*
КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ РЕДАКЦИЯ ЦИКЛА СЕДМИЧНЫХ МОЛИТВ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО
83
- А. А. Максимова*
РАННЯЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЗАСТРОЙКА МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАЧАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ)
85
- А. В. Мартынюк*
«ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ГРАФА ЭНГЕЛЬБЕРТА И БИТВЕ С САРАЦИНАМИ У ГОРОДА ПОЛОЦКА»: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ
НЕСОХРАНИВШЕГОСЯ ИСТОЧНИКА
86
- А. Ю. Никандров, А. Н. Фролов*
К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО «МЕСТА» ЦИБИРЦА
В ИЗВЕСТИИ О ПЛЕНЕНИИ КНЯГИНИ КНЯЗЯ СЕМЕНА ДМИТРИЕВИЧА В 1401 Г.
88
- А. В. Носов*
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЖИТИЯХ ПРЕПОДОБНЫХ XIV–XV ВВ.: ТОПИКА И РЕАЛИИ
89
- С. В. Полехов*
ПСКОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО ВИТОВТА В 1411–1430 ГГ.
91
- В. Н. Рудаков*
СЫНОВЬЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ВЛАДИМИРА МОНГОЛАМИ
В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVI В.
93
- С. А. Салмин*
«ТАМГУ УСТАНАВЛИВАТЬ НОВО, ЗАНЕ ЖЕ ВО ПСКОВЕ ТАМГИ НЕ БЫВАЛО»:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПСКОВСКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIII–XIV ВВ.
94
- Ю. В. Селезнёв*
УСОБИЦЫ НА РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.
96
- А. Е. Тарасов*
К ВОПРОСУ О ПЕРМСКОМ ВЛАДЫЧНОМ ЛЕТОПИСАНИИ XV В.
97
- Г. И. Фокин*
ПОНЯТИЕ «БРАТСТВА» В НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XII–XV ВВ.
99

<i>О. И. Хоруженко</i> «ПЕЧАТЬ ЮРЬЕВА КНЯЖА» XV в.: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	100
<i>А. Н. Хохлов</i> О ЗАВЕРЕНИИ ГРАМОТ В ТВЕРИ В XIII–XIV вв.	101
<i>И. Чекова-Димитрова</i> К ТИПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В ЛИТЕРАТУРАХ ПРАВОСЛАВНЫХ СЛАВЯН	103
<i>З. В. Чечулин</i> КОМПЛЕКС ДОГОВОРОВ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.) КАК ЧАСТЬ АРХИВА ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ	104
<i>М. А. Шибяев</i> ПАРАДНЫЕ МАНЕРЫ ПИСЬМА ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ XV в.	106
<i>С. В. Штирко</i> ФОРМАЛИЗОВАННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ СПИСКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕОРИИ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ», «ПРЕДСЛОВИЯ ПОКАЯНИЮ»)	107
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИИ В XVI в.	
<i>А. И. Алексеев</i> «ЖИВЕЙШИЙ ВОПРОС ДЛЯ МОСКОВСКОГО БОГОСЛОВИЯ» ИЛИ СПОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО?	109
<i>Т. В. Анисимова</i> НЕИЗВЕСТНЫЙ РАННИЙ СПИСОК ПОСЛАНИЙ НИЛА СОРСКОГО И РУССКОГО ХРОНОГРАФА	110
<i>Н. В. Башнин, С. А. Никонов, Т. В. Резникова</i> СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО И АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЕЙ: ЭТАПЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ В XVI в.	112
<i>А. В. Беляков</i> ГОСУДАРЕВЫ/ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕЧАТИ ИВАНА IV	113
<i>М. М. Бенцианов</i> КОММЕМОРАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ НОВГОРОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ В XV–XVI вв.	119
<i>И. Д. Бобылева</i> ЦАРСКИЙ ТИТУЛ МОСКОВСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ГАБСБУРГСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI – НАЧАЛА XVII в.	114
<i>Д. М. Буланин</i> ПОСЛАНИЕ ИНОКАМ, ПОХВАЛЯЮЩИМСЯ ПОБЕДОЙ НАД ЗЛЫМИ ПОМЫСЛАМИ	116
<i>И. В. Вернер</i> ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ СИМВОЛА ВЕРЫ В РУКОПИСНОМ НАСЛЕДИИ МАКСИМА ГРЕКА	118
<i>К. В. Вершинин</i> ПОХВАЛА ИВАНУ КАЛИТЕ В ПОСЛАНИИ «НЕКОЕМУ ХРИСТОЛЮБЦУ» XVI в.	120
<i>П. В. Гаврилов</i> БОЯРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПО ПИСЦОВЫМ МАТЕРИАЛАМ ВОДСКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ	121
<i>М. А. Гиршевич</i> МОБИЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ПОСАДА В XVI в.	123
<i>А. Л. Грязнов, Н. В. Башнин</i> СИНОДИК ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ НАЧАЛА XVI в.: НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ	124
<i>Д. Г. Давиденко</i> МОНАСТЫРЬ КАК МЕСТО КРЕЩЕНИЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ	125
<i>В. В. Денисенко, М. В. Моисеев</i> ИНСТИТУТ ШЕРТИ В ОТНОШЕНИЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ПОСТОРДЫНСКИМИ СТРАНАМИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	127
<i>М. М. Дробышева</i> ДАТИРОВАННОЕ ГРАФФИТО ИЗ УСПЕНСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ	128
<i>Л. И. Журова</i> ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ МАКСИМА ГРЕКА В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ	130

- Д. В. Игнатьев*
«ЕВРОПА» И «ЕВРОПЕЙЦЫ» В РЕЛИГИОЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МАКСИМА ГРЕКА
131
- Е. В. Камарули*
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.
132
- А. Л. Корзинин*
КОММЕМОРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ XVI–XVII вв.
В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ И МУЗЕЙНЫХ ФОНДАХ РФ
133
- О. Ф. Кудрявцев*
«ВОЛГА НЕ МОЖЕТ ВПАДАТЬ В КАСПИЙСКОЕ МОРЬЕ»: ГИДРОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ИЗОБРАЖЕНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛА ФРАНЧЕСКО ДА КОЛЛО
135
- С. С. Кутаков*
ЛОКАЛЬНОЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XVI в.
(НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКИХ ВОТЧИННИКОВ МАЛЕЧКИНЫХ)
136
- Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Шавинская*
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫЕ В СОБОРНИКАХ ДРЕВНЕЙШИХ ПЕРЕМЫШЛЬСКИХ СПИСКОВ
«АПОСТОЛА» ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ (XVI в.)
138
- Г. Ленхофф*
К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРЕВА ДВОРА
В КОНЦЕПЦИИ И КОМПОНОВКЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ (1555–1563 гг.)
139
- А. А. Манохин*
УСТАВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО: НОВЫЕ РЕДАКЦИИ, ВИДЫ И ГРУППЫ
141
- Т. А. Матасова, А. Л. Корзинин*
ПОМИНОВЕНИЕ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ В XVI–XVII вв.
142
- А. А. Романова*
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В МЕСЯЦЕСЛОВАХ XVII в.
144
- Ф. Ромоли*
СЛЕДЫ КУЛЬТУРЫ ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМА ГРЕКА: ЛИЧНОСТИ, КЛЮЧЕВЫЕ
МЕСТА И *AUCTORITATES*. В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА МАХИМНУМ
145
- Д. В. Сень*
«ЗАМИРЕНИЯ» ВОЙСКА ДОНСКОГО И ОСМАНСКОГО АЗОВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.: СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ
147
- Ю. В. Степанова*
БЕЛЬСКИЕ ВОЛОСТИ В XV–XVII вв.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РЕГИОНА
НА РУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ
148
- С. В. Стрельников*
О ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРАХ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ С ЕГО СОСЕДАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ ДЕЛ И ТРОИЦКИХ МЕЖЕВЫХ КНИГ СЕРЕДИНЫ XVI в.)
150
- А. А. Турилов*
ДВА ПОДХОДА К ДАТИРОВКЕ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА
(ФИЛИГРАНОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ) –
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ
151
- А. С. Усачев*
О ВОЗМОЖНОМ ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVI в.
152
- М. К. Ферро*
К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в. (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЕКТА МАХИМНУМ)
153
- Б. Н. Флоря*
ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.
155
- Н. А. Чекалдина*
ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИОСИФОМ ВОЛОЦКИМ, В ЛЕТОПИСАНИИ
155

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

- А. Г. Авдеев, А. В. Энговатова*
 ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ БОРИСА БАЗЛОВА ИЗ РАСКОПОК ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
 В 2023 г. В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
 158
- А. С. Алмазов*
 СТАЦИИ КАК ФОРМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКИХ «РАТНЫХ ЛЮДЕЙ»
 НА ТЕРРИТОРИИ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО В 1660-е гг.
 159
- М. В. Бибииков*
 ДРЕВНЕРУССКИЕ ОПИСАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ
 В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОСКИНИТАРИЕВ
 160
- И. А. Бусарев*
 РЯЗАНСКИЕ АРХИЕРЕЙСКИЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
 162
- В. Г. Вовина-Лебедева*
 ВАЖСКИЕ АКТЫ XVII в. И ВОПРОС О КРЕСТЬЯНСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ
 В МОСКОВСКОЙ РУСИ
 164
- В. В. Газизов*
 АДМИНИСТРАЦИЯ КРУЖЕЧНЫХ ДВОРОВ КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В XVII в.:
 СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ОБЯЗАННОСТИ
 165
- О. Н. Глазунова*
 КОЛЛЕКЦИЯ КРАСНЫХ ШИРОКОРАМОЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ ИЗ РАСКОПОК НОВОДЕВИЧЬЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН
 КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ИЗРАЗЦА
 167
- Е. А. Горбачевский*
 ДЕТИ БОЯРСКИЕ ЯРОСЛАВЛЯ, ГАЛИЧА И КОСТРОМЫ В 1661–1678 гг.
 (К ВОПРОСУ О РАСПАДЕ СЛУЖИЛОГО ГОРОДА)
 168
- А. О. Гуляева*
 ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ СОСТАВА ВАЛОВЫХ ПИСЦОВ И ПЕРЕПИСЧИКОВ В XVII в. (ПРОСОПОГРАФИЯ)
 169
- А. Н. Гуслистова*
 ГОРОЖАНКИ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ В ВОЛОГДЕ XVII в.
 171
- А. Г. Гуськов*
 ВНУТРИПРИКАЗНЫЕ РАСХОДЫ В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.
 172
- М. И. Давыдов*
 ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫЙ АВТОГРАФ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКОГО
 174
- Н. А. Демичева*
 ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ В ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII в.:
 НЕКОТОРЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
 175
- Е. С. Дилигул*
 К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КНИГИ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ
 176
- М. С. Егорова*
 МОСКОВСКОЕ «ДЕЙСТВО» О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.:
 ЗВУКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РИТУАЛА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
 178
- Г. П. Емельяненко*
 ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУСИ В ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ 1652 г.
 179
- В. В. Злобин*
 ЧЕТВЕРТНЫЕ ПРИКАЗЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ
 НАД МЕСТНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ В РОССИИ XVII в.
 181
- С. А. Семенов, Н. А. Кренке, С. З. Чернов*
 КАРТА ГОРОДИЩ И ТОПОНИМОВ 1822 г. ЗОРИАНА ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКОГО –
 ПЕРВЫЙ СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ
 182
- М. М. Кром*
 «ДЕРЖАЛЬНИКИ»: ИЗ ИСТОРИИ ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ
 В РОССИИ XVII в.
 185
- Е. Г. Малюта*
 «СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА» С. И. ШАХОВСКОГО: ДЕКЛАРАЦИЯ ТАЛАНТА ГИМНОГРАФА-МИРЯНИНА
 186
- Я. В. Мартынова*
 СВАТОВСТВО КОРОЛЕВИЧА ЯКУБА СОБЕСКОГО К КНЯЖНЕ ЛЮДОВИКЕ КАРОЛИНЕ РАДЗИВИЛЛ
 В СООБЩЕНИЯХ РУССКОГО РЕЗИДЕНТА ПРОКОФИЯ ВОЗНИЦЫНА
 187

- А. А. Мирясова*
КОМПЛЕКС ЧЕРЕПИЦЫ ИЗ РАСКОПОК 2024 г. У ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА (МОСКВА, УЛ. ИЛЬИНСКАЯ)
189
- О. В. Новохатко*
ОСМОТРЫ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в. (ПО ЗАПИСНЫМ КНИГАМ ДЕЛ ОБ
ОТСТАВКЕ)
190
- В. Д. Пузанов*
ДОХОДЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – XVII в. В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ И ИНОСТРАНЦЕВ
192
- Н. В. Савельева*
МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР ПРИ СТЕФАНЕ ВОНИФАНТЬЕВЕ
194
- Д. В. Сазонов*
ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕСТНОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
(НА МАТЕРИАЛАХ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ А. И. БЕЗОБРАЗОВА)
195
- А. А. Селин*
ДВА ВЗЯТИЯ И ДВЕ ПЕРЕДАЧИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОРЕЛЫ/КЕКСГОЛЬМА НА РУБЕЖЕ XVI–XVII вв.
196
- А. В. Сергеев*
ОБЩЕСТВЕННОЕ И СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРОДУБСКИХ
ЮРИКОВИЧЕЙ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
198
- Н. В. Соколова*
«НОЯБРЯ В 3 ДЕНЬ В СЕЛЕ ПАНТЕЛЕИВЕ БЫЛ ПИР У ОТЦА НАМЕСТНИКА ИЕРОМОНАХА ДАМАСКИНА ПРО КРЕСТЬЯН»:
АРХАИЗМ ИЛИ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в.?
199
- К. Н. Станков*
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ШОТЛАНДСКОГО КЛАНА ГОРДОН
НА РУССКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В КОНЦЕ XVII в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
201
- А. Н. Старицын*
ФЕДОР И ИЛЛАРИОН ПУЛЛОЕВЫ – ПРОПОВЕДНИКИ СТАРОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ
В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
202
- А. В. Топычканов*
ЦАРЕВНЫ – ЦЕРКОВНЫЕ КТИТОРЫ:
К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ 1680-х гг.
203
- И. А. Устинова*
КАМЕННЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ГРОБЫ РУССКИХ ПАТРИАРХОВ XVII в.: ЭВОЛЮЦИЯ ПОХОРОННЫХ ПРАКТИК
205
- Н. П. Чеснокова*
МАЛОИЗВЕСТНАЯ ВКЛАДНАЯ ЗАПИСЬ АРСЕНИЯ ЭЛАССОНСКОГО
206
- П. В. Чеченков*
ДВОРОВЛАДЕНИЕ ИНОЗЕМЦЕВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ 20-х гг. XVII в.
207
- С. М. Шамин*
КАРТИНА ДАНИЭЛЯ ВУХТЕРСА «БИТВА МЕЖДУ ИЗРАИЛЬТЯНАМИ И АМАЛЕКИТЯНАМИ» И ТЕРМИН «ПАРСУНА»
208
- Б. Л. Шапиро*
ВЕРСАЛЬСКАЯ КРУЖЕВНАЯ МОДА ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОКУПОК ИВАНА ГЕБДОНА
210
- М. В. Яковлева*
ЯМСКАЯ ГОНЬБА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
211
- О. Н. Аряев (Независимый исследователь, Германия)*
ШЕЛОМЯ И ШЕЛОМЬЯ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО «ТАТИЩЕВСКОГО ИЗВЕСТИЯ» В ПРИМЕЧАНИЯХ К
ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
213
- СОКРАЩЕНИЯ
214

ВЛАДИМИР МОНОМАХ. ЭПОХА. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

А. А. Гунтуус (НИУ ВШЭ, ИСл РАН)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ПРАЗДНИК ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ

Праздник Покрова Богородицы, известный только по русским месяцесловам, был, по мнению большинства ученых, учрежден на Руси. Относительно места и времени его возникновения существуют две основные гипотезы. Согласно первой [Сергий (Спаский); Александров; Плюханова, с. 52–63; Шалина, с. 359], Покров – праздник киевского происхождения, установленный в первой половине XII в. Согласно второй [Остроумов; Воронин; Лосева, с. 130; Назаренко], праздник возник во Владимиро-Суздальской Руси и был учрежден Андреем Боголюбским.

Сторонники киевской гипотезы делают упор на раннем общерусском распространении праздника, а также на его связи с обрядами почитания реликвий и икон Влахернского святилища, главным транслятором которых на русской почве выступала Успенская церковь Киево-Печерского монастыря. При этом в качестве возможного учредителя праздника рассматривается Владимир Мономах. Сторонники владими́ро-суздальской гипотезы выдвигают на первый план соименность Андрея Боголюбского Андрею Юродивому, факт установления Андреем Юрьевичем праздника Всемилошного Спаса 1 августа, а также посвящение построенной им церкви Покрова на Нерли.

Обосновываемая в докладе версия примиряет эти гипотезы, учитывая аргументы сторонников и той и другой.

В культе Покрова Богородицы следует выделять три составляющие: 1) символическую, образующую смысловое ядро праздника и связанную с почитанием влахернских святынь; 2) сюжетную, основанную на литературном источнике – эпизоде из Жития Андрея Юродивого; 3) календарную, определяющую дату праздника – 1 октября.

Единственным объяснением выбора даты является приурочение нового праздника к отмечаемой в этот день памяти Романа Сладкопевца, который, как и Андрей Юродивый, удостоился видения Богородицы в посвященном ей храме и, получив от нее поэтический дар, взойдя на амвон, воспел кондак «Дева днесь пресущественного рождает».

Фигура Романа играет в конструкции праздника не меньшую роль, чем фигура Андрея Юродивого, «отвечая» за его календарный аспект. По сути, празднование Покрова Богородицы есть не что иное, как воспоминание видения Андрея Юродивого, приуроченное к памяти Романа Сладкопевца; такому его пониманию отвечает один из изводов иконографии праздника, в котором наряду с Андреем присутствует Роман. В известной галицкой иконе Покрова – древнейшем представителе этого извода – Роман и Андрей изображены симметрично друг другу, Роман – одесную Богородицы, Андрей – ошуюю.

И это заставляет задуматься: если образ Андрея имеет, помимо сюжетного, также патрональный смысл (что предполагает владими́ро-суздальская версия происхождения праздника), то нельзя ли в том же ключе интерпретировать и фигуру Романа? Наша гипотеза предполагает патрональное значение обоих имен: в Романае и Андрее мы видим святых покровителей двух младших сыновей Владимира Мономаха. Андрей родился в 1102 г., Роман, по-видимому, незадолго до этого. В 1118 г. Мономах сажает его княжить во Владимир, где тот вскоре умирает, и его место занимает Андрей.

Владимир (Василий) Всеволодович Мономах был тезкой своего прадеда Владимира (Василия) Святославича, чье имя, как сам он заявляет в Поучении, было дано ему дедом

Ярославом. Как и Владимир Святой, Мономах имел много сыновей от разных (в случае с Мономахом – двух) матерей. Роман и Андрей занимают в потомстве Мономаха то место, какое в потомстве его прадеда занимали Борис и Глеб. При этом Роман носит крестильное имя Бориса и, по всей вероятности, был назван в честь него.

Учитывая это, допустимо предположить, что праздник Покрова, соединяющий имена Романа и Андрея, был учрежден Владимиром Мономахом в самом начале XII в. и что одной из задач, которые преследовало его учреждение, было обеспечение покровительством Богородицы младших сыновей Владимира, которые, ввиду родового прецедента в виде судьбы свв. Бориса и Глеба, особо нуждались в таком покровительстве.

Что же касается Андрея Боголюбского, то он в таком случае оказывается не учредителем праздника, но продолжателем традиции, воспринявшим ее от своего дяди Андрея Владимировича. Эта преемственность выглядит неслучайной, учитывая, что, согласно [Литвина, Успенский, с. 80], свое имя Андрей Юрьевич получил вследствие договора, который его отец заключил с братом в бытность того уже князем Переяславля Южного.

Как уже приходилось отмечать [Гиппиус, с. 195–201], связь между двумя Андреями объясняет как продолжение во Владимире летописной традиции Переяславля, так и попадание во владимирское летописание тетрадки с сочинениями Владимира Мономаха. Распространение во Владимиро-Суздальской Руси праздника Покрова Богородицы может быть еще одним проявлением этой эстафеты.

Литература

- Александров А.* Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в Русской Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1983. № 10. С. 74–78.
- Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. М., 1965. Т. 26. С. 190–218.
- Гиппиус А. А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. III // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 186–203.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
- Назаренко А. В.* Андрей Юрьевич Боголюбский // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 393–398.
- Остроумов М. А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. СПб., 1911. № 19. С. 401–412.
- Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Сергий (Спаский), архим.* Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы. СПб., 1898.
- Шалина И. А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.

П. С. Стефанович (НИУ ВШЭ, ИРИ РАН)

ПОБЕДЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И «УЧЕНИЕ ОБ АНГЕЛАХ» В СТАТЬЯХ 1110–1111 гг. ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Статьи 6618–6619 (1110–1111) гг. очень важны для истории текста Повести временных лет (далее – ПВЛ). В них сообщается о явлении огненного столпа в Киево-Печерском монастыре, этот столп далее интерпретируется как явление ангела, что ведет к рассуждениям вообще о роли ангелов в жизни людей. Рассуждения, хотя по идеям оригинальны, состоят в основном из выписок из разных источников. Они довольно пространны, и в них как бы встроен рассказ об успешном походе русских князей на половцев весной 1111 г. В рассказе говорится о помощи ангелов русским и подчеркнута выдающаяся роль Владимира Мономаха в этой победе.

В Лаврентьевской летописи читается только начало статьи 6618 г., а затем следует известная приписка игумена Сильвестра. И это завершение ПВЛ в Лаврентьевской летописи, и подробный рассказ о походе, и оригинальное «учение» об ангелах давно привлекли внимание и историков, и текстологов. Поход против половцев имел стратегическое значение, а религиозный пафос рассказа о нем часто (хотя не вполне точно) характеризуется историками даже как идея «крестового похода» руси против половцев (ср. с обзором литературы [Подвальнов]). В любом случае, в рассказе ясно выражена идея богоизбранности Русской земли, уподобленной ветхозаветному Израилю [Лаушкин, с. 101–102, 149]. С текстологической точки зрения принципиальны выводы А. А. Шахматова. Он предполагал неоднократную «перекрестную» редактуру статей от 1-й к 3-й редакции ПВЛ, но в конечном итоге у него получалось, что в сохранившихся летописях от первоначального текста 1-й (или «основной») редакции ПВЛ в этих статьях не осталось почти ничего, за исключением начального краткого сообщения о явлении огненного столпа, а остальной текст был написан автором 3-й редакции 1118 г. [Шахматов, с. 529–530, 545–547]. Последний раз подробно статьи разобрал А. А. Гиппиус и заключил, что это сообщение восходит к «Печерской летописи», а остальной текст восходит в основном к ПВЛ в редакции 1115 г., а частично – двумя вставками об ангелах – к творчеству редактора, работавшего в 1117 г. [Гиппиус, с. 13–19]. В его интерпретации текст статей предстает, таким образом, трехслойным.

В докладе развивается идея о неоднородности текста этих статей, но несколько иначе, чем у А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса. Ключевой представляется мысль о том, что изложение событий похода 1111 г. было обработано редактором, который сочувствовал Владимиру Мономаху. На правку такого редактора, обработавшего заключительную часть ПВЛ (со статей 1090-х гг.), указал А. А. Шахматов, и еще более убедительно ее продемонстрировал А. А. Гиппиус. Вместе с тем в статьях 6618–6619 гг. оба исследователя видят только работу промономахова писателя, но не видят остатков первоначального текста, который должен был быть благоприятен Святополку. Однако совершенно очевидно, что, по крайней мере, рассуждения об ангелах, заканчивающиеся рассказами о Михаиле Архангеле и Михаиле ветхозаветном царе, были похвальны по отношению к Святополку, имевшему крестильное имя Михаил [Котышев]. В литературе указывалось на некоторые промономаховские высказывания или детали, которые выглядят вторичными по отношению к окружающему тексту в описании похода 1111 г. Как показал еще А. А. Шахматов, явно вторично начало статьи, копирующее завязку рассказа о походе на половцев в 1103 г., где инициатива похода приписана Владимиру Мономаху. Следующее далее подробное описание движения русских войск с точными топографическими и хронологическими указаниями должно было быть написано по горячим следам, и вот оно, на мой взгляд, восходит к первоначальному тексту. Предводителями здесь указаны обобщенно «русские князья», а перечисление их дано начиная со Святополка: «и пойдоста на половць Святополкъ съ сыномъ, Ярославъ и Володимеръ съ сынами, и Дывыдь со сыномъ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 265–266]. В конце рассказа о походе вставными являются указание на отдельное наступление Владимира «с полки своими» в битве на реке Салнице и сообщение, что якобы ангел, явившийся в Киево-Печерском монастыре, именно Владимиру «вложи в сердце» мысль атаковать половцев.

В целом, в тексте статьи 6619 г. можно, не прибегая к сложным конструкциям «вторичного влияния» между «редакциями» ПВЛ, различить два слоя текста – просвятополковский, очевидно, первоначальный, и промономаховый, вторичный. Учение об ангелах, в общем, связно и логично, и нет текстологических и содержательных аргументов для его «расслоения». Оно было написано печерским летописцем, сопоставлявшим разных Михаилов. Автор-редактор внес изменения, прославлявшие Мономаха, в рассказ о походе на половцев 1111 г.

- Гиппиус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 3–24.
- Котышев Д. М.* Царь Михаил и Михаил-Архангел летописной статьи 6619 г. Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 47–51.
- Лаушкин А. В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019.
- Подвальнов Е. Д.* «Спор о дефинициях»: поход Владимира Мономаха 1111 г. против половцев в летописании – «Русский крестовый поход» или апелляция к ветхозаветной истории? // История: Факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 56–70.
- Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2.

П. В. Лукин (РАНХиГС, ИРИ РАН)

**«И ПОСЛАШАСЯ ПАКИ КИЯНЕ К ВОЛОДИМЕРУ, ГЛАГОЛЮЩЕ...».
АПЕЛЛЯЦИИ К «НАРОДУ» КАК РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ**

Беспорядки в Киеве 1113 г. и переход власти к Владимиру Мономаху многократно становились предметом изучения (см. классическую работу: [Тихомиров, с. 149–162]), однако на роль «народа» в риторике рассказов об этих событиях в древнерусской книжности внимания практически не обращалось. Единственное исключение – монография Т. Л. Вилкул, в которой автор довольно подробно их разбирает, но приходит в конце концов к пессимистическому выводу о невозможности выявить реальное развитие событий [Вилкул, с. 284]. На наш взгляд, такая безысходность неуместна, и при сравнительном анализе ряда летописных рассказов становится понятно, в каких ситуациях в летописи использовалась соответствующая риторика и какая реальность за этой риторикой могла стоять.

Хотя так называемый лестничный порядок замещения княжеских столов не был строго обязательным, все же переход власти по генеалогическому старшинству был наиболее распространенным и в домонгольское время считался предпочтительным [Гвозденко, Горский]. После смерти старшего двоюродного брата Мономаха Святополка Изяславича следующим претендентом среди Рюриковичей по генеалогическому старшинству был не Владимир Всеволодич, а другой его старший двоюродный брат, которым, по-видимому, был Олег Святославич (аргументы в пользу его старшинства по сравнению с Давыдом см.: [Кучкин, с. 9–11]). Но в любом случае по родовому счету оба Святославича были старше Мономаха. Обосновано, впрочем, мнение о том, что на Любечском съезде 1097 г. Святославичи из-за нарушения их отцом порядка киевского престолонаследия были выведены из череды преемников тогдашнего киевского князя Святополка и Владимир Мономах стал его законным наследником [Назаренко], но, на наш взгляд, это противоречит как буквальному смыслу летописного рассказа о съезде, которому мы, вслед за В. О. Ключевским и рядом последующих исследователей, не склонны приписывать судьбоносного значения [Ключевский, с. 192], так и риторике повествования Повести временных лет о вокняжении Владимира Всеволодича в Киеве в 1113 г. (хотя тенденция к оттеснению потомков Святослава на задний план действительно фиксируется).

Относительно текстологического статуса известий начального летописания за 1110-е гг. есть разные мнения, но никто не сомневается в их «промономаховской» редакции [Гиппиус, с. 24–25]. Согласно тексту, сохранившемуся в Ипатьевской летописи, киевляне дважды зовут Владимира Мономаха на княжеский стол. Первый раз они «свѣтъ створиша... послаша к Володимеру, глаголюще: “Поиди, княже на столь отень и дѣдень”». Владимир отказывается с весьма странной мотивировкой: «Жаля си по братѣ». Однако второе приглашение «киян», с предупреждением о том, что беспорядки могут затронуть ятровь Мономаха (вдову Святополка Изяславича), боярские дворы, а главное – киевские монастыри, вынуждает Владимира Всеволодича, как бы вопреки собственному желанию, согласиться с предложением [ПСРЛ, т. 2,

стб. 275–276]. Характерно, что в параллельных текстах об этом событии и, прежде всего, в довольно просторном и также промономаховском рассказе «Сказания чудес святых Романа и Давида», где опять-таки говорится о приглашении Владимира Всеволодича киевлянами, о его колебаниях не сказано ни слова [Жития, с. 64].

Позднейшие параллели показывают, что это была не уникальная ситуация. В ряде случаев «нетрадиционной» передачи власти князем преемнику (противоречащей древнерусским традициям) такой князь мог апеллировать к «мнению народному», которое артикулируется на совещаниях или даже вечевых собраниях. В 1146 г. в Киеве была проведена целая серия вечевых собраний, чтобы оставить главный русский княжеский стол за Игорем Ольговичем. Игорь был следующим по старшинству братом своего предшественника, Всеволода Ольговича, но сам Всеволод овладел киевским столом в результате захвата, и у него были основания опасаться серьезных противников из клана Мономашичей, которые могли оспорить легитимность такой передачи власти [ПСРЛ, т. 2, стб. 320–324]. В 1187 г. галицкий князь Ярослав Осмомысл созвал перед смертью «мужей галицких» и убедил их присягнуть сыну от своей фаворитки Настаськи Олегу, обойдя законного наследника, Владимира [ПСРЛ, т. 2, стб. 657]. В Суздальской земле в 1174 г., после гибели Андрея Боголюбского, съезд ростовцев, суздальцев, переяславцев и «всей дружины» решил судьбу владимирского стола в пользу племянников покойного, которые при его живых братьях и сыне Юрии не имели очевидных династических прав на престол [ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 371–372]. В той же Суздальской земле в 1211 г. перед смертью Всеволод Большое Гнездо созвал целый «собор» с довольно широким участием, чтобы обеспечить передачу стольного Владимира Юрию Всеволодичу в обход старшего сына и законного наследника Константина [ПСРЛ, т. 25, с. 108].

Несмотря на несомненные различия между этими акциями (где-то инициатором выступал сам князь, где-то – горожане), все они призваны были легитимизировать и гарантировать переход княжеского стола к избранному уходящим правителем преемнику в условиях, когда династические права последнего находились под вопросом. Характерно, что все эти попытки заканчивались либо провалом, либо кровавым конфликтом, как в конечном счете произошло и с потомками Владимира Мономаха: отстраненные Ольговичи заявили свои – вполне легитимные – права на Киев. Уже это обстоятельство, наряду с другими свидетельствами, убеждает в том, что риторика в данном случае опиралась на политическую практику, а позиция местных сообществ не только играла существенную роль в политической борьбе, но и влияла на формирование идеологической линии князей и, в частности, могущественного клана Мономашичей – как правило, положительных героев летописи, но испытывавших проблемы с династической легитимностью. В первую очередь, это касается потомков Мстислава Великого, которые проигрывали по родовому счету как Ольговичам, так и суздальской ветви Мономашичей.

Источники

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2; СПб., 1908. Т. 2; М.; Л., 1949. Т. 25.

Литература

Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009.
 Гвозденко К. С., Горский А. А. Княжеская власть: наследование и титулатура // Горский А. А. Политическое развитие средневековой Руси. М., 2023. С. 82–92.
 Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.
 Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1.
 Назаренко А. В. Династический проект Владимира Мономаха: попытка реформы киевского столонаследия в 30-е годы XII века // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы; 2007 год). С. 88–102.
 Кучкин В. А. Перенесение мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 6–12.
 Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955.

В. А. Аракчеев (РГАДА, ИРИ РАН)

К ВОПРОСУ О СМОЛЕНСКОМ ДОМЕНЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И МСТИСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

Сформулированная в названии научная проблема впервые была поставлена С. М. Соловьевым, который предположил, что комплекс земель, доходы с которых исчислялись в новгородско-литовских договорах 1430–1470-х гг. («Великие Луки, Ржева (Новгородская) и еще волостей десять»), ранее принадлежал Смоленску, а система совместного владения этими землями с Новгородом была унаследована литовскими князьями «от князей смоленских, которых княжеством они овладели» [Соловьев, с. 464–465]. В 1980–1990-х гг. В. Л. Янин сформулировал концепцию о волостях смоленских и торопецких князей, переданных в состав Новгородской республики и получивших статус кондоминиума – территории совместного княжеско-республиканского управления. Исследователь считал эти земли наряду с Торопцем составной частью княжеских домениальных владений, а время образования княжеского домена датировал рубежом XI–XII вв., когда в Смоленске утвердился Владимир Мономах, а в Новгороде уже княжил его сын Мстислав [Янин, с. 243–245]. Проблема княжеского домена в Смоленском княжестве была исследована задолго до В. Л. Янина и на иных материалах – уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленской епархии 1136–1150 гг. Л. В. Алексеев локализовал княжеский домен в центре Смоленского княжества, в полном соответствии с показаниями источника [Алексеев, с. 96–98, 196, 202]. В. Л. Янин же считал изначальным княжеским доменом смоленской династии как раз окраинные территории, с которых, по его словам, князь «получал дани, вируы, продажи, куда он дважды в год отправлялся за полюдьем или же отправлял за ним своих дружинников».

Для решения вопроса о существовании княжеского домена в Новгороде следует рассмотреть упоминания в источниках княжеских домениальных владений (прав) в Новгородской земле. Княжеский домен в Новгороде функционировал не в виде оформленных вотчинным правом земельных владений, а в виде «путей» – отраслей управления и подвластного князьям населения, обладавшего иммунитетом относительно республиканской администрации. Вопрос о статусе волостей на юге Новгородской земли, комплекс которых считал княжеским доменом В. Л. Янин, можно решить, опираясь на концепцию «служебной организации», которая была создана польскими и чешскими славяноведами в рамках так называемой «замковой теории». К. Модзелевский показал, что на выделенные из состава податных общин группы крестьян и ремесленников были возложены специфические обязанности по удовлетворению потребностей князя и его двора и обеспечению функционирования военно-административного аппарата княжества. Получив освобождение от основных налогов, особый наследственный статус и ряд привилегий, «служебники» были приписаны к княжескому двору и его замкам по всей территории страны [Modzelewski]. Б. Н. Флоря отметил черты существенного сходства в социально-политической организации западно- и восточнославянских раннегосударственных образований, когда, по его словам, сеньориальный строй у них не успел сложиться, а потребности господствующего класса удовлетворялись службой организации, управляемой «путными» слугами в интересах господарских замков [Флоря].

Изложим результаты сравнительного исследования служебной организации и других форм эксплуатации тяглого населения на Северо-Западе Руси и в Великом княжестве Литовском в XIV – начале XVI в. К первому типу фиска «господарского» хозяйства Великого княжества Литовского относится такой его сегмент, как «чернокунские волости». В отличие от данников, люди, выполнявшие специфические повинности в пользу государства, аттестованные как «служба» и находившиеся в ведомстве ловчего и чашника, относились к второму типу фиска и

составляли население «господарского» домена. Сведения об организации «службы» в Великом княжестве Литовском XV–XVI вв. касаются замков Витебска, Полоцка, Брянска и Могилева, а наиболее раннее описание домениальных земель в Древней Руси – Смоленского княжества. Реконструированная Л. В. Алексеевым структура домена смоленских князей и осуществленная им локализация перечисленных в уставной грамоте 1136 г. пунктов с несомненностью демонстрируют, что пожалованные епископу села и угодья располагались в радиальном направлении от Смоленска – к западу, юго-западу, югу, юго-востоку, востоку, обозначая наличие домениальных земель в расходившихся от стольного города условных секторах пригородной округи, подобно тому, как это имело место в Москве и Твери в XV в. [Алексеев, с. 96–98, 196, 202]. Совокупность исследованных данных дает основание отвергнуть представление В. Л. Янина о новгородско-смоленском пограничье (Торопец, Ржева Пустая, «чернокунство») как княжеских домениальных землях. Это был типичный княжеский кормленческий массив, состоявший из чернокунских (аналог позднейших чернососных) волостей, доходы с которых в XV в. шли великим литовским князьям как правопреемникам их первоначальных владельцев князей смоленских, однако система управления которыми предусматривала их вотчинную и совместную данническую эксплуатацию также светскими и церковными землевладельцами Новгородской республики.

Литература

- Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 1.
Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. 2.
Флоря Б. Н. Службная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 59–67.
Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
Modzelewski K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław, 1975.

А. В. Сиренов (СПбИИ РАН)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ В РУССКОМ ИСТОРИОПИСАНИИ XVI–XVII вв.

Владимир Мономах был одним из немногих древнерусских князей, имевших прижизненное прозвище. Как, известно, Мономахом его называют древнейшие летописи, поскольку его мать была дочерью византийского императора Константина Мономаха. Это обстоятельство было использовано московскими книжниками XIV–XV вв., которые именно с Владимира Мономаха начинали генеалогический отсчет династии московских Рюриковичей. Вслед за Владимиром Мономахом получили прозвище почти все его потомки по линии московских князей: Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Даниил Московский, Иван Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской. Неслучайным представлялся и тот факт, что предшественник Москвы – древняя столица Северо-Восточной Руси город Владимир – был назван в честь Владимира Мономаха.

В конце XV в., когда для коронации Дмитрия-внука выбирали царские регалии, то «золотую шапку», хранившуюся в великокняжеской казне еще со времен Ивана Калиты, определили как корону и связали с деятельностью Владимира Мономаха, который якобы получил ее от своего деда – византийского императора. Эта легенда, зафиксированная в «Послании о Мономаховом венце» бывшего митрополита Спиридона-Саввы, оказалась включенной в великокняжескую Воскресенскую летопись, а позднее в Степенную книгу. Для идеологов времени Ивана IV фигура Владимира Мономаха вызывала интерес еще и потому, что в середине XVI в. на повестке дня стоял вопрос о признании за Иваном IV царского титула. В Москве рассчитывали на поддержку со стороны иерархов православного Востока, для которых династическая связь с византийским императорским домом была серьезным аргументом в пользу легитимности царского

титула московского самодержца. Легенда об обретении царских регалий Владимиром Мономахом в середине XVI в. была изображена на «царском месте», установленном в Успенском соборе Московского Кремля, что вводило ее в круг придворного церемониала.

В XVII в. династическая аргументация легитимности царского титула потеряла свою актуальность, поскольку династия Рюриковичей прервалась, а Михаил Федорович Романов далеко не всеми воспринимался как родоначальник новой династии. Нестабильным было и положение его сына Алексея Михайловича в первые годы царствования. В этой обстановке особенное значение получили царские регалии. Их история от Владимира Мономаха до Ивана IV была изложена в Хронографе астраханского епископа Пахомия – памятнике историописания, созданном в 1650 г. Пахомий описал сложную систему передачи регалий (в первую очередь, шапки Мономаха) из поколения в поколение «русских самодержцев». Царский венец в его восприятии становится символом монархии в России, у истоков которой, согласно концепции Пахомия, стоял Владимир Мономах – первый венчаный на царство правитель Руси. Эта историографическая схема является выдумкой Пахомия. Из Хронографа Пахомия она без изменений была заимствована Тихоном Макарьевским, который изложил ее в Латухинской Степенной книге, первоначальная редакция которой была составлена в 1678 г., а самая поздняя – в 20-е гг. XVIII в. Немаловажно, что шапка Мономаха в XVII в. выполняла функцию официальной короны русских царей, благодаря чему историческая память о Владимире Мономахе имела статус государственной идеологии.

Таким образом, в XVI–XVII вв. Владимир Мономах стал одним из наиболее узнаваемых героев древнерусской истории. Не случайно известный книжник второй половины XVII в. Николай Спафарий, когда составлял ряд идеальных русских самодержцев в своем Василилогигоне, после Владимира Святого остановил свой выбор именно на Владимире Мономахе. Образ Владимира Мономаха неизменно присутствует на царских родословных древах, а также в Титулярнике в ряду древнерусских князей. Полагаем, что фигура Владимира Мономаха во второй половине XVII в. воспринималась в качестве символа преемственности византийской и древнерусской государственности, что в политической обстановке того времени, когда русский царь позиционировал себя как покровитель православных народов и по существу претендовал на политическое наследие Византии, имело не только культурное, но и политическое значение.

А. Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ)

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Происхождение от византийской принцессы из рода Мономахов всегда отмечается как важный фактор во всех работах, посвященных Владимиру Всеволодовичу. Но насколько сам он ощущал себя ромеем, сказать не так просто.

В летописи Владимир предстает скорее типичным русским князем, со всем соответствующим антуражем. Его слова Давыду Игоревичу «ты еси прислалъ к намъ река: хоцю братье приити к вамъ и пожаловати своею вбиды; да се еси пришель и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ» [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 273; т. 2, стб. 249] плохо представимы в устах византийского правителя. Впрочем, исследователи отмечают в связи с Владимиром необычно большое количество библейских отсылок и морализаторских пассажей, что согласуется с риторикой его «Поучения» (ср. ниже).

Необычно выглядят и описанные в летописи церемонии Владимира Мономаха. Так, в походе на половцев в 1111 г. он «пристави попы своя, едучи пред полком пети тропари и коньдакы Хреста Честнаго и канун Святои Богородици» [ПСРЛ, т. 2, стб. 266], что неизвестно было прежде на Руси, но типично для Византии этого времени. Религиозный элемент вводит он и в церемонию

вокняжения: при въезде в Киев его впервые встречают митрополит и клирики, приближая церемонию инаугурации к византийской.

Показательна и саморепрезентация князя на его печатях. Он продолжает использовать грекоязычные моливдовулы со своим христианским именем Василий, на которых называет себя εὐγενέστατος («благороднейший»), намекая на свое царское происхождение, и фамильным именем Мономах, что характерно для византийской аристократии XI–XII вв. Наряду с этим, он воспроизводит на печатях и кириллические надписи, в том числе с необычным благопожеланием «на много лѣто», восходящим к византийскому придворному церемониалу.

Необычно масштабной для Руси выглядит и строительная деятельность Владимира Мономаха. Столь активно до него строил только его дед Ярослав Владимирович, но преимущественно в Киеве, а за его пределами лишь однажды (в Чернигове), да и то вынужденно (достраивая собор своего брата Мстислава). Владимир же, «не щадяше именья своего... църкви зижя и украшая» [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 294], строил храмы во всех русских княжествах, где правил, и не только: церковь Богородицы в Переяславле, соборы в Смоленске и Суздале, Спаса на Берестове (ставшего затем династической усыпальницей) и храм свв. Бориса и Глеба на Лъте. Он также активно участвовал в достройке и украшении усыпальницы этих святых в Вышгороде. Такая строительная активность и забота о святынях характерна для византийских императоров XI–XII вв., в том числе для Константина Мономаха (Св. Георгий в Манганах в Константинополе, Неа Мони на о. Хиос, украшение храма Св. Николая в Мирах Ликийских и др.).

Наконец, весьма необычным выглядит «Поучение» Владимира, которому исследователи безуспешно ищут аналогии в разных традициях христианского мира. Помимо обилия христианских морализаторских пассажей (ср. выше), обращает на себя внимание редкий феномен автобиографии правителя. Между тем такая автобиография была составлена в 1070-е гг. современником Владимира – византийским императором Михаилом VII Дукой, причем ее также отличал тоpos смирения, о чем упоминает Михаил Пселл [Михаил Пселл, с. 192].

Мы знаем, что Владимир Мономах вел дипломатические сношения с Константинополем, причем как напрямую, так и через свою сестру Янку (строительницу необычного, «двойного» монастыря Св. Андрея в Киеве, с «модными» архитектурными украшениями). Поэтому вполне понятно, откуда он, наряду с материнским воспитанием, почерпнул необычные для Руси элементы репрезентации власти, которые активно использовал в своей политической деятельности, опираясь во многом и на свое происхождение. Этот ресурс был важен для него как в ходе соперничества с другими Рюриковичами в ранний период, так и во время княжения в Киеве, занятие которого вопреки родовым нормам он должен был оправдывать, особым образом репрезентируя и «сакрализуя» свою власть.

Источники

Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1908. Т. 2.

В. В. Игошев (ГНИИР)

ДРАГОЦЕННОЕ УБРАНСТВО КАМЕННЫХ РАК СВЯТЫХ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА, ИЗГОТОВЛЕННОЕ В 1115 г. ПО ЗАКАЗУ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

О гибели святых князей – младших сыновей князя Владимира Святославича, убитых в 1015 г. старшим братом Святополком из-за наследства во время борьбы за великокняжеский престол, – повествуется в Сказании о Борисе и Глебе, получившем распространение в большом количестве списков. Самый ранний – в Успенском сборнике конца XII – начала XIII в., где сказано о перенесении при князе Ярославе тела Глеба из-под Смоленска в Вышгород и погребении его рядом с Борисом. Князья-мученики были первыми русскими святыми, канонизированными

Церковью в 1051 г. или около 1072 г. В Повести временных лет указано, что в 1072 г. мощи святых Бориса и Глеба из старой церкви были перенесены в новую деревянную, построенную князем Изяславом Ярославичем в Вышгороде. Мощи Бориса переносили в деревянной раке, затем «вложиша и в раку камену» [Повесть, с. 121], а мощи Глеба перевозили на саях в каменной. В 1115 г. 2 мая состоялось второе перенесение мощей святых князей Бориса и Глеба. Из деревянной Борисоглебской церкви каменные раки доставлены в каменный храм в Вышгороде.

Между двоюродными братьями князьями Давидом и Олегом Святославичами и Владимиром Мономахом возник спор при определении места установки раки – «среди церкви» и над ним «терем серебрен поставити» [Повесть, с. 199], или – на правой стороне храма в нише стены – в аркосолии («комаре»). Митрополит и епископы предложили кинуть жребий, «да где изволят мученики, там же и поставим» [Повесть, с. 200]. Жребий, положенный на «святой трапезе» (на престоле храма), определил желание князей Давида и Олега Святославичей установить раки Бориса и Глеба на правой стороне в аркосолии с полуциркульной аркой «где же отец мой назнаменал» (то есть наметил), «и поставиша я в комару тою, на десней стране, кде ныне лежита» [Повесть, с. 200]. Согласно летописи, Владимир Мономах украсил каменные раки святых мучеников, а также свод аркосолия над раками тонко прокованными позолоченными серебряными пластинами: «Володимер же окова раце сребромъ и златомъ и украси гроба ею, тако же и комаре покова сребромъ и златомъ» [Повесть, с. 200]. Более подробно об этом говорится в «Успенском сборнике»: Владимир Мономах «умысли сътворити» и оковать серебром и золотом святые каменные раки, с этой целью он, придя в храм ночью, сделал замеры каменных раки [Успенский сборник, с. 68]. Затем работы были продолжены – раки Бориса и Глеба, ограда и пространство аркосолия украшены золочеными серебряными пластинами, подвесками с хрустальными, светильниками со свечами. В тексте представлены этапы создания Владимиром Мономахом в 1115 г. роскошного надгробного комплекса святым князьям Борису и Глебу – от замысла, замеров двух раки до воплощения, где Мономах выступает в роли ктитора, идеолога и организатора всех работ. По описаниям можно представить роскошный декор каменных раки, окованных золоченым серебром с ажурной ковanej оградой («вором»), с хрустальными, подвесками, позолоченными подсвечниками со свечами, закрепленными на ограде. Особенно интересно, что свод аркосолия (в «комаре») был также декорирован золоченым серебром: «имушь връху по обилу злато» [Успенский сборник, с. 69]. Вероятно, ажурная ковая ограда раки Бориса и Глеба была схожа с ажурной оградой в виде металлической решетки, сделанной вокруг раки св. Женевьевы 1230 г. работы парижского ювелира, утраченной во время Французской революции 1848 г.

В ряде публикаций исследователей можно встретить мнение, что раки Бориса и Глеба были поставлены в кивории, то есть над ними был сделан «балдахин» (арочная или купольная конструкция). Об этом упоминали: Е. Е. Голубинский, В. Г. Георгиевский, Д. В. Айналов, В. Г. Пуцко и др. О кивории и его форме писал Н. Н. Воронин при изучении текста Жития Бориса и Глеба: «Каков был этот терем – разъясняет тот же источник: “[Владимир] над святыма гробом а исковав бо сребрьные дъскы...”, а “Искование серебряных досок” указывает на граненую форму “терема”, украшенного по граням чеканными или рельефными изображениями Бориса и Глеба. Безусловно, этот “терем” имел форму шатра» [Воронин, с. 256].

Однако текст летописи не содержит никаких сведений о кивории («тереме») и гранях шатра с чеканными изображениями святых. Здесь сказано другое: «Исковавъ бо сребрьныя дъскы и святыя по нимъ издражавъ и позолотивъ...» [Успенский сборник, с. 69] означает, что мастера проковали массивные серебряные бруски, сделали на них изображения святых и позолотили. Вероятно, изображения святых Бориса и Глеба были выполнены на крышках каменных раки в технике рельефной чеканки, поскольку эта техника была наиболее рациональной, технологичной и часто используемой византийскими, романскими и древнерусскими мастерами в XI в. для данного вида работ. Подобные чеканные изображения на окладах каменных раки Бориса и Глеба могли быть выполнены в такой же технике и таком же стиле, как серебряный чеканный оклад новгородской иконы «Петр и Павел» XI в. (размер: 236 × 147 см) из Новгородского музея. Можно

предположить, что золоченым чеканным серебром были украшены не только каменные раки, но и стены и свод аркосолия.

Источники

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод.
Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Литература

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. 1.

Т. В. Гимон (ИВИ РАН)

ЛЕТОПИСАНИЕ В КИЕВЕ И ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-ЮЖНОМ В 1110-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1120-х гг.

Доклад посвящен соотношению Лаврентьевской (далее – Лавр.) и Ипатьевской (далее – Ипат.) летописей между окончанием общего текста Повести временных лет (далее – ПВЛ; на полуслове под 6618 (1110) г.) и смертью Владимира Мономаха (1125 г.; в Лавр. под 6633 г. и в Ипат. под 6634 г.).

В вопросе соотношения текстов Лавр. и Ипат. за XII в. отправной точкой является исследование Т. Л. Вилкул, которая показала (вопреки предшествующей историографии), что Киевский свод (далее – КС) рубежа XII–XIII вв. (представленный в Ипат.) в качестве главного источника опирался на летопись, отразившуюся и в Лавр. (далее – ЛИ). Составитель КС соединял ЛИ с материалом других источников (киевского, черниговского) и существенно амплифицировал; в Лавр. же ЛИ сохранился в более первоизданном виде. Хотя в последние годы имеет место дискуссия относительно первичности/вторичности чтений Лавр. и Ипат. в общем тексте за XII в. (см. особенно работу И. С. Юрьевой), ее участники не ставят под сомнение реальность ЛИ как основного источника КС. Анализ ЛИ позволяет говорить о нем как о летописи Переяславля-Южного в части до середины XII в., продолженной во второй половине XII в. в Северо-Восточной Руси.

Однако вывод о ЛИ как об основном источнике КС, как кажется, неверен для статей за 1110-е – первую половину 1120-х гг. Систематическое совпадение больших фрагментов текста между Лавр. и Ипат. начинается с рассказа о русско-половецкой войне 1125 г. (причем этот рассказ – переяславского происхождения, что как раз характерно для ЛИ). В первой же части этой погодной статьи (то есть в некрологе Мономаха и сообщении о вокняжении Мстислава Владимировича) Лавр. и Ипат. имеют лишь небольшие текстуальные совпадения.

Статьи 1110-х – первой половины 1120-х гг. в Лавр. и Ипат., несомненно, текстуально родственны, однако их соотношение нельзя как-то просто описать. Значительная часть сообщений являются общими (по содержанию, а часто и по формулировкам): 49 общих известий против 40 уникальных для Ипат. и 5 уникальных для Лавр. При этом часто различаются формулировки, фактические детали, даты. Текст Ипат. пространнее, однако текст Лавр. нельзя признать простым его сокращением: в нем присутствует немало фактической информации и дат, отсутствующих в Ипат. Порядок изложения событий в целом совпадает в обеих летописях, однако много случаев, когда сообщения переставлены местами, даны под другими годами и проч. Эти различия могут быть отчасти объяснены коллизией мартовского/ультрамартовского стилей, но далеко не всегда.

Наиболее правдоподобным объяснением такого соотношения текстов мне видится следующее. Имелась некая основная киевская летопись, пополнявшаяся из года в год. И имелись две другие летописи, тоже пополнявшиеся время от времени и черпавшие материал из этой первой

(но могшие приносить в текст нечто свое). Иногда можно предполагать даже не заимствование текста, а изустный обмен новостями между центрами, где велось летописание.

Первая (первичная) летопись, очевидно, была летописью Киево-Печерского монастыря – в нем продолжалось летописание, начатое там еще в XI в. Рука киево-печерского летописца видна не только в рассказе 6618 (1110) г. (на котором обрывается общий текст Лавр. и Ипат.), но и под 6620 (1112) г. (в Ипат.).

Вторая летопись – та, что отразилась в Ипат., – очевидно, летопись Выдубицкого монастыря. Мы знаем, что в 1116 г. в этом монастыре игуменом Сильвестром была создана рукопись ПВЛ. И мы знаем, что на рубеже XII–XIII вв. в этом же монастыре был создан КС. Вопреки В. Ю. Аристову, я не вижу оснований считать, что летопись велась в Выдубицком монастыре на протяжении всего XII в. Однако надо думать, что КС был не чем иным, как продолжением уже имевшейся в Выдубицком монастыре рукописи ПВЛ (ср. Синодальный список Новгородской I летописи, продолженный другим почерком спустя почти 100 лет). Рассмотренный материал позволяет предположить, что между 1116 и 1125 гг. летопись в Выдубицком монастыре продолжала пополняться (главным образом, на основании киево-печерской) и была доведена до сообщения о вокняжении Мстислава в Киеве. Работа создателя КС, таким образом, состояла в том, чтобы составить продолжение (начиная с описания русско-половецкой войны 1125 г.). Собственно, как раз на указанный период (между 1116 и 1125 гг.) приходится хорошо известный в историографии момент редактирования и пополнения выдубицкой рукописи – 3-я редакция ПВЛ (см. работы А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса).

Третья летопись – та, что отразилась Лавр., – это, очевидно, летопись Переяславля-Южного (видимо, как показал А. А. Гиппиус, первоначальный вариант рукописи Сильвестра). Она пополнялась, судя по всему, не вполне регулярно и умело (имеются дублировки и проч.), однако, с другой стороны, не опиралась исключительно на киево-печерскую летопись, но добавляла оригинальные сообщения и детали.

Как легко заметить, предложенная схема соотношения текстов Лавр. и Ипат. за 1110-е – первую половину 1120-х гг. целиком накладывается на традиционную схему соотношения трех редакций ПВЛ, дополняя ее наблюдениями над пополнением этих трех рукописей записями о текущих событиях.

Также легко заметить, что летописная работа в Выдубицком монастыре соотносится с периодом киевского княжения Мономаха (от работы Сильвестра в 1116 г. и до записи о вокняжении Мстислава в 1125 г.). Это совпадение вряд ли случайно и проливает некоторый свет на проблему взаимодействия княжеской власти, монастырей и летописцев.

Д. А. Добровольский (НИУ ВШЭ)

СОЧИНЕНИЯ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ГЕОРГИЯ (60–70-е гг. XI в.): ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕМА И АТРИБУЦИИ

Предстоятельство митрополита Георгия, занимавшего киевскую кафедру в 60–70-е гг. XI в., ознаменовалось рядом важных событий: принятием в Киево-Печерском монастыре Студийского устава, обновлением вышгородской церкви Бориса и Глеба, изготовлением Изборника 1073 г. и, с другой стороны, конфликтом между тремя Ярославичами, в итоге которого старший, Изяслав, бежал в Польшу, а затем в Германию, откуда обратился с просьбой о покровительстве к папе Григорию VII. При этом ученым известно как минимум три сочинения, надписанных именем митрополита Георгия: «Стязание с латиною, вин числом 70» [Соф. сб., с. 272–278], «Написание митрополита русского Георгия и Федоса» [Смирнов, с. 39–41] и открытые Л. В. Мошковой и А. А. Туриловым в начале 2000-х гг. «Ответы митрополита Георгия игумену Герману» [Турилов, с. 233–255]. Все эти произведения текстологически многослойны, так что вычленение фрагментов,

которые можно приписать руке митрополита Георгия, составляет самостоятельный научно-исследовательский вопрос.

Стратификации «Стязания с латиною», сохранившегося в единственном списке первой четверти XV в., способствует то, что данный памятник в его дошедшем до нас виде обнаруживает значительную зависимость от «Послания Владимиру Мономаху о вере латинской», составленного киевским митрополитом Никифором (1104–1121 гг.) (перечень общих мест приведен Г. С. Баранковой: [Соф. сб., с. 436–437]): все, что находит аналогии в «Послании...», можно исключить из обсуждения как написанное заведомо не ранее 1110-х гг.

Более того, в оригинальной части «Стязания...» различаются, с одной стороны, краткие замечания (об отсутствии в составе мессы великого и малого входов, об иконах на «мраморѣхъ и на помостѣхъ църковныхъ» и т. п.), с другой – пространные рассуждения о службе «по чину Мелхиседекову» и об употреблении монахами молока и яиц. Часть оригинальных кратких замечаний «Стязания...» (например, относительно пищевых привычек латинян) перекликается со «Словом о вере христианской и о латинской» [Макарий (Булгаков), с. 212; Павлов, с. 56–57], приписываемым Феодосию Печерскому, но являющимся, скорее всего, произведением середины XII в. (аргументация с учетом последних данных: [Добровольский]). Соответственно, и этот слой текста «Стязания...» едва ли можно связывать с деятельностью митрополита Георгия.

Однако в пространных рассуждениях о Мелхиседеке и о постной пище используется архаичная лексика [Соф. сб., с. 441], в частности оборот *дѣвоумье имѣти* («на отъятье двоумья, еже ты, латинине, имѣши в собѣ»), обнаруживаемый также в переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия [Флавий, с. 269]. Данная особенность позволяет, во-первых, рассматривать соответствующие фрагменты обсуждаемого текста как перевод с греческого (на котором митрополит Георгий должен был писать изначально), а во-вторых, датировать их ранним временем (возможно, даже концом XI в.).

Схожая ситуация складывается с «Ответами игумену Герману» (и примыкающим к ним «Написанием Георгия и Федоса»). Рекомендованные в «Ответах...» меры против сторонников западного обряда сближают это произведение не с гипотетической древней частью «Стязания с латиною», а либо с «Посланием...» Никифора, либо со «Словом о вере христианской и латинской». Следовательно, сослаться на опыт Георгия как антилатинского полемиста (ср.: [Турилов, с. 219]) в доказательство раннего происхождения «Ответов...» нецелесообразно. В то же время А. А. Турилов выявил в языке «Ответов...» значительное число архаических слов, в частности существительное *копытца* (разновидность обуви) и частицу *ноли* [Турилов, с. 217–218]. Из пяти употреблений слова *копытца*, зафиксированных в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв., два приходятся на Житие Феодосия Печерского; еще три примера из Жития Василия Нового добавляет поиск в Национальном корпусе русского языка. Слово *ноли* присутствует в «Поучении» Владимира Мономаха и в летописной статье 1107 г. Видимо, эту (и подобную ей по древности) лексику также следует рассматривать как маркер раннего (а возможно, и переводного) происхождения как минимум отдельных фрагментов «Ответов...».

В целом, ни одно из сочинений, традиционно надписываемых именем митрополита Георгия, не может рассматриваться как древний текст от начала до конца. Однако в составе этих произведений сохранились некие ранние пласты, которые могут быть атрибутированы церковному деятелю XI в. Возглавляя церковь в непростое время межконфессионального раскола и нарастающих усобиц, митрополит Георгий показал себя и как толкователь канонов, и как полемист.

Источники

- Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: тексты и заметки. М., 1912.
 Соф. сб. – Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Под ред. Н. В. Савельевой. М.; СПб., 2013.
 Флавий – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1.

Литература

- Добровольский Д. А.* «Слово о вере христианской и о латинской» в ряду сочинений Феодосия Печерского: опыт лингвостилистического анализа // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 67–82.
- Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. М., 1995. Кн. 2.
- Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
- Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. М., 2004. Вып. 11. С. 211–262.

С. Н. Темушев (Белорусский гос. университет)

УЧАСТИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В ВОЕННЫХ АКЦИЯХ ПРОТИВ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Источники сохранили известия о нескольких эпизодах участия Владимира Мономаха в войнах против Полоцкого княжества. Эти эпизоды разделены значительным периодом времени в 35–40 лет, на протяжении которых произошли значимые перемены, связанные с трансформацией политической формы Древней Руси. За это время существенно изменился и статус самого Владимира Мономаха – от подручного князя, переводимого отцом и дядей с одного престола на другой, до старейшего князя на древнерусском этнополитическом пространстве, распоряжающегося по своему усмотрению отдельными волостями Руси. Между тем характер «полоцко-менских» мероприятий, в которых принял участие или стал инициатором Владимир Мономах, позволяет прояснить место Полоцкой земли в политической системе Древней Руси, а также отчасти дает возможность понять ситуацию в самом княжестве.

Летописные известия о военных акциях Владимира Мономаха в отношении Полоцкой земли и ее волости – Менского княжества создают впечатление об их вторичном, ответном характере, как будто не связанном с интересами киевских правителей. В то же время летописец настаивает на агрессии именно полоцких князей – в одном случае Всеслава Брючиславича – к тому времени, если верить предшествующим статьям, это был известный «нарушитель спокойствия», в другом – Глеба Менского, который и «Случескъ пожегъ», и еще каким-то образом оскорбил киевского князя уже в 1116 г. [ПСРЛ, т. 2, стб. 282]. Во всех эпизодах мы видим неудовлетворенность полоцких князей существующим положением и их стремление компенсировать это недовольство ограблением крупнейших соседних центров или расширением своих владений. Представляется, что военные конфликты были связаны с исключением полоцкой ветви династии Рюриковичей из общего родового владения Русской землей [Соловьев, с. 697; Комарович, с. 11], на которое они, безусловно, имели право уже в силу своего происхождения. Окончательно этот вопрос будет решен идеологически – статьей Лаврентьевской летописи 1128 г. [ПСРЛ, т. 1, стб. 299–301] и фактически – ссылкой полоцких князей в Византию в 1129 г. [ПСРЛ, т. 2, стб. 293].

Обращает на себя внимание различие в целях, предположительно преследуемых военными акциями, в которых участвовал Владимир Мономах в бытность на вторых ролях и во время великого княжения. Отличались и результаты. Изменения были обусловлены произошедшими на данном промежутке времени переменами. Важнейшее событие, состоявшееся между рассматриваемыми военными мероприятиями, – Любечский съезд 1097 г., на котором было утверждено владение «отчинами» потомков трех старших сыновей Ярослава Мудрого [История России, с. 339]. В первых антиполоцких мероприятиях с участием Мономаха 1076–1078 гг. обнаруживается стремление разорить владения полоцкого князя Всеслава [Алексеев, с. 7], тем самым ослабить Полоцкую землю и лишить ее ресурсов для возможных дальнейших враждебных

акций. Позднее (предположительно в 1084 г.) подверглась разорению и территория Менской волости [ПСРЛ, т. 1, стб. 248]. Эта акция, видимо, преследовала те же цели. В событиях же второго десятилетия XII в. война Владимира Мономаха и его сына Мстислава против Глеба Менского в 1116–1117 гг. приведет к отторжению от Полоцкой земли Менской волости. Возможно, также следует согласиться, что данная акция пресекла попытку превращения Менской волости в отдельную самостоятельную волость [Заяц]. Политическая система, созданная после Любечского съезда, отдавала приоритет потомкам старших сыновей Ярослава Мудрого и не предполагала увеличения числа политических субъектов на древнерусском этнополитическом пространстве. В военно-политических событиях второго десятилетия XII в., связанных с мероприятиями киевского князя и направленных против менского князя Глеба Всеславича, проявилось стремление к перераспределению волостей в пользу одной из «легитимизированных» династий, в то время как полоцкие Изяславичи были вынесены за рамки новой политической системы. Следующим шагом станут мероприятия сына Владимира Всеволодовича Мстислава 1127 и 1129 гг.

С деятельностью Владимира Мономаха по расширению источников ресурсов для пополнения казны может быть связано свидетельство «Слова о погибели Русской земли», в котором в заслугу киевскому князю ставится то, что «литва из болота на свет не выныкываху» [Слово, с. 90]. Учитывая предполагаемое подчинение литвы в более раннее время Полоцку [Темушев, с. 298], в этом сообщении можно увидеть косвенное свидетельство переадресации даннической зависимости на Киев.

Таким образом, военно-политическая деятельность Владимира Мономаха по отношению к Полоцкой земле и ее волости (Менской) была непосредственно связана с важнейшими политическими трансформациями в истории Древней Руси последней четверти XI – начала XII в.

Источники

ПСРЛ. М., 2001. Т. 1; М., 2001. Т. 2.
Слово о погибели Русской земли // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 90–91.

Литература

Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры: В 2 кн. М., 2006. Кн. 2.
Заяц Ю. Менская зямля: этапы фарміравання // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 8–15.
История России: В 20 т. М., 2024. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси.
Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. С. 8–29.
Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847.
Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. М., 2024.

М. К. Юрасов (ИРИ РАН)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ И АРПАДЫ

Попытка Владимира Мономаха установить союзнические отношения с венгерскими королями закончилась полным провалом. Самый авторитетный русский князь конца XI – начала XII в. во многом уступал тогдашнему формальному лидеру Рюриковичей – киевскому князю Святополку Изяславичу (1093–1113 гг.) – в деле налаживания отношений с западными государями. Фактически Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович делили тогда между собой главные направления внешней политики Древней Руси: киевский князь «курировал» отношения с Западом, а переяславский – со Степью. Святополк продемонстрировал свою некомпетентность в деле

организации походов в Степь, что привело к поражению русских дружин. Таким же недостатком обладал и Мономах, когда пытался установить связи с правящими династиями Польши и Венгрии.

Активная деятельность Святополка Изяславича по созданию на западных границах Руси «пояса» союзных ему государств проявилась в заключении ряда династических браков. Его старший сын Ярослав женился на венгерской принцессе, дочь Сбыслава вышла замуж за польского князя Болеслава III Кривоустого, а ее сестра Предслава – за венгерского принца Алмоша, младшего брата короля Калмана Книжника. После смерти первой супруги Ярослав Святополкович женился на представительнице польского правящего рода Пястов. Старший сын Святополка Изяславича умело пользовался этими родственными связями. Во время борьбы Болеслава III с братом Збигневом, претендовавшим на верховную власть в Польше, Болеславу оказали помощь венгерские и русские отряды. Судя по свидетельствам польской хроники Галла Анонима (современника событий), Ярослав Святополкович руководил объединенным вспомогательным войском. Сам же Святополк Изяславич в отношениях со своими польскими и венгерскими родственниками твердо стоял за поддержку законных правителей в Венгрии и Польше. Когда разразилась междоусобица Калмана Книжника с братом Алмошем, Святополк ничем не помог последнему – своему зятю.

У Владимира Всеволодовича в 1112 г. появилась возможность породниться с Арпадами, когда он выдал дочь замуж за короля Калмана Книжника (1096–1116 гг.), однако через год Евфимия Владимировна была обвинена в адюльтере и выслана на родину, причем произошло это в первый год правления Владимира Всеволодовича в Киеве (1113–1125 гг.). Главным следствием этого позора стало существование в течение четверти века враждебных отношений между Киевом (где после Мономаха княжили его сыновья) и Венгрией (в последние годы правления Калмана Книжника и при его сыне Иштване II). Занимая киевский стол, Владимир Всеволодович усугубил отношения с Арпадами тем, что нарушил соглашение с Ярославом Святополковичем о переходе Киева к Ярославу после смерти Мономаха. Демонстративный перевод Владимиром Всеволодовичем своего старшего сына Мстислава в 1117 г. из Новгорода на княжение в Белгород означал намерение Мономаха закрепить Киев за своей ветвью Рюриковичей. Попытки Ярослава протестовать против действий Владимира привели к потере им княжеского стола во Владимиро-Волынском.

Лишившийся «отчины» Ярослав Святополкович обратился за военной помощью к наследовавшему Калману Книжнику Иштвану II (1116–1131 гг.), но тот лишь в 1123 г. смог откликнуться на просьбу бывшего родственника. Собранное королем объединенное венгерско-польское войско осадило столичный город Ярослава Святополковича, но пренебрежение князя мерами безопасности привело к его гибели под стенами Владимира-Волынского. Это знаменовало собой бесславный конец организованного против Мономаха похода, что закрепило сложившуюся при дворе Арпадов в 1113 г. традицию восприятия Мономаха и его сыновей как врагов Венгрии.

Выстраивание отношений с Арпадами не являлось приоритетным во внешнеполитической деятельности Мстислава Великого во время его киевского княжения (1125–1132 гг.). Он ничего не сделал для поддержки своего племянника Бориса Калмановича – не признанного отцом претендента на венгерский престол, побудив его искать помощь в Византии и Польше. Тем не менее Иштван II и его окружение, следуя принципу «враг Мономашичей – наш союзник», вмешались в 1126–1127 гг. в междоусобицу Володаревичей на стороне Владимира, поскольку его брату Ростиславу оказал военную помощь Мстислав Великий. С этого времени у Владимира Володаревича устанавливаются прочные союзнические отношения с венгерской правящей династией, просуществовавшие до 1146 г.

Враждебность Арпадов по отношению к Мономашичам продлилась до 1138 г., когда окружение слепого короля Белы II (1131–1141 гг.) направило военную помощь тогдашнему киевскому князю Ярополку Владимировичу (1132–1139 гг.), стремившемуся добиться от черниговского князя Всеволода Ольговича (1129–1146 гг.) признания над собой верховной власти

Киева. В 1146 г. внучка Мономаха Евфросинья Мстиславна вышла замуж за венгерского короля Гезу II (1141–1162 гг.).

Р. П. Храпачевский (Центр по изучению военной и общей истории)

ЗНАЛ ЛИ ВЛАДИМИР МОНОМАХ ХАНА КОЧЕВНИКОВ ТАТАРА (ПО ДАННЫМ ВЕНГЕРСКИХ, РУССКИХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В 1116–1122 гг. в политике Владимира Мономаха был сделан ряд взаимосвязанных шагов в отношении Византии и кочевых народностей. В 1116/1117 г. Мономах предпринял действия по занятию позиций на Дунае: поход его зятя «царевича» Леона, затем посылка туда Ивана Воитишича и князя Вячеслава Владимировича [ПСРЛ, т. 2, стб. 283–284; т. 1, стб. 291]. Хотя предприятие не удалось, но отношения с Византией не были разорваны – в 1122 г. дочь Мономаха была выдана замуж за Алексея Комнина [Левченко, с. 477].

Между этими датами оказались и другие события, связанные с Византией и с кочевым миром. В работе Д. А. Расовского приводится такая цитата из венгерского хрониста Туроца (XV в.) о событиях 1122 г.: «*Rex autem Stephanus, diligebat Cunos tunc temporis plus quam decebat: quorum dux, nomine Tatar, qui a caede imperatoris, cum paucis, ad regem fugerat, cum rege morabatur*» [Расовский, р. 19]. Хан кунов Татар после поражения от византийцев бежал с остатками орды к венгерскому королю Стефану. Начиная с Д. А. Расовского принято считать, что орда была печенежской. Несмотря на то, что *куны* – это венгерское название половцев, большинство исследователей придерживаются «печенежской» версии, хотя и с оговорками, осторожно предполагая и наличие половцев [Князький, с. 75–76, 78]. Для объяснения этого вводится предположение о переносе Туроцем названия *Cunos* на всех кочевников. Еще этих кунов связывают с печенежско-торческой ордой (с участием берендеев), которые в 1120/1121 г. ушли от Владимира Мономаха. Следует оспорить это однозначно «печенежское» определение и указать на существование серьезного половецкого элемента:

1. Надо дезавуировать мнение о Туроце: он пользовался ранними документами и хрониками и цитировал их, а тогда название *кун* еще не стало синонимом для всех тюрков. И имя Татар тому доказательство – оно дано не в привычной (для послемонгольской Европы) форме *Tartar*, а в точной *Tatar*. А значит, оно записано в домонгольский период и отражает наименование кунов XII в.

2. Следует не только привлечь сообщение об уходе печенегов, торков и берендеев в 1120 г., но и заглянуть в более ранние события: в 1117 г. печенегов и торков войска Мономаха захватили в походе на половцев и вместе с ними привели на Русь [ПСРЛ, т. 2, стб. 286]. То есть зафиксировано существование «половецких» печенегов и торков, что вместе с пленными половцами оказались на Руси. В летописях нет прямого объяснения причин их ухода (только о берендеех сказано, что Мономах «изгнал», но остальные «бежали»). Это странно, если не принять во внимание, что для летописцев причины были понятны и не требовали объяснения – ведь ушедшие не принадлежали к «своим поганым» и были заведомо нелояльны. Вывод: ушедшие и были «чужие» печенеги и торки, то есть часть половецкой орды из 1117 г. К ним присоединились изгнанные берендеи и те половцы, что недобровольно оказались на службе Руси с 1117 г.

3. Имя их вождя имеет прямое отношение именно к кунам. Само по себе взятие в качестве имени названия другого племени не редкость у тюрков/кочевников, его брали в знак победы над врагом. Но если этот Татар был по происхождению действительно куном (то есть из рода кун, влиятельного среди кипчакских/половецких орд), то тогда все объяснимо. Дело в том, что куны как раз и были частью татарского племенного объединения у границ киданьской империи Ляо.

Они мигрировали оттуда на запад после кровопролитной войны с киданями и последовавшего в результате раскола – часть племен татар (*цзубу*) подчинилась власти Ляо, а часть бежала на запад.

В «Ляо ши» есть сведения об этом, в частности имена предводителей *цзубу* (так в «Ляо ши» собирательно называют татарское племенное объединение). В записях за 1000 г. написано, что среди *цзубу* произошел раскол: Телабуга, младший брат верховного хана, перешел на сторону киданей вместе с ополчением племен, и хану ничего не оставалось, как сдаться, но его все равно казнили [ЛШ, с. 155]. А этого хана звали Кун-йан, точно так же, как и хана кипчаков, чья орда закрепилась в середине – второй половине XI в. в Волго-Уральском междуречье (доходили и до границ Руси и Булгара в составе орд половцев). Об этом нам известно из жизнеописаний его потомка – кипчака Тутука (см.: [Янь Фу, с. 265; Юй Цзи, с. 229]). О происхождении кипчакского ханского рода Тутука от кунов из татар-*цзубу* на основе анализа этих жизнеописаний см. в [Храпачевский]. Престижность имени *татар*, которых боялись в Китае, сохранялась и для переселившихся кунов, примером чего и были рода Тутука и Татара.

Итак, текст Туроца говорит о сборной, печенежско-торческо-половецкой, орде с главенствующим элементом из кунов среди ее вождей. Поскольку генезис этой орды проходил при власти Киева (в 1117–1120 гг.), то сведения о ее составе и вождях должны были быть известны великому князю Владимиру Мономаху.

Источники

ЛШ – 遼史, 北京 2013 (Ляо ши. Пекин, 1997).

ПСРЛ. М., 1962. Т. 1; М., 1962. Т. 2.

Юй Цзи – 虞集, 句容郡王世績碑, 南京 2004 (Юй Цзи. Цзюйжун цзюньван шицибэй. Нанкин, 2004).

Янь Фу – 閻復, 樞密句容武毅王碑, 南京 1999 (Янь Фу. Шуми Цзюйжун У-и ван бэй. Нанкин, 1999).

Литература

Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Расовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum. Praha*, 1933. VI. P. 1–64.

Храпачевский Р. П. Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье (по китайским источникам). М., 2013.

А. В. Сумин (ВГПУ)

О ВОЗМОЖНОМ ПЕРВОМ УПОМИНАНИИ ИНСТИТУТА «СЛОВА И ДЕЛА» В «ПОУЧЕНИИ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Институт, получивший условное наименование «Слова и дела» государева, существовал в России до его отмены в 1762 г. В историографии он устойчиво ассоциируется с политическими процессами в рамках расследования государственных преступлений (покушение на жизнь монарха и членов его семьи, бунт, заговор, колдовство, оскорбление и др.). Произнесение условной формулы «государево слово», «государево дело» перед государем или его служащими влекло за собой взятие под стражу и начало производства по делу. В 1919 г. Н. Я. Новомбергским на основе двух томов изданных им процессов была защищена и опубликована докторская диссертация, оставшаяся по ряду причин до недавнего времени неизвестной [Новомбергский].

Н. Я. Новомбергский видел следы этого института в описи царского архива 1575–1584 гг. [Новомбергский, с. 1]. Н. Б. Голикова считала, что «повсеместное использование выражения “Слово и дело” в начале XVII века позволяет предполагать, что его появление относилось к более раннему времени» [Голикова, с. 13]. На текущий момент наиболее раннее документально подтвержденное отражение процессов по «Слову и делу» выявлено А. В. Беляковым в составе наказной памяти 1599 г. [Беляков].

Н. Я. Новомбергский трактует правовую природу «Слова и дела» как обязанность населения делать изветы, которую оно выводило из крестного целования государю или верноподданической присяги [Новомбергский, с. 31].

На связь института «Слова и дела» как публично-правового обязательства перед государем с более ранними документами указал А. В. Беляков: «Подобные формулы с разными вариациями известны как минимум с середины XV в. В частности, они содержатся в крепких или же укрепленных грамотах, в более позднее время в государевом жалованном слове сибирским иноземцам...» [Беляков, с. 318]. Летописное известие о присяге новгородцев Ивану III в 1478 г. Д. А. Савченко воспринял как всеобщую обязанность извета о «государевом деле»: «а что услышит кто у брата своего у Новгородца *о великих князех, о добре и лихе*, и вам то сказати своим государем великим князем» [Савченко, с. 339]. На связь между «Словом и делом» и «Добром и лихом» указывает так называемая челобитная Ивана Яганова (1533–1534 гг.): «Вели, государь, дати на поруку, чтоб есми *в твоём государеве деле* не загиб; и вперед бы, государь, тебе, государю, всякой что слышел *о твоём деле, о лихе и о добре*, сказывали» [Кром, с. 23].

Впервые в документах обязанность сказывать «Добро и лихо» встречается в докончании (около 1367 г.) великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем: «А что ти слышав о мне от крестьянина ли, от поганина ли, *о моем добре или о лисе*, или о нашей отчине, и о всех крестьянех, то ти ми поведати в правду без примышленья, *по целованью*. А мне тако же тебе поведати» [ДДГ, № 5]. В практически неизменном виде эта обязанность содержится в междукняжеских докончаниях в 1367–1505 гг. и в укрепленных крестоцеловальных грамотах в 1474–1560-х гг.

В «Поучении» Владимира Мономаха, сохранившемся в составе Лаврентьевской летописи XIV в., имеем упоминание: «речь молвяче и лихо и добро не кленитесь Богомъ ни хреститесь...». Норма о сопровождении сказывания «Добра и лиха» крестным целованием имеется в шести междукняжеских докончаниях 1367–1441/1442 гг. [ДДГ, № 5, 9, 13, 35, 36, 38] и не встречается после этого времени в документах и процессах по «Слову и делу».

Таким образом, на основании показанной преемственности между обязанностью сказывания «Добра и лиха» с институтом «Слова и дела», а также на основании упоминания крестоцелования, сопровождавшего этот процесс до середины XV в., можно утверждать, что уже в начале XII в. в междукняжеских отношениях существовала обязанность извета, подобная позднему «Слову и делу». Учитывая ограниченность дошедших до нас источников высока вероятность того, что она имела такой же всеобщий характер, как и в XVII в., и не отразилась в летописях ввиду деликатности и секретности этой сферы общественных отношений.

Литература

- Беляков А. В. «Слово и дело» в Сибири конца XVI века // Петербургские пенитенциарные конференции. Материалы конференций: В 4 т., Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. СПб., 2021. Т. 4. С. 318–322.
- Голикова Н. Б. Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 11–36.
- Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 17–24.
- Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Известия Томского университета. Томск, 1919. Кн. 68. С. 1–288.
- Савченко Д. А. Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование. Дис. ... д-ра юр. наук. М., 2020.

А. А. Роменский (Гос. музей-заповедник «Херсонес Таврический», Институт истории и археологии Византии и Северного Причерноморья, Севастопольский гос. ун-т)

НЕКРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРОТИВОСТОЯНИИ РУСИ С ПОЛОВЦАМИ

Хорошо известно, что конфликты с кочевниками в русском летописании традиционно рассматривались сквозь призму религиозного противоборства христиан и язычников [Конявская, с. 182–184]. Использование конфессионимов позволяло структурировать повествование; с помощью бинарной оппозиции «христиане» и «поганые» акцентировались различия «своих» и «чужих», что является типичным способом конструирования идентичности в любом архаичном обществе. Постоянные военные столкновения с тюрками-иноверцами сами по себе способствовали тому, что термин «христиане», помимо изначального значения, приобрел дополнительную семантическую нагрузку, выступая в определенных контекстах в качестве политонима и этнонима [Лаушкин, с. 35–36]. Преобладание религиозной лексики в летописных сюжетах о борьбе с половцами и другими степными народами, тем не менее, оставляет открытым вопрос о действительных причинах конфликтов. Попытаемся оценить значимость религиозного фактора во взаимоотношениях Руси с Половецкой Степью. Эта задача приобретает дополнительную актуальность в связи с тем, что сопоставление русско-половецких конфликтов с крестовыми походами получило распространение в современной историографии [Николаева, с. 146–148]. Есть ли основания для того, чтобы объединять эти события?

Вторжения тюркских кочевников в глазах древнерусских книжников являлись «бато́гом Божьим», следствием Божьего гнева и происходили с целью вразумления грешников [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 222]. Взгляд на «сынов Измаиловых» в контексте эсхатологической экзегезы [Андрейчева, с. 150–151] не давал ответа на вопрос о возможности их обращения к христианству. Защита христиан неоднократно упоминается в качестве аргумента, с помощью которого князья мотивируют свои действия. Вместе с тем осмысленных попыток христианизации степняков не наблюдается. Нет сомнения в том, что постоянные контакты с русскими княжествами, переход к седентаризации на пограничье, торговля и заключение браков способствовали постепенному распространению христианства среди половцев [Попов, с. 103–104; Golden 1998, p. 217–222; Инков, с. 35–38], но это не выглядит результатом целенаправленной политики.

Исследователи пришли к выводу о том, что, несмотря на частые свидетельства древнерусских источников о столкновениях с половцами, кочевники не стремились к инкорпорации своих оседлых соседей [Pritsak, p. 380; Golden 2011, p. 66]. Думается, справедливо и обратное утверждение: никто из русских князей не ставил задачи овладеть «По́лем половецким» или полностью подчинить номадов своей воле. Цель военных экспедиций в Степь, самые масштабные из которых были осуществлены Владимиром Мономахом и его сыновьями, Мстиславом и Ярополком, состояла в превентивном купировании половецкой угрозы. Даже временное изгнание части «окаянных агарян» в Закавказье, «за Желѣзная врата» [ПСРЛ, т. 2, стб. 716] не привело к системному переосмыслению отношения к кочевникам, которые становятся неперенными участниками большинства внутривосточных конфликтов на Руси XII–XIII вв.

Помимо захвата трофеев и пленников, военные походы против «поганых» позволяли удовлетворить политические амбиции, добиться чести и славы [ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 398], чем руководствовались как князья, так и их окружение. С другой стороны, не только конфликты с иноверцами, но и междукняжеские столкновения нередко получают в летописи религиозное осмысление [ПСРЛ, т. 2, стб. 327].

Несмотря на сочувственное отношение общественного мнения на Руси к идее борьбы за Святую землю и выраженную в некоторых текстах духовную солидарность с «латинянами» [Назаренко, с. 79–80], как видится, нет оснований для отождествления русско-половецких конфликтов с крестовыми походами или рассмотрения их как событий одного порядка.

Источники

ПСРЛ. Л., 1926–1927. Т. 1. Вып. 1–2; СПб., 1908. Т. 2.

Литература

Андрейчева М. Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., 2019.

- Инков А. А.* К вопросу о распространении христианства среди кочевых народов южнорусских степей в домонгольское время // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 33–40.
- Конявская Е. Л.* Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // *Slověne*. 2015. № 1. С. 180–190.
- Лаушкин А. В.* К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестеяни» и «хрестьяньскыи» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 29–65.
- Назаренко А. В.* Древнерусские паломничества на Запад // Церковь в истории России. М., 2020. Сб. 13. С. 77–96.
- Николаева Н. Д.* Русь и Запад в «долгом» XII в.: политика, религия, матримониальные союзы. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2022.
- Попов А. И.* Кыпчаки и Русь // Ученые записки ЛГУ. Серия историческая. 1949. Вып. 14. № 112. С. 94–117.
- Golden P. B.* Religion among the Qipčaq of Medieval Eurasia // *Central Asiatic Journal*. 1998. Vol. 42. No. 2. P. 180–237.
- Golden P. B.* War and Warfare in Pre-Činggisid Western Steppes of Eurasia // *Golden P. B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. București, 2011. P. 65–134.
- Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1982. Vol. 2. P. 321–380.

А. В. Смирнов (ИРИ РАН)

СМОЛЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ПЕРИОД 1054–1077 гг.

С момента возникновения Древнерусского государства власть киевских князей распространялась на этнографическую область проживания восточнославянского племени кривичей. Впоследствии эти земли стали основой для формирования административно-политической единицы Руси – Смоленской волости. Располагаясь в стратегически важном центральном регионе, на пересечении торговых путей, волость играла значимую роль в политической и экономической жизни Руси.

Политическая история Смоленской земли начинает отчетливо прослеживаться на страницах летописей после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), когда в Смоленске обосновывается один из его младших сыновей – Вячеслав. Спустя три года в волости появляется новый князь – Игорь, но и его правление на данной территории будет недолгим [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 161; т. 2, стб. 105]. Ряд поздних летописей (Тверской сборник, Львовская и Ермолинская летописи) сообщают о разделе Смоленска после смерти Игоря Ярославича на три части [ПСРЛ, т. 15, стб. 153; т. 20, с. 91; т. 23, с. 22]. Данное известие послужило основой для многочисленных предположений исследователей. Мнения историков разделились: ряд авторов полагали, что летописный «раздел» касался исключительно территории [Голубовский, с. 260–261; Насонов, с. 47], в то время как другие склонялись к мысли о разделе доходов с волости [Довнар-Запольский, с. 86–88; Пресняков, с. 45; Кучкин 1985]. С нашей точки зрения, ближе всего к пониманию ситуации, сложившейся после смерти Игоря, подошли те авторы, которые указывали, что Смоленская волость вернулась под контроль киевского князя, как это произошло ранее с Волынской [Беляев, с. 109–110; Толочко, с. 84–85]. Однако следует признать, что, по-видимому, возвращение Смоленской земли в великокняжеский домен могло сопровождаться территориальными изменениями.

Вплоть до конца 60-х гг. XI в. у нас нет сведений о Смоленской волости, которой, скорее всего, в это время управляли посадники киевского князя. Однако сложившаяся на Руси ситуация в результате нападения половцев на пограничные русские земли в 1068 г. привела как к политическому кризису во власти в Киеве, так и к открытому выступлению городской общины против Ярославичей, что имело следствием не только княжеские перемещения, но и, видимо, корректировку территориальных границ волостей. В отсутствие Изяслава новым киевским князем становится Всеслав Полоцкий, который в обмен на лояльность и нейтралитет оставшихся на Руси Святослава и Всеволода Ярославичей мог пойти на территориальные уступки. Важные сведения по этому периоду находим в «Поучении» Владимира Мономаха, оставившего подробные известия о своих «путях» (передвижениях). Следует согласиться с В. А. Кучкиным, что часть указанных Мономахом поездок имели место в период с сентября 1068 по май 1069 г., а именно после

изгнания Изяслава из Киева [Кучкин 1971, с. 31]. В указанный период Мономах посетил: Ростов – Смоленск – Владимир (Волынский) – Берестий – Переяславль – Сутейск. Посещение Владимиром этих городов сформировало в исторической науке точку зрения, согласно которой ряд этих территорий были переданы в управление Владимиру. Так, И. М. Ивакин считал, что Мономах получил Смоленск от Изяслава; об этом же писал А. С. Орлов [Ивакин, с. 145–146, 149; Орлов, с. 141]. В. А. Кучкин же предположил, что резиденцией Владимира была Волынь, уступленная Всеславом Всеволоду [Кучкин 1971, с. 32]. Правда, исходя из поездок Владимира Всеволодовича в этом временном промежутке складывается впечатление, что его «резиденцией» мог быть или Смоленск, или Владимир (на Волыни). Однако следует обратить внимание, что Мономах совершает поездки-поручения, еще будучи княжичем. И если имел место территориальный передел осенью 1068 г., то он был осуществлен только среди старших Ярославичей, а сын Всеволода вряд ли мог получить какую-либо территорию. В то же время он мог получить в управление некую территорию от старших Ярославичей. Необходимо заметить, что полоцкий князь Всеслав, став князем киевским, вряд ли передал территории, которые граничили с его владениями, кому-то из старших Ярославичей. Можно предположить, что Смоленская земля и при Всеславе остается в это время все еще под контролем Киева и посещает ее Владимир исключительно по поручению сначала Изяслава или Всеволода (до осени 1068 г.), а затем, возможно, и Всеслава через все того же Всеволода.

Последующие события на Руси (1070–1077 гг.) показывают, что Смоленская волость оставалась владением киевских князей вплоть до смерти Святослава Ярославича. После возвращения Изяслава в 1077 г. в Киев летописец оставил запись: «...а Володимеру сѣдацю оу Смоленськѣ...» [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 199–200; т. 2, стб. 190–191]. После смерти Святослава (1076 г.) киевский стол занимает Всеволод, получивший территории, подконтрольные Святославу, в том числе и Смоленск. Скорее всего, именно тогда он и сажает на стол в Смоленск Владимира. И вполне вероятно, Изяслав мог пойти на уступки младшему брату, возвратившись в Киев. Таким образом, в конце 70-х гг. XI в. в Смоленской земле после большого перерыва вновь появляется княжеский стол, который занял Мономах.

Источники

ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1908. Т. 2; СПб., 1863. Т. 15; СПб., 1910. Т. 20; СПб., 1910. Т. 23.

Литература

Беляев И. Д. Рассказы из Русской истории. М., 1861. Кн. 1.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его поучение. М., 1901.

Кучкин В. А. «Почтение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI века // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 21–34.

Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI в. // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 19–35.

Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М., 1946.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. М., 1993.

Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Н. В. Трофимова (МПГУ)

**«ЕГОЖЕ СЛУХЪ ПРОИЗИДЕ ПО ВСИМЪ СТРАНАМЪ»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ЛЕТОПИСЦАМИ РАЗНЫХ ЭПОХ**

Личность Владимира Всеволодовича Мономаха на протяжении веков привлекала внимание писателей и читателей благодаря значительному материалу о его деятельности, содержащемуся в летописях и редкому для древнерусской эпохи случаю сохранности двух сочинений князя: «Поучения чадам своим» и послания Олегу Святославичу.

Самые подробные сведения о жизни Владимира содержатся в ранних сводах: Лаврентьевском, Радзивиловском, Ипатьевском. Но даже в них есть различия в составе известий и в оценках летописцами его деяний. Например, существенно различаются деталями повествования о походах на половцев; только в Ипатьевской летописи содержится подробный рассказ о вступлении князя на киевский престол; в Радзивиловской и Лаврентьевской летописях помещается развернутая некрологическая похвала, с помощью библейских цитат и тропов разносторонне раскрывающая образ князя. Сообщения этих сводов дополняют друг друга. Исключение среди ранних сводов составляет Новгородская Первая летопись, обе редакции которой не только дают минимальные фактические данные о жизни князя, в основном связанные так или иначе с Новгородом, но и избегают оценочных средств.

В указанных летописях начинается процесс превращения реальной исторической личности в легендарную, благодаря постоянному упоминанию Владимира в рассказах о его потомках, называемых «племя Володимире», «внук Мономахов», припоминания деяний князя в связи с подвигами его потомков и указания на «ревнование» их к его победам. В некрологической статье Ипатьевской летописи появляется яркая характеристика князя, основанная на сравнении и гиперболе: «просвьѣти Рускую землю акы солнце луча пушая, егоже слухъ произиде по всимъ странамъ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 289]. В соответствующей статье Лаврентьевского свода оценка аналогичная, а гипербола усилена: «украшени добрыми нравы прослувыи в побѣдахъ, его имени трепетаху вся страны, и по всемъ землямъ изиде слухъ его» [ПСРЛ, т. 1, стб. 293–294]. Эта характеристика затем варьируется в Софийской Первой и Новгородской Четвертой летописях.

В дальнейшем летописании сохраняют максимальный объем сведений о князе и продолжают процесс создания его легендарного облика Московский свод 1479 г., сокращенные своды 1495 и 1518 гг., Ермолинская и Воскресенская летописи, которые содержат примерно одинаковый состав фактов жизни Владимира, но излагают их с разной степенью детализации. Московский и Воскресенский своды повторяют и гиперболическую характеристику, содержащуюся в Лаврентьевской летописи.

Подлинного апофеоза достигает слава Владимира в Никоновской летописи, возможно, в связи с распространением в письменности XVI в. легенды о появлении царской власти на Руси именно в его эпоху. Знакомство с этим сюжетом подтверждает рассказ под 7042 г. в Академическом XIV списке о благословении Василием III Ивана царскими регалиями [ПСРЛ, т. 13, с. 76, стб. 1]. Летописец не только сосредоточил все возможные сведения о жизни князя, но и возвеличил его потомков упоминанием «Мономашъ» до восьмого колена («препрапрашур»). Это единственная летопись позднего времени, которая воспроизводит вариант некрологической статьи, близкий к Лаврентьевской летописи.

В местных сводах состав сведений о жизни и личности Владимира Мономаха варьируется от достаточно последовательного изложения фактов в Тверском сборнике до полного отсутствия упоминаний князя в Псковских летописях. Рогожский летописец, например, содержит всего три события: рождение Владимира, заложение церкви Бориса и Глеба на Альте и кончину. Устюжская летопись по списку Мациевича и Архангелогородский летописец упоминают только вступление князя на престол и преставление под одной датой: 6622 год. Из поздних местных летописей наиболее подробно, хотя далеко не исчерпывающе, приведены факты деятельности Владимира в Новгородской Третьей летописи (РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 252). В сообщении о смерти князя даже сохранена в усеченном виде гиперболическая характеристика, происходящая из Лаврентьевского свода.

По-разному представляли историю Владимира патриаршие летописи XVII в., хотя генетически они связаны между собой. В Летописном своде 1652 г. (РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф.

Большакова). № 423) зафиксированы только три основных события жизни князя (рождение, вокняжение в Киеве и кончина). В Мазуринском летописце фактов больше. В обоих сводах в статью, рассказывающую о вокняжении в Киеве, включены перечисление степеней от Рюрика и Владимира Святославича, упоминание о том, что Владимира Мономаха боялись все страны, рассказ о походе на Фракию и Мономаховом венце. Мазуринский летописец в ряде фрагментов подчеркивает царское достоинство князя торжественными эпитетами, ближайших потомков обязательно упоминает по степени родства с Владимиром, а дальних – с добавлением «Манамашь».

Русское летописание на протяжении многих веков хранило память об одном из прославленных русских князей. Объем сведений и оценка деятельности Владимира Мономаха зависели от времени и места создания летописей, потому наиболее подробные и возвеличивающие князя записи сохранило общерусское московское летописание, унаследовавшее раннюю северо-восточную традицию.

Л. Б. Сукина (ИПС им. А. К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА НА КНИЖНЫХ МИНИАТЮРАХ XVII в. С КОМПОЗИЦИЯМИ ДРЕВ СТЕПЕНЕЙ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ

Средневековая иконография князя Владимира Мономаха включает сравнительно небольшой круг изображений: миниатюры Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода, стенопись Благовещенского собора Московского Кремля, резные рельефы царского моленного места из кремлевского же Успенского собора. Все они, как и несохранившаяся роспись Золотой палаты царского дворца, хорошо известны специалистам (см.: [Назаренко, Романенко, Самойлова]). В миниатюрах Радзивилловской летописи конца XV в. изображения князя включены в композиции, иллюстрирующие исторический нарратив. Все остальные перечисленные нами сюжеты относятся к Грозненскому времени и связаны со «Сказанием о князьях Владимирских». Очевидно, что уже тогда образ Владимира Мономаха служил для обоснования «наследственного права» Московских государей на царский титул.

Интерес к этому образу вновь фиксируется в русском изобразительном искусстве в 70–80-е гг. XVII в. – к тому времени уже получила визуальное развитие династическая концепция русской монархии, сформированная в предыдущем столетии. Фигуры древнерусских князей в различных сочетаниях тогда неоднократно включались в древа «царского родословия» как Рюриковичей, так и Романовых на иконах, фресках, книжных миниатюрах [Сукина]. При этом использование образа Владимира Мономаха было достаточно редким, и его вновь связывали с репрезентацией не родовой генеалогии, а наследования власти. К примеру, «портреты» князя были включены в циклы иллюстраций царских Титулярников. Его изобразили и на масштабной фреске «Древо Рюриковичей» в соборе Новоспасского монастыря. Мы же рассмотрим гораздо менее известные образы Владимира Мономаха в композициях древ степеней царского родословия на книжных миниатюрах: «Изображение степеней» из Степенной книги 1670 г. (РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). Л. 61 об.) и «Древо князей и царей» из Синодика Вокресенского Ново-Иерусалимского монастыря начала 1680-х гг. (ГИМ. Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. № 66. Л. 76). Они сравнительно недавно были опубликованы в хорошем качестве при нашем участии [Родословные древа, с. 52–55].

Эти две миниатюры близки друг к другу иконографически. В основе обеих композиций – древа с пышными кронами. В древе на первой миниатюре угадывается виноградный куст (на ветках видны гроздья), второе – фантазийное, с роскошным цветком в сердцевине. Есть и другие отличия. В верхней части первой миниатюры изображены солнце и луна и «Сопрестолie» с ангелами. Возможно, образцами художникам служили разные изображения, ныне нам

неизвестные. Но, несомненно, обе миниатюры воспроизводят композиции одного и того же иконографического типа. Прародитель «царской династии», от которого происходят все остальные ее «степени», князь Владимир Святой представлен на вершине древа. Ключевые наследники его власти в хронологическом порядке размещены на ветвях с левой/правой и правой/левой стороны (с точки зрения зрителя / в визуальной логике самой миниатюры соответственно).

Владимир Мономах в обоих случаях изображен вторым одесную от Владимира Святого, что само по себе, по-видимому, ничего не значит, кроме его родового старшинства (на миниатюре в одном вертикальном ряду с ним изображены «отцы», а на противоположной стороне – «сыновья»). Но его изображения существенно отличаются друг от друга – не одеждой и прической, а головными уборами. На первой миниатюре на голове Владимира не «шапка Мономаха», как можно было бы ожидать, а царский венец иного типа. Это корона с отогнутыми зубцами и заполненным верхом. Завершается она маленьким шаром, на котором закреплен четырехконечный крест. Этот венец христианского государя («царя») выделяет Владимира Мономаха среди других изображенных (больше ни у кого подобного головного убора нет) и отличает его от стоящих рядом с ним древнерусских князей. На втором изображении на Владимире такая же обычная княжеская шапка (только другого цвета), как и у его соседей по вертикали и горизонтали.

Как мы уже отметили, композиции миниатюр иконографически близки. Но они отличаются по смыслу. Первая – иллюстрация вступительной части Степенной книги, раскрывающей генезис царской власти в России. Образ Владимира Мономаха здесь один из ключевых элементов. Вторая иллюстрирует помянник князей и царей в Синодике. Для княжеской коммеморации история о «даре императора Константина Мономаха» никакого значения не имела. Возможно, в этом и кроется причина различного решения образа одной и той же персоны в двух разных случаях.

Литература

- Назаренко А. В., Романенко Е. В., Самойлова Т. Е. Владимир (Василий) Всеволодович // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 681–688.
- Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018.
- Сукина Л. Б. Древнерусские князья в визуальной конструкции древ царского родословия в России XVII в. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2024. Т. 34. № 3. С. 725–732.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА – ЕГО ДЕТИ И ВНУКИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

А. А. Астайкин (ИВ РАН)

О МАЛОИЗВЕСТНЫХ РУССКИХ КНЯЗЬЯХ, ПОГИБШИХ НА КАЛКЕ

В «Повести о битве на Калке» Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) названы 7 погибших малозначительных князей. Это Андрей, Александр Дубровецкий, Святослав Яневский, Изяслав Ингворович, Святослав Шумский, сын Мстислава Черниговского и Юрий Нежежский [ПСРЛ, т. 3, с. 63–64, 266–267].

У князя Андрея не известны ни происхождение, ни расположение подчиненного ему удела. Л. В. Войтович полагает, что он мог княжить в Турове и являлся либо сыном Ивана Юрьевича Туровского (с этой точкой зрения не согласился Д. Домбровский), либо Святополка Юрьевича [Войтович, с. 361; Домбровский, с. 551, примеч. 2451] (см. также: [Татищев, т. 3, с. 217; т. 4, с. 363; Baumgarten, p. 61, tabl. XIV.12; Эммаусский, с. 97, 102, 163, примеч. 145]).

Хотя Александра Дубровецкого Густынская летопись называет «Всеволодичем», а И. В. Паус «Дмитровским» (в рукописи исправлено из «Дмитрович») [ПСРЛ, т. 40, с. 116; т. 27, с. 156, Прил. II], следует полагать, что это – ошибки позднейших переписчиков. Подавляющее большинство исследователей считают этого князя вероятным сыном Глеба Юрьевича Дубровицкого и правнуком Святополка Изяславича Киевского [Baumgarten, p. 10, tabl. II.31; Рапов, с. 92; Эммаусский, с. 97, 102, 163, примеч. 146; Литвина, Успенский, с. 168, примеч. 166, с. 463]. Его относят к князьям кривско-полоцким, волынским или – что представляется более вероятным – к турово-пинским с центром в Дубровице на левом берегу Горыни (совр. Ровенская область Украины) [Войтович, с. 362; Куза, с. 165].

Святослава Яневского несколько источников, в том числе и НПЛ старшей редакции, твердо называют «Яневским» [ПСРЛ, т. 3, с. 63, 267; т. 6, вып. 1, стб. 282; т. 1, стб. 569], но целому ряду поздних летописей он известен как Святослав Каневский (а также Мстислав Невский и Святослав Ольгович Киевский) [ПСРЛ, т. 10, с. 92; т. 15, стб. 342; т. 23, с. 71; т. 24, с. 90; т. 25, с. 121; т. 26, с. 69; т. 40, с. 116; т. 7, с. 132, примеч. «г»]. Видимо, именно с этим связана разногласица исследовательских мнений относительно филиации этого князя. Его считают и Мстиславичем, и Ростиславичем, и Рюриковичем, и Ярославичем [Baumgarten, p. 61, tabl. XIV.10; Рапов, с. 196; Эммаусский, с. 97, 103, 163, примеч. 147; Войтович, с. 361–362; Домбровский, с. 695]. Видимо, мы имеем дело с устойчивой историографической ошибкой; даже сам факт существования Святослава Каневского должен вызывать сомнения. Локализация княжеского стола князя Яневского не вполне понятна. На место Янова (Яново, Яновки) могли бы претендовать несколько городищ из сводки А. В. Кузы: Яново в Могилевской области, Ивановка в Черниговской или Иванков в Киевской области Украины [Куза, с. 78, 110, 175].

Князь Изяслав Ингваревич в НПЛ назван по отчеству, что облегчает поиск его филиации. Подавляющее большинство специалистов полагают, что он был сыном Ингваря Ярославича Киевского и внуком Ярослава Изяславича Луцкого [Baumgarten, p. 61, tabl. XIV.8; Рапов, с. 192; Эммаусский, с. 163, примеч. 148; Домбровский, с. 353–355]. Хотя составитель Вологодско-Пермской летописи считал его князем новгородским, а В. Н. Татищев – северским, историки

обычно связывают его владения с Волынью, Луцком и Дорогобужем [ПСРЛ, т. 26, с. 69; Татищев, т. 3, с. 218; Рапов, с. 192; Эммаусский, с. 97, 103; Домбровский, с. 354–355; Войтович, с. 496]. Н. А. Баумгартен указал, что происхождение Святослава Шумского неизвестно [Baumgarten, p. 61, tabl. XIV.11]. Последующие исследователи посчитали этого князя сыном или внуком Ингваря Ярославича Волынского [Рапов, с. 196; Эммаусский, с. 97, 103, 163, примеч. 149; Войтович, с. 496; Домбровский, с. 355, 696–698 (с оговорками)].

Сын черниговского князя в Густынской летописи назван Юрием. В. Н. Татищев считал его Василием. Крестильным именем князя, вероятно, все же было Дмитрий, как это сообщает Любецкий синодик. Л. В. Войтович называет его Василием-Дмитрием [ПСРЛ, т. 40, с. 116; Татищев, т. 3, с. 218; т. 4, с. 364; Зотов, с. 70, 89–90, 228, 241, 247; Войтович, с. 410]. Об уделе этого князя ничего определенного сказать нельзя.

Юрий Невежский «с легкой руки» В. Н. Татищева стал считаться князем Несвижа в Туровской волости. Его происхождение связывают обычно с кем-то из местных Изяславичей. Так, Л. В. Войтович полагает, что Юрий мог быть сыном Ярополка Юрьевича Пинского [Татищев, т. 3, с. 218; Рапов, с. 93; Эммаусский, с. 97, 103, 163, примеч. 150; Войтович, с. 362]. Проблема заключается в том, что раскопки в Несвиже не выявили следов поселения ранее XV–XVI вв. (см., например: [Скепьян и др., с. 139–140]). Видимо, на Волыни следует искать еще один княжеский город с основой в названии «Невеж».

Источники

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1; М., 2000. Т. 3; М., 2000. Т. 6. Вып. 1; М., 2001. Т. 7; М., 2000. Т. 10; М., 2000. Т. 15; М., 2004. Т. 23; М., 2000. Т. 24; М., 2004. Т. 25; М., 2006. Т. 26; М., 2007. Т. 27; СПб., 2003. Т. 40.

Литература

- Войтович Л. В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015.
- Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
- Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
- Скепьян А. А., Метельский А. А., Воронцова Е. Л., Филькин И. А. Некрополь при костеле Божьего тела в Несвиже: археология, история, антропология. Ч. 1. Крипта костела // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2020. № 2. С. 138–146.
- Татищев В. Н. История Российская. М., 1994. Т. 2–3; М., 1995. Т. 4.
- Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998.
- Baumgarten N., de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes: du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927. (Orientalia Christiana. Vol. 9. Num. 35).

В. А. Буров (ИА РАН)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЛЕТОПИСНЫМ СООБЩЕНИЯМ О НАЧАЛЕ НОВГОРОДА

В Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛ) и в Повести временных лет (далее – ПВЛ) приводятся две разные версии происхождения Новгорода. В НПЛ не указана дата изгнания варягов, последовавшего конфликта между племенами и призвания на княжение Рюрика. Особо важно сообщение о строительстве «градов» и войне между ними. Рюрик с варяжской дружиной пришел в уже существовавший Новгород: «приидоша к Новугороду» [НПЛ, с. 106].

В ПВЛ, считающейся вторичной по отношению к НПЛ, события датированы 862 г., столкновения произошли между родами, а не градами. Отсутствует фраза о том, что Рюрик пришел к существовавшему Новгороду, говорится, что он, как и братья, пришел со своим родом, со всей русью и «сѣде Новѣгородѣ» [ПВЛ, с. 18].

Археологическая проверка летописных версий началась в 1971 г. В. Л. Яниным и М. Х. Алешковским была предложена логически выстроенная концепция возникновения Новгорода с опорой на сообщения НПЛ как наиболее достоверные. По их мнению, исходной основой Новгорода послужил союз трех древних летописных «градов», соседствующих друг с другом укрепленных – разноэтничных поселков – концов, возникших до Рюрика [Янин, Алешковский]. Но полвека спустя в Новгороде не обнаружено слоев ранее 930-х гг. [Петров, Тарабардина]. Вариант происхождения Новгорода по версии НПЛ отпадает.

Начатые в 1975 г. археологические раскопки Рюрикова городища близ Новгорода под руководством Е. Н. Носова выявили ров и остатки деревянных укреплений середины IX в. и следы присутствия здесь скандинавов, воинского контингента. Рюриково городище было признано Е. Н. Носовым первоначальным Новгородом [Носов; Носов, Хвоцинская, Медведева; Носов, Плохов, Хвоцинская]. В 2021 г. экспедицией Н. В. Хвоцинской были найдены основания стен деревоземляной крепости IX в. Дендрохронологический анализ дубовых бревен, проделанный О. А. Тарабардиной, установил время возведения фортификации – 862 г. [Хвоцинская, с. 119]. Это соответствует дате основания Новгорода Рюриком, указанной в ПВЛ.

Данное выдающееся археологическое открытие позволяет осознать, что признаваемая со времени А. А. Шахматова первичность текста НПЛ по отношению к ПВЛ, разделяемая современными лингвистами ([Шахматов; Гиппиус; Стефанович]; и др.), сама по себе не является гарантом историчности описанных событий.

Датировка крепости Рюрика 862 г. заставляет нас отнестись со всей внимательностью к тексту «Сказания о призвании варягов» в ПВЛ, учитывая смысловую нагрузку слов *род*, *право*, *князь*. Признанное старейшинство рода Рюрика («старѣйший, Рюрикъ») стало основой для его «призвания» (избрания) на княжение. Скандинавский род Рюрика был включен в родоплеменную структуру ильменских словен. Он стал составной частью словенского племени, получил землю. Крепость Рюрика 862 г. у истоков реки Волхов из озера Ильмень следует рассматривать как родовое укрепленное поселение, как центр новой княжеской власти. Память о других ближайших родовых землях Рюриковичей сохранили 12 топонимов на берегах Ильменя и Волхова. С учетом того, что даже в XIII в. скандинавы в сагах продолжали называть Новгород, стоявший уже ниже по течению Волхова, Хольмгардом (Hólmgarðr), то есть городом на острове [Джаксон, Молчанов, с. 237; Джаксон], островом мог быть только обширный речной остров между реками Волхов и Малый Волховец с прилегающими берегами вплоть до Хутины. На этой родовой земле Рюриковичей в 940-е гг. и в 1044 г. в центре начавшейся формироваться с 930-х гг. городской застройки были поставлены две другие крепости Новгород, сменившие друг друга [Буров].

Источники

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ПВЛ – Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод.

Литература

Буров В. А. О происхождении Новгорода. 862–1136 гг. – Княжеский город Рюриковичей // Российская археология. 2023. № 3. С. 187–197.
Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. С. 213–220.
Джаксон Т. Н. «Страна городов» и ее столица Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne. 2015. Т. 4. № 1. С. 170–179.
Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. Л., 1990. Т. 21. С. 226–238.

- Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище: новые этапы исследования. СПб., 2017.
- Петров М. И., Тарабардина О. А. Новгород X–XIV вв.: эволюция городской территории // Археологические вести. 2020. Вып. 28. С. 134–151.
- Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russionum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582.
- Хвоцинская Н. В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. Вып. 33. С. 107–120.
- Шахматов А. А. Разысканиях о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х. История Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

Ф. Н. Веселов (СПбГУ)

**«И ИЗДУШИША ВСЯ»: МОНГОЛЬСКОЕ «ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ»
В ПОХОДЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ РУСЬ 1237–1238 гг.**

В Новгородской первой летописи старшего извода сохранилась следующая деталь в описании штурма Владимира-на-Клязьме армией Батыя в феврале 1238 г.: когда последним оплотом спасавшихся от монголов горожан стал Успенский собор, где они «затворились на полатех», враги «отбивше двври, зажгоша церковь, наволочивше леса, и издвушиша вся», то есть оказавшиеся в ловушке люди умерли от удушья, – «тако скончашася, предавше душа своя Господеви» [ПСРЛ, т. 3, с. 75–76].

На первый взгляд, в этом эпизоде нет ничего удивительного: последним прибежищем жителей опустошенных монголами городов как на Востоке, так и на Западе часто становились каменные культовые сооружения, которые безжалостно уничтожались огнем. Разрушение происходило из-за выгорания деревянных конструкций, игравших существенную роль в сохранении прочности здания. Такие деревянные связи закладывались и в толщу стен древнерусских каменных храмов. К примеру, их утрата в упомянутом Успенском соборе при пожаре 1185 г. привела храм в угрожающее состояние и стала причиной его немедленного ремонта [Воронин, с. 150, 354].

Надо полагать, что, если бы монголы действительно пытались сжечь собор, деревянные связи должны были бы сгореть и здание вновь оказалось бы на грани гибели. Между тем в источниках не встречается упоминаний о ремонтах Владимирского кафедрала вплоть до 1280 г., и всё это время храм продолжал действовать: уже на следующий год после трагического штурма в нем были торжественно захоронены останки великого князя Юрия Всеволодовича [ПСРЛ, т. 1, стб. 467]. Более того, в здании сохранилось его убранство, доставшееся монголам после убийства жителей: «Святую Богородицу разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом и серебром и камнем драгым» [ПСРЛ, т. 1, стб. 463].

Значит, для версии о разрушительном пожаре в 1238 г., при котором горожане могли погибнуть, отравившись угарным газом, нет достаточных оснований. Можно предположить, что запершиеся на хорах храма жители были убиты более изощренным способом.

Уже в IX в. в китайских источниках были описаны специальные отравляющие снаряды на основе пороха. Во время завоевательных походов Чингисхана с применением ядовитого дыма в боевых целях познакомились и монголы [Школяр, с. 199–200; Нав, р. 445–446]. Подобные снаряды применялись ими во время осад сунских крепостей (см., например: [Cleaves, р. 213]). Кроме того, в недавнем устном докладе С. Поу (2024 г.) сведения из хроники «Юань ши», относящиеся к биографии китайского инженера на монгольской службе, было предложено

интерпретировать как ранее неизвестную деталь битвы на Калке: Го Дэхай, участник похода Джебе и Субедея, в битве у Железных холмов (*Те шань*) обманным путем приблизился к врагу и сбил с толку русских и половцев, устроив дымовую атаку.

По мнению некоторых историков военного дела (см.: [Świętosławski, s. 51]), известен по крайней мере один эпизод применения отравляющего дыма и в Западном походе 1236–1242 гг. Так предлагается объяснять загадочную деталь в описании битвы под Легницей 1241 г. в Хронике Яна Длугоша. Краковский каноник утверждает, что на одном из монгольских знамен был установлен некий предмет, «черная бородастая голова», и, когда монголы притворно отступили, а знаменосец начал усердно трясти этой конструкцией, над польским войском распространились такие дым и зловоние, что воины утратили всякую способность сражаться [Długosz, p. 22].

Похоже, что к моменту штурма столицы Северо-Восточной Руси монголы обладали боевыми средствами и специалистами, способными «издушить» с помощью своеобразного «химического оружия» XIII в. собравшихся в каменном кафедральном соборе жителей, не разрушая самого сооружения, которое впоследствии было разграблено.

Источники

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1; М., 2000. Т. 3.

Długosz – *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. Varsaviae, 1975. Lib. 7–8.

Литература

Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: В 2 т. М., 1961. Т. 1: XII столетие.

Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия. М., 1980.

Cleaves F. W. The Biography of Bayan of the Bārin in The Yüan Shih // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. No. 3/4. P. 185–303.

Haw S. G. The Mongol Empire – the first “gunpowder empire”? // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2013. No. 23 (3). P. 441–469.

Świętosławski W. Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII–XIV w.) // *Acta Archaeologica Lodziensia*. 1996. Nr 40. S. 7–114.

И. И. Елкина (ИА РАН)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРОЯ И ДЕКОРА ДРЕВНЕРУССКИХ ВОРОТНИКОВ ИЗ ШЕЛКА (XII–XIII вв.) ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ

Среди немногочисленных текстильных находок XII–XIII вв., обнаруживаемых во время археологических работ на территории Центральной России, большой интерес представляют фрагменты воротников-стоек от истлевших одежд. За последнее время накопился новый материал, который наряду с уже ранее известным позволяет сделать обобщающие выводы об их конструкции и декоре.

Подавляющее большинство воротников происходят из женских захоронений. По конструкции воротники-стойки представляли собой вытянутый прямоугольник высотой от 2 до 6,5 см. Они состояли из двух основных деталей: декоративной лицевой детали и подкладки. Лицевая деталь воротников выкраивалась из дорогих импортных шелковых тканей (тафта или самит), поставлявшихся на Русь из стран Средиземноморья, Византии и Среднего Востока. Подкладка предположительно выполнялась из той же ткани, что и сама одежда. Одежды, скорее всего, были льняными или сшитыми из других растительных тканей, которые в почвах Центральной России практически не сохраняются. О том, что подкладка обязательно была, свидетельствует наличие подгибов и следов соединительных швов в виде прямых линий проколов от иглы на лицевых деталях воротников. Установлено также, что большинство воротников имели

жесткую основу из бересты или кожи. Особенно это касается высоких воротников-стоек. Воротники застегивались на довольно маленькие металлические пуговицы округлой или грибовидной формы. Их количество (от 1 до 4) варьировалось в зависимости от высоты воротника.

Несмотря на разнообразие орнаментации, декор большинства вышитых воротников имеет единое композиционное решение: основное поле лицевой стороны занимает широкая узорная полоса вышивки, по верхнему и боковым краям воротника проходит окантовка. По виду окантовки воротники можно разделить на две основные группы: окантовка вышитым бордюром и окантовка золототканой лентой. Причем воротники-стойки с окантовкой золототканой лентой были более высокими (от 4,3 до 6,5 см), чем с вышитым бордюром (3–4 см). Отдельную, небольшую группу-исключение составляют узкие воротники без какой-либо окантовки, шириной до 2,5 см. У таких воротников по лицевой стороне проходит только одна непрерывная узорная полоса вышивки.

Орнамент вышивки основной узорной полосы воротника, независимо от выбранного варианта окантовки, был различным. Использовались как непрерывный растительно-геометрический или плетеный орнамент, так и поставленные в один ряд близко друг к другу отдельные орнаментальные элементы. Среди них можно встретить круги или арки, внутри которых часто располагаются изображения крина, древа, птиц или сильно стилизованных фронтальных антропоморфных фигур.

Для первой группы воротников вышитый бордюр, окантовывающий по трем сторонам основную узорную полосу, был шириной не более 1 см. Чаще всего он представлял собой непрерывную узкую полоску растительного побежка с завитками или трилистниками, реже – орнамента «коса», «веревочка» или «зигзаг». На некоторых воротниках бордюр отделялся от основной узорной полосы тонкой прямой линией.

Для второй группы в качестве окантовки воротника использовали золототканую ленту с орнаментом «плетенка», «зигзаг» шириной 1,3–1,7 см. Золототканые ленты, так же как и шелковые ткани, являлись предметом импорта и поставлялись на Русь из Византии или Испании. Качество лент исполнялось в двух вариантах: на берде или на дощечках.

Все орнаментальные элементы вышивались пряженными золотными нитями либо в технике шва «на проем», либо швом «елочка». Затем контуры дополнительно обводились цветными шелковыми нитями в технике стебельчатого шва или швом «в раскол».

Появление в будущем новых находок воротников домонгольского периода и их дальнейший комплексный анализ расширят имеющуюся на сегодняшний день информацию по материалам, крою, вариантам декора и отдельным орнаментальным элементам вышивок.

Прот. К. А. Костромин (СПбДА)

БОРЬБА С МНОЖЕСТВЕННЫМИ БРАКАМИ И ПОЛИГАМИЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПО КАНОНИЧЕСКИМ ОТВЕТАМ РУССКИХ МИТРОПОЛИТОВ XI в.)

Институт христианского брака на Руси появился под воздействием христианских традиций Византии и Латинского Запада, причем трудно сказать, какие из них больше повлияли на становление практики создания семьи и заключения брака. Кормчая книга содержала византийский церковноправовой корпус, но «худые номоканунцы» могли содержать статьи, связанные происхождением с «Заповедями святых отец», в которых тема брака была одной из ключевых [Максимович, с. 141–145]. Кажется, брак в восточной традиции имел большую богословскую и умозрительную смысловую нагрузку [Мейендорф, с. 543–560], которая, конечно, в жизненной практике была неосуществима. В конечном счете как заключение брака и создание семьи, так и запрещение неправильных форм брачного сожития и наказание за развод, запретный

или повторный брак, блуд и полигамию и в восточной, и в западной традиции регламентировались каноническими нормами. Не до конца ясным остается вопрос доступности этих норм для христианского населения. Естественно, что главными заказчиками и пользователями Кормчих были архиереи [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 59–60]. Однако пастырское душепопечение, в которое входит и регулирование брака, относится к компетенции священников. Частичное знакомство с каноническими нормами (по форме сформулированных вопросов) демонстрируют священники – вопрошатели русских архиереев греческого происхождения – митрополитов Георгия, Иоанна и епископа Нифонта. Степень вовлечения их в правовую проблематику даже заставляет думать, что некоторые авторы таких вопрошаний могли быть секретарями архиереев или архиерейскими ставленниками [Гайденко, Фомина, с. 88; Артемов, Гайденко, с. 223]. Конечно, трудно предполагать даже мимолетное знакомство всего корпуса священников с текстом Кормчей, однако какую-то элементарную подготовку они должны были проходить. Если Церковные уставы первых русских князей ориентированы именно на архиереев как вершителей суда и в них первые же статьи посвящены именно брачно-гендерным коллизиям: разводу, брачной пошлине, прелюбодеянию, изнасилованию, блуду [Уставы, с. 63, 128–132], то Канонические ответы митрополитов содержат именно превентивные запреты, с которыми должны были быть ознакомлены действующие пастыри. Вероятно, это и было целью вопрошаний и формулирования на них ответов.

Тонкая грань отделяет блуд от полигамии, но древнерусские канонисты, очевидно, не смешивали эти понятия, рассматривая отдельно разовые грехи и искаженные формы семейных отношений. Митрополит Георгий мягко и без санкций запрещает третий брак «покаяльнику» (п. 26), а второй брак разрешает при условии несения епитимии (п. 81). Более того, митрополит разрешил двоеженцам принимать сан (п. 102) [Турилов]. Митрополит Иоанн заметно строже: он подвергает осуждению двоеженство (п. 6), однако санкций не приводит, ссылаясь на греческую традицию. Очевидно, запрещается третий брак (п. 17), однако санкция направлена не на супругов, а на повенчавшего их попа (возможно, это ужесточение требований митрополита Георгия). Заведение любовницы после развода карается отлучением от причастия до расставания с ней (п. 21). При этом второй брак не запрещен жене, с которой муж развелся ради принятия монашеского пострига (п. 12). Понятно, что запрещены и свободные отношения (п. 15) [Канонические ответы]. В Вопрошании Кирика полигамия сводится к наличию законного брака и любовницы, пусть даже от нее родятся дети, однако порицание также не предполагает санкции (п. 69). Вопрошатели епископа Нифонта все сводят к осквернению в браке, разводу и блуду [Вопросы Кирика].

Таким образом, Канонические ответы митрополитов отражают наличие практик полигамии и множественных браков. При этом, как ни удивительно, ни более снисходительный митрополит Георгий, ни более жесткий митрополит Иоанн не находят возможности введения более или менее внятных наказаний для участников брачных сожитий, а скорее как будто ищут возможности проявить снисхождение. Основное внимание митрополитов сосредоточено на деятельности духовенства и качествах ставленников. Уход от этих понятий в область законного брака и блуда епископом Нифонтом снимает остроту проблемы.

Источники

Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 21–62.
Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 1–20.
Уставы – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. Я. Н. Шапов. М., 1976.

Литература

Артемов С. Н., Гайденко П. И. К истории одного канонического памятника. О возможных причинах появления «Канонических ответов» митрополита Иоанна Продрома // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 215–226.
Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию М.; СПб., 2017.

- Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 83–92.
- Максимович К. А. Заповеди святых отец: латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе, исследование и текст. М., 2008.
- Мейендорф И., прот. Церковь в истории: статьи по истории Церкви / Сост. И. В. Мамаладзе; авт. предисл. и науч. ред. П. Б. Михайлов. М., 2018.
- Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 211–262.

Д. М. Котышев (МБОУ «Лицей № 13», Троицк Челябинской области)

СОБЫТИЯ 1195 г. В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ И МЕЖДУКНЯЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.

В конце лета 6702 (1194/1195 мартовского) г. [Бережков, с. 207] скончался киевский князь Святослав Всеволодович, пробыв на киевском столе свыше 15 лет. После кончины Святослава, его соправитель Рюрик Ростиславич, по свидетельству Ипатьевской летописи, «посла... по брата своего по Дѣда. къ Смоленскоу. река емоу се брате се вѣ всталаса старѣиши всѣхъ в Роуской землѣ. а поѣди ко мнѣ Къievoу что боудеть. на Роуской землѣ доумы и в брѣтѣи своеи в Володимерѣ племени. и то все оукончаевѣ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 681]. Давыд из Смоленска явился в Киев, где по итогам нескольких дней переговоров «с братомъ своимъ Рюрикомъ радѣ вса оуконча. в Роуской землѣ и в брѣтѣи своеи в Володимерѣ племени» [ПСРЛ, т. 2, стб. 682]. Что же подразумевалось под словами «рады вса оуконча»? Ответ на этот вопрос летописец дает ниже, после известия о «снеме» Ростиславичей, когда сообщает, что «того же лѣта присла Всеволодъ. кнѣзь Соуждальскы. послы своя ко свѣтоу своему Рюрикови река емоу тако. Вы есте нарекли ма во своемъ племени. во Володимерѣ старѣишаго. а нынѣ сѣдѣль еси в Къieveѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалъ еси инѣмъ. молодѣшимъ брѣтѣи своеи...» [ПСРЛ, т. 2, стб. 683].

Из этого сообщения следует, что одним из вопросов, решавшихся на «снеме», было «наречение» старейшим князем Всеволода Юрьевича. Согласно традиции, сложившейся во второй половине XII в., если нареченный «старейшим» князь не занимал в это время киевский стол, то он рассчитывал на определенные владения в Русской земле («часть») как материальное подтверждение своего старейшинства [Котышев, с. 17–21]. И Всеволод Юрьевич, будучи нареченным «старейшим» всей «братѣей» (речь здесь шла исключительно о потомках Мономаха), просил у Рюрика полагающуюся ему «часть» – «бо просаше оу него. Торцького Трепола Корьсоуна. Богоуславла. Канева» [ПСРЛ, т. 2, стб. 683].

Все последующие проблемы начались из-за того, что эта группа городов, компактно расположенная на юге Среднего Поднепровья и в Поросье [Куза, с. 85–86, 173, 178, 184], еще раньше была передана Рюриком Роману Мстиславичу – «далъ зати своему Романови. и крѣть к немуо целоваль. ажъ емоу под нимъ. не ѿдати никомоу же» [ПСРЛ, т. 2, стб. 683]. Рюрик Ростиславич, пытаясь разрешить конфликтную ситуацию, предложил Всеволоду замену. Однако владимирский князь ответил отказом и решительно настаивал на своем: «Рюрикъ же хотя исправити крѣтое целование. не хотѣ дати подѣ Романомъ волости но стояше крѣпко за нею но даше емоу иноую. волость внѣ же ее. не бреже. но хоташе подѣ Романомъ. которые же просиль башеть. и быѣ межѣ ими распра велика и рѣчи. и хотѣша мѣжи собою востати на рѣть» [ПСРЛ, т. 2, стб. 683–684].

Стремясь предотвратить конфликт, Рюрик Ростиславич заручился поддержкой киевского митрополита Никифора, который разрешил Рюрика от крестного целования Роману и посоветовал наделить его другой волостью («ажъ еси далъ волость молодѣшему в облазнѣ. преѣ старѣишимъ.

и крѣтъ еси к нему целоваль. а нынѣ азъ снимаю с тебе крѣтное цѣлование. и взимаю на са. а ты послушаи мене. возма волость оу зата оу своего. даи же старѣшиному. а Романови даси иноую. в тое мѣсто») [ПСРЛ, т. 2, стб. 684]. Киевский князь, оправдываясь перед зятем, указывал на то, что «а намъ безо Всеволода нелза бѣти. положили есмь на немъ старѣшинство вса братья. во Володимерѣ племени. а ты мнѣ снѣ свои. а то ти воѣсть инаа тои равна» [ПСРЛ, т. 2, стб. 685–686]. Оставляя в стороне анализ последующих событий, включая причины недовольства со стороны Романа состоявшимся разменом, хотелось бы задаться вопросом: почему суздальский князь так упорно настаивал именно на такой «части»?

При ответе на этот вопрос возможны несколько вариантов. Вариант первый: в указанное время (начало 1190-х гг.) Переяславль не контролировался владимирским князем [Коринный, с. 76; Кучера, с. 134], поэтому в качестве эквивалентной замены Всеволод потребовал у Рюрика Ростиславича владений в исторической части Русской земли (тут прослеживается определенная параллель с событиями 1148 г., когда в качестве «причастия» Ростиславу Юрьевичу (а фактически его отцу Юрию Долгорукому) были выделены города на территории Древлящины). Вариант второй: Всеволод Юрьевич рассматривал указанные пять городов в качестве законной «части» Юрьевичей в Русской земле. Основанием для этого мог служить факт правления в Торческе Михалка Юрьевича [ПСРЛ, т. 2, стб. 570, 571]. И наконец, самый спорный, но тем не менее имеющий право на существование вариант третий. Согласно ему, требование Всеволода Юрьевича относительно вышеупомянутых пяти городов было обусловлено изначальной передачей их Роману Мстиславичу; владимирский князь мог усмотреть в этом, что Роман получил «волость лѣпшнюю» не просто так; вполне вероятно, что получение этой самой «лучшей волости» (то есть значимого владения) могла расцениваться Всеволодом Юрьевичем как претензия Изяславичей на старейшинство.

Литература

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Котышев Д. М. Часть/причастие в Русской земле в середине – второй половине XII века // Средневековая Русь. М., 2024. Вып. 16. С. 7–21.

Коринный Н. Н. Переяславская земля в X – первой половине XIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

Кучера М. П. Переяславская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 118–143.

Р. Р. Красавцев (НИУ ВШЭ СПб)

НОЧЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ XI–XIII вв.

Ночь занимала значимое место в жизненных мирах древнерусских людей всех социальных конфигураций и статусов, что и объясняет наличие сюжетов, связанных с ночным временем, в двух агиографических сочинениях – Житии Феодосия Печерского и Житии Авраамия Смоленского.

В Житии Феодосия Печерского по Успенскому списку XII в., как наиболее древнему и передающему во многих деталях первичные чтения [Артамонов, с. 178–179], ночные молитвы выступают наиболее частым видом упоминаний ночи среди всех остальных (12 упоминаний) [Успен., л. 31в, 34а, 36б, 38б, 40г, 44а, 44г, 45в, 54в, 57б, 57в, 60б]. Сообщения Нестора о ночных молитвах Феодосия в разных частях Жития возможно маркировать в качестве одной из добродетелей подвижника, ставшей основанием его прославления (что и было целью Жития), в пользу чего может свидетельствовать мотив «ночных молитв» как в латинской агиографии [Verdon, p. 164], так и в агиографии греческой [The Ashgate Research, p. 380]. В самом Житии напрямую прописывается защитное значение молитвы Феодосия для всей общины [Успен., л.

576]. Более того, и в иных древнерусских произведениях прослеживается мотив неустанных ночных молитв, в частности в «Поучении» Владимира Мономаха [ПСРЛ, т. 1, стб. 245], в котором он увязан с архетипом создаваемого в «Поучении» «идеального правителя». Последний слабо соотносится с прослеживаемыми по летописям и самому Житию образами княжеских пиров до самой ночи [Конявская 2024, с. 614]. В Житии преподобного мотив ночной молитвы мог быть заимствован из агиографии, что свидетельствует в пользу его литературности. Это не отменяет реальности ночных молитв Феодосия, благо они вписываются в круг обыденных практик древнерусского иночества XI–XII вв.

При этом ночное время в Житии представляется и временем Божественных чудес, и временем активности дьявола и бесов. Среди ночных чудес выступают и указание на место строительства церкви, и обнаружение церкви под облаками, и взмывание церкви вверх с иноками на глазах разбойников. При этом Нестор выделяет несколько эпизодов проявлений деятельности дьявола и бесов, среди которых и шум бесов в пещере, и появление черного пса в пещере [Успен., л. 38б, 44а], житийные описания которых соотносятся с хрестоматийным «не убоишия от страха ношнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тьме преходящия» (Пс 90: 5–6). Это позволяет указать на то, что в жизненном мире Нестора в ночное время могли проявляться как Божья воля, так и искушения дьявола. При этом в Житии не дается никаких прямых авторских оценок ночного времени, в отличие от более поздних летописных упоминаний, где ночь уже непосредственно описывается книжниками, яркий пример чего – вкладывание в уста жителей Белза пассажа о «злой ночи» в Галицко-Волынской летописи под 1221 г. [ПСРЛ, т. 2, стб. 739]. Это может объясняться и уникальными чертами наррации самой Галицко-Волынской летописи, и совершенствованием художественных форм в рамках различных древнерусских традиций на протяжении исследуемого периода.

Среди упоминаний ночи отметим и «слова разбойника» о планах ночного нападения на некоторое «село» Киево-Печерского монастыря, которые были чудесным образом сорваны благодаря молитвам Феодосия [Успен., л. 57в]. Описанное, вероятно, может рассматриваться как один из отблесков «мирских реалий» в Житии из-за фигурирования аутентичного понятия «село» и признания Нестором-агиографом факта владения «селами» Киево-Печерским монастырем.

В Житии Авраамия Смоленского ландшафт упоминаний ночи сохраняет преобладание ночных молитв (3 упоминания) [Розанов, с. 4–5, 7, 8]. Из этого преобладания имеются лишь два исключения, одно из которых связано с искушениями дьявола, а второе – с «референсом» в сторону ночного чуда, описанного в Житии Феодосия Печерского [Розанов, с. 16]. Упоминания ночи, кроме ночных молитв, которые возможно рассматривать в контексте «мирских реалий» XII–XIII вв., в Житии Авраамия Смоленского не маркируются. Ввиду того обстоятельства, что Житие обладает высоким уровнем художественности [Конявская 2023, с. 24], с осторожностью можно предположить, что отсутствие в нем каких-либо отблесков реалий в ряду упоминаний ночи скорее свидетельствует об авторских особенностях самого Ефрема, нежели о каких-либо чертах развития древнерусской книжной традиции по освещению ночи по сравнению с предшествующим периодом.

Таким образом, упоминания ночного времени в Житии Феодосия Печерского оказываются направленными на конструирование образа святости Феодосия Печерского. Но лишь некоторые из них связаны с «мирскими реалиями» Руси XI–XII вв. В Житии Авраамия Смоленского как в произведении, относимом к более позднему этапу древнерусской агиографии, упоминания ночи уже слабо соотносятся с какими-либо элементами «мирских реалий» вообще.

Источники

- ПСРЛ. М., 1997. Т. 1; М., 1998. Т. 2.
 Розанов С. П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.
 Успен. – Успенский сборник. М., 1971.

Литература

- Артамонов Ю. А. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год: Проблемы источниковедения. СПб., М., 2003. С. 173–277.
- Конявская Е. Л. Исторические реалии в ранней русской агиографии // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 12–27.
- Конявская Е. Л. Календарь, счет времени и распорядок дня // История России: В 20 т. М., 2024. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. С. 612–615.
- Verdon J. Night in the Middle Ages. Notre Dame, 2002.
- The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography / Ed. Stephanos Efthymiadis. London, 2020. Vol. 2: Genres and Contexts.

М. С. Крутова (РГБ, МДА)

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РУКОПИСНЫХ ФОНДАХ ОР РГБ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

В Отделе рукописей РГБ хранятся различные рукописные материалы, посвященные «Слову о полку Игореве». Они могут быть разделены на три основные группы: 1) списки произведения; 2) историко-филологические исследования, в которых рассматриваются проблемы подлинности, авторства, дата создания, проводится анализ поэтики, текстологических и лингвистических особенностей; 3) переводы на русский язык с церковнославянского и переводы на разные языки.

Рукописные списки «Слова о полку Игореве» датируются XIX–XX вв., среди них особое место занимают лицевые, выполненные талантливым старообрядцем-самоучкой И. Г. Блиновым, а также заслуженным художником России Б. И. Крыловым. Интересна и одна из подделок «Слова о полку Игореве» известного фальсификатора XIX в. А. И. Бардина. Каждый из списков имеет свою историю бытования и является ярким примером искусства рукописной книги. Наименее известны работы исследователей, посвященные этому выдающемуся памятнику письменности: А. Н. Майкова, М. А. Веневитинова, М. Н. Макарова, Н. С. Тихонравова, Е. В. Корша, П. К. Симони, Н. К. Гудзия, Р. Ф. Ржиги, С. К. Шамбинаго, В. В. Кускова, Л. П. Жуковской, И. В. Левочкина, И. Г. Добродомова и др.

Рукописные материалы, хранящиеся в личных фондах специалистов по древнерусской письменности, которые поступили в Отдел рукописей в последние десятилетия, мало известны широкому кругу исследователей. Так, в архиве специалиста по древнерусской литературе В. В. Кускова (Ф. 909) находятся материалы, посвященные 175-летию первого издания «Слова», статья «История аналогии событий и героев в Слове о полку Игореве», большое количество переводов «Слова», которые он получал от разных корреспондентов. В архиве И. В. Левочкина (Ф. 947) находятся материалы и варианты его статьи «Псковский Апостол 1307 г. и “Слово о полку Игореве”», в которых он рассматривает палеографические и художественные особенности этих памятников письменности и др. В архиве филолога-лингвиста Л. П. Жуковской (Ф. 860) находим многочисленные варианты ее опубликованных и неопубликованных трудов, посвященных текстологическим, палеографическим и лингвистическим особенностям этого памятника, а также рецензии на статьи В. В. Щепкиной, Б. А. Рыбакова, критический анализ публикаций писателя А. Л. Никитина и многое другое. Важны ее конспекты заседаний научных конференций и заседаний, на которых обсуждались различные аспекты этого памятника письменности. Особый интерес вызывают стенограммы выступлений различных исследователей на закрытом обсуждении концепции подлинности «Слова», предложенной А. А. Зиминым в Отделении истории АН СССР, которые находятся в архивах исследователей, участвовавших в этой полемике. В архиве И. Г. Добродомова (Ф. 981) есть его статьи и заметки, посвященные различным аспектам изучения «Слова о полку Игореве»: этимологии отдельных слов и выражений, символике, глоссам, дате битвы с половцами, а также работам В. Ф. Мурьянова об этом произведении и др.

Находящиеся в Отделе рукописей РГБ разнообразные материалы о «Слове о полку Игореве» являются ценным источником для книговедов, палеографов и историков науки XIX–XX вв.

С. М. Михеев (Гейдельбергский университет)

КНЯЖЕСКИЕ ДЪЯКИ XI в., ПОХЛЕБКА С ЧЕРЕМШОЙ И ПРОЧИЕ ПОПРАВКИ К НАДПИСЯМ-ГРАФФИТИ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Доклад подготовлен в рамках проекта Фонда Фритца Тюссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) «Glagolitic in Rus’: An Interdisciplinary Study of East Slavic Biscryptality».

С 2024 г. на сайте <https://saintsophia.dh.gu.se>, созданном сотрудниками Гётеборгского университета, выкладываются материалы, позволяющие проверять и уточнять прочтения надписей-граффити Софии Киевской. В докладе будут представлены наиболее существенные поправки, которые удалось сделать в первые месяцы работы с этими материалами. Ниже приведены несколько примеров таких поправок.

Для удобства поиска по разным изданиям я использую при нумерации граффити и римские цифры томов издания В. В. Корниенко, и арабские цифры номеров надписей по изданиям С. А. Высоцкого и В. В. Корниенко [Высоцкий 1966; Высоцкий 1976; Высоцкий 1985; Корниенко].

Для надписи № VIII-120 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=118-02/329>) подтверждается прочтение В. В. Корниенко: *Пищанъ ѿ Давыдо|въ дьякъ ходивъ къ мѣченикома*. Находящиеся рядом с надписью Пищана граффити № VIII-21 и VIII-5743 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=118-02/92>) оказались единым текстом: *Иванъ ѿ Да[[д]овъ деть|ск[ъ]*, то есть <Иванъ пьсалъ, Давыдовъ дѣтъскъ>, с ранней фиксацией термина *дѣтъскъ*. Ранее предполагалось, что этот Иван идентичен автору находящейся чуть ниже надписи № VIII-20 Давыдова дьяка Ивана. По-видимому, два Ивана и Пищан, детский и два дьяка, служили одному и тому же князю Давыду, вероятно Давыду Святославичу.

Единым текстом являются и граффити № I-1090, I-1094 и I-1096 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=110-30/494>, .../504 и .../507). Здесь следует читать: *въ ꙗ мѣа | маа пр[e]ста|в[и]са князь | [Во](л)одимир[ъ]*, то есть Владимир Всеволодович Мономах. Чуть правее находится надпись № I-1092 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=110-30/503>), в которой удаётся прочесть: *[Ро]манъ (?) пьсалъ | Ростиславль д[и]ак* (прочтение имени дьяка требует проверки). Над этими двумя надписями расположено крупное граффито № I-11 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=110-30/477>), в начале которого читается: *мѣа маа | [кѣ] · дѣтолъ*, что С. А. Высоцкий связал с гибелью Ростислава Всеволодовича в водах Стугны 26 мая 1093 г. Наличие в непосредственной близости от этой надписи автографа Ростислава дьяка и сообщения о смерти старшего брата Ростислава можно рассматривать как доказательство гипотезы С. А. Высоцкого. При этом предложенное В. В. Нимчуком [Німчук, с. 88] чтение *[к]ѣн[азь]* после *дѣтолъ* не подтверждается: здесь находятся три буквы или знака, не поддающиеся однозначной интерпретации. Последняя строка надписи № I-11 является пока не расшифрованной криптограммой: здесь выписаны шесть согласных под титлами, как в еще более загадочной надписи № IV-239.

Надпись № VI-4169 почти не видна на 3D-модели, но поддается реконструкции по фотографии и прориси В. В. Корниенко: *Коупри[а]не гораздъ | еси (а) ель со[ч]и(въ)[и]а | съ смаглицами*. Слово *smaglica* известно в польском языке, где одно из его значений – ‘лук моли / золотой чеснок (*Allium moly*)’. В древнерусском так мог называться какой-то вид или виды

душистого лука. В таком случае надпись надо переводить так: ‘Куприян, ты изобретателен: похлебочки-то поел с черемшой!’

Пространную надпись № VIII-203 (<https://saintsophia.dh.gu.se/viewer/?q=118-02/115>), XII в., с поправками А. А. Турилова, А. А. Зализняка [Турилов, с. 46; Зализняк, с. 275], В. В. Корниенко и автора этих строк можно представить следующим образом: *Гѣ помози рабу | своему мирнымъ именьмъ | Пуотькови а хръс|тьнимъ Евстратиеви | стлѣта (sic!) Софие и свѣтѣ|и Онуофрѣ [и] свѣт[а] Бѣ|е | и свѣтѣ Лазорь (и ст)а | [зица] (?) † † и помѣ|дуои же отьца моего ду|ховьнаго и братьца моего Васили[а] и ма[рѣт] (?). Представленная в формах *мирнымъ*, *хръс|тьнимъ*, *свѣтѣ|и* и *свѣтѣ* замена *ы* на *и*, по-видимому, имеет фонетическую природу и является южнорусским диалектизмом – переходом [и] в [ы], как в № VII₁-42 и X₂-38 (подробнее о последней см.: [Зализняк, с. 264–266]).*

Литература

- Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1: XI–XIV вв.
Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.
Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 233–287.
Корниенко В. В. Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.). Київ, 2010–2020. Ч. I–X.
Німчук В. [Рец. на:] С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. вып. I: К., «Наукова думка», 1966, 239 стор. // Мовознавство. 1967. № 2. С. 86–91.
Турилов А. А. Заметки о киевских граффити // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 26–58.

*Ф. Д. Подберёзкин (Центральная научная библиотека НАН Беларуси),
 Ю. Н. Кежа (Полоцкий гос. университет)*

ЗНАМЯ В ОБМЕН НА ПОКАЯНИЕ? НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКО-ЛИВОНСКОГО ДОГОВОРА 1209 г.

Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Пограничье Руси и Литвы в исторических трансформациях XI–XVI вв.», договор № Г24-011.

Обстоятельства ленного договора рижского епископа Альберта и князя Всеволода из Герцике (1209 г.) хорошо известны благодаря сохранившемуся тексту соглашения и сообщению «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского [LUB, S. 20–21; HCL, S. 70–71]. Между тем легитимность этого договора, как и суть ленных обязательств князя, остаются неопределенными [Hellmann 1954, S. 131–133; Hellmann 1960, S. 238; Hellmann 1978; Selart, p. 96, 97; Матузова, Назарова, с. 139, 241–249]. Мог ли епископ даровать знаменный лен? Что означал «бенефиций в виде трех знамен», который получил Всеволод? Как русский князь, незнакомый с немецким правом, воспринимал свои обязанности в новых условиях? Соответствовал ли «язык» случившегося (жесты, ритуалы, слова и эмоции) привычным формам властных отношений в Русской земле?

Согласно правовым сборникам XIII в. даровать знаменный лен (наделявший получателя неделимым владением, судебными и политическими правами князя Священной Римской империи) мог только император или римский (немецкий) король [Sachsenspiegel, S. 30, 101, 103–106; Schwabenspiegel, S. 99, 100, 323]. Разделенный лен в виде трех знамен в соглашении 1209 г. являлся «вторичным» пожалованием знамени, то есть рижский епископ «имитировал» функцию императора. В работе Ю. Брукауфа приводятся случаи аналогичных пожалований. В отличие от «книжного» знаменного лена, «вторичное» дарование знамен не меняло статус (*herschild*)

жалуемого. За пользование частью земель вассал обязывался выставлять военный отряд и/или нести знамя господина [Bruckauf, S. 43, 111].

Учитывая вышесказанное, попытаемся определить суть вассальных обязательств князя. Выражение «примкнуть к христианам» из обета Всеволода [HCL, S. 71] означало, что он будет оказывать военную поддержку епископу, нести его знамя. Об этом свидетельствуют последующие обвинения князя, который на протяжении долгого времени не являлся «к отцу своему епископу», продолжая предлагать «совет и помощь» литовцам [HCL, S. 117, 122]. Три знамени не «должны соответствовать трем замковым округам», как утверждалось ранее [Матузова, Назарова, с. 244], ибо: 1) в договоре прямо говорится только о княжеском «городе Герцике с землей и зависимыми владениями», а также городах Аутине, Цессове и «других», «с данью и землей» переданных епископу безвозмездно [LUB, S. 20]; 2) в аналогичных пожалованиях «знамя» не совпадает с административными единицами и указывает не на земельный округ, а на судебные права и военный долг [Bruckauf, S. 25, 29, 34, 36; Rietschel].

Преодоление конфликтов между сюзереном и его вассалами в латинской Европе было связано с ритуалом *deditio* – церемонией примирения [Dalewski, p. 45]. *Deditio* совершал вассал, который проявлял самоунижение и покорность: сняв обувь, надев покаянную мантию и демонстрируя эмоции раскаяния (плач), он должен был припасть к ногам правителя, отдаваясь его воле. В большинстве случаев государь поднимал вассала с земли, целовал и обнимал его. В подобных церемониях главным действием был выход побежденного вассала перед сеньором, его публичное раскаяние и коленопреклонение. После покаяния смирившейся стороне возвращались прежние владения [Althoff, S. 99–125]. Действия Всеволода и его поведение перед Альбертом соответствуют ритуалу *deditio*: «Явившись, он просил прощения за свои проступки, называл епископа отцом, а всех латинян коленопреклоненно умолял, как братьев-христиан, дабы они забыли о прошлом зле и даровали ему мир» [HCL, S. 70]. Всеволод вручил епископу «свое королевство», а затем получил его обратно в виде «трех знамен», избрал Альберта «своим отцом» и обещал находиться в его воле.

В истории домонгольской Руси XI – первой половины XIII в. можно найти многочисленные примеры, когда потерпевшая поражение сторона совершает покаянные действия и сдается на милость победителя [ПСРЛ, т. 1, стб. 173–174, 240, 275, 276, 306, 325–326, 403–404, 419, 432–433, 434, 435, 451–452; т. 2, стб. 283, 285, 287–288, 301–302, 337–338, 391, 395–396, 417–418, 450, 460, 477, 479, 494–495, 677–688, 777–778; НПЛ, с. 44, 52]. Все свидетельства объединяет общий признак: одна из сторон, желающая заключить мир, демонстрирует другой стороне покорность или раскаяние. В четырех случаях упоминается о взаимных дарах или дарах, которые вручает покорившаяся сторона победителю [ПСРЛ, т. 1, стб. 306, 403–404, 451–452; т. 2, стб. 287–288, 450]. В восьми случаях посредником выступает представитель церкви [ПСРЛ, т. 1, стб. 275, 432–433, 435, 451–452; т. 2, стб. 450, 688, 777–778]. В семи случаях, желая заключить мир, один князь называет другого «отцом», признавая его старейшинство [ПСРЛ, т. 1, стб. 419, 451–452; т. 2, стб. 395–396, 417–418, 464–465, 477]. В пяти случаях представлена информация о том, что победившая сторона оставляет владения проигравшей в результате покаяния последней [ПСРЛ, т. 1, стб. 240, 403–404, 419, 432–433; т. 2, стб. 283]. В трех случаях сообщается о более суровом наказании, которое налагает победившая сторона на проигравшую после повторного нарушения соглашения [ПСРЛ, т. 1, стб. 275, 434; т. 2, стб. 285]. В большинстве случаев после окончания переговоров стороны целуют крест [ПСРЛ, т. 1, стб. 230, 306, 325–326, 435, 451–452; т. 2, стб. 301–302, 460, 477, 494–495, 688].

Отличием «покаяльных соглашений» древнерусских князей от латинского ритуала *deditio* является то, что в большинстве случаев эти соглашения не предполагали полного политического подчинения. Не случайно хронист Генрих отмечает, что кающийся Всеволод *избрал* епископа Альберта *в отцы* [HCL, S. 71]. Такая риторика являла кающегося «сына» и напоминала ритуал *deditio*. Соглашение 1209 г. воспринималось епископом как вассальная присяга. Однако русский князь, который большую часть жизни провел в окружении язычников и православных, вряд ли

оперировал категориями ленного права. Его слова и жесты свидетельствуют о выборе знакомого на Руси формата отношений: «духовного отечества», своеобразного «менторства», где обеты и признания давались из почтения и «страха Божия», а не санкционирующего правового обычая.

Источники

- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1; СПб., 1908. Т. 2.
 HCL – Heinrichs Livländische Chronik / Bearb. von L. Arbusow und A. Bauer. Hannover, 1955.
 LUB – Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1853. Bd. 1 (1093–1300).
 Sachsenspiegel – Der Sachsenspiegel nach der ältesten Leipziger Handschrift / Hrsg. von J. Weiske. Leipzig, 1863.
 Schwabenspiegel – Des Schwabenspiegels Landrechtsbuch / Hrsg. von H. G. Gengler. Erlangen, 1875.

Литература

- Мамузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2020.
Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter: Kommunikation in Frieden und Fehde. Darmstadt, 2014.
Bruckauf J. Vom Fahnlehn und von der Fahnenbelehnung im Alten Deutschen Reiche. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Leipzig. Leipzig, 1906.
Dalewski Z. Ritual and Politics: Writing the History of a Dynastic Conflict in Medieval Poland. Leiden; Boston, 2008.
Hellmann M. Das Lettenland im Mittelalter. Studien zur ostbaltischen Frühzeit und lettischen Stammesgeschichte, insbesondere Lettgallens. Münster; Köln, 1954.
Hellmann M. Probleme des Feudalismus in Russland // Studien zum mittelalterlichen Lehenswesen. Lindau; Konstanz, 1960. S. 235–258.
Hellmann M. Begegnungen zwischen Ost und West auf baltischem Boden im 13. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 121–135.
Rietschel S. Zur Lehre vom Fahnlehn // Historische Zeitschrift. 1911. Bd. 107. S. 353–360.
Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015.

*Е. Д. Подвальнов (ЕГУ им. И. А. Бунина),
 Д. Л. Выслоужилова (Masaryk University)*

ФЕНОМЕН «РУССКИХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ» ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЧАСТНЫЙ ПРИМЕР РОССИЙСКОГО МЕДИЕВАЛИЗМА?

Среди многочисленных эпизодов военной истории домонгольской Руси особое внимание привлекают ее кампании против Волжской Булгарии и половцев, которые в отечественной и зарубежной историографии часто трактуются как «русские крестовые походы». Это касается таких военных действий, как походы 1111 г. (и иногда 1103, 1109 гг.), 1168, 1185 гг. против половцев и 1164, 1183 гг. против Волжской Булгарии.

В частности, уподобление древнерусских походов на половцев крестоносным кампаниям отмечается уже на заре отечественной историографии и изначально исходило из того, что Русь в прямом смысле включалась в движение *crucisignatus* [Карамзин, с. 89]. Постепенно появились идеи включения древнерусских походов в крестоносное движение. С другой стороны, ряд историков стал отрицать всякую схожесть походов западноевропейских рыцарей в Палестину и военного противостояния русских князей с половцами и Волжской Булгарией [Полевой, с. 19, 24; Погодин, с. 30].

Не вдаваясь в полный анализ историографии, что потребовало бы отдельного исследования, отметим, что в наше время сентенция «русский крестовый поход» читается в сугубо публицистических и научно-популярных, учебных работах, в академических текстах и в политических очерках [Подвальнов]. Историки же, употребляя оборот, редко задумывались относительно правомерности его использования. Только немногие авторы сегодня останавливаются на данном вопросе подробно. Они видят совпадения двух явлений в следующих

деталей: участие в походах священников, исполнявших богослужения, заступничество небесных сил (ангелов, Господа и Богородицы) и желание включить павших ратников в сонм мучеников. Однако все эти эпизоды находят аналогии в византийских воинских традициях или библейских сюжетах, а также читаются в описаниях тех военных кампаний, которые никогда не причисляются к «русским крестовым походам». Все это ставит под сомнение правомерность употребления термина относительно войн русских князей с половцами и булгарами или, в лучшем случае, делает его скорее метафоричным, чем строго научным.

При всей неоднозначности употребления оборота «русский крестовый поход» и близких к нему по смыслу заметим, что соучастие русских воинов в крестоносном движении, по крайней мере, единожды было – в так называемом Вендском крестовом походе 1147 г.: по сообщению Магдебургских анналов: «*Contra quos etiam Rutheni, licet minus catholici tamen christiani nominis karakterem habentes, inestimabili Dei nutu cum maximis armatorum*» [MGH SS, p. 188]. И даже была высказана версия, что параллельно Вендскому крестовому походу был организован русско-польский крестовый поход на пруссов и ятвягов «с целью показать, что Русь принимала участие вместе с “латинянами” в инициативе, объединяющей всех христиан» [Powierski, s. 32]. Другой взгляд предполагает, что русско-польская кампания была не в рамках Вендского крестового похода или параллельно с ним, а в рамках Второго крестового похода, как некое открытие «второго фронта» на Балтике [Rutenberg, et al., p. 130].

Участие представителей Руси в Первом крестовом походе в каком-либо виде выглядит маловероятным [Заборов, с. 84–85, 106–107]. Следует отметить, что у Руси и лидеров крестоносцев были только совместные – союзнические – взаимоотношения, такие же, как с Византией и православными народами Ближнего Востока.

В конечном итоге, Русские земли, как часть восточно-христианского мира, не знали своих – православных – крестовых походов. Использование такого словесного оборота, при всей своей эстетической привлекательности и эффектности, являет пример российского и отчасти татарского (в случае с походами на болгар Андрея и Всеволода Юрьевичей) медиэвализма. Ввиду многократного повторения термина «русский крестовый поход» происходит искусственное приобщение к политическому и религиозному феномену католического мира, подвластного Папе Римскому.

Источники

MGH SS – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1859. Bd. 16: Annales Magdeburgenses.

Литература

- Заборов М. А. Известия русских современников о крестовых походах // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 84–107.
- Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. 2–3.
- Погодин М. П. Исторические афоризмы. М., 1836.
- Подвальнов Е. Д. «Спор о дефинициях»: поход Владимира Мономаха 1111 г. против половцев в летописании – «русский крестовый поход» или апелляция к ветхозаветной истории? // История: факты и символы. 2024. № 1 (38). С. 56–70.
- Полевой Н. А. История русского народа. М., 1830. Т. 3.
- Powierski J. Ruś w opiniach najwcześniejszych kronikarzy // Polacy o Ukraińcach, Ukraińcy o Polakach. Materiały z sesji naukowej pod redakcją Tadeusza Stegnera. Gdańsk, 1993. S. 10–59.
- Rutenberg V. I., et al. Feudal Society and Its Culture. Moscow, 1988.

Г. А. Пожидаева (ВТУ им. М. С. Щепкина)

КУЛЬТУРА КОНДАКАРНОГО ПЕНИЯ НА РУСИ XI–XIV вв.

Мелодичность и распевность – важнейшие типологические качества русской музыки. Они восходят не только к фольклорным истокам, но и к профессиональной русской духовной музыке

Средневековья. Знаменное пение – основной вид пения на богослужении – включало мелодические украшения – фиты и лица, которые представляют собой пространные вокализмы с развитым внутрислоговым распевом. При этом их запись была условной, так называемой «тайнозамкненной», то есть в ранний период фиты и лица существовали в полуустной традиции.

Кондакарное пение являло собой письменную традицию уже в самом раннем списке Кондакаря – Типографском. Музыкальная письменность кондакарного пения более сложная, чем знаменная. Ее двустрочная запись верхней строки из крупных знаков, так называемых ипостаз, и мелких знаков нижней, так называемых аналитических, – более точно фиксировала сам напев. В его записи фактически не применялась «тайнозамкненность», как в фитах и лицах знаменного пения. По сути она была подобна записи «дробным знаменем» в более позднее время – в конце XVI в., когда возникла подробная запись фитных и лицевых напевов.

Сегодня нам, воспитанным в советское время на фольклоре, когда значение духовной музыки просто игнорировалось, трудно представить, что в церковном пении многие достижения опережали фольклор. Но факты – вещь упрямая. И если лирическая протяжная песня, как считают фольклористы, возникла на Руси на раннее XV–XVI вв., то пространный тип пения и его элементы появились уже в конце XI – начале XII в. То есть возникновение церковно-певческой традиции пространного пения опережало подобную традицию в фольклоре по крайней мере на 400–500 лет. Таким образом, типологически важные качества русской классической музыки – распевность и мелодичность – были заложены в русской духовной музыке, в фитном знаменном и кондакарном пении, что усиливает роль церковного пения в формировании основ отечественной музыкальной классики.

Причины раннего развития пространного пения в богослужении были заложены в церковном уставе, в соответствии с которым требовалось протяженное по времени пение, связанное с обрядовыми действиями, такими как каждение храма, целование иконы праздника, причащение мирян и священства и др.

Развитию пространного пения помогало возникновение музыкальной письменности, которая частично была перенесена на Русь из Византии. Приняв богослужение по византийскому обряду, Русь заимствовала служебные певческие книги, которые потребовали адаптации. Для песнопений это было необходимо из-за церковнославянского языка с другой лексикой, что вызывало иное соотношение напева и текста, а также из-за интонации. Музыкальная интонация, впитавшая особенности греческой речи, не могла быть принята на Руси без изменений. О весомой адаптации византийской традиции, начало которой относится к раннему периоду в истории церковного пения, можно судить по своеобразию русской духовной музыки позднего Средневековья.

Важную роль в истории русской профессиональной музыки сыграло создание музыкальной письменности. В Византии и на Руси она имеет типологические отличия. Византийская нотация является интервальной, то есть каждый ее знак обозначает интервал по отношению к предыдущему звуку.

Русская нотация подобна фонетическому письму (хотя не равна ему): каждый знак обозначает распев одного слога текста одним, двумя, тремя (редко четырьмя) звуками. Но от византийской интервальной письменности были заимствованы некоторые элементы, такие как запись речитации одним знаком (в знаменном распеве – стопицей, в Византии – исоном), в знаменном распеве использование знака запятой для записи звука на ступень ниже предыдущего, а знака палки – на одну ступень выше и т. д. То есть русские теоретики использовали византийскую систему только отчасти, применяя в кондакарном пении лишь четвертую часть византийских знаков. По существу, была создана оригинальная нотация, соединившая принцип, близкий фонетической нотации, и элементы интервальной византийской. Это оказалось возможным благодаря общей высокой культуре грамотности в Великом Новгороде, которую подтверждают сохранившиеся там берестяные грамоты. Кроме того, вероятно, сыграли свою роль культурные

связи с Европой, где уже в 1015 г. был создан знаменитый трактат о музыке Гвидо д'Арещо, который вводил линейную музыкальную письменность, подобную фонетическому письму.

До сих пор остро стоит проблема прочтения кондакарной нотации. Эту проблему, на наш взгляд, поможет решить комплексное изучение стиля эпохи. Близость музыкального языка и структурных единиц знаменного и кондакарного пения проявляется в том, что уже в певческих источниках XII в. в отдельных фрагментах песнопений встречается смешение нотаций знаменной и кондакарной. Более известны кондакарные вкрапления в знаменной стихире свв. Борису и Глебу «Плотьскую богатыща», менее известны знаменные вкрапления в кондакарную – они есть, например, в пасхальном тропаре «Христос воскрес» в списке Благовещенского кондакаря.

Важным элементом русской музыкальной письменности была запись ритма, который в Европе стали фиксировать значительно позже – только во второй половине XIII в., уже в период так называемой мензуральной нотации. Судя же по новейшим исследованиям византологов, в византийской нотации запись ритма была очень условной – ее уподобляют ровному ритму григорианского пения. От византийской нотации были заимствованы лигатуры, что перешло из кондакарной в поздние демественную, путевую и казанскую нотации.

Ранний период церковного пения, в том числе пения кондакарного, заложил важные типологические характеристики русской профессиональной музыки, такие как широкая мелодичность и распевность. Они найдут продолжение в период позднего Средневековья и Нового времени, войдут в золотой фонд отечественной музыкальной классики и сохранятся вплоть до наших дней, подтверждая важную роль духовной культуры в становлении профессионального музыкального искусства.

В. Г. Пуцко (Калужский музей изобразительных искусств)

ИКОНОПИСНЫЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сакральное искусство средневековой Руси наиболее широко и отчетливо представлено церковным зодчеством и иконописью. В отличие от монументальных сооружений, иконы нередко подвергались перемещению, и поэтому их историческое существование далеко не всегда соответствует месту выполнения. Локализация произведений иконописи порой связана с почти непреодолимыми трудностями и в результате часто оказывается условной. Перемещались не только иконы, но и мастера-иконописцы. Тем не менее история русского искусства успела ввести понятие школ как отражение исторической реальности.

В соответствии с этим иконы XI–XII вв. следовало бы выделить как византийско-русскую школу, объединяющую результаты творчества греческих и первых поколений русских мастеров. Правда, здесь оказываются и немногие привезенные из Византии произведения, сохранившиеся до наших дней. Весьма вероятно привлечение опытных греческих иконописцев для выполнения наиболее ответственных заказов вплоть до рубежа XII–XIII вв., судя по объемной трактовке классифицирующих форм, обычно упрощенной под кистью русских последователей. Этот период отмечен усвоением обширной, иногда довольно сложной иконографии, о чем свидетельствуют прежде всего стенописи.

Политические события XIII в., такие как захват Константинополя крестоносцами и монголо-татарское вторжение на Русь, не могли обойти стороной и иконописание: это сказалось на заметном отходе от византийских традиций и появлении опосредствованных западных воздействий. Последние проникали исключительно в византийском контексте (икона Толгской Богоматери тронной).

Новгородская школа иконописи, представленная большим количеством произведений, по своему характеру сложная и противоречивая. На смену традициям XIII в. здесь с 1330-х гг. начинается усвоение образцов палеологовского искусства, не самого высокого уровня. Местное

направление усиливается с последней четверти XIV в., когда, собственно, и очерчиваются специфические особенности местной школы. Не исключено, что здесь сыграло не последнюю роль творчество Феофана Грека, хотя это воздействие вскоре сошло на нет. Вырабатываются лаконичные композиционные схемы, лики написаны легко и свободно. В выборе святых, изображаемых на иконах, отражаются народные вкусы. Широко распространены иконы с избранными святыми. Получает распространение новый сюжет – Покров Богоматери, образцом чего может служить икона из Зверина монастыря, выполненная около 1399 г. Отличительную особенность икон XV в. составляет скупость в сюжетной и композиционной разработке образа (по В. Н. Лазареву). Примечательна икона 1467 г. с изображением молящихся новгородцев (по заказу боярина Антипы Кузьмина). В конце XV в. становится заметным стилистическое сближение новгородской иконописи с московской, в итоге к середине XVI в. они почти неразличимы. Отдельно можно говорить об иконах северных земель.

Псковская школа иконописи известна меньше, но она имеет свое ярко выраженное лицо, с часто асимметричными композициями, своеобразным рисунком и несколько сумрачным колоритом. Самой значительной из ранних икон является житийная икона Ильи Пророка, датируемая серединой XIII в. Устойчивыми были архаические течения. Порой обнаруживаются воздействия романского стиля. Развитие псковской иконописи протекает в несколько замедленном темпе, демонстрируя противоречивые стилистические черты. Лучшие псковские иконы создаются в первой половине XV в. Новые веяния проникают из Новгорода, а позже также из Москвы. Но и навеянные московскими образцами произведения сохраняют эмоциональную выразительность. Показательно, что еще в середине XVI в. псковских мастеров приглашали в Москву. Правда, выполненные ими иконы потом долго волновали столичные умы своим символизмом.

Московская школа сложилась в значительной мере на основе наследия художественных центров среднерусских княжеств. Большую роль в ее становлении и развитии сыграли оживленные связи с Константинополем, способствовавшие утверждению аристократизма. Приезд греческих мастеров в 1344 г., отмеченный летописью, не был единственным. Резкое усиление византизирующего течения связано в конце XIV в. с появлением в Москве Феофана Грека. Вскоре ведущая роль перешла к Андрею Рублеву, творчество которого, а также его мастерской представляет высочайшее достижение московской иконописи. Столь элитарное искусство не могло получить широкого распространения и ограничивалось заказами аристократического круга. Таким могло стать позже искусство Дионисия.

В начале XVI в. на московской почве последовательно осуществляется объединение достижений этих иконописных школ в процессе оформления общерусского художественного стиля, чему способствовала и миграция мастеров. Конечно, отдельные локальные особенности заметны, но они незначительные и не нарушают целостности произведения.

Е. М. Райчинец (ИРИ РАН)

ИНОЗЕМНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НОВГОРОДЕ В XII–XIII вв.

Проблемы взаимоотношений иноземцев и Новгорода поднимались в работах исследователей (Л. К. Гётц, А. Л. Хорошкевич, Е. А. Рыбина, Н. А. Казакова, П. В. Лукин). Однако основное внимание в работах уделялось XIV–XV вв., периоду расцвета Ганзейского союза. В связи с этим интерес представляют ранние отношения Новгорода с иноземцами, все еще относительно слабо изученные. Стоит отметить сравнительно небольшой массив источников по периоду XII–XIII вв. Среди опубликованных дипломатических актов, затрагивающих взаимоотношения с иноземцами, к этому времени относится всего 6 грамот [ГВНП, с. 5–29]. Помимо грамот на пергамене,

отдельные известия по теме можно почерпнуть в летописях, в основном новгородско-софийской группы, и берестяных грамотах.

Новгород, находившийся на торговых путях, долгие века сталкивался с большим притоком иноземцев. Что это значило для северного города? Угнетающее воздействие специфического климата компенсировалось тем, что у Новгородской земли были товары для обмена, высоко ценившиеся в других землях, и возможности для обмена в пределах города. Развитая торговля позволяла жителям получать не только необходимые блага, но и экзотические товары и предметы роскоши [История России, с. 318]. Поэтому новгородцы сами стимулировали и постоянно поддерживали торговые связи. Что, в свою очередь, означало постоянный приток иноземцев, их присутствие и участие в городской жизни.

Неслучайно и то, что некоторые иностранные источники считали Новгород столицей Руси («Хольмгард» в скандинавских сагах, см.: [Джаксон]). Они видели гигантский, по их меркам, город, с развитым правом, активной торговлей, хорошо сформированной транспортной сетью. Город, постоянно наполненный людьми, прибывающими со всех возможных направлений (Волжский торговый путь – «из варяг в арабы», Днепровский путь – «из варяг в греки», а также пути местного значения, например, заволоцкий).

Инфраструктура города и пригородов также интенсивно развивалась. Этому способствовали всегда оживленная обстановка на путях сообщения и стремление города привлечь к себе еще больше ресурсов. Здесь находятся истоки формирования целой отдельной социальной группы – транспортного персонала, выделившегося из массы новгородцев и занимавшегося специально перевозкой и сопровождением грузов от границ Новгородской земли до Новгорода [Лукин]. Функционирование института транспортного персонала было обоудовыгодно, поскольку иноземцы получали гарантии безопасности и незамедлительной доставки, а новгородцы – транспортную монополию. Однако бывали и конфликты [Лукин].

В Новгороде уже в XII в. сложился устойчивый порядок приема иноземных купцов, который был приспособлен к погодным условиям. Отсюда термины «зимние гости» [ГВНП, с. 7, 10] и «летние гости» [ГВНП, с. 9, 11]. Способ передвижения купцов (санный путь, водный) варьировался в течение годового цикла (распутица, первый путь, ледостав).

Берестяные грамоты сохранили свидетельства предприимчивости новгородцев, приспособившихся как к климатическим условиям, достаточно сильно влиявшим на годичный круг повседневной жизни, так и к их экономическим последствиям. Например, описываются ситуации периода распутицы, когда было выгодно торговать, поскольку конкурентного иноземного товара мало. Берестяная грамота № 999, датируемая XII в. [НГБ XII, с. 97–98] содержит указание новгородца продать рожь в распутицу. В таких случаях зерно выставляли на продажу подороже, поскольку в условиях дефицита на него все равно будет высокий спрос.

Присутствие иноземцев подталкивало Новгород к усовершенствованию права. Еще в первой трети XI в. в Новгороде произошло правовое закрепление льгот варяжского контингента. Основной закон, «Русская Правда», содержал специальные статьи, призванные урегулировать конфликтные ситуации, возникавшие между местным населением и иноземцами [Правда Русская, с. 13 (п. 10), 14 (п. 10–11)]. Согласно «Уставу о мостех», в поддержании качества дорожного покрытия участвовали не только новгородцы, но и проживавшие на иноземных дворах «немцы» и «готы» [Гиппиус, с. 24].

Есть свидетельства, когда в голодные времена новгородцы отдавали своих детей иноземцам (известия НПЛ за 1128 г. [НПЛ, с. 22], за 1230 г. [НПЛ, с. 71]). Причем в 1128 г. «отец и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромь гостьмь» [НПЛ, с. 22], чтобы спасти своих детей от голодной смерти. А в 1230 г. «даяху отци и матери дѣти свое одьрень ис хлѣба гостьмь» [НПЛ, с. 71]. Летописец подчеркивает, что во втором случае голод был «не въ нашей земли въ одинои, нъ во всеи области Русетѣи» [НПЛ, с. 71].

Новгородцы, согласно летописям, радовались приезжим купцам, гостям. В частности, НПЛ за 1231 г. отмечает помощь «немцев изъ заморья» в период двухлетнего голода в Новгороде, так

как те привозили жито и муку, «и створиша много добра» [НПЛ, с. 71, 280]. Формула «немцы из заморья» появляется также в НПЛ за 1237 г., когда «нѣмци изъ заморья», объединив усилия с местными (Орден меченосцев, в летописи «рижане») в Риге, чудью и псковичами, пошли совместным походом на Литву [НПЛ, с. 74, 285]. По некоторым данным, «немцами из заморья» в 1236 г. был отряд крестоносцев из Гольштейна [Urban, p. 145]. В событиях военного противостояния 1232–1233 гг. под летописными «немцами» скрываются жители Ливонии (Медвежьей головы). Не исключено, что «немцами из заморья» 1231 г. были немцы с территорий, расположенных западнее Риги.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что известия о связях Новгорода XII–XIII вв. с иноземцами занимают заметное место во внутренних и внешних правовых документах, а также в летописях, записях путешественников и берестяных грамотах. Имеющиеся в сравнительно небольшом количестве письменные источники об иноземцах в Новгороде еще не исчерпаны и могут дать ценные сведения по социально-экономической истории Новгорода XII–XIII вв.

Источники

ГВНП. 2-е изд. М., 2025. Т. 1.

НГБ XII – Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940.

Литература

Гиппиус А. А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех» // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.

Джаксон Т. Н. «Страна городом» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов // Slověne. 2015. Т. 4. № 1. С. 170–179.

История России: В 20 т. М., 2024. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси.

Лукин П. В. Транспортный персонал средневекового Новгорода: об одной недостаточно изученной категории рядового населения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1 (91). С. 90–96.

Urban W. The Prussian Crusade. 2nd ed. Chicago, Illinois, 2000.

Е. В. Салмина, С. А. Салмин (Археологический центр Псковской области)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ ПСКОВА XI–XII вв. НА ТЕРРИТОРИЮ ГОРОДСКОГО НЕКРОПОЛЯ (РАСКОПКИ 2016–2020 гг. У МСТИСЛАВСКОЙ БАШНИ)

Археологические раскопки 2016–2020 гг. на территории бывшей псковской ТЭЦ принесли неожиданные результаты, касающиеся раннегородских отложений. Практически на всей площади Мстиславских раскопов (более 3600 кв. м) были обнаружены остатки некрополя X–XI вв., синхронного изучавшемуся в Пскове на протяжении второй половины XX – начала XXI в. [Древнерусский некрополь]. Включенный в общий комплекс древнейших городских захоронений, новый участок закрыл пространственную лауну и показал, что захоронения дохристианского периода, распространившись на значительные пространства на протяжении нескольких десятилетий второй половины X в., создают единый массив [Салмина, Салмин 2021]. Синхронность значительной части погребений (при отсутствии известных нам значимых скоплений захоронений, относящихся к более раннему периоду) заставляет вернуться к пересмотру существующих представлений о населении Пскова в X – начале XI в.

Данные археологии показывают, что к началу XI в. вокруг участка первичного заселения [Седов, с. 15–17; Яковлева, Салмина, Королева, с. 146–147] сформировался «курганый пояс», не

включенный в хозяйственную жизнь города. Не позднее первой трети XI в. происходят важнейшие перемены: пространство, прежде занятое погребальными памятниками, перестает использоваться как место захоронений и застраивается городскими жилыми объектами, причем период между прекращением погребений и застройкой крайне непродолжителен. Территория некрополя превращается в зону жилищного освоения, нередко настолько плотного, что промежутки между соприкасающимися насыпями курганов начинают использоваться в качестве основ котлованов заглубленных в землю жилых построек (это явление прослеживается как на новооткрытом («Мстиславском») участке некрополя, так и на изученных ранее.

Не позднее середины XI в. прекращаются захоронения на территории курганного некрополя и происходит смещение погребальных пространств к новым культовым объектам – древнейшим христианским городским храмам.

К началу XII в. вся археологически изученная территория бывшего городского некрополя оказывается заселенной (хотя и не везде фиксируется уличная структура, характерная для городских поселений). В материальной культуре Пскова конца XI – первой половины XII в. выделяется значительное количество находок, традиционно воспринимаемых как свидетельства активной политической жизни города (в том числе свинцовые буллы Владимира Мономаха и архонта Михаила [Королева, с. 44–45; Кулакова, Калинина, Фисенко, с. 48–51]; с второй трети XII в. к этим сфрагистическим материалам прибавляются «малые печати», происходящие в том числе и с нового «Мстиславского» участка [Салмина, Салмин 2022]).

Представляется, что археологические материалы отражают следующие исторические обстоятельства: удачное стратегическое положение Пскова превращает его в плацдарм для покорения прибалтийских земель, что приводит к росту его экономического и военного значения, сопровождающемуся ростом численности населения. Приграничное положение города не позволяет ему превратиться в агломерацию свободно расположенных поселений, и новые поселенцы должны осваивать участки города, до этого момента сохранявшие сакральный статус, то есть включать территорию бывшего языческого некрополя в состав селитебной зоны.

Литература

- Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб., 2012. Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города); СПб., 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря).
- Королева Э. В. Итоги работ на Печерском раскопе в г. Пскове в 2000–2001 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2003. С. 38–46.
- Кулакова М. И., Калинина Е. М., Фисенко А. А. Итоги археологических исследований 2021 г. у бывшего кинотеатра «Октябрь» // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2022. Вып. 37. С. 34–53.
- Салмина Е. В., Салмин С. А. Псковский некрополь X–XI вв.: новые открытия и новые вопросы (по материалам Мстиславских раскопов 2016–2019 гг.) // Экспедыцыя працягласцю ў жыцце. Зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск, 2021. С. 195–208.
- Салмина Е. В., Салмин С. А. Находки пломб «дрогичинского типа» в Пскове (2017–2020 гг.) // STRATUM PLUS. 2022. № 6. С. 313–318.
- Седов В. В. Становление Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 100-летию летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 8–18.
- Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Псков // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 138–159.

И. Турет (Кентский университет, Огайо)

ВОСПРИЯТИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО СЮЖЕТА «ВИДЕНИЕ СМЕРТИ ПРАВЕДНОГО И ГРЕШНОГО» В МОСКОВСКОЙ РУСИ

В составленной в 1575 г. описи Краснохолмского монастыря упоминается о том, что на внутренней стороне его Святых ворот располагалась композиция, названная «Видение смерти

праведного и грешного» [Описи, с. 384]. Это первое на русской земле письменное упоминание изображения «Видение смерти праведного и грешного». Цель предлагаемого исследования – установить иконографию этого изображения и то, как она развивалась в Московской Руси.

Византийские изображения хорошей и плохой смерти, представленные в греческой Феодоровской псалтири 1066 г. и в иллюстрированной рукописи XI в., называемой «Лествица» [Marinis, p. 49–51], повлияли на развитие средневековой западной иконографии притчи о богаче и Лазаре. Спокойное исхождение души Лазаря из его рта и желание души быть принятой ангелами стали ключевыми чертами изображения хорошей смерти. Богачу, напротив, досаждают демоны, и разлучение его души и тела представлено как болезненный и внушающий ужас процесс.

Иконография притчи о богаче и Лазаре повлияла на византийскую композицию «Видение смерти праведного и грешного», которая впервые обнаруживается на фресках конца XII или XIII в. в слепой арке западной стены трапезной монастыря Святого Иоанна Богослова на острове Патмос. Райнер Штихель установил, что литературным источником этих фресок на Патмосе был один рассказ из Скитского патерика (*Apophthegmata patrum*), составленного где-то между концом IV и VI вв. В этом рассказе, который, по-видимому, является адаптированной версией видения смертей праведников и грешников апостолом Павлом из «Откровения Павла», говорится о том, как Бог послал волка к отшельнику, который хотел стать свидетелем смерти праведника и грешника. Волк привел отшельника в город, где тот увидел людей, окруживших смертное ложе некоего монаха и оплакивающих приближающуюся смерть этого монаха, которого они считали спасителем своего города. Некое создание из преисподней, которому Бог приказал вырвать душу этого нечестивого монаха за его тщеславие, спустилось к монаху и, перед тем как вырвать его душу, вонзило ему в сердце пылающий трезубец. После этого видения отшельник стал свидетелем смерти больного путника. Отшельник увидел архангелов Гавриила и Михаила, сидящих рядом с этим человеком. Поскольку Бог велел им безболезненно разлучить душу этого человека с его телом, ангелы не стремились вытащить его душу изо рта. Наконец царь Давид со своими гуслиями и несколько святых выманили душу из тела путника своими сладкозвучными напевами, и она устроилась на руках у архангела Михаила [Stichel, p. 23–24].

Композиция одной из фресок на Патмосе изображает вторую часть рассказанного в Скитском патерике видения отшельника. Справа на фреске изображен сидящий на камне отшельник. Он смотрит на архангелов Михаила и Гавриила, которые склонились над телом человека, лежащего на подстилке на земле, снаружи кирпичной стены, которая обозначает город. Над головой этого человека Давид играет на гуслиях, а сверху на человека смотрят несколько святых, в то время как из его рта появляется нагая душа. Душа человека тянется к ним обеими руками.

На одной из сделанных Светланой Томекович фотографий поврежденной фрески на левом софите слепой арки трапезной на Патмосе видно того же увенчанного нимбом отшельника и ангелоподобную фигуру в темных одеждах и без нимба, которая спускается с неба и целится большим копьём в некую фигуру внизу, которая сейчас утрачена. Темный ангел представляет собой то создание из преисподней, которое совершало разлучение души и тела грешного монаха. На фотографии также видны несколько горюющих уважаемых граждан города.

Сцена видения отшельником смерти праведника представлена и на фреске, написанной в начале XVI в. Феофаном Критским в трапезной Великой Лавры на Афоне. На этой фреске изображены молящийся с поднятыми руками отшельник и некое животное, напоминающее волка. На ней также показаны: лежащий на земле странник, играющий на гуслиях царь Давид и два ангела, один из которых держит крохотную душу.

Композиция «Видение смерти праведного и грешного» была известна в Московской Руси, о чем свидетельствует плохо сохранившаяся фреска в западной галерее Благовещенского собора в Кремле, которая, по мнению И. Я. Качаловой, была написана между 1547 и 1551 гг. [Качалова, с. 37, 41]. В. В. Суслов неопределенно назвал образы по сторонам двери, которая ведет в южную галерею, сценами, изображающими жизнь и смерть святых [Суслов, с. 22]. Недавно Т. Е.

Самойлова и Т. Д. Панова высказали мнение, что фреска слева от двери изображала смерть монаха [Samoilova, Panova, p. 12]. Однако рисунок, который В. В. Суслов сделал в начале XX в., показывает, что две фрески по сторонам двери представляли изобразительный цикл «Видение смерти праведного и грешного», в котором было значительно больше подробностей, чем на фресках трапезных монастыря на Патмосе и Великой Лавры [Суслов, с. 23]. Похожий набор изображений находится также и на пономарской двери 1607 г. Введенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря. И фреска в Благовещенском соборе, и это изображение на пономарской двери содержат новый иконографический мотив – двух демонов, которые тащат душу железными крючьями. К началу XVII в. композиция «Видение смерти праведного и грешного» была хорошо известна русским художникам, которые добавляли к ней новые иконографические детали. Очевидно, что ее изображение на Святых воротах Краснохолмского монастыря было частью этой московской визуальной традиции.

Источники

Описи Краснохолмского Николаевского монастыря, относящиеся к XVI столетию // Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь, 1879. Т. 1. Отд. I. С. 346–400.

Литература

Качалова И. Я. «Монументальная живопись» // Благовещенский собор Московского Кремля. К 500-летию уникального памятника русской культуры. М., 1990. С. 21–44.

Суслов В. В. Благовещенский собор в Московском Кремле // Памятники древнерусского искусства. СПб., 1910. Вып. 3. С. 11–26.

Marinis V. Death and Afterlife in Byzantium. The Fate of the Soul in Theology, Liturgy, and Art. Cambridge, 2017.

Samoilova T. E., Panova T. D. The Burial Chamber of Ivan the Terrible. Moscow, 2004.

Stichel R. Studien zum Verhältnis von Text und Bild spät- und nachbyzantinischer Vergänglichkeitsdarstellungen: Die Anfangsminiaturen von Psalterhandschriften des 14. Jahrhunderts, ihre Herkunft, Bedeutung und ihr Weiterleben in der griechischen und russischen Kunst und Literatur. Vienna, 1971. (Byzantina Vindobonensia; 5).

О. В. Часовитина (МГУ им. М. В. Ломоносова)

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ» И «DE EXCIDIO BRITANNIAE»: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТОВ

«Слово о погибели Русской земли» – древнерусский памятник книжности XIII в., сохранившийся в двух списках XV и XVI вв. в неполном виде. Часть, считающаяся зачином «Слова», читается в качестве введения к первой редакции «Повести о житии Александра Невского» [Бегунов 1965, с. 7–11; Дмитриев, с. 432]. Ю. К. Бегунов, А. В. Соловьев и В. В. Данилов сопоставляли «Слово» с памятниками античной и средневековой литературы [Бегунов 1958, с. 144–146; Соловьев, с. 83–86; Данилов, с. 133–136].

Сочинение преподобного Гильды Премудрого «De Excidio Britanniae» написано в VI в. и включает описание географии, природы и заселенности Британии [Чехонадская, с. 136–166; Гильда, с. 174–175, 240–241]. Этот отрывок содержит параллели к мотивам «Слова». Гильда упоминал реки (fluminum), города (civitatibus), поля (campis), холмы (collibusque) и горы (montibus), животных (animalium), источники (fontibus) [Гильда, с. 174–175]. В «Слове» говорится об озерах, реках, колодцах, горах, холмах, дубравах, полях, животных, городах – порядок отличается [Слово, с. 90]. Сравнение разнообразных цветов с девушкой в драгоценном уборе у Гильды [Гильда, с. 175] созвучно с фразой «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Русская!» в начале «Слова» [Слово, с. 90].

Оба автора касались населения и религии. Гильда сокрушался о «гражданах» (лат. civibus), царях и тиранах, против которых восставала Британия, о том, что она восстала «против Бога» [Гильда, с. 175, 241]. Автор «Слова», наоборот, восхищался «домы церковными и князьями

грозными, бояры честными, вельможами многими», христианской верой жителей [Слово, с. 90]. В «Слове» передана картина изобильной Русской земли, выдающихся правителей и их феодального окружения.

А. В. Соловьев и В. В. Данилов показали, что мотивы патриотизма редки в средневековой литературе [Соловьев, с. 83–87; Данилов, с. 133–138]. Учитывая сходство композиций и образов в исследуемых текстах, можно предположить, что автор «Слова» использовал в качестве одного из источников образного ряда пересказ отрывка из «De Excidio Britanniae». Предполагаемое использование пересказа части латинского сочинения могло быть обусловлено связями автора «Слова о погибели Русской земли» как со значительным центром книжности, так и с людьми, занимавшими выдающееся положение в церковной или феодальной иерархии.

Источники

Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды. СПб., 2014.
Слово о погибели Русской земли // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 90–91.

Литература

Бегунов Ю. К. Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 143–146.
Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
Данилов В. В. «Слово о погибели Русская земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 132–142.
Дмитриев Л. А. Слово о погибели Русской земли // СККДР. Л., 1987. Вып. 1. С. 432–434.
Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Русская земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 78–115.
Чехонадская Н. Ю. Гильда: видение из другого мира // Гильда Премудрый. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды. СПб., 2014. С. 9–170.

С. Б. Чебаненко (СПбГУ)

ОТНОШЕНИЕ К МЕСТИ И УТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕИ БОЖЬЕГО МЩЕНИЯ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО И СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ

Противостояние Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного (1015–1019 г.) изображается в Повести временных лет (далее – ПВЛ) как мщение Святополку за смерть Бориса и Глеба. Рассказ об этих событиях в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1Лмл) и в ПВЛ отличается: в первой демонстрируется бесстрастная манера изложения, во второй появляются рассуждения на тему мщения [ПСРЛ, т. 3, с. 174–175; т. 1, стб. 140–146].

Рассказ Н1Л под 1016 г. об избиении варягов в Новгороде, ответных действиях Ярослава и о начале похода Ярослава на Святополка (где нет мотива Божьего мщения) в большей части первичен по сравнению с чтением ПВЛ [Лукин 2007, с. 15–17; Михеев, с. 28–49]. В Н1Лмл мотив Божьей мести и мести Ярослава за братоубийство почти не отмечается: только когда говорится о смерти Святополка «межи Чахы и Ляхы», он назван «окаянным», но это поздняя вставка [Гиппиус, с. 59–60; Вилкул, р. 15; Милютенко, с. 232; Михеев, с. 39–41].

В ПВЛ идея мести раскрывается по-разному: новгородские события 1015 г. (месть новгородцев варягам и ответная реакция Ярослава) почти не получают оценок, а борьба Ярослава и Святополка уже освещается в контексте Божьего отмщения за смерть Бориса и Глеба.

В первоначальном рассказе об усобице 1015–1019 г. в тексте летописного свода, предшествовавшего ПВЛ, Н1Л и Начальному своду 1090-х гг., не упоминалось об убийствах Бориса, Глеба и Святослава, о битве на р. Альте и о смерти Святополка [Михеев, с. 149; Лукин 2014, с. 129–130]. Этот ранний вариант описания борьбы Ярослава и Святополка представлен в

Н1Лмл, которая здесь опиралась на летописный свод, созданный до появления борисоглебского культа [Михеев, с. 28–49]. В таком виде текст сложился в первой половине – середине XI в. Рассказ о Борисе и Глебе (и элементы назидательного характера) был внесен в текст летописи не ранее второй половины XI в. (не позднее 1090-х гг.), возможно, в 1070–1080-е гг. [Михеев, с. 146–148; Лукин 2014, с. 123–124]. Более ранний вариант рассказа, отраженный в Н1Лмл, не знает рефлексий относительно братоубийства и Божьей мести, появляющихся в летописном рассказе позже, в рамках формирования борисоглебского культа.

Мотив Божьего мщения, представленный в ПВЛ, не служил прикрытием для кровной мести Ярослава, поскольку, согласно данным Н1Лмл и иностранным источникам, такая месть не декларировалась, а выступление князя против старшего брата было обусловлено иными причинами. Тема мести появляется в результате складывания борисоглебского культа как один из его элементов.

История Бориса, Глеба и Святополка непосредственно соотносится с библейским рассказом об Авеле и Каине [Успенский, с. 22–39]. Идея Божьего мщения была необходима в контексте отождествления Святополка с Каином. Каин за убийство Авеля был проклят Богом и стал изгнанником и скитальцем на земле. Божья кара для Святополка в первую очередь – изгнание и окаянность. Святополк бежит, «гонимъ Божимъ гнѣвомъ». Вопрошания Ярослава Богу с просьбой о мщении [ПСРЛ, т. 1, стб. 141, 144] изображают его орудием Божьей воли, благодаря которому новый Каин изгоняется. Усилия Ярослава приводят Святополка к тому же исходу, что и Каина, – к изгнанию, в этом главная роль Ярослава для отождествления недавних событий с ветхозаветной историей. Если из рассказа ПВЛ убрать молитвы Ярослава о Божьем мщении, то приравнение Святополка к Каину становится не столь эффективным в плане соотнесения с библейской историей.

Кара Святополку, кроме изгнания и страданий, включает смерть и посмертные муки, что отличает ее от участи Каина. Его скорая смерть после бегства из Киева не позволила летописцу строго следовать ветхозаветной схеме, что привело к включению дополнительных элементов Божьего наказания. Летописец стремился провести параллели с Каином, но из-за различий в последствиях убийства сравнил Святополка с другими библейскими убийцами. После закрепления в борисоглебском культе мотива Божьего мщения Святополку другие случаи мести стали интерпретироваться через концепцию Божественного возмездия.

Литература

- Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. [Vol.] 11. P. 5–35.
- Гиттиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *НИС*. СПб., 1997. [Вып.] 6 (16). С. 3–72.
- Лукин П. В.* События 1015 г. в Новгороде. К оценке достоверности летописных сообщений // *Отечественная история*. 2007. № 4. С. 3–20.
- Лукин П. В.* Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
- Милютенко Н. И.* Святые мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.
- Михеев С. М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.
- Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Е. Ю. Щеголькова (НИУ ВШЭ СПб)

БОЛЬНЫЕ И НЕДОСТОЙНЫЕ:

СВЯТОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ И ВСЕСЛАВ ПОЛОЦКИЙ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Согласно Повести временных лет, киевский князь Святослав Ярославич скончался 27 декабря 1076 г. «отъ рѣзанья желве» [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 199]. Традиционно считается, что Святослав

умер от операции на опухоли, нарыве, тогда как сам эпизод находит параллели с библейским рассказом об исцелении царя Иезекиа [Литвина, Успенский]. В это же время во Франции, как показал Марк Блок, появляются первые короли-чудотворцы. Среди них – племянник по матери Святослава Ярославича, Филипп I, и его сын, Людовик VI, исцелявший больных золотухой. Именно золотухой, или «королевской болезнью», то есть воспалением лимфатических узлов на шее, вызванным бактериями туберкулеза, – на наш взгляд, был болен Святослав Ярославич. На это, в частности, указывает рассказ о руке Глеба, которую князь прикладывает не только к шее, но к глазам и к темени. Если мы правы, в литературной традиции Святослав был дискредитирован дважды: как по отношению к событиям древней, библейской истории, так и по отношению к событиям актуальной, современной истории. Как верховный правитель, он не просто лишился чудотворного дара подобно Филиппу I, но оказался носителем той самой болезни, от которой его французские родичи могли исцелять прикосновением рук.

Пару Святославу Ярославичу в Повести временных лет составляет Всеслав Полоцкий. Если Святослав, согласно рассказу о чудесах святых Бориса и Глеба, обнаружил ноготь Глеба у себя на голове, то Всеслав Полоцкий, рожденный от волхования, носил на голове кусочек плаценты (язвено) и потому был «немилостив на кровопролитье». Тем не менее именно эти два князя начнут первыми почитать Бориса и Глеба и дадут своим сыновьям их имена. На наш взгляд, рассказы о Святославе и Всеславе были призваны дискредитировать их в первую очередь в глазах современников и наследовавших киевский стол князей – Владимира Мономаха и Мстислава Великого. Оба они были чудесным образом исцелены: Мономах – дважды (!), от пояса варяга Шимона и зелья монаха Агапита, а Мстислав – непосредственно благодаря вмешательству святого Пантелеимона. Формирование этих рассказов в свете притязаний Мономаха и его сына на власть в Киеве кажется нам неслучайным. Косвенным свидетельством в пользу того, что при княжеском дворе знали о французском «королевском чуде», служит вставной рассказ о слепоте Владимира Святославича в составе Корсунской легенды: «Епискупъ же Корсунский с попы цесарицины, огласивъ, крести Володимира, яко възложи руку на нь, абые прозрѣ» [ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 110–111].

Источники

ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.

Литература

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Князь Святослав и царь Иезекиа (К интерпретации статей «Повести временных лет» под 1075 и 1076 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 6–11.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУСИ ПЕРИОДА МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Т. И. Афанасьева (ИРЯ РАН)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И МЕСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ «МОЛИТВЫ К СВЯТОЙ ТРОИЦЕ»

Так называемая молитва к святой Троице является весьма необычной молитвой. Во-первых, она очень длинная и занимает около 25 листов рукописи в четверку; столь пространные тексты молитвословий более не известны. Во-вторых, она содержит большой перечень имен святых, среди которых встречаются и западные. Эта особенность привлекла внимание А. С. Архангельского, впервые опубликовавшего молитву и датировавшего ее XV в. [Архангельский]. В этот же год вышла рецензия И. А. Шляпкина, в которой автор указал фрагмент этой молитвы XIV в. и отметил, что молитва была написана в конце XI – начале XII в., поскольку самый поздний западный святой в перечне имен – св. Канут, погибший в 1086 г. [Шляпкин].

А. И. Соболевский считал, что обе молитвы были переведены с латыни в Чехии и проникли на Русь в результате чешско-русских связей в XI в. [Соболевский, с. 36–47]. Гипотезу А. И. Соболевского разделили многие чешские слависты, прежде всего Ф. Дворник и В. Конзал [Dvornik; Konzal, p. 237–238]. Тем не менее происхождение данной молитвы вызывает вопросы. М. П. Алексеев подчеркивал, что западные святые могли быть известны на Руси через иностранных жен великих князей, которые приезжали на Русь не одни, а с собственным двором, в котором были свои капелланы и духовники; ярким примером этому является Гита, супруга Владимира Мономаха [Алексеев, с. 55]. Скандинавист Дж. Линд указал, что в перечне западных святых есть так называемые скандинавские и англо-саксонские мученики и что они почитались на Руси, имевшей в XI–XII вв. тесные связи со Скандинавией, а в Чехии могли быть не известны [Lind].

Чтобы точнее ответить на вопрос о происхождении молитвы, нужно не только опираться на имена западных святых, но и на ее содержание и функцию в литургических книгах. Эта молитва, написанная от первого лица, отчетливо делится на пять смысловых блоков: 1) восхваление Бога и благодарность ему за терпение к грехам молящегося; 2) перечень совершенных грехов; 3) призывание к заступничеству всех святых; 4) ходатайства за всех живых, в том числе за врагов и неверных; 5) поминовение всех усопших. Заканчивается молитва восхвалением Бога, то есть она имеет кольцевую композицию и заканчивается той же темой, что и начинается. На наш взгляд, это не просто молитва, а какая-то монашеская келейная служба «за всех и за вся», созданная по образцу литургической анафоры с тем исключением, что монах кается в своих грехах перед призыванием святых и ходатайством за живых и усопших, но не причащается. Нам удалось обнаружить более 20 списков этой молитвы в часословах, следованных псалтирях и канонниках XIV–XVII вв. Все они могут быть разделены на три группы по наличию или отсутствию имен западных святых в третьей части.

Первая группа из шести списков содержит имена западных святых. Перечень святых варьируется по спискам, но с наибольшей полнотой представлен в рукописи Синай. Библиотека монастыря Св. Екатерины. Sin. slav. 13.

Во второй группе изначальный перечень святых исправлен по образцу молитвы патриарха Филофея всем святым (см., например, рукопись РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 77. Л. 455 об.). Составление последней можно весьма надежно приписать митрополиту Киприану, поскольку в данной молитве упоминаются новомученики литовские Антоний, Иоанн и Евстафий, канонизация которых связана с его деятельностью на территории Великого княжества Литовского в 1374 г. [Турилов, с. 4–5]. В перечне святых молитвы к святой

Троице литовские новомученики пропущены, как и некоторые южнославянские святые, но большинство имен представлено в том же порядке, что и в молитве Филофея. Таким образом, эта группа рукописей, самая многочисленная (11 списков), отражает сознательную редактуру этой молитвы, сделанную, видимо, позже, в XV в., когда память литовских новомучеников уже не была актуальна.

Третья группа представлена несколькими списками и отражает полное упразднение перечня святых. Здесь упомянуты лишь Богородица, Иоанн Предтеча, пророки, небесные силы и общие категории святых без конкретных имен: святые отцы, мученики, безмездники и проч. Самый древний список этой группы находится в пергаменной псалтири РНБ. ОСРК. Ф.п.1.1 второй половины XIV в.

Таким образом, редактирование молитвы предпринималось уже в «пергаменный» период, а сама молитва не является монолитным текстом. Доказательство этому представлено в статье Т. Микулки, показавшего, что отдельным частям молитвы есть соответствия в переводных с латыни молитвах [Mikulka]. Нам удалось обнаружить в ней цитаты из своеобразных концовок с упоминанием небесной иерархии: млѣтвами прѣстыа влѣдница нашаѣ бѣа и приснодѣвца маріа. и стѣхъ бесплотныхъ и мыслныхъ твоихъ свѣтъ. хѣрѣвимъ и серафимъ. перваго и среднаго и конечнаго сщѣнства и оукрашения. тѣхъ млѣтвами млѣтивъи ти прими дшѣ мою с миромъ (Sin. slav. 13. Л. 152). Подчернутый пассаж заимствован из цикла молитв святителя Василия Великого, характерного для древнерусского Часословца [Андреев, Афанасьева, с. 144–147]. Таким образом, молитва является составной и наряду с западными источниками содержит элементы древнерусских переводов с греческого, поэтому вопрос о древнерусском происхождении молитвы вновь становится актуальным.

Литература

- Алексеев М. П.* Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2. С. 39–80.
- Андреев А. А., Афанасьева Т. И.* Цикл молитв Василия Великого в составе древнерусских часословов XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 2 (96). С. 143–156.
- Архангельский А. С.* Любопытный памятник русской письменности XV века. СПб., 1884.
- Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
- Турилов А. А.* Митрополит Киприан и русская культура его времени (новые аспекты проблемы – факты и гипотезы) // Славяноведение. 2017. № 2. С. 3–13.
- Шляпкин И.* Любопытный памятник русской письменности XV века. Сообщение члена-корреспондента Императорского Общества любителей древней письменности А. Архангельского. СПб., 1884 // ЖМНП. 1884. Ноябрь. С. 267–269.
- Dvornik F.* The Kiev State and Its Relations with Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society. 1947. Fourth Ser. 29. P. 38–39.
- Konzal V.* Otazniky kolem cirkevneslovanske Modlitby k sv. Trojici a ceskych vlivu na literaturu Kyjevske Rusi // Slavia. 1991. Vol. 60. No. 3. P. 232–247.
- Lind J.* The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. No. 1. P. 1–21.
- Mikulka T.* Ke genezi cirkevneslovanske Modlitby ke svate Trojici // Slavia. 2015. Vol. 84. No. 4. P. 372–396.

А. А. Бондаренко (ИРИ РАН)

ДОГОВОР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ОЛЬГЕРДА, «ИЖЕ ТОТ КНЯЗЬ БЫЛ НЯТ»: МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД МОСКОВСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

С декабря 1502 г. в Вильне велась подготовка посольства к Ивану III; спустя несколько месяцев по его результатам было заключено Благовещенское перемирие, завершившее Русско-литовскую войну 1500–1503 гг. В составе 5-й книги записей Литовской метрики сохранился наказ послам Александра Казимировича, регламентировавший их действия в ходе переговоров. Инструкции предусматривали, что московская сторона может апеллировать к неким договорам («записам»),

заключенным с Москвой великим князем литовским Ольгердом: «А бѹдѣть ли мовити ѿ записы, што перед Витовтовъ были записы, которыми же великии княз(ь) Сѹлькгирдъ поступилъ и записалъ земли великому кн(а)зю московскому, ино ѿтъказати, иже тотъ княз(ь) былъ нятъ и былъ прыпужонъ на все дозволити, какъ то нятый, и досветѣчатъ какъ са имъ видело, ѿ которыхъ ѿнъ былъ ѿ моцы, и потомъ дедъ нынешнего князя московского добровольне поступилъ тыхъ земель, на которыи земли мають ѿни записы» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 5. Л. 261 об.; публ.: [ЛМ, р. 310]).

Отсюда следует, что Ольгерд был пленен («нят») великим князем московским и принужден («припужен») к уступке каких-то территорий, которые впоследствии были возвращены Василием I Литве – вероятно, в правление Витовта. Известие о пленении Ольгерда уникально и, поскольку оно зафиксировано в источнике литовского происхождения, должно заслуживать доверия. В Вильне знали содержание упомянутых «записов» и были уверены, что их тексты имеются и в Москве. В этой связи возникают вопросы, при каких обстоятельствах и каким московским князем был схвачен Ольгерд и от каких земель ему пришлось отступить.

Источники упоминают целый ряд договоров, заключенных Ольгердом (1345–1377 гг.) с московскими князьями Симеоном Гордым (1340–1353 гг.), Иваном Красным (1354–1359 гг.) и Дмитрием Донским (1359–1389 гг.). Из этих соглашений сохранилось лишь одно, датированное в историографии 1371 либо 1372 г. – договор о перемирии, заключенный послами Ольгерда, Дмитрия Ивановича и их союзников [Кучкин, с. 119–168, 338–339]. Документ не содержит намеков на уязвимое положение литовского князя: он был волен отослать договорную грамоту, если бы она оказалась ему «не люба», что исключает его нахождение в плену.

В. А. Кучкин датирует договор о перемирии июлем 1372 г. и соотносит его с соглашением, заключенным Ольгердом и Дмитрием Донским «под Любуцком», хотя в конечном протоколе документа место его составления не указано. Согласно некоторым летописям, у Любутска был разбит литовский сторожевой полк, а Ольгерд обращен в бегство; через несколько дней стороны заключили мир (по Никифоровской и Супрасльской летописям, «вечный» мир [ПСРЛ, т. 35, с. 29, 49]), а не краткосрочное перемирие. Пленение Ольгерда, о котором летописи умалчивают, могло бы объяснить нерешительность литовских войск, так и не вступивших в бой с москвичами.

Вопреки опасениям литовцев, на переговорах 1503 г. московские дипломаты не обратились к «записам» Ольгерда, однако его договоры с великими князьями Семеном и Иваном Ивановичами предметно обсуждались накануне подписания «вечного» мира 1494 г., а также косвенно упоминались в начале 1560-х гг. Из посольских документов следует, что речь в них шла о Смоленске с пригородами и волостями, северских городах (в частности, Брянске) и верхнеокском Серенске [СБРИО, т. 35, с. 114–115, 116, 120; т. 71, с. 43, 61, 240].

В 1494 г. московская сторона предлагала составить новое соглашение как раз на основе договоров московских князей с Ольгердом, а литовская – на основе «докончаний» Василия I с Витовтом либо Василия II с Казимиром. Литовские послы отказались, сославшись на то, что договоры были заключены «незгодою Олгердовою с Кестутьем», то есть при неблагоприятных для сыновей Гедимина обстоятельствах. По причине «незгоды» бояре также отвергли соглашения отца и деда Ивана III. В 1503 г. литовскому посольству вновь было велено ссылаться на договоры Витовта и Казимира, но не на невыгодный договор 1494 г., закрепивший территориальные потери Литвы. В случае неуступчивости москвитов наказ Александра Казимировича предписывал требовать возвращения хотя бы одной Вязьмы, отошедшей к Ивану III в 1494 г. [ЛМ, р. 310].

Можно предположить, что под «незгодою Олгердовою» подразумевалось его недолгое пребывание в плену, приведшее к подписанию соглашения, положения которого были настолько выгодны Москве, что их пытались актуализировать в реалиях конца XV в.

Факт вероятного пленения Ольгерда, необъяснимым образом обойденный вниманием летописей, требует тщательного изучения и допускает пересмотр причин, обстоятельств заключения и следствий одного из московско-литовских договоров второй половины XIV в.

Источники

ПСРЛ М., 1980. Т. 35.

СБРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35; СПб., 1892. Т. 71.

LM – Lietuvos Metrika. Vilnius, 2012. Knyga Nr. 5 (1427–1506).

Литература

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003.

А. М. Введенский (НИУ ВШЭ СПб, СПбИИ РАН)

ТЕКСТ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДО 1310-х гг.

Псковское летописание не так часто попадало в поле зрения летописеведов. Работы А. Н. Насонова, монографии Г.-Ю. Грабмюллера и А. В. Валерова не смогли закрыть все текстологические и источниковедческие вопросы, которые возникают при обращении к псковским летописям. А. Н. Насонов выделил три ветви псковского летописания, которые получили названия Псковская первая (далее – П1), Псковская вторая (далее – П2) и Псковская третья (далее – П3) летописи. По мнению А. Н. Насонова, П1 сохранилась в трех редакциях. Самая ранняя из которых – свод 1469 г. Основными списками первой редакции, отражающими свод 1469 г., является Тихановский первой половины XVII в. и Архивский 1-й. П2 сохранилась в одном списке – Синодальном конца XV в. и отражает текст свода 1486 г. П3 дошла до нас в пяти списках, главными из которых являются Строевский 1560-х гг., который А. Н. Насонов считал оригиналом свода 1567 г. и возводил его к своду, созданному около 1481 г., а также Архивский 2-й. Кроме того, П1 и П3 имели общий протограф, который в историографии относят в 1460-м гг. (далее – П1/П3). Все ветви псковского летописания имели общий протограф, традиционно обозначаемый П0. П0 относят ко времени начала 1460-х гг.

На участке до 1310-х гг., когда летописные записи в Пскове фактически не велись, псковские летописи содержат данные, почерпнутые из летописных источников непсковского происхождения. Эти летописные памятники легко опознаются. На участке до 1310-х гг. это: Новгородская первая летопись (далее – НПЛ), Краткий новгородский летописец (далее – КНЛ) и какой-то список Новгородской четвертой или Новгородской пятой летописи (далее Н4/Н5).

Для удобства дальнейшего анализа следует разделить текст псковских летописей на участке до 1310-х гг. на две части. Первую из них – от начала повествования до 6573 (1065) г. можно назвать *начальной*. Ее выделение связано с тем, что на этом участке П2 содержит текст, сильно отличающийся от П1/П3.

Вторую часть можно назвать *средней*. Она начинается с 6574 (1066) г. и заканчивается на годовой статье 6816 (1308) (6817 (1309)) г. На этом летописном отрезке тексты П2 и П1/П3 близки другу к другу, но фактически отсутствуют псковские сведения, так как, как было указано выше, летописи в Пскове до начала десятых годов XIV в., скорее всего, не велись, кроме лапидарных записей, возможно, маргинальных, к примеру, на листах Пролога. Основная часть – летописный текст за XIV – первую половину XV в. – не является предметом нашего рассмотрения.

Текстологический анализ *начальной* части псковских летописей показывает несколько важных вещей. Источником П2 на этом участке был список НПЛ, который был создан не ранее 1440-х гг. Источниками общего протографа П1/П3 были НПЛ и КНЛ. В процессе работы весьма надежно выявляются новые заимствования из КНЛ, о которых раньше не было известно в историографии. Составитель П3 в качестве дополнительного источника использовал список летописи Н4/Н5. Анализ текста П1 и П2 свидетельствует о том, что на их тексты не влияла летопись Н4/Н5. В результате анализа текста летописей был обнаружен один общий фрагмент П1 и П2, который свидетельствует, на наш взгляд, о влиянии П2 на П1. Обратную зависимость

объяснить сложно. Так как текст П2 и П1/П3 в *начальной* части абсолютно разный, следует поставить вопрос, как выглядела начальная часть в П0. Отсутствие хотя бы одного общего фрагмента сразу в трех псковских летописях в *начальной* части позволяет сделать предположение, что П0 не содержал сведений за IX – первую половину XI вв., а начинался, возможно, с Жития Довмонта, а сразу после него читалась статья 6574 (1066) г. о разграблении Новгорода Всеславом, которая находится в П1, П2 и П3. Таким образом, составитель П2 и составитель П1/П3 независимо друг от друга создавали *начальную* летописную часть.

Текстологический анализ *средней* части – с 6574 (1066) по 6817 (1309) г., – где тексты всех трех летописных ветвей близки между собой, показывает сходную, но все же несколько иную картину. Появление *средней* части относится ко времени создания П0 и имеет свои особенности. Составитель П0 использовал в основном два источника – КНЛ и НПЛ (кроме того, он использует лапидарные записи явно псковского происхождения). Для данного отрезка выявить дополнительные летописные источники для П2 не удастся. Составитель П1/П3 пользуется для пополнения текста П0 списком НПЛ, вероятно, также не прибегая к летописи Н4/Н5, хотя это и требует дальнейшего изучения. А вот составитель П3 использует текст Н4/Н5, как и в *начальной* части. Составитель же П1 дополняет текст П1/П3 по КНЛ.

Наблюдения над текстом *начальной* и *средней* частей псковских летописей можно суммировать в таблице:

Летописи \ Части	П0	П2	П1/П3	П1	П3
<i>Начальная</i>	Отсутствует	НПЛ	КНЛ, НПЛ	Нет допол	+ Н4/Н5
<i>Средняя</i>	КНЛ, НПЛ	Нет допол	+ НПЛ	+ КНЛ	+ Н4/Н5

Из приведенной таблицы видно, что летописные источники, которые использовали составители псковских летописей, не столь многочисленны, однако к ним летописцы прибегали больше одного раза.

Г. С. Гадалова (Тверской областной общественной фонд культуры)

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ ТВЕРСКИХ КНЯЗЕЙ В XIII–XV вв.

Основатель династии тверских князей великий князь Ярослав Ярославич был назван мирским именем в честь отца Ярослава-Федора Всеволодовича [Литвина, Успенский, с. 626]. Однако крестильное имя Ярослава Афанасий не было передано потомкам, а его мирское имя Ярослав, согласно Синодику, получил только сын князя Ивана Ивановича Городецкого (РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1557).

Между тем в истории Тверского княжеского дома известны еще четыре мирских имени: Святослав, Владимир, Всеволод и Милослав.

Имена Владимир и Всеволод носили сыновья великого князя Александра Михайловича Тверского. Владимиром был наречен и первенец князя Андрея Борисовича Микулинского. Всеволодом ошибочно именуется в справочниках младший брат и сын Василий князя Михаила Дмитриевича Холмского ([Коган, Домбровский-Шалагин, с. 334–335]; ср.: [Петров, с. 255–256]).

Святослав – сын Ярослава Ярославича от первого брака – в источниках упоминается под мирским именем, но найденная в Великом Новгороде «Святославля печать» с изображением святого Димитрия могла принадлежать князю Святославу Ярославичу, названному в крещении

Димитрием [Янин, Гайдуков, с. 63, 159]. Сын князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского имел два имени: мирское Милослав и христианское Иван [Петров, с. 254].

По мнению исследователей, в имени великого князя Михаила Ярославича Тверского, сына Ярослава Ярославича и княгини Ксении, совмещены функции родового и христианского имен от единокровного брата Михаила [Литвина, Успенский, с. 580]. Однако исследование имянаречения в Тверском княжеском доме показывает, что княгиня Ксения Юрьевна положила начало традиции нарекать первенца в честь умершего родственника со стороны супруги князя. Из летописей известно, что Ксения – дочь Юрия Михайловича [ПСРЛ, т. 18, с. 72]. И вероятно, своего сына, родившегося после смерти мужа, она назвала именем своего деда. Эту гипотезу подтверждают наименования первенцев в семьях сына и внуков Ксении. Дмитрий, сын Михаила Ярославича и Анны Дмитриевны, назван не по святым, а, скорее всего, в честь деда – ростовского князя Дмитрия Борисовича. Княжич Лев, первенец князя Александра Михайловича и княгини Анастасии, наречен, вероятно, в честь отца или деда матери. По мнению немецкого генеалога Х. Деккер-Хауфа, Анастасия была дочерью волынского князя Юрия Львовича от второго брака с полячкой Евфимией [Decker-Hauff, S. 255–262]. Княжеская родословная княгини Анастасии вызывает сомнения, но ее галицко-волынское происхождение очевидно [Гадалова, с. 57–62].

Точные даты рождения детей в семьях младших Михайловичей неизвестны, но имя Еремей сына князя Константина Михайловича и его безымянной второй жены, вероятно, боярыни, свидетельствует о той же традиции Тверского княжеского дома. Сложнее определить, в честь кого был назван сын Василий в семье кашинского князя Василия Михайловича. Не исключено, что первенец в семье получил имя отца, но, возможно, был назван в честь брянского князя Василия Александровича, известие о смерти которого и женитьба Василия Михайловича в Брянске имеются в тверском летописании, хотя единого мнения о происхождении супруги кашинского князя Елены у историков нет ([Хмыров, с. 123]; ср.: [Голубовский, с. 311; Горский, с. 80, 88]).

Внутри каждой ветви рода в имянаречении тверских княжичей прослеживаются свои закономерности и следование семейным традициям. Если князь Александр Михайлович был наречен, видимо, в честь Александра Невского, родного дяди отца, то младшие сыновья Михаила Ярославича и Анны Дмитриевны, как и первенец Дмитрий, были названы в честь именитых предков со стороны матери – князей Константина Всеволодовича и Василька Ростовского. Имена Федор, Всеволод и Владимир продолжались в потомках князя Александра Михайловича, имя Семен повторяется в роду Константина Михайловича. Правда, Семеном назвал своего первенца и князь Даниил Дмитриевич Холмский, но, вероятно, уже в Москве, когда служил Ивану III.

Чаще всего в Тверском княжестве, как и в других землях Руси, сыновей называли Иванами, что связано с несколькими памятными датами святых в месяцесловах – Иоанна Лествичника, Иоанна Предтечи, Иоанна Златоуста [Успенский, с. 36–41]. Именно по святым, видимо, назвал великий князь Михаил Александрович Тверской своего сына Ивана, а династическое имя получил первенец в семье Александр.

О других случаях имянаречения судить трудно. Среди выявленных имен возможно наименование княжичей как по святым, так и согласно родовым традициям, ср.: Иван встречается 16 раз, Василий – 8, Александр – 7, Михаил – 7, Юрий – 6, Андрей – 6, Дмитрий – 4, Федор – 4, Борис – 3, Владимир – 2, Семен – 2, Ярослав – 2; Всеволод, Даниил, Еремей, Иосиф (Осип), Константин, Лев, Святослав – 1.

Таким образом, в семьях Тверского княжества сохранялся принцип наречения княжичей родовым именем. Однако не все правившие на тверском столе князья получали династические имена, поскольку не все были первенцами в семье. Княжеские имена повторялись из поколения в поколение, причем некоторые имена были более популярными в одной ветви,

нежели в другой. Частота наименования тем или иным именем зависела от частоты имен святых патронов, встречающихся в календарях.

Литература

- Гадалова Г. С. Женщины Тверского княжеского дома. Тверь, 2020.
- Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1. С. 76–110.
- Коган В. М., Домбровский-Шалагин В. И. Князь Рюрик и его потомки. СПб., 2004.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Петров П. Н. История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 1.
- Успенский Ф. Б. Родовые имена и небесные покровители в семье московских великих князей // Московский Кремль XV столетия. М., 2011. С. 36–41.
- Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских. СПб., 1871. Ч. 1.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3.
- Decker-Hauff H. Alexandra von Litauen, Die Großmutter Kaiser Friedrichs des Dritten // Adler: Zeitschrift für Genealogie und Heraldik. 1947–1949. S. 67–84.

Н. Ю. Гребенников (НИУ ВШЭ)

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ КОНЦА XIV в.

Северо-восточная летописная традиция XIV в., в особенности московская, остается не до конца изученной. Выдвинутое М. Д. Приселковым предположение о так называемом «Летописце Великом Русском» – московском летописном своде конца XIV в. [Приселков, с. 178, 179] – не нашло единогласного отклика в научном сообществе. Если Г. М. Прохоров приводил примеры, подтверждающие его существование [Прохоров], то Я. С. Лурье, напротив, выражал скепсис по поводу выбранных его коллегой известий, утверждая о скудном количестве данных для доказательства существования этого свода [Лурье]. Недавний текстологический анализ известия о походе ушкуйников на Жукотин в 1360/1361 гг. показал, что в Рогожском летописце (далее – Рог.) отразился более древний летописный пласт, восходящий к протографу «свода 1408 г.» [Гребенников, с. 20, 21]. По нашему мнению, это может быть московский летописный свод конца XIV в. Однако выбранное известие не является в этом вопросе единичным примером.

Так, известие за 6838 (1330) г. о строительстве Иваном Калитой церкви в честь Св. Спаса в Москве, к которому обращался Г. М. Прохоров [Прохоров, с. 180], можно возвести не ко времени княжения Василия I, а еще ко времени его отца – Дмитрия Донского. Речь идет не о целом известии, а об интересной к нему приписке. В Рог., как в Симеоновской летописи (далее – Сим.), сообщается, что после строительства церкви «дѣти его, и внучата, и правнучата по тому ходяще и также творяще ту же мзду и славу приемлют[ъ], благаго бо корени и отрасли благородни суще» [ПСРЛ, т. 15, стб. 46; ПСРЛ, т. 18, с. 91]. По нашему мнению, речь идет о сыновьях не только Дмитрия Ивановича, но и его брата Владимира Андреевича. К такому заключению приходим на основании следующего наблюдения: поскольку в известии говорится о внуках Ивана Калиты во множественном числе, живых на данный момент, которыми являлись только оба князя-брата, следовательно, упоминая правнуков, автор имел в виду потомство не обоих братьев. Гораздо логичнее сделать указание на правнуков Ивана Калиты, когда род Данииловичей был един и крепок. В данном случае подразумеваются устойчивые отношения между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, которые дали «трещину» как перед смертью Дмитрия Ивановича, так и сразу после. Таким образом, приписка о правнуках Ивана Калиты в известии за 1330 г. была, видимо, сделана до «размирия» между братьями (до 1389 г.) либо уже после их примирения в том же году. Кроме того, в Рог. в известии о преставлении Дмитрия Ивановича употребляется

похожий оборот, что и в известии за 1330 г.: при положении тела князя в храме Св. Михаила Архангела отмечается, что князь положен в храме, «идеже есть гробъ отца его и дѣда и прадеда» [ПСРЛ, т. 15, стб. 156], что отчасти коррелирует с упоминаемыми правнуками Ивана Даниловича при строительстве церкви Св. Спаса.

Рог. по сравнению с Сим. располагает большим количеством известий о княжении Ивана Ивановича. Внимание к личности этого князя, отца Дмитрия Ивановича Московского, может объясняться желанием сына, а следовательно, и его летописца наполнить подробностями историю княжения Ивана Ивановича. Так, в Рог. присутствует известие о выдаче Иваном Ивановичем своей дочери за сына Кориата, князя литовского, отсутствующее в Сим. [ПСРЛ, т. 15, стб. 65]. Отсутствует в Сим. и известие о поездке Ивана Ивановича в Орду в 6865 (1375) г. после занятия престола в Сарае ханом Бердебеком [ПСРЛ, т. 15, стб. 66]. В Рог. читается известие о принятии бояр московских из Рязани по возвращении Иваном Ивановичем из Орды, которые отъехали от него после захвата Олегом Рязанским Лопасни [ПСРЛ, т. 15, стб. 66]. Таким образом, упоминание некоторых подробностей княжения отца Дмитрия Ивановича, которые отсутствуют в Сим., может говорить об их написании уже при сыне Ивана Ивановича.

Изложенные выше наблюдения позволяют с определенной долей уверенности говорить, что в Рог. сохранился фрагментарный летописный пласт, восходящий к московскому своду конца XIV в., более раннему, чем свод митрополита Киприана 1408 г.

Литература

- Гребенников Н. Ю. Разорение Жукотина в 1360/1361 г.: текстологический аспект летописного известия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 16–28.
 Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 3–19.
 Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
 Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в. (Анализ Рогожского летописца и общие соображения) // ВИД. Л., 1978. Т. 10. С. 159–181.

*И. М. Грицевская (СГУ им. Питирима Сорокина),
 В. В. Литвиненко (независимый исследователь)*

ПРЕСЛАВСКАЯ РЕДАКЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИИ ВОПРОСОТВЕТОВ К КНЯЗЮ АНТИОХУ ПСЕВДОАФНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

«Вопросоответы к князю Антиоху» («*Quaestiones ad Antiochum ducem*»), известный и распространенный в средневековой христианской письменности памятник, был переведен на славянский язык в ранний период существования славянской книжности. Наиболее древние известные фрагменты из него появляются в Изборнике 1076 г., в Троицком сборнике № 12. Полный же текст в двух редакциях дошел до нас лишь в списках не ранее середины XIV в. Редакции мы обозначаем как Основную и Преславскую (У. Р. Федер обозначает эти редакции как версию **a** и версию **b**, а Л. Селс – как группу списков **II** и группу списков **I** соответственно) [Федер, с. 19–20; Sels, p. 238–239].

Одной из этих редакций, а именно Преславской, посвящен доклад. У. Р. Федер считает данную версию вторичной, Л. Селс предполагает, что она была скомпонована из древних фрагментов перевода не ранее XIV в. В настоящей работе мы попытаемся выяснить соотношение известных полных списков Преславской редакции.

Сейчас известны только два полных списка данной редакции. Один из них входит в Лаврентьевский сборник 1347/1348 гг. (РНБ. ОСРК. F.I.376, болг.; далее – Лавр.). Другой является дополнением к Лествице сербской редакции в сербском же списке конца XIV в., переписанном на Афоне, возможно, в Хиландарском монастыре (Зографский монастырь. № 206; далее – Зогр.). Также известен обширный устойчивый фрагмент (первая половина текста), входивший в три из

десяти известных списков русского сборника Измарагда Древнейшей редакции. Эти списки Измарагда представляют собой закрытую традицию текста, отличаясь лишь отдельными малозначимыми деталями, поэтому нами использован для анализа наиболее доступный из них, входящий в РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 204, середина XVI в., русск.; далее – Тр.).

Анализ текстовых особенностей списков Зогр., Лавр. и Тр. показывает дефектность списков Зогр. и Тр. (дефекты Тр. повторяются во всех трех списках Измарагда Древнейшей редакции, содержащих памятник). Это выражается в пропуске ряда вопросов, вставках вместо утраченных фрагментов, неверных трактовках; однако эти дефекты и ошибки в списках Зогр. и Тр. совершенно самостоятельны и никак не связаны между собой. Например, в Лавр. и Тр. имеются правильные чтения: *грѣстиѣ, знаниа*; в Зогр. они заменены на ошибочные *грѣдстиѣ, знаменіа*. Правильные чтения *свои стѣнь гонили* в Лавр. и Зогр. заменено в Тр. на *своистѣвъ гнили*; грецизм *луче/льща* (копье), понятный писцам Лавр. и Зогр., заменен в Тр. на *алъбы*. Писец Лавр., Лаврентий, наиболее квалифицирован, и его антиграф наиболее исправен. Однако писцовая квалификация, как представляется, ведет к замене и поновлению архаизированных к середине XIV в. чтений. Возможно, примером являются разночтения: *при чюемѣмъ солнци; отдастсе ему; оумнѣ слышимъ* (Тр. и Зогр.) – *при чюествнѣмъ солнци; отпоуетитсе ему; взнимателнѣ слышим* (Лавр.).

Можно также предположить, что создатель антиграфа, с которым работали писцы Лавр. и Тр., обращался иногда к греческому оригиналу, притом иной редакции, нежели та, с которой был сделан первоначальный перевод. Зогр. же восходит к антиграфу без подобного изменения.

Во всех трех текстах имеется большое количество так называемых преславских лексических маркеров. Но если Лавр. и в меньшей мере Тр. отчасти избавляются от них, то в Зогр. их наибольшее количество. Так, в Зогр., в отличие от Лавр. и Тр., сохранились такие ярко выраженные восточноболгаризмы, как союз *ти* (= и), слова *вѣхма* (= *отнѣдъ*), *воле* (= *оубо*). Однако в Лавр. и Изм. также сохранился ряд преславизмов, причем иных, нежели в Зогр. Особое внимание привлекает употребление слов *етерь/некъи*, из которых второе определяется как преславизм. Если в Лавр. на 60 употреблений *некъи* приходится 10 употреблений *етерь*, то в Зогр. картина обратная: более 60 слов *етерь* и не более 6 – *некъи*. Картина в Зогр. похожа на то, что имеется в «Хронике Григория Синкелла», где слово *етерь* засвидетельствовано свыше 50 раз, в то время как синоним *нѣкъи* отмечен один раз [Тотоманова, с. 251, 308; Пичхадзе]. Картина в Тр. лишь отчасти соответствует тексту в Лавр. Однако есть целый ряд случаев, свидетельствующих о том, что русские писцы иногда самостоятельно избавлялись от архаизированной лексики. Например, слово *вѣхма*, имеющееся в Зогр., заменено в Лавр. на *отнѣдъ*, а в Тр. замена свидетельствует о непонимании: *бѣ*. Слово *покоудиши*, имеющееся в Лавр. и Зогр., заменено в Тр. на *похулиши*.

Таким образом, полные списки Преславской редакции памятника дают картину изменения и развития текста в болгарском, сербском и русском вариантах. Представляется возможным утверждать, что все три списка восходят к единому антиграфу с ярко выраженным преславским характером. Несомненно, данный антиграф сформировался не в XIV в., как считает Л. Селс, а возник под пером писцов Преславской книжной школы. Отметим также, что Лавр. и Тр. восходят к одной ветви развития текста, в историю которой входит поновление по греческому оригиналу, в то время как Зогр. – к несколько иной, ранее выделившейся ветви. Все три текста в той или иной мере пытаются освободиться от архаичных преславских чтений, что обуславливает заметную специфику каждого из них.

Литература

- Пичхадзе А. А.* Слав. етеръ: к вопросу о группировке древнеславянских памятников // *Scrinium*. 2011–2012. № 7–8. С. 219–236.
- Тотоманова А.-М.* Славянската версия на хрониката на Георги Синкел. София, 2007.
- Федер У. Р.* Псевдо-Атанасий Александрийски. Въпроси и отговори към княз Антиох. Шумен, 2016. Т. 1: Увод и показалци.

А. Л. Грязнов (НИИ «НИЦ «Древности», Вологда)

«НАША ОТЧИНА ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ» В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01271. Во все времена одним из важнейших способов репрезентации власти был титул правителя. Первостепенное значение этот вопрос имел и на Руси. Причем политическая традиция русских земель практиковала усложнение великокняжеского титула. Уже в XV в. с приобретением новых владений в титул добавляются новые территориальные определения. Таким образом, титул – декларация статуса или притязания на него.

В связи с этим обращает на себя внимание формула, использовавшаяся в жалованных грамотах князей Можайско-белозерской линии Московской княжеской династии. В стандартизированной форме она звучит следующим образом: «и кого игумен... призовет людей не из нашей отчины великого княжения». Здесь прямо декларируется статус княжеских владений («отчины») как великого княжения. Эта формула присутствует в почти всех жалованных грамотах князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича, связанных с пожалованием льготы на переизы новопоселенцев. Декларируемый таким образом великокняжеский титул оказывается сопряжен с удельными князьями, которые великокняжеский стол никогда не занимали.

Я. С. Лурье обратил внимание на употребление великокняжеского титула по отношению к князю Андрею Дмитриевичу в духовной Кирилла Белозерского и на именование передаваемого по духовной Дмитрия Донского князю Андрею Белозерского княжения великим в Сокращенном летописном своде, связав эти известия с центробежными политическими тенденциями, выразителями которых и стал князь Андрей Можайский [Лурье, с. 147–152].

Г. А. Федоров-Давыдов предложил прочтение нескольких легенд на монетах Можайского княжества времен правления князя Андрея Дмитриевича, атрибутировав упомянутых в них лиц с князьями Афанасием Шелешпальским и Иваном Каргаломским [Федоров-Давыдов, с. 218–219]. В результате в исторической и нумизматической литературе устоялось мнение о существовании в XV в. в Белозерском княжестве удельных князей (из представителей белозерской ветви Ростовского княжеского дома) и использовании князем Андреем Дмитриевичем великокняжеского титула.

Обращение к можайским монетам показывает, что их легенда содержит не имена удельных князей или денежников, а титул и имя самого князя Андрея Дмитриевича: «печать княж(а) Андреева нов(ая)». Сохранившиеся письменные источники свидетельствуют, что представители местной княжеской династии хоть и обладали существенными земельными ресурсами и значительной полнотой политической и финансовой власти на подконтрольных им территориях, все же относились к категории не удельных, а служилых князей (в жалованных грамотах князя Андрея Дмитриевича упоминаются в составе традиционной клаузулы «мои князья, бояре и дети боярские») [Грязнов, с. 424–425].

Однако неоспоримым остается наличие в нескольких десятках грамот, в том числе и сохранившихся в подлиннике, клаузулы о великом княжении и заботе белозерских удельных князей о сохранении людского (а значит, и экономического) потенциала. С чем может быть связано это обстоятельство?

Впервые эта формула появляется в грамотах князя Андрея Дмитриевича в 1428–1432 гг., а последний раз используется князем Михаилом Андреевичем в 1484 г. В грамотах 1400–1420-х гг. используется формула «и кого игумен... посадит людей в тех деревнях...».

Самый важный факт – применение формулы о великом княжении в грамотах князя Ивана Андреевича. Одна из них – на земли в Белозерье [АСЭИ, т. 2, № 67], а вторая – на земли в Суздале [АСЭИ, т. 1, № 171]. Значит, использование клаузулы связано не только с землями в Белозерье и не только с правившими там князьями (Андреем Дмитриевичем и Михаилом Андреевичем).

Появление в грамотах князя Андрея Дмитриевича после смерти Василия I клаузулы о «нашем великом княжении», вероятно, связано с начавшейся династической борьбой в семье московских князей. Таким образом, это действительно политическая декларация князя Андрея Дмитриевича, но направленность ее не та, о которой писал Я. С. Лурье. Удельный князь не стремился повысить статус своих владений до великого княжения, а говорил о том, что имеет право на долю во всех землях великого княжения, становясь третьей силой в борьбе Василия II и Юрия Звенигородского.

Эта позиция, выраженная в клаузуле жалованных грамот Можайско-белозерской княжеской канцелярии, закрепилась и продолжала использоваться наследниками князя Андрея Дмитриевича князьями Иваном и Михаилом Андреевичами, дав основание князю Ивану Андреевичу претендовать на великокняжеский престол даже после бегства в Литву.

Источники

АСЭИ. М., 1952. Т. 1; М., 1958. Т. 2.

Литература

Грязнов А. Л. Белозерские Рюриковичи в XV – начале XVI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 410–433.

Лурье С. Я. Вопрос о великокняжеском титуле в начале феодальной войны XV в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 147–152.

Федоров-Давыдов Г. А. Из истории денежного дела Можайска (о некоторых неясных легендах на ранних монетах Можайска) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 214–222.

А. В. Дедук (ИА РАН)

КОПОНОВ, ПОПОВ, ОПАКОВ ИЛИ ОВАКОВ? (ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ «ЛОКАЛИЗАЦИИ» ОДНОГО ИЗ ЛЕТОПИСНЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ)

В научной литературе неоднократно подчеркивалось значение установления наиболее ранних и правильных версий написания топонима. Довольно частым явлением оказывается искажение топонима, как в самом источнике, так и в публикации. Настоящая заметка посвящена проблеме локализации географического объекта, упомянутого при описании похода князя Всеволода Большое Гнездо 1186/1187 г. В Лаврентьевской летописи этот поход описан под 6695 г.: «Иде великыи князь Всеволодъ Юргевичъ. внукъ Володимеръ. на Разань... ис Коломны. иде с ними на братью свою. и перебродивше Шку идоша к Понову. и взаша села вса и полонь многъ...» [ПСРЛ, т. 1, стб. 406]. В Радзивилловской летописи вместо «к Понову» обнаруживаем «ко Понову» [ПСРЛ, т. 38, с. 156]. В Летописце Переславля Суздальского топоним передан как «къ Попову» [ПСРЛ, т. 41, с. 119]. В Московском летописном своде конца XV в. и в Никоновской летописи топоним пропущен [ПСРЛ, т. 10, с. 18; т. 25, с. 94].

В первой и второй редакциях «Истории России» В. Н. Татищева читается текст, близкий к тексту Лаврентьевской летописи, топоним же передан как «к Опакову» [Татищев, т. 3, с. 145; т. 4, с. 310].

Н. И. Надеждин отметил существование Копонова в Касимовском уезде Рязанской губернии [Погодин, с. 249–250].

А. Л. Монгайт считал вопрос с локализацией Копонова не решенным, так как касимовское с. Копоново не находится на дороге из Коломны в Пронск [Монгайт, с. 246].

В работе 1965 г. А. Г. Кузьмин предлагает свою версию локализации Попова-Копонова, отдавая предпочтение татищевскому чтению «Опаков»: «Вопрос о загадочном поселении может быть, по-видимому, решен привлечением одной малоизвестной рязанской правой грамоты, в которой цитируется грамота первой половины XIV в. Согласно этой грамоте недалеко от современного города Рязани на левом берегу Оки против “Ольгова” находился “Опаков”... положение Опакова на левом берегу Оки против Ольгова монастыря подтверждается существованием целого ряда соседних с ним поселений, известных по писцовым книгам XVI–XVII вв. и другим документам» [Кузьмин 1965, с. 119–120].

В 1967 г. А. Г. Кузьмин вводит в научный оборот текст грамоты пронского князя XIV в., дошедшей в составе акта 1535 г. Он отмечает: «В тексте грамоты имеется также уникальное свидетельство об Опакове... Это свидетельство позволяет понять содержание летописного известия, а также может служить убедительным аргументом в пользу того, что В. Н. Татищев располагал оригинальными летописными текстами и дал правильное написание – “Опаков”» [Кузьмин 1967].

В 1978 г. была полностью издана правая грамота 1535 г. В ней мы обнаружим написание топонима как «Вваково село», упоминание Опакова отсутствует [Памятники, с. 102]. Издание 1978 г. и публикация А. Г. Кузьмина передают нам текст одного и того же списка документа.

Таким образом, существуют два различных чтения одного топонима в двух разных публикациях одного источника XVI в.

Для начала рассмотрим историко-географический контекст в имеющихся в нашем распоряжении актовых и кадастровых источниках XIV–XVIII вв. по региону с. Ольгова. Описание границ с. Остромирского, содержащих исследуемый топоним, были сравнительно недавно локализованы в литературе [Дедук, с. 9 (карта), 10, 11–12].

Собственно, до нас дошло несколько описаний границ землевладений с. Остромирского и с. Ольгова XIV–XVII вв. Опакова-Овакова в них нет, как и в материалах Генерального межевания [Памятники, с. 101–103; Писцовые книги, с. 432–433] (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 277–575).

К сожалению, определить точное расположение искомого объекта не получается, но благодаря смежным географическим ориентирам мы можем выяснить примерный район его расположения. Это местность на правом (не левом, как полагал А. Г. Кузьмин!) берегу р. Оки, южнее и юго-западнее с. Остромирского [Дедук, с. 6–15].

Как видим, Опаков или Оваков двор фигурирует только в акте XIV в., по более поздним источникам мы его не знаем.

Кроме этого, известен Опаков – это город на восточных рубежах Великого княжества Литовского в бассейне р. Угры.

В этой ситуации логично обратиться к единственному известному списку правой грамоты 1535 г., содержащей изложение акта XIV в. В ней уверенно читается «Оваков двор», то есть правильным является чтение публикации 1978 г., а не А. Г. Кузьмина, на котором была построена локализация (СПБНИИ РАН. Кол. 32. Ед. хр. 1. Л. 2).

Таким образом, неправильное чтение топонима, отсутствие его проверки и локализация по поздним источникам привели к ошибочной интерпретации. Вопрос о расположении Копонова или Панова остается открытым.

Источники

Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.
Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1900. Т. 1. Вып. 2.
ПСРЛ. М., 1999. Т. 1; М., 2000. Т. 10; М.; Л., 1949. Т. 25; Л., 1989. Т. 38; М., 1995. Т. 41.

Литература

- Дедук А. В. От порубежья княжеств XIII–XIV столетий к границам владений духовных корпораций // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 6–15.
- Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.
- Кузьмин А. Г. Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. 1967. № 1. С. 112.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: Период удельный: 1054–1204. М., 1850. Т. 4.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 3; М., 1995. Т. 4.

Е. Е. Иванова (ГИМ)

ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ РУССКИМ МИТРОПОЛИТАМ: РЕВИЗИЯ СПИСКОВ И НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

В 2024 г. А. А. Горский инициировал подготовку новой публикации ордынских актов, в том числе ярлыков, выданных русским митрополитам. Была поставлена задача набрать тексты ярлыков Краткого и Пространного собраний по старшим спискам и подвести разночтения по всем остальным, известным на сегодняшний день.

В процессе работы над их перечнем удалось провести ревизию. Во-первых, оказалось, что не во всех упоминаемых в литературе списках содержатся ханские ярлыки русским митрополитам (их нет в ГИМ. Собрание А. Д. Черткова. № 165, Синодальное собрание. № 272, 276, 281, 562, 647, 648, 696, 999; РГБ. Ф. 236 (собрание А. Н. Попова). № 59 (2521); РГАДА. Ф. 181. № 591/1093). Во-вторых, удалось установить, что в шифрах некоторых списков имеются опечатки (РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 220 – верно: № 200; РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 755 – верно: № 765; в предисловии к изданию Львовской летописи 2005 г. указан шифр «РНБ. F IV. № 146», верный шифр – РНБ. F.IV.144). В-третьих, некоторые списки ошибочно отнесены к другому собранию или хранилищу: ГИМ. Синодальное собрание. № 264 (скорее всего, имелась в виду ГИМ. Чудовское собрание. № 264), Синодальное собрание. № 2 (вероятно, имелась в виду ГИМ. Синодальное собрание. № II), ГИМ. Синодальное собрание. № 154 (имелась в виду ГИМ. Собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. № 154/2), РНБ. F.IV.238 ошибочно отнесена А. А. Зиминим к ГБЛ (РГБ). Вообще не удалось найти список «Румянц. 2924».

Ряд списков, неизвестных при последних публикациях, был обнаружен при подготовке издания Степенной книги царского родословия в начале 2000-х гг. (РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 797; Ф. 214 (Собрание Оптиной пустыни). № 4, Ф. 178 (Музейное собрание). № 5408 а, б). Два документа – ярлык хана Бердибека и грамота Тайдулы – обнаружили отдельно от остальных в Степенной книге (РГБ. Ф. 344 (Собрание П. П. Шибанова). № 126) и в сборниках с Житием митрополита Алексия (ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 763-4°, Епархиальное собрание. № 690).

Таким образом, ревизия списков позволила к известному ранее перечню добавить один Краткого собрания (теперь их 12), пять Пространного собрания (теперь их 13) и три отдельных списка ярлыка хана Бердибека и грамоты ханши Тайдулы.

В историографии ставился вопрос о старшинстве списков Краткого собрания РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 765 (А. А. Зимин) и № 177 (А. И. Плигузов), которые были созданы примерно в одно время – во второй половине XV в. Однако по бумаге и совокупности кодикологических признаков старшим является последний.

Предложенная А. А. Зиминим классификация редакций списков остается актуальной [Зимин, с. 29–31, 36–38]. Последовательность расположения ярлыков в списках Краткого собрания

одинакова. В списках Пространного собрания ГИМ. Чудовское собрание. № 264 и Синодальное собрание. № 596 порядок такой же, в остальных – иной.

Списки Пространного собрания ГИМ. Чудовское собрание. № 264, Синодальное собрание. № 596 и РГБ. Ф. 344 (Собрание П. П. Шибанова). № 126, вероятно, имели общий протограф. В текстах встречаются одинаковые ошибки.

Из списков Пространного собрания особенно выделяется ГИМ. Синодальное собрание. № 463, причем не только расположением ярлыков, но и составом. Здесь содержится неизвестная ранее грамота ханши Тайдулы митрополиту Петру, переделанная из подложного ярлыка хана Узбека и ярлыка хана Менгу-Тимура. Текст ярлыков в ГИМ. Синодальное собрание. № 463 отличается от других не только стилистически. Возможно, это особая редакция Пространного собрания. Хотела бы обратить внимание специалистов на данный список.

Литература

Зимин А. А. Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 28–40.

Т. Б. Карбасова (ИРЛИ РАН)

ПАХОМИЙ СЕРБ И КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

При изучении творчества средневековых писателей большое значение имеет установление выбранных ими источников и литературных образцов. Исследование творчества Пахомия Серба в последние годы продвинулось в этом направлении так, что стало возможным начать описание корпуса текстов, которые он использовал в работе. Важное место в этом корпусе должен занять Киево-Печерский патерик. Кажется, прежде он не был назван среди источников, привлекаемых Пахомием, между тем этот вывод лежит на поверхности.

Служба Антонию Печерскому надежно атрибутируется Пахомию Сербу потому, что в 7–9-й песнях канонов помещен словесно-буквенный акростих («по червленым словесем»): «Повелением святейшего архиепископа Великого Новогорода владыки Ионы благодарное сие пение принесется великому Антонию Печерскому моею рукою Пахомиа иже от Святые горы». Судя по упоминанию архиепископа Ионы, текст может быть датирован временем его пребывания на кафедре, то есть 1459–1470 гг. К сожалению, время создания известных сегодня списков вряд ли поможет уточнить вопрос датировки самой Службы, все три ранних списка относятся к концу XV в. (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3977; РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 617 и РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 295/552). При этом в контексте творчества Пахомия Службу увереннее всего можно отнести ко второй половине 60-х гг. XV в. Одним из аргументов является надписание канонов: в Службе Кириллу Белозерскому, составленной около 1462 г., использован акростих, но прочитывается он в каноне не полностью (в песнях с первой по пятую: «Похвалу поу Кирил» вместо заявленного в надписании: «Похвалу пою Кирилу, новому чудотворцу»); при этом в Службе Стефану Пермскому, написанной в 1472–1473 гг., он выполнен так же точно, как и в Службе Антонию в 7–9-й песнях («Повелением владыки Филофея епископа рукою многогрешнаго и непотребнаго си раба Пахомиа Сербина»); в Службах, написанных Пахомием до этого времени (Варлааму Хутынскому, Сергию Радонежскому, митрополиту Алексию), использование акростиха не известно. Можно думать, что для освоения этого творческого приема потребовалось некоторое время.

Другой вопрос: какой текст, посвященный Антонию, был использован при создании Службы? Точно им не могло быть Проложное Житие, потому что Служба содержит упоминания тех сюжетов, которые в Проложном Житии Антония отсутствуют: о погребении Шимона на месте будущей церкви; об обещании прощения грехов Еразму за подвиг украшения храмов; о наказании посмертным смрадом того, кто вел немонашескую жизнь в монастыре; о знаменовании росой места будущего храма. Все эти сюжеты читаются в Патерике, значит, ко второй половине 60-х гг. XV в. Пахомий был с ним знаком.

Недавно я предположила, что Киево-Печерский патерик является не только источником Службы Антонию, но и одним из источников Жития Кирилла Белозерского, которое Пахомий написал около 1462 г. Прямых текстуальных заимствований установить пока не удалось, однако близость множества сюжетных линий, кажется, убедительно свидетельствует о влиянии Патерика на Житие. Речь может идти о сюжетах защиты обители от нападений разбойников; евангельского пения и столпов света над местом будущей обители; чудесного прихода строителей храма; собственноручной работы настоятеля в пекарне и др. Пожалуй, надежнее всего связь между текстами проявляется в чуде об исцелении некоего Константина, которому Кирилл Белозерский просил передать, что, если кто умрет и погребен будет в монастыре, «тъи Пречистыя есть и нашъ, аще ли прочее отидеть, тьи не нашъ есть». Ключ к пониманию этого фрагмента можно обнаружить в Киево-Печерском патерике. В нем говорится, что даже грешник, умерший в монастыре, будет помилован ради святых этого места, об этом сообщает явившийся в видении преподобный Антоний: «яко всяк, положеный зде, помилованъ будеть, аще и грѣшень есть».

Кроме того, можно обратить внимание на сюжет с постригом преподобного Кирилла Белозерского. Б. А. и Ф. Б. Успенские считают описание пострига Кирилла Белозерского в рясофор с изменением имени «единственным древнерусским примером» и называют его «казусом Кирилла Белозерского», других подобных описаний в русской агиографии больше не обнаруживается, кроме тех постригов, которые осуществлял Антоний Печерский [Успенский, Успенский, с. 33–39]. Важно, что в одном из случаев постригов в рясофор, описанных в Патерике, речь также идет о перемене имени, как и в случае с Кириллом Белозерским. Можно предполагать, что описание ситуации пострига в Житии Кирилла имеет в большей степени литературный, чем документальный характер.

К сожалению, самым трудным вопросом является установление редакции Патерика, которой мог пользоваться Пахомий Серб. Связано это с тем, что, во-первых, заимствования из Киево-Печерского патерика не являются цитатами в строгом смысле; во-вторых, исследование самого Патерика далеко от завершения: на сегодняшний день отсутствует как исчерпывающее описание имеющихся редакций, так и установленная история редактирования [Конявская]. Тем не менее рискну предположить, что Пахомий обращался к Первой Кассиановской редакции патерика.

Литература

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017.
 Конявская Е. Л. Киево-Печерский патерик // ПЭ. М., 2013. Т. 33. С. 91–96.

Д. В. Каишанов (независимый исследователь, Долгопрудный – Стамбул)

О ДАТЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ОБРЕТЕНИЯ МОЩЕЙ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Летом 2022 г. в Троице-Сергиевой лавре прошли торжества, посвященные 600-летию со дня обретения мощей Сергия. Юбилей выглядел максимально научно, ведь 5 июля 1422 г. как дата этого события фигурирует в трудах современных исследователей. Однако еще в XIX в. в научном

обиходе сосуществовали две даты: 1422 и 1423 гг. При этом версия «1392 – год смерти Сергия» и «1422 – год обретения мощей» является результатом случайного соединения двух разных источников во втором издании «Географического лексикона» Ф. А. Полунина, а ее популярность обеспечило то, что она была использована авторитетными церковными историками XIX в. За этой версией не стоит ничего, кроме длительной научной инерции.

Согласно Житию Сергия Пахомия Логофета, обретение мощей случилось после того, как со дня смерти Сергия прошло 30 лет. Сергий, согласно Троицкой летописи, скончался 25 сентября 6900 г., то есть 1392 г., исходя из мартовского стиля. Значит, 30 лет со дня смерти Сергия истекли 25 сентября 6930 г., то есть 1422 г. Разумеется, обретение мощей не могло состояться до этого момента.

По-новому взглянуть на проблему источника Пахомия позволяет запись на вклейке в Стишном прологе (РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 717. Л. 115/116), которая сопровождает память на 5 июля: «В той же день обретение мощем преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергия чудотворца при ученице его игумене Никоне чудотворце и при его сыне крестном при великом князе Георгии Димитреевиче, в лето 6931-го, и сътвориши праздник радостен месяца июля в пятыи день». Близкой к истине выглядит датировка этой вклейки в каталоге Илария и Арсения концом XVI в. Поскольку вклейка примерно на 150–200 лет отстоит от описываемых событий, то первая мысль – предположить, что ее составитель заимствовал сведения у Пахомия. Однако между двумя текстами есть важное отличие: вклейка называет Юрия Дмитриевича «великим князем», тогда как во всех вариантах Жития Сергия он титулуется только и исключительно «князем».

Во второй половине XV и XVI в. в документальных и нарративных источниках Юрия регулярно называли «князем», и в этой картине есть всего два исключения: поздняя традиция Архангельского собора Кремля и сообщение о росписи Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря «в княжение великого князя Георгия». Однако связь между этими случаями и гипотетическим троицким монахом, который мог бы присвоить Юрию титул «великого князя» во второй половине XVI в., не прослеживается. С другой стороны, точно известно, что Пахомий редактировал княжескую титулатуру, имевшуюся в его источниках. Близость двух источников, вклейки и Жития, побуждает предполагать, что это Пахомий опирался на прототип записи на вклейке, исключив из него титулование князя Юрия как «великого». При этом Пахомий не просто заимствовал из заметки дату, но облек ее в описательную форму.

Источники позволяют охарактеризовать политическую позицию Троицкого монастыря в первой трети XV в. как лояльную по отношению к московскому двору. Считается, что в то время, когда Юрий Дмитриевич занимал московский стол, а именно, весной-летом 1433 и в апреле-мае 1434 гг., игуменом Троицкого монастыря был Зиновий, сторонник великого князя Василия Васильевича. Однако, как выясняется, в этот период во главе монастыря стояли совсем другие фигуры. Статус Юрия как великого князя манифестировала его канцелярия, в Москве был организован выпуск новой монеты, титул Юрия был признан на разных «этажах» политической конструкции Восточной Европы. Основываясь на этих фактах и исходя из последовательно лоялистской позиции монастыря, можно допустить, что у троицких монахов не было оснований не признавать Юрия великим князем. А значит, ничто не мешает предположить, что вклейка второй половины XVI в. сохранила текст заметки, составленной в 1433–1434 гг.

Датировка обретения мощей Сергия 5 июля 1423 г. позволяет поставить это событие в определенный политический контекст. Сейчас, благодаря исследованиям А. А. Горского и С. В. Полехова, есть понимание, что к началу марта 1423 г. в Москве было составлено новое завещание Василия Дмитриевича, которое утвердили митрополит Фотий и великий князь Литовский Витовт, но в конечном итоге не утвердил сам завещатель. При этом пауза, во время которой выяснялась позиция хана Улуг-Мухаммеда, а оригинал документа мог находиться в руках Фотия, совершавшего поездку по литовским епархиям своей митрополии, пришлась как раз на позднюю весну и лето 1423 г. И оказывается, что именно в этот период неопределенности Юрий

В списке отражается цоканье, оно фиксируется в определенных грамматических формах – чаще всего в притяжательных прилагательных: **кѣтъство бо звѣрьско и птице** (Л. 3а), **роду чловѣцю** (Л. 20г).

В. М. Живов указал, что в новгородских памятниках XII–XIII вв. смешению не подвергается *ч* из *tj [Живов, с. 144], материал Барс. 619 это не подтверждает: **въ плауца** (Л. 43б), **наковлицѣ** (Л. 43б).

Встречается *ч* на месте *ц*: **со очѣ монми** (Л. 71а).

Частотно написание **дѣжгъ** (Л. 1б).

Два раза замечен рефлекс *dl как *гл*: **пробоглъ тѣ выхъ** (Л. 120б), **привегли есме** (Л. 245б).

Один раз отразился переход *е* в *о*: **кто естъ ѿшолъ ѿ насъ** (Л. 186в).

В основном почерке часто смешение звонких и глухих в сильной позиции: **исповѣсть злаву его** (Л. 40а), **вса вельмоша** (Л. 89а), **проподемъ ребра его копиемъ** (Л. 99в), **осла же оустраживъса** (Л. 120б), **за пезоумье** (Л. 125г), **сакона** (Л. 129б); **бугтемъ** (Л. 196а) и т. д.

Смешиваются также *к* и *г* с *х* и наоборот: **въ пахубу** (Л. 74в), **в хотово жилище** (Л. 100а), **въ гробехъ поготѣнья** (Л. 125а), **хонихомъ до вратъ града** (Л. 207в), **пахоже** (Л. 239б).

4. Книжные морфологические формы являются преобладающими, но можно обнаружить:

1) вытеснение флексий мягкого варианта склонений имен существительных флексиями твердого варианта: **о ноѣ** (Л. 2б), **о лѣствицѣ** (Л. 37а);

2) обратное влияние: **гвоздѣа в пѣтѣ ваши** (Л. 153в);

3) разрушение склонения на согласный: **до днѣшнаго днѣ** (Л. 69г), **по словесѣ твоему** (Л. 165а);

4) колебания флексий у существительных на *i: **оу лавана тѣсти** (Л. 41г), **напанвашеть овца лавана тѣста своего** (Л. 41г), **къ злати** (буква *и* исправлена на *ю*) (Л. 171а);

5) грамматические новгородизмы: **велициѣ патрѣарсѣ** (Л. 50а), **бѣлѣ зубѣ его паче млека** (Л. 70в);

6) только формы **тобѣ, собѣ**;

7) обилие форм действительных причастий на *-я*: **крадѣ** (Л. 84в).

Литература

Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи до XV в. // Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. Vol. 1. С. 44–75.

Водолазкин Е. Г. Новое о палях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2008. № 1. С. 3–23.

Живов В. М. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в новгородских рукописях // Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 131–150.

М. В. Корогодина (БАН)

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРВЫХ ХРАМАХ В АЛЕКСАНДРО-ОШЕВЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Время и обстоятельства появления древнерусских обителей, как правило, не подтверждены документами. Во многих случаях о начальной истории монастырей известно только из Житий, созданных спустя долгое время после описываемых событий. Стремление книжников удревить историю монастыря часто заставляет исследователей с недоверием относиться к рассказам агиографов, так что время основания монастыря, первые десятилетия его существования, сведения о строительстве первых храмов остаются достоверно неизвестными.

Обстоятельства основания и ранних лет существования Александро-Ошевенского монастыря до последнего времени также реконструировались исключительно на основе Жития святого Александра, основателя обители [Пигин, Юхименко]. Житие позволяет предполагать, что первый храм, от освящения которого можно отсчитывать начало существования обители, был построен в 1460-х гг.

Точная дата основания монастыря становится известна из рукописи, происходящей из Александро-Ошевенского монастыря и хранящейся в Библиотеке Российской академии наук. До сих пор кодекс оставался за пределами внимания исследователей. Первая часть рукописи включает чин освящения церкви, переписанный в 1460-х гг. и завершающийся записью об освящении первого Никольского храма в Ошевенском монастыре в 1464 г. Рукопись является самой ранней книгой из монастырского собрания и, очевидно, была подготовлена специально для освящения церкви в Ошевенском монастыре. Вторая часть рукописи представляет собой более поздний список чина освящения церкви. Подготовку этого списка можно связать с повторным освящением того же Никольского храма в Ошевенском монастыре в 1501 г. Судя по Житию, повторное освящение потребовалось после сильного пожара, случившегося в обители.

В той же рукописи сохранилась копия антимины, положенного на престол при освящении второй, Успенской, церкви в Ошевенском монастыре в 1489/1490 г. Антиминс был дан Пермским епископом Филофеем. Возможно, антимины были освящены на вологодском подворье Пермского епископа и были даны «на потребу» – для использования в том храме, в котором понадобится освятить престол до прихода архиерея. Это известие не только позволяет датировать строительство второго монастырского храма, но и говорит о необычном вмешательстве Пермского архиерея в развитие обители, находившейся под Новгородским архиепископом.

Богослужебные рукописи, в отличие от памятников исторического или литературного содержания, традиционно считаются малоинформативными для исторических исследований. Как показывает изучение данного кодекса, открывающего неизвестные страницы в начальном строительстве Ошевенского монастыря и показывающего, как функционировала архиерейская власть на местах, богослужебная рукопись может содержать сведения, отсутствующие в иных источниках.

Литература

Пигин А. В., Юхименко Е. М. Преподобный Александр Ошевенский. Житие, похвальные слова, молитвы: Исследование и тексты. СПб., 2023.

А. Е. Косицкая (БАН)

ЛИТУРГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Влияние богослужебного Устава распространяется не только на гимнографию, но и на весь агиографический цикл (под агиографическим циклом я понимаю относительно устойчивый набор текстов, посвященных одному святому или группе святых, прославляемых в один день). Однако основные литургические принципы мало известны исследователям русской агиографии. Так как большинство циклов, посвященных русским святым, сложились не ранее XV в., речь пойдет прежде всего об Иерусалимском уставе, распространившемся на Руси в этот период (характерным отличием Иерусалимского от более древнего Студийско-Алексеевского Типика является значительное увеличение объема гимнографии и повышение числа торжественных служб). Рассмотрим 3 проблемы.

1. *Литургические границы цикла.* Литургическая память святого принадлежит неподвижному годовому богослужебному кругу, условно называемому «минейным» (несмотря на

название, «неподвижность» годового круга относительна: допускается перенос памяти святого на соседние дни или перемещение гимнографии святого внутри суточного круга, и даже почти полная отмена песнопений одному святому в пользу другого). К этому кругу относятся не только Служебные Минеи, но и Минеи-Четьи, Трефологии (Анфологионы), Стихирари, Синаксари, или Прологи, а также месяцесловная часть Устава как сборника богослужебных и дисциплинарных указаний. Соответственно, все эти книги, помимо разнообразных сборников, могут содержать посвященные святому произведения. Принадлежность к одному богослужебному кругу позволяет объединять тексты в циклы даже в том случае, когда зафиксированные в литургических и четьих книгах произведения о святом никогда не переписывались непосредственно одно за другим: житийные и богослужебные тексты а priori подразумевали наличие друг друга. Независимо от варианта Устава церковные песнопения необходимы для прославления святого. Разножанровость текстов – одна из важных характеристик агиографического цикла, а их тесная взаимосвязь с богослужением позволяет выявлять случаи их комплексного редактирования.

2. *Агиологическая иерархия.* Согласно Типикону собрание святых строго иерархично. Оно разделено на чины, внутри которых также существует четкое деление по литургическому признаку (знаку), определяющему объем гимнографии для каждого святого и ее место в богослужении. Торжественность русских служб Минеи иерусалимского типа предполагала вытеснение песнопений и чтений святым дня, устоявшихся в более древний период (проблема сочетания праздничных памятей актуальна прежде всего для Иерусалимского устава. В дошедших до нас рукописных материалах XV–XVII вв. службы русским святым почти всегда бывают бденными или полиелейными. Устав 1610 г. определяет «полиелейных» и «бденных» святых как «великих» (Л. 5 первого ряда)). Этим объясняется традиционное для рассматриваемого периода размещение в Служебных Минеях служб русским святым «от доски» и появление особой книги – Минеи новым чудотворцам.

Литургическая иерархия святых в циклах может проявляться на разных уровнях: в порядке перечисления святых, в наборе и расположении гимнографических и агиографических текстов, в системе уподоблений и заимствований в житиях и похвальных словах и т. п. (агиологические образцы подбираются в первую очередь среди святых равного чина и одноименных святых). В то же время объем Жития, напротив, мало влияет на место святого в иерархии. Каждый агиограф или гимнограф стремится прославить святого наилучшим образом, но окончательное решение принимает не он, а церковный иерарх или собор. Если на раннем этапе почитание русских святых большей частью легализовалось на местах, Макарьевские соборы закрепили практику их централизованного прославления.

3. *Литургичность месяцеслова.* Почитание святых часто берет начало из практики церковного поминания усопших, которая частично определяется Уставом (заупокойное богослужение не совершается в великие и храмовые праздники, 3 дня из периода пения Постной Триоди и 3 дня – Цветной Триоди, в дни Собора Богородицы и Обрезания Господня). При этом в качестве дня памяти может быть выбран не только день смерти, но и дни тезоименитства, кормового поминания, обретения или перенесения мощей и др. Месяцесловная вариативность тем выше, чем дальше отстоит прославление святого от его кончины и чем меньше сведений сохранилось о человеке. Если день смерти праведника неизвестен, выбор дня его памяти составляет отдельную задачу, которая обычно ложится именно на агиографа или гимнографа. Ее решение в значительной мере зависит от Устава, регулирующего иерархию памятей каждого дня (типикон допускает соединение в богослужении дня до трех памятей, только две из которых могут быть посвящены святым).

Приведем пример. По уточненным данным, троицкий архимандрит Дионисий Зобниновский скончался 9–10 мая 1633 г. [Косицкая]. Составивший Житие преподобного и написавший ему Канон ученик Дионисия Симон Азарьин в своих Свяцах указал днем памяти 10 мая (РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 201. Л. 316 об.) (в Житии эта дата названа днем погребения). Однако с середины XIX в. память Дионисия праздновалась 5 мая, а

с конца XIX в. закрепилась дата 12 мая, которая впоследствии ошибочно стала считаться днем его смерти. Между тем смещение месяцесловной памяти преподобного Дионисия на 5 и 12 мая объясняется Уставом: ближайшие к дню смерти даты заняты прославлением особо чтимых святых, имеющих свою праздничную гимнографию (Иова Многострадального (6 мая), Антония Печерского (7 мая, в некоторых Минеях), Иоанна Богослова (8 мая), перенесения мощей Николая Чудотворца (9 мая), апостола Симона Зилота (10 мая), Кирилла и Мефодия (11 мая)). Подобные случаи изменения дня памяти святого по литургическим причинам не единичны.

Литература

Косицкая А. Е. Автографы Дионисия Зобниновского и Германа Тулупова в старопечатной Минее из собрания БАН // Загребинские чтения – 2024 (в печати).

В. С. Курмановский (ИА РАН)

СМОЛЕНСКИЕ БОЯРЕ И СЛУГИ XV – НАЧАЛА XVI в. И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

История Смоленской земли обеспечена уникальным для русского Средневековья источником – Списком смоленских князей, бояр и слуг 80-х гг. XV в. Он представляет собой один из наиболее ранних и информативных реестров военно-служилого населения в Восточной Европе. Содержащиеся в нем сведения дополняются данными других документов Литовской метрики, охватывающих период от 30–40-х гг. XV в. до 1514 г.

В Списке фигурирует несколько более 2000 человек, из них 47 князей и 740 бояр. Очевидно, Список отражает предельные мобилизационные возможности и был составлен в мирное время накануне первой московско-литовской войны. Отражена ли в Списке литовская, местная смоленская, общерусская или, скажем, польская военная традиция? В Литве известны панцирные и путные слуги, но нигде, кроме Смоленской земли, по документам не видно столь широкого размаха данного явления. Деление военно-служилого населения на две группы – бояр и слуг – прослежено по ряду документов последней трети XIII – первой трети XVI в. с разных территорий средневековой Руси.

Список, как и ранние книги Литовской метрики вообще, содержит обширный пласт информации историко-географического характера. Селения в этот период назывались по именам фактических владельцев, а в случае со слугами – по именам жителей. Значительный пласт топонимов, восходящих к XV – началу XVI в., сохранился на современной карте.

Бояре имели вотчинные села с «челядью», которые они могли продавать, покупать, передавать в приданое и завещать церкви. С боярских сел, согласно сохранившейся записи 1453 г., традиционно не взималась «посощина». С учетом количества смоленских бояр они в целом не могли являться крупными землевладельцами. Наиболее богатыми и могущественными оказывались члены боярских родов, занимавшие чиновничьи должности.

Однако в значительной мере бояре жили за счет разного рода пожалований от великого князя – непосредственных материальных благ, различных категорий людей (в том числе слуг) на различное время, и особенно кормлений с различных территорий и статей доходов. Последнее, видимо, было определяющим признаком принадлежности к боярству. Смоленские бояре Досуговы в 1508 г. были «выпрошенные» в держание смоленским же боярином Федькой Мирославичем в качестве «щитных людей», в доказательство своего боярства указывали, что «предки их волости держивали».

Слуги также владели землей, могли ее продавать и покупать и, помимо соответствующей «службы», платили натуральные и денежные повинности и выполняли работы на великого князя.

Землю они, очевидно, обрабатывали сами. «Служба» панцирная, доспешная, щитная и др. состояла в предоставлении человека в определенном снаряжении с участка земли. «Служба», как правило, являлась большесемейной общиной, иногда занимавшей несколько селений.

Структура, зафиксированная Списанием, эволюционировала в направлении поглощения мелкого служилого землевладения крупным. Значительная часть документов связана с тем, что села слуг или они сами передавались новым владельцам, в основном из числа лиц, связанных со смоленским или центральным властным аппаратом.

Выделение различных категорий слуг по роду защитного вооружения находит аналогии в военно-ленной системе средневековой Европы, где различному защитному вооружению соответствовал различный размер земельного надела. Вместе с тем в государствах – претендентах на древнерусское наследство аналогичные установления известны лишь в 1528 г. для Великого княжества Литовского и в 1556 г. для Московского государства. Ситуация может быть объяснена в рамках типичной для Восточной и Центральной Европы «служебной организации», когда тем или иным группам населения предписывалась определенная «служба».

Таким образом, Список смоленских князей, бояр и слуг в совокупности с другими смоленскими документами Литовской метрики отражает систему общественных отношений, более архаичную в сравнении с ситуацией финального периода Новгородской республики, зафиксированной в древнейших писцовых книгах. Она характеризуется сравнительно слабым развитием крупного землевладения и большой ролью временных кормлений с даннических волостей в доходе боярства, а кроме того, многочисленным слоем военнообязанного населения, ведущего земледельческое хозяйство на собственной наследственной земле. Последнее было преимущественно сконцентрировано вокруг города, противопоставляясь «волостным мужам» – данникам. По-видимому, данная система может быть экстраполирована и на другие земли средневековой Руси.

И. И. Макеева (ИРЯ РАН)

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ РЕДАКЦИЯ ЦИКЛА СЕДМИЧНЫХ МОЛИТВ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Помимо повествовательных и риторических произведений епископ Кирилл Туровский создал цикл молитв, состоящий из 21 текста: по три молитвы на каждый день недели (по утрени, по часам и по вечерне). Это были одновременно богослужебные и литературные сочинения. В русской письменности они существовали независимо от остальных произведений Кирилла, были очень популярны, многократно переписывались как в составе полного цикла, так и по отдельности и включались в Псалтири, Часословы, богослужебные сборники, иногда в Канонники. Русские книжники редактировали тексты, в результате чего появились по меньшей мере три вторичные редакции цикла: сокращенная, имеющая дополнения киево-печерская и старопечатная. Киево-печерскую редакцию седмичных молитв Кирилла представляет список XV в. № 5357 Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее – НБУ 5357). Он содержит полный цикл, хотя из-за утраты листов после л. 8 об. отсутствуют конец молитвы в понедельник по вечерне и вся молитва во вторник по утрени.

Орфография списка среднеболгарская; она представлена многочисленными примерами, однако и отступлений тоже немало, то есть писец не вполне последователен в соблюдении южнославянских орфографических принципов. Имеющиеся в рукописи восточнославянские региональные языковые особенности отмечаются на большой территории, и только протетический /u/ характерен для восточнославянского юго-запада.

Цикл имеет название **МЛТВЫ. И МОЛЄНИЄ БЛЖНАГО КІРИЛА єПСПА ТОУРОВСЬКОГО И ПИНСЬКОГО**. Перед первой молитвой в понедельник по утрени помещено небольшое предисловие вполне традиционного содержания, с просьбой не укорять писавшего, а помолиться о нем. Завершает рукопись находящаяся на л. 57 об. небольшая «Молитва святого Кирилла», не входившая в седмичный цикл.

Помимо вторичных чтений киево-печерскую редакцию характеризуют добавления, имеющиеся в 11 текстах; в каждой конкретной молитве их количество варьируется. Добавления разные по объему: от словосочетания до нескольких предложений; они продолжают и развивают мысль, высказанную Кириллом, и потому создается впечатление, что авторский текст древнерусского писателя был именно таким. См., например, в молитве в среду по вечерне: **възвысі оумь крылома б̄горазжм̄а. т̄гло оукр̄ѣпи на поклоненіе бж̄ствоу твоєм̄ж. желаніе сътвори на м̄л̄тв̄ж м̄срд̄їа твоего. и всег̄ ма оустрои ако своего оугодника** (НБУ 5357. Л. 20 об.).

В двух самых больших молитвах – в четверг и в пятницу по утрени – большинство дополнений соответствует тексту сокращенной редакции, которая находится в рукописи РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 409 конца XVI в. и найдена М. МакРоберт в составе Псалтири РНБ. ОСРК. Ф.п.І.1 (далее – Ф.п.І.1) второй половины XIV в. Появление этой редакции исследовательница относит к XIII в. Обе молитвы сильно изменены за счет сокращений и интерполяций и потому привлекли особое внимание создателя киево-печерской редакции, послужив источником дополнений и отдельных чтений. См., например, в молитве в четверг по утрени:

Киево-печерская редакция (по рукописи НБУ 5357)	Сокращенная редакция (по рукописи Ф.п.І.1)	Основная редакция (по рукописи РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо- Волоколамского монастыря). № 405, XVI в.)
к тоєѣ рѣцѣ простираж. <u>иже м̄л̄твоа уснваніе тѣмници потресе. и оужики раздрѣши.</u> в̄сѣ бо можешѣ ѿ ба дана ти властїа (Л. 23 об.)	в̄скр̄си и мене ѿ мртвѣх̄ дѣл̄ъ. <u>иже м̄л̄твоу основаніе тѣмници потресе. и оужники раздрѣши.</u> вса бо можешѣ в даною властью ти (Л. 330 об.)	к теєѣ рѣцѣ простираю. вса бо можешѣ ѿ б̄га даною ти властью (Л. 93 об.)
С̄тъи великыи иванѣ б̄гослове наперстниче х̄с̄въ. <u>с̄н̄ж громовъ.</u> двѣтвенны със̄ждѣ. д̄ш̄евнаа с̄таа ц̄рк̄ви. медоточныи языче (Л. 23 об.)	с̄тъи і̄ѡа. б̄гослове <u>с̄н̄г̄ громовъ</u> наперстниче х̄с̄въ. двѣтвенны със̄жде д̄ш̄внаа ц̄рк̄вы. медоточныи языче (Л. 330 об.)	С̄тъи і̄ване б̄гословче. наперстниче х̄с̄въ. д̄б̄ственныи със̄жде. д̄ш̄евнаа с̄таа ц̄рк̄ви. медоточныи языче (Л. 93 об.)

Помимо добавлений в киево-печерской и сокращенной редакциях обнаруживаются общие чтения, отличающиеся от чтений основной редакции. Они имеются не только в утренних молитвах в четверг и в пятницу, но и в других текстах, хотя общее количество таких совпадений невелико. Например, в молитве во вторник по часах: **ѿвр̄зѣи** в киево-печерской и сокращенной редакциях (**не ѿвр̄зѣи моего въздыханїа. зане неч̄ст̄ь и скв̄р̄нен̄ь др̄з̄з̄а̄ж̄ призвати с̄тоє имя твое** (НБУ 5357. Л. 10 об.)) – **ѿмерзѣи** в основной редакции, в том числе в Ярославском часослове XIII в.; в молитве в среду по вечерне соответственно: **встр̄жпн̄х̄ (работал чр̄въж д̄ш̄ж̄ встр̄жпн̄х̄** (НБУ 5357. Л. 20)) – **изможди х̄тъ; на ѿгнаніе нечистых̄ д̄хов̄ь (дан же ми твоих̄ аг̄л̄ь на ѿгнаніе нечистых̄ д̄хов̄ь борацих̄са съ мноа** (НБУ 5357. Л. 20)) – **да запрѣтит̄ь всѣм̄ь нечистым̄ь д̄хом̄ь.**

Из дополнений киево-печерской редакции, не имеющих параллелей в сокращенной редакции, следует отметить **С̄тъи ап̄сле андр̄еж пр̄в̄озваныи блг̄с̄вивыи земла р̄ж̄с̄ск̄жа и град киевъ** (НБУ 5357. Л. 25 об.) в молитве в четверг по утрени. Упоминание Киева и языковые

особенности рукописи позволяют связать эту редакцию молитв Кирилла с Киево-Печерской лаврой.

А. А. Максимова (ИА РАН)

РАННЯЯ ДЕРЕВЯННАЯ ЗАСТРОЙКА МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАЧАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ)

Изучение ранней деревянной монастырской застройки сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, продолжительное время археологические работы, которые проводились в монастырях, были точечными – это архитектурно-археологические шурфы, или небольшие предпроектные раскопы. Во-вторых, дерево в сухом слое Москвы практически не сохраняется – в ходе археологических работ фиксируются следы тлена или обугленное дерево. В-третьих, ранняя застройка неизбежно уничтожалась деятельностью в более позднее время – хозяйственной и строительной, а также некрополем. В-четвертых, интерес исследователей фокусировался на изучении культовых построек.

Исследования широкой площадью, проведенные в Зачатьевском ставропигиальном женском монастыре в 2003–2011 гг., позволили проследить планировку монастыря в XV – начале XVII в., изучить некрополь монастыря, собрать внушительную коллекцию находок [Беляев]. В ходе работ были зафиксированы подземные части, а также следы наземных конструкций жилых и хозяйственных построек. Всего на площади около 2000 кв. м удалось проследить остатки 31 сооружения (только девять из них попадали в зону исследования полностью).

К раннему этапу освоения монастыря (XV в., возможно, конец XIV в.) относятся восемь построек, которые располагались с западной и южной сторон соборной площадки. Две из них – наземные, от которых сохранились столбовые ямы и канавки. Их направление несколько отличается от построек с подземными частями. Вероятно, это самые ранние сооружения, зафиксированные в монастыре. Из-за скудности материала точная датировка наземных построек невозможна, однако стратиграфические данные позволяют говорить о том, что они могли появиться в конце XIV – первой половине XV в. Большая часть строений была разобрана за ветхостью, на месте некоторых из них возводились новые. Лишь две постройки этого периода погибли в крупном пожаре конца XV в.

К первой половине XVI в. относятся остатки 15 построек. Эта группа строений, по всей видимости, погибла в пожаре 1547 г., о чем свидетельствуют стратиграфические данные и собранный в слое пожара керамический и нумизматический материал. Зафиксированные объекты располагались к северу и югу от соборной площадки. С северной стороны прослежен один ряд построек. С южной стороны выявлено четыре линии построек, отстоящих друг от друга на расстояние примерно 1–3 м. Таким образом, в застройке формировались определенные улицы или порядки. Ориентировка всех выявленных построек совпадает, в одной из них обнаружены следы входа с западной стороны. Стоит отметить, что с западной и восточной сторон соборной площадки жилых сооружений не обнаружено. К северо-западу от нее в 30–50-е гг. XVI в. возводится каменная трапезная, соответственно, с западной стороны жилой застройки уже быть не могло (вероятно, она сдвигается еще дальше и не попала в зону археологического исследования).

К концу XVI – началу XVII в. относится гибель восьми построек. По всей видимости, они сгорели в пожаре 1611 г. Они располагались к югу от соборной площади и незначительно перекрывали более ранние постройки, погибшие в середине XVI в. Застройка продолжала сохранять рядный порядок – зафиксировано две улицы. После польско-литовского разорения монастырь был восстановлен и в 1623 г. по челобитной игуменьи Евфросинии с сестрами получил от царя Михаила Федоровича государеву жалованную грамоту [Иулиания (Каледа), Баталов,

Беляев, с. 718]. Однако следов деревянных построек, которые можно было бы датировать XVII в., не найдено – вероятно, они не попали в зону исследования. Первые же каменные кельи (игуменские) появляются в конце XVII в. по традиции рядом со святыми воротами. Они состояли из бесстолпной палаты с подклетом и пристроенных к ней деревянных жилых покоев [Иулиания (Каледда), Баталов, Беляев, с. 725].

Таким образом, планировка монастыря в XV – начале XVII в. практически не менялась, оставаясь рядной. Остается открытым вопрос о существовании застройки к востоку от соборной площадки (эта часть территории не вошла в зону исследования). В XVII в. застройка сдвигается все дальше к периферии монастыря, а центральную площадь занимает кладбище, перекрывая ранние постройки. Современную планировку монастырь приобретает в XVIII–XIX вв., с этого времени каменные и деревянные кельи практически примыкают к монастырской ограде.

Литература

- Беляев Л. А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. 2019. Т. 18 (136). С. 5–45.
Иулиания (Каледда), игум., Баталов А. Л., Беляев Л. А. Зачатия праведной Анной Пресвятой Богородицы женский монастырь // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 715–728.

А. В. Мартынюк (независимый исследователь, Минск)

«ПЕСНЯ О ПОХОДЕ ГРАФА ЭНГЕЛЬБЕРТА И БИТВЕ С САРАЦИНАМИ У ГОРОДА ПОЛОЦКА»: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ НЕСОХРАНИВШЕГОСЯ ИСТОЧНИКА

Ярким эпизодом эпохи *рейз* – крестовых походов европейского рыцарства против Литвы и Руси в XIV в. – был поход графа Энгельберта III, правителя графства Марк на нижнем Рейне. В ходе этого похода немецкие крестоносцы приняли участие в осаде Полоцка летом – осенью 1381 г. Данное военное предприятие отразилось в широком круге источников: орденской хронистике, раннем историописании Великого княжества Литовского, новгородском и псковском летописании [Мартынюк 2023].

Поход упоминается и в произведениях, созданных на родине крестоносцев – в регионе нижнего Рейна. Уникальным является то обстоятельство, что в них прозвучало имя белорусского города Полоцка. В «Клевской хронике», излагающей историю династии графов Марка и Клеве, содержится выразительный рассказ о походе Энгельберта III на «город, называемый Полоцк, где живут сарацины и другие злые, жестокие язычники» (*vor eyne Stat, geheiten Plosko, dair die Sarracenen ind boese wreet volck van Heyden in woenden*) [Clevische Chronik, S. 29–30]. В похвальной песне, посвященной рыцарю Генриху фон Хюкельхофену, говорится, что он был «под Полоцком в большом штурме, [где] Господь помог своим избежать всех опасностей» (*vor Plosskaw an dem sturm grot / got helff den seinen auß aller not*) [Nolte, S. 194]. Для целей нашего исследования важно, что данные произведения, представляющие разные литературные жанры, были созданы спустя значительное время после описываемых событий: «Клевская хроника» – в 1470–1480-е гг.; похвальная песня – после смерти рыцаря в 1419 г. (дошла до наших дней в рукописи, созданной около 1470 г.). Город Полоцк, безусловно, не входил в круг политических и географических реалий восточноевропейского региона, которые были «на слуху» на нижнем Рейне. По нашему мнению, эксплицитное упоминание Полоцка является свидетельством того, что существовал некий источник, из которого авторы последующих произведений могли почерпнуть как наименование города «язычников», так и сведения о данном крестовом походе в целом.

Мы можем составить достаточно хорошее представление о том, как *мог* выглядеть такой источник. Для этого необходимо обратиться к произведениям Петера Зухенвирта – поэта и герольда, «профессионального пропагандиста рыцарских подвигов» (по выражению Х. Бокмана), а именно к его «Песне о рыцарских деяниях герцога Альбрехта». Данное произведение подробно

повествует о большом походе, который в 1377 г. совершил на земли Литвы австрийский герцог Альбрехт III [Primisser, S. 8–15]. «Песня» отличается чрезвычайной конкретностью: автор рассказывает о сборе войска и его пути в Пруссию, поименно называет участников похода и должностных лиц Ордена, дает живые сцены военных действий и рыцарских ритуалов (посвящение в рыцари, участие в «почетном столе» в резиденции властей Ордена). В целом «Песню» можно охарактеризовать как яркое литературное произведение и ценный источник по истории «северных крестовых походов» [Мартынюк 2019, с. 357–377]. Примерно так же, по нашему мнению, могло выглядеть и поэтическое повествование о рейзе графа Энгельберта III. Практика создания подобных произведений существовала в нужное нам время и в нужном нам месте: так, в конце июня 1397 г. власти города Везеля выделили оплату некоему Генриху Койтеру за исполнение «новой песни о войне» – очевидно, песни, которая прославляла победу графов Адольфа Клевского и Дитриха Маркского (племянников Энгельберта III) в битве при Клеверхамме 7 июня 1397 г. (городское ополчение Везеля участвовало в этой битве на стороне своих сюзеренов) [Regesten, S. 214]. Постараемся реконструировать содержание песни о рейзе графа Энгельберта, ориентируясь на сведения «Клевской хроники» и похвальной песни рыцарю Генриху фон Хюкельхофену.

Полоцк. Несомненно, в произведении звучало само имя «города язычников» – цели крестового похода. Среди иных географических ориентиров следует отметить упоминание в «Клевской хронике» Ливонии, что является довольно редким в памятниках эпохи рейз: как правило, крестоносцы отправлялись «в Пруссию». В похвальной песне Генриху фон Хюкельхофену упоминается в общей форме его участие в походах «в Литве и на Руси, по воде и верхом на конях, зимой и летом, как принято в тех странах» [Nolte, S. 195]. В сочетании «на Руси» и «летом» можно увидеть косвенное указание на поход под Полоцк в августе 1381 г., поскольку подавляющее большинство «пруссских поездок» приходилось на зимнее время.

Сарацины и язычники. В качестве противников в хронике упоминаются «язычники» (пять раз) и «сарацины» (одно упоминание). Наличие «сарацинов» не должно удивлять – именно так в источниках XIV в. часто обозначались противники крестоносцев. Более того, в таком словоупотреблении нам видится отсылка к оригинальному источнику времен расцвета традиции рейз.

Большой бой с врагами. В «Клевской хронике» одним из основных смысловых элементов рассказа выступает битва под Полоцком, где на каждого христианского рыцаря приходилось по три вражеских воина. О «большом штурме» говорит и похвальная песня.

Почетный стол в Кёнигсберге. Описание почетного стола в Кёнигсберге, во время которого граф Энгельберт угостил за свой счет «600 господ», является вторым важным смысловым элементом в рассказе хроники. В похвальной песне Генриху фон Хюкельхофену говорится, что рыцарь «сидел за столом чести»; эти слова следуют непосредственно за упоминанием его походов «в Литве и на Руси» и могут быть интерпретированы как указание на участие именно в походе 1381 г. Интересно провести сравнение с упомянутым произведением Зухенвирта: в его рассказе о почетном столе в 1377 г. называются имена рыцарей из разных земель, упоминаются перемены блюд, конкретные сорта вина, игра на музыкальных инструментах и т. д.

Такие сведения предположительно могло содержать утраченное поэтическое произведение, которому мы присвоим условное наименование «Песня о походе графа Энгельберта и битве с сарацинами у города Полоцка».

Источники

- Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Gert van der Schuren / Hrsg. von R. Scholten. Cleve, 1884.
 Nolte Th. Lauda post mortem. Die deutschen und niederländischen Ehrenreden des Mittelalters. Frankfurt am Main; Bern, 1983.
 Primisser A. Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhunderte: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte. Wien, 1827.

Литература

- Мартынюк А. В.* До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М., 2019.
- Мартынюк А. В.* Немецкие крестоносцы в битве за Полоцк в 1381 г. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (67). С. 36–43.
- Regesten zur politischen Geschichte des Niederrheins. I. Stadtrechnungen von Wesel / Bearb. von F. Gorissen. 2. Band: 1376–1400. Bonn, 1963.

А. Ю. Никандров (ГСГУ), А. Н. Фролов (Росатом, Воскресенск)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕТОПИСНОГО «МЕСТА» ЦИБИРЦА В ИЗВЕСТИИ О ПЛЕНЕНИИ КНЯГИНИ КНЯЗЯ СЕМЕНА ДМИТРИЕВИЧА В 1401 г.

Одним из важных событий княжения великого князя Василия I Дмитриевича (1389–1425 гг.) стало присоединение Тарусы, Мещеры, Мурома и Нижнего Новгорода в 1392 г. Если первые три приняли власть московских государей без кровопролития, то борьба за Нижний Новгород разгорелась нешуточная и местные князья оказали довольно сильное сопротивление Москве. Один из эпизодов этой борьбы – пленение княгини Александры, которая приходилась супругой нижегородскому князю Семену Дмитриевичу. Князь Семен Дмитриевич – сын великого князя Суздальского и Нижегородского Дмитрия Константиновича и брат князя Василия Дмитриевича по прозвищу Кирдяпа и князя Ивана Дмитриевича, убитого в сражении на реке Пьяна в 1377 г. Василию I Семен Дмитриевич приходился дядей по матери, его сестра Евдокия вышла замуж за Дмитрия Донского.

Семен Дмитриевич, пытаясь вернуть отцовское наследие, служил восемь лет четырем ханам Золотой Орды, наводил на Нижний татар, но успеха не добился. Осенью 1401 г. московскому великому князю Василию I стало известно о примерном месте нахождения княгини князя Семена Дмитриевича. Она скрывалась в Татарской земле. Было решено произвести рейд сильным вооруженным отрядом и захватить ее. Граница Орды при этом нарушалась. В летописи сообщается: «Тое же осени князь великий Василий посылал искати княгини княжи Семеновы Дмитриевича Ивана Андреевича Уду да Федора Глебовича, а с ними рать свою, и идоша в Мордву, наехаша же ю в Татарской земли на месте, нарицаемом Цибирца, у святого Николы, постави бо баше церковь ту бессерменин Хазибаба, и ту изымаша княгиню Семенову Александру, и ограбише ю, приведоша на Москву и с детьми, и пребысть на дворе Белеутове, донеже князь Семен сслався покорися» [ПСРЛ, т. 18, с. 149].

В Архангелогородском списке Устюжской летописи сохранились интересные дополнения, пропущенные в московском летописании: «Князь великий Василей Дмитриевич посла на взыскание князя Семена Дмитриевича Суздальскаго воивод своих Ивана Дмитриевича Уду. И найдоста княгинию Александру в тотарских местех волосцы Бирцы у святого Николы на погосте. И изымаша ея и со всею казною приведоша к Москве, и князь Семен по опасу и добил челом великому князю, а ркучи так: “Аз много истомы подъях, подимаючи рати на Русь, добываясь вотчины Новагорода Нижняго; осьм лет во Орде служыл 4-м царем – Тактамышу, Темир-Теклюю, Темир-Аксаку, Жанибеку, и ни дасть ми бог отчины; а ныне ступаюся вотчины”. И дасть княгиню и отпусти его, рек: “Нет ти в моем княжении места”. Князь же Семен поиде к Вятке и з женою и з детми, и бысть тамо 5 месяц, и преставися» [ПСРЛ, т. 37, с. 82].

Из северного летописца, гораздо менее подверженного цензуре, мы видим, что ловили, собственно, самого князя Семена, но не поймали, в полон угодила его княгиня, а под именем «место» имеется в виду хорошо известный историкам термин «волостка» – часть волости, несколько деревень со своей церковью. Локализация летописного «места» Цибирца, где поймали княгиню Александру, представляет некоторый интерес – по ней можно понять, на какое расстояние и куда совершили поход воеводы Иван Уда и Федор Глебович.

По версии историка Н. С. Арцыбашева, под этим «местом» имеется в виду город Симбирск [Арцыбашев, с. 155]. Историк С. М. Соловьев видел в нем город Цыбильск [Соловьев, с. 346, 643]. Довольно экзотическую локализацию предложил историк Вятки А. С. Верещагин. Он полагал, что княгиню Александру поймали на устье притока Вятки реки Чепцы [Верещагин]. Можно заметить, что указанные локализации фонетически сильно отличаются от летописного топонима Цибирица. Гораздо более убедительна, на наш взгляд, версия, что Цибирица – это сельский округ (волостка), название которой дало село Чеберчино на речке Чеберчинке, по современному делению – Дубёнского района Республики Мордовия. Мордва делится на два народа – мокша и эрзя. На языке проживающей в Дубёнском районе эрзи название села Чеберчино звучит в цокающем варианте – Цыбирица, что очень близко фонетически к названию летописного «места». Река Чеберчинка, в старину – Чеберчина, левый приток Суры, у эрзян зовется «Улянка лей». Косвенным подтверждением нашей версии служит известие о пленении княгини Александры в Новгородской четвертой летописи, где название места Цибирицы приведено в форме «Чибирица»: «в месте, нарицаемем Чибирици» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 397].

Впервые в дошедших до нашего времени источниках Чеберчино упоминается в начале 1610-х гг. как дворцовое село Алаторского уезда. В указанное время алаторские дворцовые села Промзино и Чеберчино с деревнями были пожалованы в вотчину братьям Ивану и Льву Афанасьевичам Плещеевым [Мордовский фронтир, с. 385].

Таким образом, местом пленения княгини Александры осенью 1401 г. стала, скорее всего, округа селения Чеберчино, которое местные эрзяне звали Цыбирица. Летописец московский передал звучание топонима как Цибирица, а новгородский – Чибирица. Рать московского князя могла отправиться в Цибирицу через Муром либо через Нижний Новгород. В обоих случаях нужно было пройти несколько сотен километров. От Мурома до Чеберчино 300 с лишним километров, а от Нижнего – 260, но это напрямую, а в реальности шли более длинной дорогой. Как видим, московские князья дерзали в начале XV в. нарушать границу Орды и вторгаться на ее земли на много километров в глубину.

Источники

ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1; СПб., 1913. Т. 18; Л., 1982. Т. 37.

Литература

Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1838. Т. 2.

Верещагин А. С. Суздальско-Нижегородские князья в истории древней Вятки // Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 г. Вятка, 1906. Вып. 1–2. Отд. III. С. 17–19.

Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.). Саранск, 2017.

Соловьев С. М. Собрание сочинений. М., 1988. Кн. 2. Т. 4.

А. В. Носов (МГУ им. М. В. Ломоносова)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЖИТИЯХ ПРЕПОДОБНЫХ XIV–XV вв.: ТОПИКА И РЕАЛИИ

Сакрализация пространства по житиям преподобных представляет собой духовное освоение «мѣста пустыннаго» аскетом, начиная с его вселения в «пустыню» и завершая появлением монастыря. В ходе сакрализации происходило преобразование пространства в «мѣсто свято», а кульминацией данного процесса являлась духовная брань преподобного с демонами.

По мнению Н. М. Терехина, крест играл ключевую роль в сакрализации Севера отшельниками. Пространственно-временное развертывание образа креста могло претворять его в часовню, храм и монастырь, оформляя новую сакральную топографию [Терехин, с. 55–57]. Эту идею подтверждают старшие редакции агиографических сочинений об основателях монастырей

XIV–XV вв. В 64,5 % памятников воздвижение креста в начале отшельничества маркирует место аскетических подвигов преподобных, освящаемое постом и молитвой.

Символика и значение креста в деле освящения места неоднократно рассматривались в историографии [Троицкий, с. 15–16; Столяров, с. 117–124; Подосинов, с. 482]. Как убедительно показала Е. А. Рыжова, водружение креста преподобными – это распространенный мотив житийной литературы, иллюстрирующий начало духовного освоения избранных отшельниками мест, яркий пример агиографической топики [Рыжова]. С возведением креста на месте отшельничества преподобного его роль в сакрализации не заканчивается. Образы креста появляются в описаниях эпизодов борьбы анахоретов с демонами, где крест мыслится главным орудием духовной брани: не только осенение крестом или крестным знаменем, но и молитвенное обращение преподобных к Богу и его крестной силе, зачастую заключенное в стихи 67-го псалма: «Да воскреснет Бог и расточатся врази его» [Носов, с. 7–8, 11–13]. Цитирование этого псалма позволяло агиографам оформлять мотив преобразования грешного, «нечистого» в сакральную, освященную молитвой землю [Кузьмина, с. 161–162].

Наряду с богатой литературной традицией использования крестных образов известны непосредственно сами кресты, отмеченные в житиях. Они легендарно или вполне достоверно восходят к деятельности основателей монастырей.

Среди них копия начала XVII в. креста Кирилла Белозерского из бруса (Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Инв. Д 70). Согласно монастырской описи 1601 г., на месте вселения преподобного Кирилла была возведена деревянная часовня, «где чудотворец Кирил водрузил крест» [Опись, с. 163]. В четвертом чуде Жития Саввы Вишерского упоминается крест, поставленный преподобным. Именно у этого креста преподобный Савва встречал инока, который специально пришел в Вишерский монастырь увидеть его подвижническую жизнь: «Срѣташе того тамо, идеже крестъ водружень бяше» (РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 12. Л. 375). По мнению В. В. Игошева, крест из собрания Новгородского музея-заповедника (инв. № 26683) является подлинным крестом преподобного 1417 г. с рельефными изображениями и надписями рубежа XV–XVI вв. [Игошев, с. 40].

В Житии Зосимы и Савватия Соловецких сообщается о возведении креста в начале отшельничества преподобных Савватия и Германа. В Соловецком монастыре сохранился каменный четырехконечный крест с надписью. Варианты ее прочтения породили острую дискуссию. Наиболее убедительной представляется точка зрения А. Г. Авдеева, который предлагает читать надпись как «крестъ Саватиа чудотворца начальной» и считает, что каменный крест заменил деревянный крест преподобного Савватия, положивший начало духовного освоения Соловков, вероятно, спустя несколько десятилетий после кончины святого [Авдеев].

Житие Павла Обнорского не упоминает возведение креста. Его заменил небольшой меднолитой крест, который был подарен преподобному Сергием Радонежским и на момент составления Жития был положен на гробе Павла Обнорского [Житие Павла Обнорского, с. 80]. Этот крест погиб в пожаре 1909 г., однако в 1861 г. он был зарисован и опубликован составителем описания монастыря Н. И. Суворовым. Согласно изысканиям И. А. Стерлиговой, на рисунке Н. И. Суворова запечатлен крест с характерными чертами изделий меднолитой пластики конца XIV в., что свидетельствует о его подлинности [Стерлигова, с. 13–15].

Сохранившиеся кресты основателей монастырей позволяют говорить о том, что практика воздвижения креста в начале отшельничества преподобных действительно имела место и была достаточно распространенной. Прежде всего к ней прибегали северные подвижники разных иноческих традиций, что объясняется господством общих представлений о значении образа креста в освоении нового места у русского монашества. Житийная топка не опровергает, а подтверждает данную практику, по крайней мере в ряде случаев, поэтому мы имеем дело не только с агиографическим мотивом, но и с «этикетным» поведением отшельников в реальной жизни.

Житие Павла Обнорского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2005. С. 69–140.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998.

Литература

Авдеев А. Г. Еще раз о кресте преподобного Савватия Соловецкого // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2009. Вып. 8. С. 58–62.

Игошев В. В. Поклонный крест Саввы Вишерского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 33–44.

Кузьмина М. К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017.

Носов А. В. Духовная брань преподобных в XIV–XV вв. в ходе сакрализации пространства // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 1. С. 3–21.

Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Рыжова Е. А. Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // От Средневековья к Новому времени. Сборник статей к 80-летию О. А. Белобровой. М., 2006. С. 37–58.

Стерлигова И. А. Крест из Херсонского музея и русские меднолитые кресты XII–XIV вв. // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. М., 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 4–19.

Столяров В. П. Духовно-символическое пространство сакральных комплексов России как объект национального наследия (на примере Соловецкого архипелага) // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 113–129.

Теребихин Н. М. Сакральная география Русского севера. Архангельск, 1993.

Троицкий Н. И. Крест Христа – «Древо жизни» // Ставрографический сборник. М., 2003. Кн. 2. С. 15–40.

С. В. Полехов (РАНХиГС)

ПСКОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКОГО ВИТОВТА В 1411–1430 гг.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00402 («Новгород, Псков и Ганза в XV веке в новгородско-ганзейских документах»).

На протяжении двух десятилетий от победы Литвы и Польши в войне с Тевтонским орденом в 1411 г. до «коронационной бури» и смерти великого князя литовского Александра Витовта в 1430 г. Псков по-прежнему оставался значимым объектом его политики, а его подчинение – одной из важнейших целей. Но успехи его на этом направлении были весьма скромными, особенно в сравнении с картиной, создававшейся его пропагандой. Чтобы понять причины этого, следует оценить возможности и пределы решения задач, стоявших перед Литвой на пути к амбициозной цели.

При всей яркости летописных рассказов, особенно о походе Витовта 1426 г., они освещают псковско-литовские отношения весьма избирательно и односторонне. Значительно более полную картину рисуют источники Кёнигсбергского архива – переписка сановников обеих ветвей Ордена, ливонской и прусской, между собой и с Витовтом; отдельно стоит отметить ранее неизвестные письма Витовта и фогта Розитгена о походе 1426 г., пересказ которых сохранился в рукописи вильнюсской Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы.

Для рассматриваемого периода характерны следующие тенденции. В Пскове продолжается становление и оформление республиканских институтов власти. При этом Псков последовательно, и на словах, и на деле, демонстрирует привязанность к великим князьям московским в качестве их «отчины». Псков направляет и Василию I, и Василию II жалобы на Витовта и Орден, просит помощи против них, а те присылают туда князей, поддерживают Псков дипломатически и, как и в 1409 г., пытаются переключить внимание Витовта на Орден; в церковной сфере Псков демонстрирует верность митрополиту Фотию. Роль Ливонии неуклонно снижается: если в 1411 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингоф, сообщая о псковском посольстве к Витовту, еще

сетует, что Псков отведен Ордену (по Салинскому договору 1398 г.), то впоследствии ему и его преемникам не остается ничего иного, как реагировать на инициативы Витовта на псковском направлении. Осознание общей угрозы со стороны Литвы ведет к перемириям Пскова с Орденом и с Новгородом. Союзником Витовта в Ливонии становится дерптский епископ Дитрих Резелер, которого вместе с его епископством литовский князь официально берет под защиту от соседей-«схизматиков», то есть Пскова.

На инструментарий Витовта накладывал ограничения республиканский строй Пскова, который не позволял проводить на этом направлении матримониальную политику. С учетом этого литовский правитель пользовался следующими инструментами:

1. Попытки втянуть Псков в очередную войну с Тевтонским орденом, чему способствовал режим кратковременных перемирий Польши и Литвы с ним: после войны 1414 г. – на неполных два года, с ежегодным продлением в 1416–1421 гг., вплоть до заключения «вечного мира» после войны 1422 г.

2. Попытки давления военной угрозой – слухи о предстоящем походе на Псков: последний со временем занимает место в пропаганде наряду с Новгородом. Как и в 1405 г., Витовт апеллировал к идейным основам существования Ордена, призванного силой оружия распространять христианскую веру среди «неверных», а себя представлял защитником христиан от них.

3. Попытка подчинить Псков церковной власти митрополита Григория Цамблака.

4. Попытка прислать в Псков наместника «из литовской руки». Хотя Витовт заявлял о таком намерении еще в 1408 г., о его осуществлении ничего не известно, если не считать слухов об этом в 1416 г.; доверие к ним подрывает факт пребывания в Пскове в это время князя Андрея Александровича Ростовского и последующее сохранение союза с Москвой.

Примерно с начала 1420-х гг. источники отмечают нагнетание «военной тревоги», нацеленной на Псков, несмотря на все его усилия, призванные отвлечь надвигающуюся опасность. Кампании 1426 г. предшествовало строительство новой, более мощной дороги, пригодной для передвижения крупного войска с артиллерией, взамен старой, что подтверждают топонимы с именем Витовта (за сообщение сведений об этом благодарю Н. А. Волкова). Эта кампания была более продуманной и спланированной, чем стремительный поход Витовта 1406 г.: помимо осады крепостей Опочки и Воронача, прикрывавших путь на Псков, и разорения территории республики, Витовт стремился изолировать ее на внешнеполитической сцене, чего в значительной степени добился, нейтрализовав Новгород и Орден в Ливонии, заручившись помощью Орды и Молдавии. Власти Пскова, предлагая Витовту союз против Ордена и отправляя посольства к Василию II, до последнего рассчитывали на политическое решение проблемы. Но в конечном счете все успехи Витовта свелись к получению контрибуции и выкупа за пленных. Сообщая о «службе» ему Пскова, «Похвала Витовта» выдавала желаемое за действительное.

Причины скромных успехов Витовта на псковском направлении становятся яснее, если вспомнить «истории успеха» территориального роста и расширения влияния Великого княжества Литовского на Руси в его правление: включение Смоленской земли в его состав, договоры с новосильскими и рязанскими князьями. В отличие от смоленских и черниговских земель, бывших объектом внимания литовских князей с середины XIV в., псковское направление вернулось в их внешнюю политику после долгого перерыва лишь в конце этого столетия. В случае Смоленщины, Верхнего Поочья и Рязани дело не сводилось к военным походам и их угрозе: имело место договорное начало, выраженное сильнее или слабее, но всё же присутствовавшее даже применительно к Смоленской земле, за которую Литва воевала не одно десятилетие. Между тем источники практически молчат о попытках Витовта установить контакт с политической верхушкой Господина Пскова или с какой-то ее частью: великий князь литовский видел в Пскове лишь объект своей политики. В результате Псков обращался к Витовту в лучшем случае как к могущественному соседнему правителю (1411, 1430 гг.), чаще же – пытаясь отвлечь угрозу с его стороны. Как показывает адресованная Свидригайлу просьба псковичей прислать им князя в 1432

г., в Пскове могли рассматривать Великое княжество Литовское как возможного покровителя, но лишь ситуативно.

В. Н. Рудаков (ИРИ РАН)

СЫНОВЬЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ВЛАДИМИРА МОНГОЛАМИ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVI в.

В историографии традиция «героической» трактовки поведения сыновей великого князя во время осады Владимира войсками Батыя была заложена еще В. Н. Татищевым, писавшим, что «князи яко люди молодые хотели выехать за город с татары биться», но им не дал этого сделать воевода Петр Ослядюкович [Татищев, с. 472–473; Карамзин, с. 510; Соловьев, с. 137–138]. Подобную трактовку разделяют и многие современные исследователи (см.: [Карпов, с. 66; Хрусталева, с. 111] и др.). На что опирается подобная «героическая» трактовка и можно ли ей доверять?

Об осаде Владимира войсками Батыя рассказывают сразу три ранних источника: Новгородская первая старшего извода (далее – НПЛ), Ипатьевская (далее – Ипат.) и Лаврентьевская (далее – Лавр.) летописи (согласно первым двум, в городе остался только князь Всеволод Юрьевич, Лавр. же сообщает, что в момент штурма Владимира там находился и его брат – Мстислав). При этом ни в одной из этих летописей поведение князей не выглядит героическим. Согласно Ипат., Всеволод «убоялся» и, желая сохранить «живот», вышел за городские ворота с дарами к Батью, в результате чего погиб сам и погубил защитников Владимира, которые готовы были и дальше сражаться с завоевателями [ПСРЛ, т. 2, стб. 780]. В НПЛ князь – скорее пассивная фигура, чем активная: обо всех ключевых событиях боя он узнаёт в тот момент, когда сделать что-либо уже нельзя, в итоге принимает постриг и погибает вместе с горожанами [ПСРЛ, т. 3, с. 75]. Составитель рассказа Лавр. явно стремился представить поступки сыновей великого князя в более привлекательном свете. Однако и он не мог себе позволить приписать им героические черты: вероятно, память об их поведении в момент составления летописного рассказа (1280-е гг.) была еще достаточно свежа. Видимо, единственный способ реабилитировать князей, с точки зрения книжника, состоял в том, чтобы представить их людьми, которые подобно первым русским святым – братьям Борису и Глебу – готовы были принести себя в жертву. Вполне возможно, что именно по этой причине книжнику понадобилось ввести в повествование фигуру второго князя, Мстислава, и, возможно, именно поэтому в уста князьям вкладывалась цитата из молитвы святого Глеба из соответствующего места Лавр. («Увы мнѣ, господи, *луче бы ми умрети с братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь...*» [ПСРЛ, т. 1, стб. 136]). В итоге уже в самом начале осады города братья, согласно Лавр., заявляли о намерении выйти за ворота и погибнуть: «*Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую*» [ПСРЛ, т. 1, стб. 462]. Как видно из этой цитаты, в Лавр. речь не шла о намерении князей оказать сопротивление. Скорее, наоборот, летописные Всеволод и Мстислав исходили из невозможности противостоять Господней каре в лице татар («И рекоста оба князя: “Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, яко же пророкъ глаголет: *Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви...*” ...» [ПСРЛ, т. 1, стб. 462]). Тем не менее их решению принести себя в жертву помешал воевода: «И не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичъ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 462].

В редакции Софийской первой летописи (далее – С1) старшего извода у Всеволода и Мстислава появлялся иной мотив «умрети пред Златыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру» – они хотят это сделать «ниже въ воли ихъ (татар. – *В. Р.*) быти». Теперь воевода Петр отговаривал князей уже не от смиренного, жертвенного поведения, а, наоборот, от акта безрассудной храбрости. В С1 уже ему, а не им приписывались слова, первоначально якобы

произносимые братьями: «Сиа вся наведе Богъ на ны грехъ ради нашихъ...» [ПСРЛ, т. 6, вып. 1, стб. 291].

Московский свод 1479 г. (далее – МС-1479), в этой части опиравшийся на рассказ С1, повторил версию своего основного источника [ПСРЛ, т. 25, с. 127; Степенная книга, с. 411–412], но уже в Симеоновской летописи (далее – Сим.) текст вновь был скорректирован: «братья, лучше есть умерети перед Златыми враты за святую Богородицу и за православную веру, нежели воли ихъ быти *над нами*» [ПСРЛ, т. 18, с. 56]. Сим. легла в основу Никоновской летописи (далее – Ник.), однако указанное чтение оказалось повторено лишь в ее Толстовском VII (Голицынском) списке, представляющем собой текст Лицевого летописного свода [ПСРЛ, т. 10, с. 107]. Во всех остальных списках Ник. князя уже прямым текстом заявляли о намерении не просто «выйти» за городские ворота, а «выйти на бой» с татарами, но воевода Петр не давал им этого сделать, указывая на бесперспективность противостояния татарам, которые 1) выступали в качестве кары Господней («се бо есть лоза Его, и се наказание Его, и кто можетъ противу Его стати») и 2) обладали явным численным превосходством («како убо можемъ изыти на нихъ, и стати противу толикаго множества?») [ПСРЛ, т. 10, с. 107].

Именно версия составленной в 1525–1530 гг. Ник. и легла в основу «героической» трактовки поведения сыновей великого князя, столь прочно утвердившейся в историографии. Но чтение Ник. должно рассматриваться не в качестве более *точного*, а всего лишь в качестве более *позднего* варианта текста, первоначальная версия которого возникла в Лавр. Впрочем, и рассказ Лавр., созданный с целью реабилитировать отпрысков князя Юрия в глазах потомков, имел весьма далекое отношение к тому, что происходило в марте 1238 г. во Владимире.

Источники

ПСРЛ. М., 1997. Т. 1; М., 1998. Т. 2; М., 2000. Т. 3; М., 2000. Т. 6. Вып. 1; М., 2000. Т. 10; М., 2007. Т. 18; М., 2004. Т. 25.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2.

Литература

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3.

Карпов А. Ю. Батый. М., 2011.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. Т. 3–4.

Татищев В. Н. История Российская. СПб., 1774. Кн. 3.

Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». 30–40 гг. XIII в. СПб., 2008.

С. А. Салмин (Археологический центр Псковской области)

«ТАМГУ УСТАНАВЛИВАТЬ НОВО, ЗАНЕ ЖЕ ВО ПСКОВЕ ТАМГИ НЕ БЫВАЛО»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПСКОВСКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIII–XIV вв.

На фоне изменений в политической и экономической жизни Пскова в 1510 г. совершенно заурядным кажется сообщение о введении в Пскове нового вида подати [ПСРЛ, т. 45, с. 111]. Это летописное сообщение поднимает важную проблему. Тамга являлась составной частью налогов, уплачиваемых в пользу Орды, ее отмена не могла быть инициирована самими псковичами или великими князьями Владимирскими [Почекаев].

В отношении новгородских земель тамга впервые упоминается в 1257 г., когда Новгороду удалось откупиться дарами от назначения тамги и десятины, но уже в 1259 г. новгородские земли были подвергнуты «числу» [ПСРЛ, т. 45, с. 26–27] и включены в единую налоговую систему чингизидских государств [Джувейни, с. 25; Маслова, с. 29–30]. На каких основаниях Псков оказался освобожден от выплат в пользу Орды?

Одновременно с этим наблюдается еще одна особенность псковско-ордынских взаимоотношений. На протяжении длительного времени Псков регулярно укрывал у себя политических деятелей, вступивших в конфликт с великими князьями или непосредственно с «царями ордынскими», – нарушая, таким образом, установления монгольского законодательства, касавшиеся предоставления политического убежища персонам, решившимся на открытое противостояние с Чингизидами. В Пскове укрывались Андрей Ярославич (1252 г.), Ярослав Ярославич (1253 г.), Василий Александрович (1257 г.), Дмитрий Александрович (1282 г.), Александр Михайлович (1328 г.). Все они нарушали по крайней мере один закон: за самовольное оставление вверенных территорий полагалось суровое наказание, распространявшееся и на тех, кто предоставил им убежище [Джувейни, с. 24].

Однако это правило не распространялось на Псков. Показателен случай Александра Тверского. Традиции преследования преступников-нарушителей ясы чингизидов были живы, и Тверская земля подверглась жестокому разорению, но в дальнейшем татарские военачальники перепоручили преследование Александра Ивану Даниловичу и Александру Васильевичу [НПЛ, с. 98, 341]. Сами ордынцы к походу не присоединились. Русские князья ограничились дипломатическим и церковным давлением на Псков, остановив войска менее чем в 20 километрах от псковской границы.

Наиболее вероятным объяснением особого отношения ордынских властей к Пскову представляется наличие у Псковской земли статуса дарханного владения.

Согласно «Сокровенной истории монголов», с дарханов не собирались подати, дархан был неподсуден ханской администрации, проступки должны были ему прощаться до девяти раз, всё захваченное дарханом на войне являлось собственностью дархана [Козин, с. 167]. Дарханскими могли являться и территории, принадлежащие дархану, в том числе предположительно и завоеванные им самостоятельно. Согласно Джувейни, права сохранялись за родом дархана «вплоть до девятого колена» [Джувейни, с. 25]. Подчеркнем, что первый достоверный случай выдачи ярлыка на Псков (1507 г.) [Kołodziejczyk, p. 558] приходится на начало правления Василия III (десятое поколение от Ярослава Всеволодовича).

Таким образом, особенности налогового и юридического статуса Пскова могут объясняться тем, что Псков являлся коллективным дарханым владением потомков Ярослава Всеволодовича.

Если счесть достоверным известие части псковских и новгородских летописей о поездке Александра «к царю» в период между взятием Копорья и походом на Псков [Селезнёв], мы можем предположить, что в ходе переговоров Ярославу Всеволодовичу были пожалованы дарханские права на территории, которые он сможет отвоевать у Тевтонского ордена.

Источники

Джувейни. Чингисхан: история завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М., 2004.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПСРЛ. СПб., 2018. Т. 45.

Литература

Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.

Маслова С. А. Монголы и Новгородская земля в XIII–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 28–40.

Почкаев Р. Ю. От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015. Вып. 8. С. 283–293.

Селезнёв Ю. В. «Пришед Александръ от Батыя»: к вопросу о возможности поездки князя Александра зимой 1240/1241 года в ставку Батыя // Вестник Пермского университета. История. Пермь. 2024. № 4 (67). С. 40–49.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Brill. Leiden; Boston, 2011.

УСОБИЦЫ НА РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>.

История XIII в. неразрывно связана с возникновением и расширением Монгольской империи. В 1223 г. в битве на Калке русско-половецкие войска потерпели сокрушительное поражение от монгольской армии [Селезнёв, Курбатов, с. 209–210; Селезнёв 2019, с. 237].

Князь Мстислав Киевский – формальный глава Древнерусского государства – не погиб в ходе битвы на Калке, а был взят в плен и казнен в ставке Джучи [Селезнёв 2023].

Эти два события – военное поражение [Селезнёв 2018] и пленение главы государства – поставили вопрос о суверенитете Руси: в рамках завоевания русские княжества потеряли формального лидера, его харизма перешла к победителям.

Однако составитель Ипатьевской летописи обрывает свой перечень независимых киевских князей на 1240 г., когда «взяша Батыи Киевъ» – именно тогда произошло реальное подчинение Руси [Селезнёв 2016; Амелькин, Селезнёв 2004].

Парадоксально, но на протяжении всех этих драматических лет завоевания усобицы в русских княжествах не утихали: даже внешняя опасность не остановила князей в борьбе за власть.

Включение русских княжеств в политические отношения Монгольской империи и Орды не могло не повлиять и на внутривнутриполитическую борьбу на Руси. Н. М. Карамзин провозглашает опосредованное влияние Орды на прекращение княжеских междоусобиц – объединение княжеств вокруг Москвы упразднило причины усобиц. Само же возвышение Москвы прямо связывается с ханской властью [Карамзин, стб. 215, 223]. С. М. Соловьев, напротив, отмечает, что князья в борьбе за власть «не обращали внимания на ярлыки», и констатирует рост количества междоусобных столкновений [Соловьев, кн. 1, с. 58; кн. 2, с. 192]. Л. Н. Гумилев замечает, что вместо союза против ханской власти в XIII в. «русские князья продолжали ездить кто в Орду, а кто в ставку Ногая и просить поддержки друг против друга» [Гумилев, с. 543]. В. А. Кучкин подчеркивает, что «в период монгольского господства формирование территорий княжеств Северо-Восточной Руси проходило под опосредованным, а иногда и прямым воздействием Орды» [Кучкин, с. 105]. Однако вопрос о влиянии ордынской власти на количество междоусобиц в русских княжествах остается открытым.

За период 1238–1300 гг. зафиксировано 33 усобицы [Селезнёв 2024, с. 614]. Из них с 1238 по 1245 г. отмечено 10 вооруженных столкновений. После признания ордынской власти до завершения столетия в источниках встречаются упоминания о 23 усобицах. При этом 14 конфликтов из 22 (более половины – 59 %) связаны с прямым или косвенным участием ордынских войск (то есть вооруженное столкновение было санкционировано верховной ханской властью). Еще три конфликта прямо или косвенно связаны с урегулированием отношений после вмешательства ханской власти с перераспределением столов на Руси. (Всего, таким образом, с ордынской властью связано 72 % всех усобиц.) В пяти случаях зафиксировано завершение конфликта переговорами: русские князья военных действий без санкции хана или без его войск предпочитают не вести. Шесть усобиц (19 % от общего числа) связаны с борьбой за верховную власть. Если учитывать, что во второй половине XIII в. ордынские войска вторгались на Русь 12 раз [Селезнёв 2017, с. 36–60], то мы наблюдаем подавляющее военно-политическое доминирование Орды.

Очевидно, что включение русских княжеств в политическую систему Монгольской империи значительно повлияло на формы и способы борьбы за власть на Руси. В первую очередь сократилось количество междоусобных войн. «Ордынский фактор» для развития внутривнутриполитической вооруженной борьбы за власть во второй половине XIII столетия на Руси стал определяющим. Спорные вопросы выносились на ханский суд, который санкционировал

вмешательство ордынских войск или применение вооруженных сил самими князьями. Русские владетели с оглядкой на «царя» смотрели на разрешение конфликтов военным путем, что, несомненно, связано с потерей ими суверенитета в данном вопросе.

Литература

- Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В. Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж, 2004.
- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 5–8.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Селезнёв Ю. В. Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.
- Селезнёв Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков. М., 2017.
- Селезнёв Ю. В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 1. С. 18–24.
- Селезнёв Ю. В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 225–241.
- Селезнёв Ю. В. Права и статус киевского князя всея Руси в ходе и после битвы на Калке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 4. С. 107–110.
- Селезнёв Ю. В. Монгольский/ордынский фактор в межкняжеских усобицах на Руси в 1238–1300 гг. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. 2024. № 16. С. 603–619.
- Селезнёв Ю. В., Курбатов О. А. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск: В 2 т. М., 2018. Т. 1: 860–1700 гг.
- Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1; М., 1960. Кн. 2.

А. Е. Тарасов (МГУ им. М. В. Ломоносова)

К ВОПРОСУ О ПЕРМСКОМ ВЛАДЫЧНОМ ЛЕТОПИСАНИИ XV в.

В составе сборника РНБ. ОСРК. Q.XVII.57 начала XVI в. читается комплекс летописных статей, включающий уникальные свидетельства о ранних Пермских архиереях. О. Л. Новикова предположила, что одним из источников комплекса явился бытовавший самостоятельно гипотетический краткий летописец Пермских епископов (далее – КЛПЕ), который содержал сведения о них «в том виде, в каком они существовали при епископе Филофее» [Новикова, с. 225–227].

Записи КЛПЕ – погодные, посвящены семи Пермским епископам, от Стефана до Никона включительно. Полную форму записей можно передать следующей схемой: указание на год рукоположения («В лѣто...») – порядковый номер владыки на кафедре («...поставлен бысть *N* епископ Перми...») – кем рукоположен – продолжительность архиерейского служения в годах («...и бысть/был епископом *N* лѣт...») – обстоятельства смерти/ухода с кафедры (кроме седьмого епископа Никона), всегда читающиеся без указания года, – место погребения (кроме шестого епископа Филофея и седьмого епископа Никона). Свидетельства о хиротонии первых пяти иерархов датированы в КЛПЕ только годом. В свидетельстве о рукоположении шестого владыки Филофея указано число месяца: «В лѣто 6980 (1472) ноября 8 поставлен бысть 6 епископ Перми Филофеи...»; в свидетельстве о рукоположении седьмого владыки Никона – и число месяца, и день недели, и праздник по церковному календарю: «В лѣто 7010 (1502) маиа в 5 в четверток на Възнесеньев день поставлен бысть 7 епископ Перми Никон...» (публ.: [Новикова, с. 233–234]). Отсутствие указания на день недели и церковный праздник поставления самого Филофея показывает, что к моменту создания КЛПЕ его автор не знал (не помнил?) всех календарных

подробностей этого события, следовательно, КЛПЕ создавался существенно позднее дня архиерейского рукоположения Филофея. И наоборот, подробная запись о хиротонии Никона подразумевает, что она была сделана вскоре после совершения таинства. Наличие развернутых хронологических указаний в свидетельстве о рукоположении Никона является дополнительным аргументом в пользу датировки КЛПЕ в промежутке между весной 1501 и осенью 1507 гг. (ср.: [Новикова, с. 228]). Но при этом окончательный вид данный гипотетический летописный памятник должен был приобрести только после дня архиерейской хиротонии Никона, то есть после 5 мая 1502 г.

Единство формата показывает, что создание КЛПЕ не было механическим сведением разрозненных летописных записей об иерархах, но отражает тщательно продуманный его составителем способ организации материала. О самостоятельном существовании КЛПЕ до его включения в летописный текст в составе сборника Q.XVII.57 свидетельствует и фраза «положен у тое же церкви» в статье под 6959 г. с записью о погребении епископа Питирима. Она логично читается в контексте предыдущей годовой статьи (6945 г.), в которой сообщается о погребении владыки Герасима, но в летописном тексте в сборнике Q.XVII.57 последовательность повествования разбивается вклинивающейся годовой статьей 6954 г. с известием об ослеплении великого князя Василия Васильевича.

Важно, что не прослеживается какой-либо взаимосвязи между КЛПЕ и Вычегодско-Вымской летописью (далее – ВВЛ), одним из главных источников которой, по мнению Б. Н. Флори, была гипотетическая «Пермская владычная летопись» – летописные записи, которые должны были вестись непосредственно в резиденции Пермских архиереев в Усть-Выми [Флоря]. В ряде случаев между КЛПЕ и ВВЛ имеются существенные расхождения в датировке событий, отличающиеся на много лет, которые нельзя объяснить возможной разницей календарных стилей. В КЛПЕ, помимо некоторых уникальных датировок, читаются и уникальные свидетельства, не встречающиеся ни в ВВЛ, ни в иных известных источниках: о продолжительности архиерейского служения, месте смерти и погребения Исаакия, о поставлении Герасима митрополитом Исидором, о поставлении Питирима архиереями во главе с владыкой Ростовским Ефремом, о смерти Ионы «на Усть Виледи» по пути в Москву. В КЛПЕ, в отличие от ВВЛ, не сообщается об убийстве Герасима, указано иное место его смерти. В свою очередь, в КЛПЕ обнаруживается ошибочная датировка – год рукоположения Питирима, а достоверность свидетельства ВВЛ о годах рукоположении Питирима и его гибели подтверждается [Тарасов, с. 410].

Объединяет КЛПЕ и ВВЛ отсутствие точных датировок до митрополита Ионы включительно (точных датировок в ВВЛ нет и в дальнейшем). Это, а также явная ошибка с годом хиротонии Питирима в КЛПЕ заставляют думать, что, как минимум, постоянной летописной деятельности анналистического характера при владычной кафедре в Усть-Выми в течение первых десятилетий существования епархии не велось. Однако наличие в КЛПЕ указаний на продолжительность архиерейского служения в тех случаях, когда следующее за ним начиналось с перерывом в несколько лет (Исаакий, Герасим, Питирим) и не могло быть определено путем простого вычислительного действия – получения разности между годами рукоположения архиереев, предполагает, что какие-то хронологические данные для подобных указаний у автора КЛПЕ имелись. Возможно, таким источником являлись отдельные неструктурированные летописные записи, которые велись при Пермской кафедре и которые были сведены воедино автором КЛПЕ, придавшим им четкую структуру.

Литература

- Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 206–235.
- Тарасов А. Е. Священномученик Питирим Пермский: заметки о биографии и почитании владыки (XV–XVI вв.) // Slověne. 2020. Т. 9. № 2. С. 395–416.
- Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 218–231.

ПОНЯТИЕ «БРАТСТВА» В НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XII–XV ВВ.

«Братство» на протяжении столетий было центральным понятием во взаимоотношениях Пскова и Новгорода. Самые ранние упоминания «братства» связаны с возникновением конфликтов между Новгородом и Псковом и носят примирительную функцию. Согласно Новгородской I летописи (далее – НПЛ), в 1137 г. Святослав Ольгович с новгородцами отправился в поход на псковичей, отказавшихся выгнать из Пскова Всеволода Мстиславича. Войско остановилось, так и не дойдя до Пскова. НПЛ приводит слова, которыми объяснялась отмена похода: «не проливаиме крови съ своею братьею» [ПСРЛ, т. 3, с. 25]. Речь идет о недопустимости братского кровопролития. Схожим образом НПЛ обращается к «братству» и в известии 1228 г., когда новгородцы не только не стали наказывать псковичей за самостоятельно заключенный Псковом мир с Ригой, но и сами отказались от организованного Ярославом Всеволодовичем похода. Летописец приводит слова новгородцев: «мы бе-своя братья бес пльсковиць не имаемъся на Ригу» [ПСРЛ, т. 3, с. 66]. Статус «братства» делал в некотором роде невыносимым прямой военный конфликт между двумя городами.

В псковских летописях самые ранние упоминания «братства» относятся к известиям 1342 г. и связаны с темой военной взаимопомощи. Тогда псковичи, жалуясь на отсутствие помощи со стороны новгородцев, отправили послов за военной помощью к витебскому князю Ольгерду со словами: «братия наша новгородцы нас повергли, не помагають намъ» [ПСРЛ, т. 5, вып. 1, с. 18]. Бездействие новгородцев противопоставляется их «братскому» статусу. Схожее обращение к понятию «братства» есть и в НПЛ младшего извода (далее – НПЛ мл). В ней под 1367 г. сообщается, что псковичи отправились к новгородцам за помощью со словами: «господо братье, како печалуетесь нами, своею братьею» [ПСРЛ, т. 3, с. 370]. Уважительное «господо» соседствует с упреком новгородцам в том, что они не тревожатся и не заботятся о своих «братьях», что не соответствует их «братскому» статусу. «Братство», таким образом, становилось еще и фактором дополнительных обид и обвинений. В позднем новгородском летописании можно даже встретить выражения вроде «мнимая наша братья» по отношению к псковичам [ПСРЛ, т. 44, с. 96]. Понятие «братства», судя по всему, было взаимообязывающим, поэтому в неказании помощи могли обвиняться не только новгородцы, но и псковичи. Например, в известном сюжете летописей Новгородско-Софийской группы о «Болотовском жаловании» 1348 г. наряду с новгородскими обвинениями против псковичей также звучит тема их «братства» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 278; т. 42, с. 128; т. 6, вып. 1, стб. 422].

Первое в новгородском летописании упоминание псковичей как «братья молодшей» читается в статье 1397 г. НПЛ мл о примирении Новгорода и Пскова после многолетней череды кровавых конфликтов 1390-х гг. Слова о «братстве» произносит архиепископ Иоанн, благословляя новгородцев на мир с псковичами: «принялѣ бы есте свою братью молодшою по старинѣ, занеже, дѣти, видѣте послѣднее время, былѣ бы есте за одинѣ братъ въ крестияньствѣ» [ПСРЛ, т. 3, с. 388]. Здесь «братство» прямо упоминается в связи с христианским и епархиальным единством двух городов и снова в своей примирительной функции.

Хотя военные конфликты 1390-х гг. не разрушили «братства» Новгорода и Пскова, его значение несколько девальвировалось в XV в. Привычное обращение к «братству» в связи с необходимостью военной помощи теперь может сопровождаться и упоминанием новгородско-псковского «крестоцелования», так как само «братство» – уже недостаточное основание для взаимопомощи. В Псковской III летописи (далее – ПЗ) приводятся слова новгородцев, с которыми они обратились к псковичам за помощью против Василия II в 1456 г.: «братья наша молодшая, моужи псковичи, братъ Великий Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противу великого князя, а крестное бы есте цѣлование правили» [ПСРЛ, т. 5, вып. 2, с. 142].

Важно, что в XV в. «братство» постепенно проникает в актовые материалы, становясь частью официального языка. Например, в договоре 1448 г. Новгорода и Пскова с Тевтонским орденом в Ливонии есть слова о том, что «псковичи, наши (новгородцев. – Г. Ф.) братья младшие, в том же мире» [ГВНП, с. 170]. Встречается «братство» и в посланиях митрополита Ионы. В его послании в Псков 1456–1457 гг. говорится о приезде к Василию II послов «брата вашего старейшаго Великого Новагорода» [РФА, с. 178–179]. Статус Пскова как «младшего брата» Новгорода при этом не противоречит признанию псковичами себя «отчиной» великих князей. В ПЗ приводятся слова Ивана III: «отчина моя Великий Новьгород вашъ братъ стареишеи» [ПСРЛ, т. 5, вып. 2, с. 158]. Последние упоминания «братства» Новгорода и Пскова относятся к 1471 г. Можно предположить, что взаимоотношения Новгорода и Пскова как «братьев» полностью прекратились с утратой новгородцами политической субъектности в 1478 г.

Источники

ГВНП. 2-е изд. М., 2025. Т. 1.
 ПСРЛ. М., 2000. Т. 3; М., 2000. Т. 4. Ч. 1; М., 2003. Т. 5. Вып. 1; М., 2000. Т. 5. Вып. 2; М., 2000. Т. 6. Вып. 1; СПб., 2002. Т. 42; СПб., 2018. Т. 44.
 РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 2008.

О. И. Хоруженко (ИРИ РАН)

«ПЕЧАТЬ ЮРЬЕВА КНЯЖА» XV в.: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Вислая свинцовая печать некоего князя Юрия была найдена в 2013 г. в Карачевском районе Брянской области. К настоящему времени она дважды опубликована [Жуков, с. 336; Зайцев 2018, с. 66]. Печать оттиснута на свинцовом кружке диаметром 25 мм, на ее лицевой стороне надпись: «П(е)чат(ь) | Юрьева | кн[а]жа», на обороте фигура идущего влево льва с поднятой лапой и мордой анфас.

И. А. Жуков определил владельца печати вполне уверенно: это смоленский великий князь Юрий Святославич (отсутствие «великий» в титуле не стало препятствием для атрибуции). В пользу такого определения привлечены две аналогии. Первая – герб князя Федора Юрьевича Смоленского в печатном издании «Хроники Констанцкого собора» (1483 г.); вторая – «смоленская» монета, на реверсе которой изображена литера «Ю», а на аверсе – фигура льва. По мнению И. А. Жукова, буква «Ю» – инициал имени «Юрий».

Обе эти аналогии уязвимы. В Хронике приводятся гербы двух смоленских князей: «светлейшего князя, герцога Родура Смоленского в Красной Руси» и «светлейшего герцога Федора Белорусского и господина Смоленского». Оба герба, вероятно, выдуманы автором хроники и имеют лишь отдаленное сходство с изображением на печати.

Что касается «смоленской монеты князя Юрия», то само ее определение довольно спорно. В собственно Смоленской земле эти монеты не обнаруживались; топография находок [Зайцев 2007, с. 129–130] показывает, что они обращались в землях, отстоящих от Смоленска к востоку и северо-востоку на 250–295 км. Осознавая условность изображения на монете, в нем все же трудно узнать льва. Это фантастическое существо с длинным хвостом, завершающимся оскаленной головой змеи или дракона. Последняя деталь сближает существо с химерой или амфисбеной.

Печать смоленского князя Юрия Святославича была приложена к его договору с Ягайло и Скиргайло от 16 сентября 1386 г. В первых публикациях этого документа отмечалась утрата всех десяти печатей [РИБ, стб. 7; Archiwum, s. 4]. В публикации 1963 г. одна из печатей показана частично сохранившейся, у нее отсутствует центральная часть [Смоленские грамоты, с. 74]. Изучивший эту печать de visu О. А. Однороженко отметил, что «оттиск печати значительно поврежден, из-за чего изображение видно лишь частично и не пригодно для реконструкции». Тем

не менее ему удалось замерить печать (ее диаметр оказался 30 мм) и рассмотреть на ней фигуру льва [Однороженко, с. 151]. К этим наблюдениям следует отнестись с осторожностью.

В пользу предлагаемой идентификации владельца печати как смоленского князя Юрия Святославича могла бы служить традиция изображения львов на печатях других представителей смоленской княжеской династии: великого князя Федора (1284 г.) [Янин, Гайдуков, с. 221], Федора Юрьевича (1406–1412 гг.) [Янин, Гайдуков, с. 173]. Впрочем, эту традицию нельзя считать непрерывной, а с учетом популярности фигуры льва в геральдике – исключительной для смоленских князей.

Другим доводом в пользу «смоленской» атрибуции могли бы стать печати князей Жижемских XVI в. [Однороженко, с. 301], возводивших свой род к Глебу Святославичу Смоленскому. Впрочем, родословная легенда Жижемских малодостоверна.

Таким образом, доводы в пользу принадлежности карачевской печати великому князю смоленскому Юрию Святославичу довольно шаткие. Не отвергая их полностью, можно предложить и иную кандидатуру ее владельца.

Печать имеет характерную особенность – использование верхнего сегмента под выносную «т» под покрытием в слове «п(е)чат(ь)». Новгородские аналоги позволяют датировать ее первой третью XV в. Для этого периода среди всех действовавших на территории Великого княжества Литовского князей на первый план выступает Юрий Михайлович Заславский (уп. 1401–1440 гг.). Он единственный из своих современников-тезок пользовался печатью с изображением льва, как прежде его отец Михаил Евнутьевич, а затем его потомки вплоть до 1611 г. [Однороженко, с. 160–161].

Источники

РИБ. СПб., 1875. Т. 2.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. Т. 1.

Литература

Жуков И. А. Уникальная вислая печать смоленского князя Юрия Святославича (1401–1404) // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. М., 2016. Вып. 2. С. 335–337.

Зайцев В. В. Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского в России // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 121–137.

Зайцев В. [В.] О клеймах смоленских князей на серебряных платежных слитках XIV в. // Банкаўскі веснік: інфармацыйна-аналітычны і навучна-практычны журнал Нацыянальнага банка Рэспублікі Беларусь. 2018. № 4 (657). С. 64–68.

Однороженко О. А. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. М., 1998.

А. Н. Хохлов (ТНИИР-Центр)

О ЗАВЕРЕНИИ ГРАМОТ В ТВЕРИ В XIII–XIV вв.

Известно, что в Древней Руси юридический статус написанной пергаменной грамоты заверялся прикрепленной к ней с помощью шнура металлической печатью (золотой, серебряной или свинцовой).

В связи с этим существенным представляется уточнение количества вислых металлических печатей, обнаруженных в археологических раскопах в городе, в котором такие грамоты были написаны и заверены или же хранились.

В Тверском кремле в археологических раскопах были обнаружены четыре актовые княжеские печати, относящиеся к XIII–XIV вв. Среди них:

- печать Ярослава Всеволодовича, который княжил в Новгороде Великом 11 лет;

- две печати Ярослава Ярославича, первого князя Тверского, который был на столе в Новгороде Великом в 1264–1271 гг.;

- «печать князя Олександрова», которая была найдена в 1985 г. В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков атрибутировали эту буллу Александру Наримонтовичу. Однако С. В. Белецкий, а также Е. А. Романова и В. В. Данилов, опираясь на дату сруба (между 1319 и 1324 гг.), в котором была найдена печать, связывают ее с Александром Михайловичем Тверским.

Казалось бы, максимальное количество булл должно было быть обнаружено именно в том населенном пункте, где пребывали князья, от имени которых привешенными металлическими печатями была подтверждена подлинность грамот. Здесь же проживали и знатные люди из княжеского окружения, которые в числе прочих получали и грамоты, подтверждающие их права на земли, находившиеся в княжеской юрисдикции.

Однако в археологических раскопах в Твери на сегодняшний день обнаружены только три актовые свинцовые печати собственно двух тверских князей XIII–XIV вв. Как это ни парадоксально, металлические вислые печати Святослава Ярославича, Михаила Ярославича Тверского, Дмитрия Михайловича, Константина Михайловича, Всеволода Михайловича, Василия Михайловича, Михаила Александровича – князей, многие из которых отличались ярко выраженной политической активностью или долгое время находились на тверском княжеском столе, в Твери пока не выявлены.

Считать, что эта ситуация возникла по причине малой археологической исследованности Твери не приходится. В Тверском кремле раскопами изучено 16 300 кв. м культурного слоя, на территории Загородского посада – более 115 000 кв. м, а в Затмачье – более 35 000 кв. м. В Новгороде на Неревском раскопе при изученной площади 8840 кв. м выявлено 55 печатей, из них 24 относятся к XIII–XIV вв., на Троицком раскопе на площади 7000 кв. м обнаружено 62 буллы, из них 18 относятся к XIII–XIV вв. Таким образом, в Новгороде на двух раскопах количество актовых металлических печатей на порядок превышает количество таких находок в целом в Твери.

Буллы тверских князей обнаружены не только в Новгороде, но и в других городах. При обращении к Своду «Актовые печати Древней Руси X–XV вв.» 1970 и 1998 гг. становится ясно, что концентрация булл некоторых тверских князей наблюдается именно в Великом Новгороде (в Новгороде и на Городище). Так, печатей Ярослава Ярославича, первого князя Тверского, всего найдено 19 экземпляров: 15 – в Новгороде, 3 сохранились при договорах Новгорода Великого и князя Ярослава Ярославича, 1 – в Торопце. Из 30 актовых печатей Михаила Ярославича 25 выявлены в Новгороде, место находки одного экземпляра не установлено, 4 зафиксированы при договорах этого князя с Новгородом. Известны 3 буллы Дмитрия Михайловича (2 выявлены в Новгороде, 1 – в Вологде). Сохранилось 5 актовых печатей Александра Михайловича: 1 – при договоре с Новгородом, 1 обнаружена в Новгороде, 3 – в Пскове, 1 – в Твери. Одна печать Михаила Александровича найдена в Новгороде, 1 – в Старице. Информация о буллах Святослава Ярославича, Константина Михайловича, Всеволода Михайловича, Василия Михайловича в Своде на 1970 г. отсутствует.

Новгородская традиция заверения грамот княжеской металлической печатью особенно заметна на фоне малого количества булл в Твери. Почему актовых металлических княжеских печатей в Твери столь немного?

Предположение о том, что в Твери не было необходимости в появлении княжеских грамот, и связанном с этим отсутствием необходимости заверения таких документов не выдерживает критики. И тверской князь, и бояре, несомненно, были субъектами права и, как свидетельствуют аналоги в сопредельных землях, предпринимали действия, подтверждаемые грамотами. Точка зрения о том, что малое количество булл связано с плохой сохранностью свинца, не подтверждается – сохранность таких находок в культурном слое Твери достаточно хорошая.

Однако не лишено вероятности предположение о том, что в Твери во внутреннем (но не во внешнем, например, в отношении Новгорода) документообороте использовали для изготовления

актовых печатей не металл, а другой материал, который действительно плохо сохраняется в культурном слое, например, воск.

В Польше уже в XII–XIII вв., в землях Тевтонского ордена с середины XIII в. широко использовались воско-мастичные подвесные печати-оттиски. Применялись восковые печати и в Литве, у которой с середины XIII в. были тесные взаимоотношения с Тевтонским орденом. Обмен грамотами с Литвой и Орденом производился и в Полоцке. Через Полоцкого епископа Симеона, перешедшего в Тверь, традиция применения восковых печатей-оттисков, вероятно, могла проникнуть и в тверское делопроизводство.

И. Чекова-Димитрова

(Софийский университет «Св. Климент Охридский», Болгария; Университет в Кёльне, Германия)

К ТИПОЛОГИИ ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В ЛИТЕРАТУРАХ ПРАВОСЛАВНЫХ СЛАВЯН

Славянские медиевистические исследования о женской святости в последние три десятилетия сосредоточены на распространении культов святых женщин, как общехристианских, так и местночтимых, анализе идейных концептов и агиографических моделей в произведениях о них. Особое внимание уделяется образному ресурсу и библейским моделям женской святости в славянском мире [Жени светици; Ангушева-Тиханова; Ефимов, Никольский; Станкова; Петрова-Танева; Чекова; Чекова-Димитрова]. Настоящий доклад ставит своей целью проследить изменение представлений о женской святости в произведениях о святых женщинах в литературах средневековой Болгарии, Сербии, Киевской Руси и Московской Руси на основе прежде всего местных славянских культов правительниц или святых покровительниц царства.

В средневековой Болгарии не было местной святой женщины, удостоенной культа и жития, но почитались святые, культ которых пришел из Византии, был принят как собственный и оказался тесно связанным с местной правящей идеологией. Во времена Второго Болгарского царства святая Петка Терновская и святая Филофея Темнишка приобрели роль защитниц города по отношению к «Тернову Граду», подобно Богоматери в отношении Константинополя [Билярски], которая воспринималась и как защитница болгарского народа.

Княжеская святость представлена в средневековых литературах преимущественно мужскими персонажами, однако в Киевской Руси была и первая христианская правительница, подобная равноапостольной Елене, – равноапостольная княгиня Ольга Киевская († 969 г.) [Ричка; Чекова; Brzozowska]. Русская медиевистика богата литературой по «женской теме»: исследуются место женщины в средневековом обществе [Пушкарева], женский религиозно-нравственный идеал в средневековой Руси в X–XVII вв. [Малкова], образы русских княгинь XI–XIII вв. и более позднего времени [Конявская] с учетом их историко-политической и церковной деятельности, а также литературного канона, образ святой княгини Февронии Муромской († 1228 г.) как покровительницы семьи и фрагменты Жития Петра и Февронии, связанные с княжеской идеологией [Гладкова].

В сербской средневековой традиции, подобно древнерусской и в отличие от болгарской, прославление в лике святых правителей было распространенной практикой. Среди них и святая Елена (Ангелина) Анжуйская († 1314 г.), жена Стефана Уроша I и королева Рашки и Зеты (1250–1299/1300), чей монашеский образ восхваляется в обширном Житии Даниила II [Суботин-Голубовић]. В истории сербского Средневековья прослеживается ряд мужественных и книголюбивых женщин – деспотов, ктиторов и монахинь, таких как Ангелина Бранкович, показавших заботу о сербской земле [Томин].

В текстах о святых женщинах можно найти общий ключ к поэтизации святости, основанный на общих библейских моделях, нарративных мотивах, символах и вербальных

характеристиках. Среди устойчивых топосов женской святости можно отметить мудрость, целомудрие, метафоры «невеста Христова», «рабыня Христова», «ученица Христова», проявление мужских качеств в противопоставление женской слабости, мотив пути и перехода к более высокому социальному и духовному статусу, предвидение будущего и заботу о своей семье, народе, городе, стране, световую символику и контрастные сравнения и т. д. Значительную роль в моделировании образов женщин-святых играют евангельская притча о 10 девах (5 мудрых дев) и о женщинах-мироносицах в евангельском рассказе о смерти Христа, ветхозаветная модель возлюбленной, воспетая в «Песне Песней», параллели с ветхозаветными женщинами, а также с ветхозаветными патриархами. Идеальную модель святости задает образ Богородицы, Акафист Богородице порождает ряд словесных подражаний в гимнографических и агиографических сочинениях о святых женщинах. равноапостольная императрица Елена – один из тех первообразов, с которыми сравнивается деятельность последующих христианских правительниц в славянских средневековых текстах.

Литература

- Ангушева-Тиханова А.* Култовете към жените-светици в средновековна България: два компаративни прочита // Старобългарска литература. 2013. Кн. 48. С. 129–156.
- Биярски И.* Покровители на царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.
- Гладкова О.* Супружество во Христе: святые Петр и Феврония Муромские // Святые покровители семьи. От любви земной к любви небесной. М., 2022. С. 77–163.
- Ефимов Е. Ф., Никольский Е. В.* Женская царственная святость как церковно-исторический феномен // Studia Humanitatis. 2015. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/efimov_nikolsky_2.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
- Жени светици в източното православие / Съставител, превод: Томова Е., превод: Иванова Кл.* София, 1994.
- Конявская Е. Л.* Древнерусские княгини XI–XIII вв.: их владения и роль в политической и церковной жизни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 7–15.
- Малкова Н. А.* Женский религиозно-нравственный идеал в культуре Древней Руси. Дис. ... канд. культур. СПб., 2010.
- Петрова-Танева М.* Агиографски сборници за жени светици в южнославянската и руската средновековна литература // Маршрути на книжно общуване между източните и южните славяни (XI–XX век). София, 2020. С. 69–87.
- Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы к библиографии. М., 2002.
- Ричка В.* Княгиня Ольга. Київ, 2004.
- Станкова Р.* Библейски топоси за изобразяване на жени-светици в южнославянските литератури през Средновековието // Slavia Meridionalis. 2016. Вып. 16. С. 238–261.
- Суботин-Голубовић Т.* Национальные святые в календаре Сербской Церкви (по средневековым источникам) // Latorisy Akademii Supraskiej. 2013. Vol. 4. С. 37–48.
- Томин С.* Мужаствене жене спског Средњег века. Нови Сад, 2011.
- Чекова И.* Първите староруски князе светци (Образи, символика, типология). София, 2013.
- Чекова-Димитрова И.* Към типологията на женската святост (върху текстове от средновековната българска, руска и сръбска литература) // Класика и канон в руската литература. Поглед от XXI век. София, 2024. С. 11–44.
- Brzozowska Z.* Święta księżna kijowska Olga. Wybór tekstów źródłowych. Łódź, 2014.

3. В. Чечулин (Белорусский государственный университет)

КОМПЛЕКС ДОГОВОРОВ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV в.) КАК ЧАСТЬ АРХИВА ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХ

Комплекс договоров (аутентичный термин, употреблявшийся в делопроизводственной лексике того времени, – докончания, или докончальные грамоты) великих князей московских за 1349–1440 гг., хранившихся в архиве великих князей литовских, не дошел до нашего времени в виде

подлинников или списков. Список хронологически первого договора датируется 31 августа 1449 г. [ДДГ, № 54, с. 160–163]. Тем не менее архивная учетная документация, созданная на территории Российского государства во второй половине XVI – XVII в. [Описи; Опись 1626], летописные сведения [ПСРЛ, т. 15; т. 25], а также упоминания в позднейших документальных источниках сведений о предыдущих договорах [ДДГ, № 54, с. 160–163] позволяют реконструировать этот комплекс, пусть и с большой долей неполноты и условности.

Согласно Рогожскому летописцу, описи Царского архива, составленной в 70-е гг. XVI в., описям архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., договоры о мире и перемирии между великими князьями московскими и великими князьями литовскими заключались в 1349, 1352 гг. [ПСРЛ, т. 15, стб. 59, 60], 1354–1356 гг. [Опись 1626, с. 33; Чэчулін 2023а, с. 30], 1370 г. [ПСРЛ, т. 15, стб. 94–95], 1371 г. [ПСРЛ, т. 15, стб. 96], июле 1372 г. [Кучкин, с. 119–168], октябре-ноябре 1372 г. [Лицкевич, с. 100]. Комплекс договоров, связанных с потенциальным крещением князя Ягайла и его женитьбой на одной из дочерей великого князя московского Дмитрия Ивановича, был заключен в 1376–1377 гг. [Чэчулін 2023а, с. 31–32].

В тексте договора 1449 г. есть отсылка к договору, заключенному с великим князем литовским Кейстутом в ноябре 1381 – июне 1382 г. [ДДГ, № 53, с. 160–161]. В самой информативной для изучения проблематики описи архива Посольского приказа 1626 г. содержатся сведения о договоре, заключенном в 1384 г. [Чэчулін 2023а, с. 33]. Опись Царского архива содержит очень лаконичную формулировку о нескольких вписанных в тетради текстах «докончальных грамот» великого князя московского Василия I и Витовта [Описи, с. 23]. В последующих описях 1614 и 1626 гг. эти договоры уже не упоминаются – они были утрачены. Тем не менее уточнить, что это были за договоры, позволяют летописи: 4 сентября 1407 г. было заключено перемирие [Чэчулін 2023б, с. 194], а 14 сентября 1408 г. – вечный мир на реке Угре [ПСРЛ, т. 25, с. 237–238].

Период 1430–1440 гг. характеризуется отсутствием прямых указаний на заключение каких-либо договоров с великими князьями литовскими Свидригайлом (1430–1432 гг.) и Жигимонтом Кейстутовичем (1432–1440 гг.). Отметим, что в договоре великого князя московского Юрия Дмитриевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем, датированном 31 марта – 5 июня 1434 г., есть указание на возможность заключения договора со Свидригайлом, однако к более ранним договорам (1430–1432 гг.) с этим бывшим великим князем литовским отсылки нет [ДДГ, № 33, с. 84].

Кроме того, в выданном тверским князем Борисом Александровичем великому князю московскому Василию II экземпляре договора, заключенного вероятнее всего в 1437 г. [ДДГ, № 37, с. 106], говорится о сложении крестного целования (аннулировании договора) великому князю литовскому Жигимонту Кейстутовичу и о потенциальной возможности заключения договора великого князя московского Василия II с Жигимонтом Кейстутовичем. Невозможно точно сказать, был ли впоследствии заключен такой договор между Василием II и Жигимонтом. В текстах более поздних договоров, заключенных начиная с 1449 г., dokonчания времен Свидригайла и Жигимонта не упоминаются, в отличие от dokonчаний времен Ольгерда, Кейстута и Витовта.

Источники

ДДГ. М.; Л., 1950.

Описи – Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Опись 1626 – Опись архива Посольского приказа 1626 г.: В 2 ч. / Подгот. В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 15; М., 2004. Т. 25.

Литература

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

Лицкевич О. В. Ольгердиана: о некоторых фальсификатах и утраченных документах Великого княжества Литовского (литовско-московских договорах 1340–1380-х гг.) // *Здабыткі. Дакументальныя помнікі на Беларусі*. Мінск, 2011. Вып. 13. С. 87–108.

Чэчулін З. В. Вопісы архіва Пасольскага прыказа 1626 і 1673 гг. як крыніцы па рэканструкцыі дакументальнага складу архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV – першай трэці XV ст. // *Архіварыус: Зб. навук. паведамл. і арт.* Мінск, 2023. Вып. 21. С. 28–42. [Чэчулін 2023а]

Чэчулін З. В. Дагавор вялікага князя маскоўскага Васіля Дзмітрыевіча з вялікім князем літоўскім Вітаўтам ад 4 верасня 1407 г.: праблема паходжання тэксту // *Актуальныя праблемы істочніковедения: Матэрыялы VII Міжнароднай навучна-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 27–29 апрэля 2023 г.: В 2 т.* Віцебск, 2023. Т. 1. С. 194–195. [Чэчулін 2023б]

М. А. Шубаев (РНБ)

ПАРАДНЫЕ МАНЕРЫ ПИСЬМА ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ XV в.

Пятнадцатое столетие стало во многом переломным периодом в истории эволюции древнерусской графики. Традиционно важным фактором изменений считается так называемое второе южнославянское влияние. Письменная традиция, пришедшая с Балкан, действительно оказала несомненное влияние на формирование новаций в древнерусском письме. Однако, на наш взгляд, не менее важным фактором являлся переход от одного писчего материала к другому. Можно отметить, что с начала активного применения бумаги в древнерусской книжности (то есть с 80-х гг. XIV в.) при использовании нового непривычного писчего материала в большинстве кодексов мы наблюдаем не парадное, а канцелярское или бытовое письмо, часто низкого качества (иногда именуемое в историографии как «русский полуустав»). Вероятно, отсутствие опыта дополнительной проклейки бумаги первоначально не позволяло писцам использовать технику составного письма, что являлось одним из признаков парадной рукописи. И хотя во второй половине XV в. бумага почти полностью вытесняет пергамен, писцы уже достаточно редко используют составное письмо в своем арсенале при создании парадных каллиграфических рукописей на бумаге. Несмотря на высокую контрастность письма (что придавало парадность всей манере), элементы букв стали выполняться в одно движение, без дублировок некоторых штрихов, как при составном письме. Еще одним фактором стало появление новых книгописных центров, расширение круга писцов, из которых не все были способны к сложным каллиграфическим изыскам. Кроме того, упрощение начертаний букв приводило к убыстрению темпа письма, что, вероятно, большинством книжников воспринималось как преимущество.

Совокупное действие этих факторов привело к столь радикальным изменениям, что в отечественной палеографической традиции сложилось устойчивое представление о переходе в XV в. от уставного письма к полууставному. На наш взгляд, это весьма сильно упрощенный взгляд на проблему. Мы полагаем, что уставное (парадное) письмо продолжает применяться (хотя оно также эволюционировало) и в XV в. и даже позже в особо торжественных случаях, преимущественно для лицевых рукописей. При этом уже доминирующую роль занимает рядовое книжное письмо (простое, средне- и малоформатное), которое с определенными оговорками можно называть полууставным.

ФОРМАЛИЗОВАННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ СПИСКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕОРИИ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ», «ПРЕДСЛОВИЯ ПОКАЯНИЮ»)

Исторический текст в процессе своего бытования подвергался многочисленным изменениям, обусловленным как бессознательными, так и сознательными искажениями (например, вставки/пропуски, стилизация, лексические замены и т. д.) [Шпирко, Баранкова], которые отложились в сохранившихся его копиях (списках). Для реконструкции оригинала важнейшей задачей является построение стеммы в виде графа (дерева) с узлами и ориентированными дугами, отражающими списки и генеалого-преемственные связи между ними. Автоматизированное (с помощью компьютера) построение такой стеммы является предметом изучения компьютерной текстологии.

Первая и, на наш взгляд, удачная попытка алгоритмической и компьютерной реализации данной задачи представлена в [Бородкин, Милов], где работа программы продемонстрирована на примере «Закона Судного людем» (54 списка).

Для учета неоднородности текста списка (в частности, возможности его правки по другим спискам) автором настоящего доклада был предложен подход, развивающий идеи теории нечетких множеств [Шпирко 2013]. Данный подход алгоритмически и компьютерно был реализован в виде программы нечеткой генеалогической классификации, а его работа продемонстрирована на примере того же «Закона Судного людем» (57 списков) и «Предсловия покаянию» (21 список). Говоря вкратце, полученные результаты, не противореча предыдущим классификациям, включая традиционный анализ [Закон Судный людем; Корогодина], позволяют также с заданным уровнем достоверности выявить неявные связи между текстологически близкими группами и составляющими их списками.

Немаловажной проблемой, остающейся на пути практического применения данной программы, является необходимость предварительной подготовки текстов списков, а именно автоматического их разбиения на узлы разночтения (сличение) для последующего попарного сравнения и построения так называемой матрицы (таблицы) нечеткого отношения. Последний год был потрачен автором на алгоритмизацию и компьютерную реализацию этого модуля предобработки. Цель данного доклада состоит в презентации его интерфейса и работы.

С оптимизационной точки зрения в работу данного модуля заложены подходы и методы из современной молекулярной биологии (попарное и множественное выравнивание последовательностей, нечеткий поиск в словаре). С программной точки зрения он реализован на современном кросс-платформенном языке СИ# в архитектуре сервер – клиент. В дальнейшем предполагается перенесение сюда всей программы нечеткой классификации, написанной первоначально на Delphi. Наконец, концептуально данный модуль работает в интерактивном режиме, то есть результат автоматизированного сличения может быть скорректирован пользователем.

Каждый пользователь перед началом работы с программой проходит процесс аутентификации. После успешного прохождения аутентификации пользователь переходит к работе со своей рабочей базой данных, соответствующей рукописной традиции (коллекции текстов списков).

На вход модуля предобработки загружаются тексты списков в виде файлов формата txt. Результат автоматического сличения в виде раскрывающейся таблицы можно вручную скорректировать, удаляя, добавляя или изменяя содержимое узлов разночтения. Внутри модуля предобработки происходят сравнение выровненных текстов списков и формирование матрицы нечеткого отношения. Далее эта матрица поступает на вход основной программы классификации. Результат ее работы с выбранным порогом достоверности представляется в виде стеммы (для

«Закона Судного людем» и «Предсловия покаянию» см.: [Шпирко 2019]). При этом данный порог есть число от нуля до единицы; чем оно больше, тем подробнее получающаяся стемма, вплоть до выделения из нее отдельных списков.

Источники

Закон Судный людем краткой редакции / Ред. М. Н. Тихомиров. М., 1961.

Литература

Бородкин Л. И., Милов Л. В. О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 235–280.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII вв. как исторический источник. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015.

Шпирко С. В. Применение теории нечетких множеств к задаче генеалогической классификации в текстологическом исследовании // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 3. С. 39–51.

Шпирко С. В. Математические методы классификации списков древнерусских текстов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.

Шпирко С. В., Баранкова Г. С. О некоторых аспектах построения формализованной генеалогической классификации текстов списков средневекового произведения с применением теории нечетких множеств (на материале «Закона Судного людем») // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 56–64.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИИ В XVI в.

А. И. Алексеев (РНБ)

«ЖИВЕЙШИЙ ВОПРОС ДЛЯ МОСКОВСКОГО БОГОСЛОВИЯ» ИЛИ СПОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО?

Доклад подготовлен в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-00308 «Иосиф Волоцкий: историческая реальность и образ, сложившийся в культурной памяти» (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского).

Полемику «иосифлян» и «нестяжателей» было принято рассматривать как значительное явление в духовной жизни XVI столетия, оказавшее влияние на формирование церковно-государственных отношений в России. Довольно рано оценки спорящих сторон перешли со страниц ученых трудов на страницы газет и журналов, стали достоянием публицистов XIX–XX вв. С эпохи В. Г. Белинского симпатии прогрессивной общественности были полностью на стороне преподобного Нила Сорского и «заволжских старцев», а преподобный Иосиф Волоцкий рассматривался как одиозная фигура, по выражению Н. А. Бердяева «роковая» для Русского Православия. Этих оценок старались избегать классики исторической науки, а В. О. Ключевский в своем курсе лекций назвал преподобного Иосифа «вполне положительной личностью». Представители церковно-исторической науки в своих работах стремились сгладить противоречия между учениками Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Еще далее в направлении «реабилитации» преподобного Иосифа продвинулись церковные историки из числа российских эмигрантов А. В. Карташов, о. Г. Флоровский, В. В. Зеньковский. При этом А. В. Карташов полагал, что позиции преподобных Иосифа и Нила являлись «одинаково оправданными и освященными церковным преданием и византийской, и всей древнерусской церкви».

В советской исторической науке новый взгляд на деятельность обоих преподобных выразил Я. С. Лурье, указавший на отсутствие противоречий между ними по вопросу о недвижимых имуществах монастырей. В работах Г. М. Прохорова и Б. М. Клосса были выявлены автографы Нила Сорского в рукописи, которая считалась ранней редакцией «Книги на еретиков» или «Просветителя» Иосифа Волоцкого. Тем самым был доказан факт литературного сотрудничества обоих преподобных. Это обстоятельство рассматривалось также как свидетельство об одинаково враждебном отношении обоих к ереси жидовствующих.

В 1970-х гг. американский исследователь Д. Островски предпринял попытку доказать тезис о том, что мистическое учение аскета Нила Сорского исключало его вмешательство в мирские дела и участие в любых спорах. Исходя из этого был сделан вывод о том, что те источники, которые сообщают о выступлении Нила Сорского на церковном соборе 1503 г., являются недостоверными. В своих работах версию о фальсификации этих источников развил А. И. Плигузов. Он стремился показать, что Россия по уровню развития была далека от секуляризационных процессов, которые развивались в государствах, переживших религиозную Реформацию. По мнению А. И. Плигузова, источники, повествующие о спорах преподобных Иосифа и Нила, были созданы в эпоху митрополита Макария, а непосредственным поводом к их написанию стал Стоглавый собор 1551 г. Аргументация А. И. Плигузова подверглась критике в работах Н. В. Сеницыной и А. И. Алексеева. В частности, последним был предпринят всесторонний анализ комплекса источников о соборе 1503 г., на основании которого был сделан вывод о том, что причиной умолчания официальных источников о спорах по поводу монастырских земель стал неблагоприятный для великого князя Ивана III исход этих споров. Тот же факт, что сведения об этой полемике сохранились в неофициальных источниках, не может рассматриваться как свидетельство недостоверности сообщаемых ими сведений [Алексеев 2002, с. 245–278].

Мнение о том, что Иосиф Волоцкий и Нил Сорский являлись единомышленниками, было охотно усвоено церковными авторами в лице митрополита Питирима (Нечаев) и подхвачено публицистами. В 1995 г. В. В. Кожин опубликовал статью под красноречивым названием «Двуетный свет. Размышления о преподобных Иосифе Волоцком и Ниле Сорском». В статье настойчиво проводилась мысль о том, что преподобные Иосиф и Нил являлись единомышленниками, а источники, в которых сообщается о разногласиях между ними, недостоверны. Н. В. Сеницына, Г. М. Прохоров, Е. В. Романенко, предприняв сравнительный анализ источников об организации внутреннего устройства жизни в скиту Нила Сорского с требованиями монастырского Устава Иосифа Волоцкого, пришли к выводу о том, что принципы организации монастырского устройства в обителях обоих преподобных находились в непримиримом противоречии. А. И. Алексеев провел текстологическое исследование «Проветителя», в ходе которого доказал, что считавшаяся первичной 11-«словная» редакция памятника в Соловецком списке вторична по отношению к рукописям редакции из 13 «слов», происходящим из Иосифо-Волоколамского монастыря [Алексеев 2010, с. 213–218]. Тем самым был сделан вывод о том, что Нил Сорский сознательно не включил в свой список 12-е, 13-е и последующие «слова» трактата, в которых содержались призывы к преследованию еретиков.

Таким образом, на сегодняшний день существуют веские доказательства в пользу того, что у преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского существовали совершенно различные взгляды как относительно права монастырей владеть селами, так и относительно отношения к преследованию еретиков. Первый отстаивал право монастырей принимать вотчины в качестве вкладов по душе и использовать их на дела благотворительности. Сорский аскет считал скит более совершенной формой монашеской жизни, нежели общежительный монастырь, отвергал земельные и имущественные вклады, возражал против строительства и украшения церквей. Иосиф Волоцкий считал необходимым избличение и наказание причастных к ереси жидовствующих, а преподобный Нил, подтверждая согласие с догматами православной веры, считал ненужным привлекать светскую власть для преследования еретиков и недопустимым для монашествующих выступать с призывами к подобным преследованиям. Следует заметить, что по обоим вопросам Нил Сорский и его ученик Вассиан Патрикеев демонстрировали полную солидарность с великим князем, а Иосиф Волоцкий пытался противостоять воле высшего носителя светской власти [Алексеев 2018].

Литература

Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002.

Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.

Алексеев А. И. Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский и их ученики: противостояние монашеских идеалов или «спор, которого не было»? // Европа святых: социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб., 2018. С. 16–27.

Т. В. Анисимова (РГБ)

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАННИЙ СПИСОК ПОСЛАНИЙ НИЛА СОРСКОГО И РУССКОГО ХРОНОГРАФА

В собрании рукописных книг Е. Е. Егорова хранится Сборник слов и поучений конца 20-х – 30-х гг. XVI в. (РГБ. Ф. 98. № 550; 521 л. в 4°; далее – Егор 550), сравнительно недавно ставший объектом внимания А. А. Манохина и Л. И. Журовой в связи с начинающими его на л. 1–28 об. выписками из сочинений святых отцов, близкими по составу к 4-й главе «Сборника» митрополита Даниила «О крестном знамении» того же времени (РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное

собрание библиотеки МДА). № 197. Л. 92 об.–119) [Клосс, с. 77]. Исследователи показали, что оба списка не являются оригиналами данной святоотеческой компиляции, а восходят к какому-то общему источнику [Манохин, с. 226–229; Журова, с. 60–61].

Связь егоровского Сборника с книжным окружением митрополита Даниила этим не исчерпывается: один из видов его бумаги совпадает с бумагой Никоновской летописи, а 17 из 180 статей Егор 550 читаются и в составе сборников первой четверти XVI в. Иосифо-Волоколамского монастыря: РГБ. Ф. 113. № 438, 492, 497, 507, 577, 650.

К ним принадлежат и три Послания Нила Сорского: «Послание велика(го) старца брату, въпросившу его о помыслех», нач.: «Похвално желание подвигнул еси, о възлюбленне, еже слышати Слово Божие ищещи на утверждение себе...» – Послание Вассиану Патрикееву (Егор 550. Л. 481–487 об.); «Того же иному брату о плъзе», нач.: «Еже усты ко устом беседова твоя святыни ко мне, честнейши мои господине отче, таже и писанеица о том же присылал ми еси: требуеши от моеи худости написано послати к тебе слово полезное же...» – Послание Гурию Тушину (Егор 550. Л. 487 об.–493 об.); «Послание того же великаго старца к брату, просившу от него написатися, еже на пользу души его», нач.: «Писанеице твое, господине отче, еже написал еси ко мне, просил у меня описати ми к тебе, еже на пользу, и известити ми тебе о себе, что мнишь брань мне на тебя...» – Послание Герману Подольному (Егор 550. Л. 493 об.–497 об.).

Остались незамеченными исследователями и два фрагмента Русского Хронографа, написанные в обратном порядке разными почерками и разъединенные заставкой на л. 186: без заглавия, нач.: «В лето 5600 по Неруе царствова Траиян лет 9. При сем Симеон, вторый святитель в Иерусалиме по Иакове, брате Господни, мучени быша... царь же Феофил о иконах убо и о начертанных святых образех зело люте и лукаве и злообразне живяше, а иных» – главы 115–165 Русского Хронографа, без окончания (Егор 550. Л. 115–185 об.); «Изложение о вере Христове», нач.: «Первое убо подобает истинному христианину, не токмо иноком, но и сущим в монастыре, испытати писание, якоже рече в Еуагелии Господь, яко: истинно испытующе сия, в них имети имамы живот вечный... и сего ради много помышлях сие начати, и възбращаем есть от рукоделия» – Предисловие Русского Хронографа, без окончания (Егор 550. Л. 186–194).

Время создания Русского Хронографа: 1516–1522 гг., теоретически обосновано в трудах О. В. Творогова и Б. М. Клосса [Творогов, с. 188–207; Клосс, с. 158–159]. Наиболее ранний из сохранившихся списков памятника (РГБ. Ф. 113. № 583) содержит его черновые материалы и датируется первой четвертью (ближе к началу) XVI в. [Клосс, с. 159–169]. Второй по времени список 20-х гг. XVI в. (РГБ. Ф. 113. № 650; далее – Вол 650) содержит только главы 1–105, без Оглавления и Предисловия. Лишь разделенный на три части список 1538 г. (ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 356. Л. 29–35; РНБ. ОСПК. F.IV.178; РНБ. Собрание ОЛДП. F.XCVII) представляет собой окончательный полный вид памятника, упомянутый и в описи 1545 г. Иосифо-Волоколамского монастыря: «Соборник в полдесть нов, в начале “Первее убо подобает истинному христианину”, в ней же летописец от Быти(я) о сътворении мира и от прочих книг Моисееви» [Книжные центры, с. 34]. Таким образом, список Русского Хронографа в Егор 550 напоминает раннюю копию недостающего в Вол 650 продолжения Русского Хронографа, окончание которого в антиграфе Егор 550 было утрачено, что вытекает из обрыва в нем текста памятника на середине фразы.

Литература

- Журова Л. И. О роли глосс и маргиналий в книжной культуре Московской Руси XVI в. (митрополит Даниил и Максим Грек) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 3. С. 59–65.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.
- Манохин А. А. Об источниках 4 слова Соборника митрополита Даниила // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды IV Международной конференции. М., 2019. (Мир старообрядчества. Вып. 10). С. 223–233.
- Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Н. В. Баинин (СПБНИИ РАН), С. А. Никонов (МАУ), Т. В. Резникова (РГАДА)

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО И АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЕЙ: ЭТАПЫ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ В XVI в.

История соляных промыслов Русского Севера имеет давнюю традицию изучения. В научной литературе было обращено внимание на такие аспекты этой широкой проблемы, как крестьянский соляной промысел (Е. И. Заозерская, Я. И. Алексеева и др.), технология производства и объемы добычи соли (Б. Розен, Г. С. Рабинович и др.), торговля солью и развитие маршрутов ее доставки на соляные рынки (А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов, Н. В. Устюгов, А. В. Крайковский, М. М. Дадыкина и др.). Такой аспект проблемы, как роль монастырей в производстве и торговле солью, преимущественно исследуется для одного из крупнейших монастырей региона – Соловецкого. Этому способствует хорошая сохранность актов и хозяйственных книг обители.

Другие монастыри Поморья, пусть и уступавшие Соловецкому в масштабах хозяйственной деятельности, также были крупными промышленниками и поставщиками соли на рынок. Изучение этапов и путей формирования соляных промыслов Николо-Корельского и Антониево-Сийского монастырей почти не вызывало интереса исследователей. Обращение к этому вопросу способно углубить знания об общих закономерностях развития промыслового хозяйства монастырей Поморья.

Начало формирования соляных промыслов Николо-Корельского монастыря относится к 1540-м гг. Сохранившиеся актовые источники дают основания отнести наиболее интенсивную часть этого процесса к периоду 1550–1580-х гг. (21 грамота из 26). Основными путями формирования промыслов стали покупка и безвозмездная передача (20 грамот из 26) долей в соляных варницах. Другие формы приобретения угодий (заклад, обмен, уступка) не были преобладающими.

Соляной промысел Николо-Корельского монастыря ограничивался двумя поморскими посадами – Нёноксой и Уной. На первом посаде за монастырем были доли в трех варницах и одно варничное место, а на втором – варница и доля в другой варнице.

Монастырь мог заключать сделки с представителями нескольких поколений одних и тех же крестьянских родов. Таким примером выступают сделки с богатым двинским крестьянским родом Кологривовых. Некоторые его представители были постриженниками Николо-Корельского монастыря, что могло мотивировать крестьян к передаче долей соляных варниц обители.

Антониево-Сийский монастырь был основан почти на сто лет позднее, чем Николо-Корельский. Однако в XVI в. настоятель Антоний и монастырские старцы активно развивали не только духовную, но и хозяйственную жизнь обители.

Большое количество актового материала служит подтверждением активной хозяйственной деятельности монастырских старцев. Как и в Николо-Корельском монастыре, складывание соляного промысла в Сийской обители начинается с конца 1530-х – начала 1540-х гг. Самая ранняя грамота 2 сентября 1537 г. фиксирует вклад Алексея Григорьева сына Макарова – он передал права на варницу на Больших местах в Уне «в дом игумену Антонию». При анализе особое внимание было уделено документам времени игуменства преподобного Антония – от основания монастыря (1520 г.) до кончины святого (7 декабря 1556 г.). Для этого периода выявлено 9 грамот, зафиксировавших передачу обители соляных промыслов: 8 данных и 1 меновая.

Выявленные акты позволяют проследить не только процесс складывания солеваренного хозяйства монастыря, но и накопление правоустанавливающих документов на варницы и различные угодья в монастырской казне. Так, в акте от 21 февраля 1549 г. о передаче Афанасием Андреевым соляного промысла игумену Феогносту читаем: «в Неноксе на Наволоке участок росолу и с варницею по купчей по старой, что есмь купил у дяди своего у Захарьи у Степанова

сына... да и купчую есми Афанасья и старую на росол выдал, что купил у Захарьи у Степанова сына» (СПБНИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 261). Запись подтверждает заинтересованность монастыря при покупке недвижимости получить всю документацию о предыдущих владельцах и операциях (продажа, обмен, передача в счет долга).

Отметим, что круг актовых источников, связанных с формированием монастырями соляных промыслов, не ограничивается документами на их приобретение. Соляной промысел не мог существовать без подсобного хозяйства, обеспечивавшего его деятельность (дворы, амбары, сенокосы и т. п.). Обращение к этой группе актов позволит воссоздать более подробную картину складывания солеваренного хозяйства северных обитателей.

Основные интересы Антониево-Сийского монастыря находились в Нёнокском, Унском и Моржегорском уоляях. Количество актов по ним 70, 12 и 3 соответственно. Помимо этого, упоминаются варницы на реках Большой Юре, Верхней, Солзе, Титове (на Зимнем берегу) и соляной ключ в Исакове горе.

Формирование солеваренного хозяйства Николо-Корельского и Антониево-Сийского монастырей предполагало и выстраивание логистических цепочек, включавших соляные варницы, места хранения продукции и рынки ее сбыта. Взаимодействие звеньев этих цепочек не могло обойтись без развития речного и морского флотов, обеспечивавших транспортировку грузов.

А. В. Беляков (ИРИ РАН)

ГОСУДАРЕВЫ/ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕЧАТИ ИВАНА IV

Обращаясь к грамотам Московского централизованного государства, исследователи, как правило, не уделяют достаточного внимания государевым/государственным печатям, которыми они заверялись. Однако обращение к этим носителям информации позволяет в ряде случаев дать дополнительную оценку тем или иным документам и историческим событиям, с ними связанным. Во многом игнорирование печатей обусловлено тем, что до настоящего времени еще не предпринималась попытка выявления и классификации всего их корпуса. Ниже мы будем говорить исключительно о печатях правления Ивана IV (1533–1584 гг.).

В начале своего правления Иван Васильевич унаследовал еще практически «удельную» структуру печатей. Она включала в себя двойную кормленную печать, которой скрепляли дипломатические послания и жалованные грамоты, а также две овальные перстневые с античными геммами и кратким титулом по периметру оправы, применявшиеся для заверения указных грамот. Геммовыми печатями были «Гермес, играющий с Дионисом» (унаследована от Василия III) и «Благовещение» (ранее использовавшаяся Иваном III). Также известен оттиск личной печати Ивана IV с изображением единорога (1558 г.), приравняемый к геммовым печатям.

В 1561 г. эта система претерпела значительную модификацию. Для дипломатических нужд изготовили матрицу большой двойной печати с полным титулом в три строки (диаметр 72 мм). Геммовые печати заменили двумя овальными – большой и малой. На большой имелось изображение двуглавого орла под двумя коронами с ездоком на фигурном картуше, помещенном на груди птицы, а также с малым государевым титулом по периметру овала. Малая печать полностью повторяла большую, но на ней отсутствовала надпись. Поменялось изображение и на личной печати царя. Теперь единорога поместили в картуш на груди двуглавого орла с двумя коронами. Появляется и вторая личная печать, отличающаяся от первой несколько увеличенным диаметром за счет расположенной вокруг надписи (сокращенного царского титула?) (обе известны по оттискам 1566 г.). Новые личные печати фактически дублировали овальные, это позволяет предположить, что окончательно данный комплект сформировался несколько позднее 1561 г. и был призван дублировать ставшие в период опричнины земскими овальные печати.

Около 1577–1578 гг. появляется еще одна большая печать (диаметр 112 мм), дополненная медальонами с символикой тех или иных регионов государства. Приблизительно в это же время меняется изображение и на личной печати царя. Теперь это двуглавый орел под двумя коронами, помещенный на круглой матрице (оттиск 1580 г.).

Это не все печати, которые можно отнести к разряду государственных. К ним вплотную примыкают печати сыновей царя – Ивана и Федора. Известно, что Иван имел печать с изображением льва. Возможно, речь идет о перстне с сюжетом «лев, пожирающий змею», ранее принадлежавшем Ивану III. В таком случае данную печать можно рассматривать как фиксацию соправительства, описанного ранее на материале рубежа XV–XVI в. В этом ряду также следует отметить наличие личной печати Федора Ивановича (оттиск 1588 г.), имеющей изображение, аналогичное тому, что было помещено на оттиске 1580 г. По-видимому, эти перстни-печати составляют комплект (возможно, имелся и третий перстень, принадлежавший царевичу Ивану Ивановичу).

Иван и Федор Ивановичи вели активную дипломатическую переписку, в первую очередь с Крымским ханством и Ногайской Ордой. По аналогии с иными периодами (Василий Иванович, 1496 г.; Юрий Иванович, 1526 г.; Федор Борисович, 1604 г.), эти послания должны были быть скрепляемы односторонними красновосковыми печатями диаметром несколько меньше кормленной с изображением двуглавого орла или ездоца и соответствующей надписью. Также в дипломатической сфере применялась большая группа вислых золотых (серебряных вызолоченных) печатей. Изображения на них в зависимости от адресата и времени создания могли дублировать те, что помещались на кормленной, большой образца 1561 г., большой с медальонами печатях, или иметь с одной стороны двуглавого орла, а с другой краткий государев титул в несколько строк, присущий золотым печатям XIV–XV вв.

Таким образом, в правление Ивана IV фиксируется постепенная эволюция в применении государственных печатей. Происходил постоянный поиск новых форм, наиболее точно отвечавших потребностям государства. Именно тогда сложилась триада, просуществовавшая весь XVII и отчасти XVIII в.: большая государева, кормленная и овальная Печатного приказа печати. Только при Петре I данная система вновь была реформирована.

М. М. Бенцианов (СЗИУ РАНХиГС)

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ НОВГОРОДСКИХ ПОМЕЩИКОВ В XV–XVI вв.

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-18-00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти».

С момента своего появления в Новгородской земле в ходе поместных раздач конца XV – начала XVI в. представители «именитых» московских фамилий должны были вступать во взаимодействия с местными религиозными центрами, обладавшими высоким авторитетом и длительной историей своего существования. Вклады в новгородские монастыри и соборы в этом случае являлись бы характерным маркером их адаптации к местным реалиям и осознания себя частью новгородского общества.

Несмотря на серию земельных конфискации, новгородские монастыри в XVI в. продолжали распоряжаться значительными вотчинами. Их статус был подкреплён жалованными грамотами, выданными московским правительством. Варлаамо-Хутынский монастырь получил общерусское признание и пользовался покровительством Василия III. Александро-Свирский монастырь, еще один центр Новгородской земли, появился в самом конце XV в., уже после перехода Новгорода под власть Ивана III. Связи с новгородскими монастырями, таким образом, не должны были вызывать подозрения в благонадежности самих новгородских помещиков.

Очевидно, что процесс признания новгородских монастырей со стороны переселенцев из центральных уездов страны не имел односторонней направленности. Многие новгородские помещики сохранили за собой вотчины в «Московской земле» и, соответственно, в силу сложившихся традиций продолжали сохранять связи с коммеморативными центрами в местах их родового землевладения. Г. М. Ергольский, помещик Бежецкой пятины, в завещании (1550-е гг.) после смерти жены передавал свои белозерские земли в Кирилло-Белозерский монастырь, оценивая сумму их выкупа в 50 рублей. Значительно меньшие деньги он жертвовал новгородским церквям. В церковь Спаса на Нередице, например, должна была поступить всего полтина. Несколько вкладов в Троице-Сергиев монастырь сделал И. П. Кушник Курцев, помещик Шелонской пятины и новгородский ямской дьяк, семья которого на протяжении нескольких десятилетий была связана с этим монастырем. Известны были и другие вклады новгородских помещиков в Троице-Сергиев монастырь как в признанный общерусский центр коммеморации.

Анализ сохранившихся синодиков Новгородской земли (синодики Николо-Вяжицкого, Александро-Свирского, Савво-Вишерского, Коневского Рождество-Богородичного монастырей и новгородского Софийского собора) показывает в целом не слишком высокий уровень связей между местными религиозными центрами и элитой новгородской служилой корпорации – представителями аристократических московских фамилий, получавших разрядные назначения в качестве воевод.

Одиночные вклады были сделаны сюда в конце XV в. представителями правящей элиты, получившими крупные земельные владения в Новгородской земле. Среди них вклады в Николо-Вяжицкий монастырь князей И. Ю. Патрикеева и А. В. Оболенского.

Массовый отток с новгородских поместий начала XVI в. видных представителей московской аристократии, фиксируемый по писцовым книгам и продолжившийся в последующие десятилетия, привел к значительному изменению этой тенденции. Престиж новгородской службы, видимо, значительно упал. Среди знаковых имен вкладчиков Софийского собора и, в меньшей степени, крупнейших новгородских монастырей первой половины XVI в. были представлены в основном члены новгородской администрации – наместники М. В. Тучков и Г. В. Поплевин Морозовы, жены наместников князей Н. В. Оболенского и И. М. Шуйского, новгородские дьяки С. Б. Трофимов, Вязга Суков, С. Емельянов. Известны были «новгородские» вклады бояр архиепископской кафедры – князя И. И. Кривоборского, И. М. Валуева. Активными вкладчиками были московские купцы-переселенцы Сырковы, Таракановы, Саларевы, Курюковы. В сущности, высший слой новгородского общества в XVI в. составляли именно эти лица, а двумя его центрами притяжения были представители московской администрации и двор новгородского архиепископа.

Активность настоятелей некоторых новгородских монастырей (Александро-Свирский монастырь, как пример) и общерусское признание Варлаама Хутынского приводили к привлечению вкладов со стороны представителей московской правящей элиты. Известны были вклады в Варлаамо-Хутынский монастырь боярина князя М. В. Кислого Горбатого (бывший новгородский наместник). Вкладчиками Александро-Свирского монастыря начиная с 1540-х гг. были князья И. И. Кубенский, А. Б. Горбатый, Д. И. Курлятев, Б. Д. Тулупов, а также П. П. Головин, И. И. Хабаров, В. Ю. Греков, Р. М. Пивов, Е. В. Воейков, дьяки братья А. и В. Щелкаловы, Ю. Сидоров (известен также как вкладчик Николо-Вяжицкого монастыря и Софийского собора).

На этом фоне наиболее значимые лица из собственно новгородских помещиков выглядели не слишком представительными. В синодике Софийского собора были отмечены памяти князей Тулуповых (видимо, род В. И. Тулупова). Возможно, к элите новгородской корпорации в первые десятилетия ее существования принадлежали также Товарковы. Вкладчиками Николо-Вяжицкого монастыря были С. Ю. Порховский, а также некоторые Колычевы. В целом, имена наиболее значимых в служебном отношении новгородцев не слишком часто присутствовали в монастырских синодиках. Примечательно, что вклады «новгородцев» в общерусские монастыри также ограничивались единичными примерами. Их активизация в этом

отношении происходила после перехода на московскую службу, когда они становились частью Государева двора и вписывались в сложившийся образ жизни придворной элиты.

Сделанные наблюдения подтверждают «периферийный» характер новгородской служилой корпорации, оторванной от политических традиций Государева двора и великокняжеского (царского) окружения.

И. Д. Бобылева (МГУ им. М. В. Ломоносова, ИРИ РАН)

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ МОСКОВСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ В ГАБСБУРГСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI – НАЧАЛА XVII в.

Уже при Иване III началось, а при Василии III расширилось использование царского титула на отдельных направлениях русской внешней политики. Однако проблема его международного признания возникла лишь после помазания Ивана IV на царство, причем в разных государствах отношение к ней колебалось от безразличия до категорического неприятия. В связи с этим представляется важным рассмотреть, как передавалось (или не передавалось) царское именование в дипломатической документации Габсбургов – династии, к которой относились занимавшие первенствующее положение в иерархии западнохристианского мира правители Священной Римской империи.

Ни Иван III, ни – в начале своего правления – Василий III в отношениях с Габсбургами себя царями не называли, и потому случайным выглядит единственное за период до 1514 г. обращение к ним как к царям в русском переводе послания австрийского эрцгерцога Филиппа (1505 г.). Когда Василий III впервые употребил царский титул в договоре с императором Максимилианом I (1514 г.), в подготовленном в Москве проекте немецкого текста он был переведен как императорский (*kayser*) и в таком виде попал как в утвержденный Максимилианом экземпляр, так и в предложенный габсбургской стороной измененный вариант договора. «Великим князем и императором всея Руси» (*gross furst und kayser aller Reyssen*) назван Василий III и в отчете побывавшего при его дворе посольства Максимилиана (1515 г.), однако в составленном тогда же другом документе он упоминается только как великий князь.

С русской стороны царский титул после 1514 г. прочно закрепился в адресованных Габсбургам и их представителям документах и устных обращениях, причем в записях побывавшего в Москве императорского посла Ф. да Колло (1518 г.), а также в немногих известных латинских переводах великокняжеских посланий (1522, 1530, 1538 гг.) он снова передан как императорский (*imperator*). При этом в сохранившихся габсбургских посланиях Василию III и Ивану IV до его помазания на царство (за одним исключением (1525 г.), в итоге не отправленным), переписке Габсбургов друг с другом, дипломатических инструкциях и отчетах по-прежнему в качестве основного используется титул великого князя или просто князя (*grossfurst; (magnus) princeps* или (*magnus) dux*).

После того как Иван IV принял царский титул официально, адресованные ему послания императоров Карла V, Фердинанда I и Максимилиана II еще долгое время содержали только титулы «князь» (*princeps, furst*), «господарь» (*dominus, herr*), «владелец (обладатель, господарь) всеа Руси» (*dominator totius Russiae, herrscher aller Reussen*) «великий князь» (*magnus dux, grossfurst*). Лишь в двух грамотах, известных по русским переводам, Иван IV назван царем, но если обстоятельства создания одной из них (1573 г.) неизвестны, то во вторую (1576 г.) царский титул (возможно, в форме *czar*, которая использована тогда же в переводе русской верительной грамоты) был включен лишь в результате настойчивых требований русских послов.

Напротив, со времени вступления на имперский престол Рудольфа II употребление царского титула в адресованных Ивану IV и его преемникам грамотах становится регулярным.

Однако это не означало признания равенства московского правителя с императором, поскольку «царю» русских переводов в сохранившихся оригинальных текстах соответствует вовсе не *imperator* или *kaiser*, а *czar*. По всей видимости, такое решение спорного вопроса устраивало обе стороны – как габсбургскую, поскольку ей удавалось избежать придания русскому государю равного с императором статуса, так и русскую, поскольку она различала титулы царя и цесаря и определенно не считала первого ниже второго.

Но как в таком случае воспринимался царский титул Габсбургами и их представителями? Мы видели, что изначально он переводился как императорский, и даже в 1560 г. посланник И. Гофман в своем отчете последовательно передавал русское «царь» как *khaiser*, хотя сам Ивана IV так именовать отказался. Однако со временем, вероятно, возобладали точка зрения С. Герберштейна, в «Записках о Московии» (1-е изд. – 1549 г.) решительно возразившего против отождествления царского титула с императорским и предложившего переводить его как королевский (*rex, khünig*). Аналогичные соображения изложены в сочинении другого габсбургского дипломата Д. Принца, побывавшего в России в 1575–1576 гг.

В заключение следует отметить, что в предназначенных для внутреннего пользования габсбургских дипломатических документах царский титул в качестве основного обозначения русского правителя не утвердился даже в транслитерированном виде. В служебных пометах, в переписке Габсбургов друг с другом, с имперскими князьями и должностными лицами, в отчетах габсбургских дипломатов (за исключением записей речей русской стороны) Иван IV, Федор Иванович, Борис Годунов обыкновенно фигурируют как великие князья (*großfürsten*), а значит, именно в таком статусе их и воспринимали в Империи прежде всего.

Д. М. Буланин (ИРЛИ РАН)

ПОСЛАНИЕ ИНОКАМ, ПОХВАЛЯЮЩИМСЯ ПОБЕДОЙ НАД ЗЛЫМИ ПОМЫСЛАМИ

Последний раздел в Минеином Изборнике, предшественнике Изборника 1076 г., представляет собой довольно пространную «простейшую компиляцию» (термин В. Федерера). Ее образуют апофтегмы и мелкие фрагменты, извлеченные из сочинений классиков греческой церковной литературы. Среди фрагментов такого рода выделяется достаточно пространное и, как выяснилось при сравнении с оригиналом, цельное произведение, озаглавленное «Епистолия блаженнаго отца Павла Лажданина». Этот болгарский перевод X в., сохранившийся только в русских списках, до сих пор не привлекал внимания славистов. Между тем памятник заслуживает обсуждения не только как образец переводческого мастерства. Он необычен по содержанию, позволяет еще раз задуматься о назначении всего Изборника и читающейся в нем «простейшей компиляции». Важно, наконец, что история его текста нашла своеобразное продолжение в древнерусской письменности.

Павла, пустытника, а какое-то время и настоятеля монастыря, прозвали, по месту его рождения, Элладским, и это определение превратилось под пером переводчика в Лажданин. Он подвизался в Палестине в первой половине VI в., а его «Епистолия», как и написанная им Похвала Феогнию Витилийскому, давно изданы и учтены в соответствующих справочниках (СРГ 7530, 7531). Но репутация у «Епистолии», утвержденная теми, кто читал ее, сложилась самая скверная. Это объясняется содержанием произведения, находящимися в нем нескромными натуралистическими подробностями. Автор обращается к чересчур самоуверенным аскетам, которые, укрепляя в себе бесстрашие, могут «съ женами и дѣтьми лѣгати на единой постели». Павел убеждает адресатов в опасности подобных экспериментов, приводящих к постыдному падению. Он ссылается на признания, которые делали согрешившие, исповедуясь духовнику. Он сам слышал эти признания или узнал о них от мудрых старцев. Он репродуцирует рассуждения Евагрия Понтийского о борьбе со злыми помыслами, в особенности с теми, что насылает демон

любогострастия. В заключение Павел разбирает подробно, с конкретными деталями и подлинными именами, историю некоего евнуха Евтропия. Автор описывает душевные и телесные муки этого Евтропия, возглавлявшего целый монастырь таких же, как он, скопцов и восплававшего преступной страстью к своему малолетнему крестному сыну. Пусть же помнит историю евнуха тот, кто заявляет, «яко и съ женою лѣжу и съ дѣтьми, и нѣсть ми пакости» – вот мораль «Епистолии».

В славянском тексте «Епистолии» находим характерные черты, присущие всем преславским памятникам переводной литературы, – верность доктрине пословного перевода, лексику, типичную для писаний этого времени. Однако в творении Павла нет нередких в других тогдашних переводах ошибок, вызванных смешением сходных по звучанию и сходных по написанию греческих слов. Вероятно, это можно объяснить тем, что греческая «Епистолия» – незамысловатый текст по содержанию, как и по форме. Возникает естественный вопрос, почему данное произведение решено было включить *in extenso* в состоящую из фрагментов «простейшую компиляцию» Минейного Изборника. Если допустить, что Изборник составлялся как книга для монахов, в отборе текстов для нее можно усмотреть определенную логику. На первом месте в Изборнике поставлено произведение Льва Премудрого, данный ему в переводе заголовок – «Кормчий душам» – послужил одновременно названием для всей книги. «Кормчий» развивает не вполне тривиальную для аскетических инструкций мысль о том, что подвижнику надлежит придерживаться в своих упражнениях разумных границ, которые установлены для человека его физической конституцией. Обсуждая здоровый баланс между потребностями души и тела, автор использует «Афоризмы» Гиппократова. «Кормчего» роднит со следующими дальше статьями сборника («Наставление» Агапита, «Энхиридион» Эпиктета) отсутствие чрезмерного ригоризма в требованиях к тем, кто отказался от мирской жизни и принял постриг. Сходна позиция автора «Епистолии», вынесенной почти в самый конец сборника. Автор призывает аскетов, демонстрирующих свои не всегда надежные достижения, умерить пыл, ибо, в случае неудачи похваляющихся, их проступок грозит дискредитировать сам институт монашества. Для книги, адресованной инокам в стране, только-только просвещенной крещением, подбор текстов для сборника представляется вполне осмысленным.

Спустя пять столетий «Епистолия» нашла немало заинтересованных читателей у восточных славян. В числе их видим и белозерского книгописца Гурия Тушина. Но никому не известный автор произведения не обладал авторитетом отцов церкви. Поэтому, копируя древний перевод, переписчики относились к его тексту не слишком бережно. Встречаются списки «Епистолии», где, помимо множества мелких перемен, в большем или меньшем объеме отрезана начальная часть текста с находящимися там рассуждениями о страстях и злых помыслах. Тем самым в повествовании центр тяжести переместился на историю Евтропия, привлекавшую своей экзотикой. Резекция привела к семантическому сдвигу, вульгаризировав заложенную в произведении идею. В итоге возникла потребность, скрыв завершающее «Епистолию» обращение к подвижникам, делящим ложе с женщинами и детьми, нарастить писание Павла Элладского инородными текстами. На первом этапе к концовке «Епистолии» присоединили выдержку из слова Серапиона Владимирского, на втором этапе к ней добавили выписки из Пролога, ссылки на его статьи, а также на «Книгу о постничестве» Василия Великого.

И. В. Вернер (ИСЛ РАН)

ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ СИМВОЛА ВЕРЫ В РУКОПИСНОМ НАСЛЕДИИ МАКСИМА ГРЕКА

В составе обширных поздних собраний сочинений Максима Грека содержится ряд текстов, восходящих к раннему периоду деятельности Максима, но не включенных в его прижизненные

собрания и даже не оформленных как самостоятельные главы или отдельные сочинения. Эти тексты представляют интерес с точки зрения филологической и лингвистической методологии Максима, его работы с собственными сочинениями, демонстрирующими эволюцию стиля и жанра (от частного послания к сказанию или полемическому слову) и его практику использования греческого языка (сочинение текста по-гречески, самоперевод на церковнославянский, двуязычный текст).

Одним из таких уникальных текстов является параллельный греческо-славянский Символ веры, сопровождаемый припиской эпистолярного характера. Он содержится в рукописи второй четверти XVII в. (РГАДА. Ф. 187. Оп. 1. № 90. Л. 38–40), представляющей собой краткий вид собрания в 151 главу [Синицына 1977, с. 275]. Более поздний список текста входит в состав сборника смешанного содержания XVIII в., включающего сочинения Максима Грека и исторические статьи (РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1165. Л. 14 об.–17 об.).

В обоих списках Никео-Цареградский Символ веры оформлен одинаково: в строке последовательно записаны сегменты славянского текста, соответствующего ему греческого текста в орфографической записи и в «фонетической транскрипции», выполненной славянскими буквами. При этом греческий текст выдает абсолютное незнание греческого языка переписчиком и является неумелым уподоблением начертанию греческих букв, а славянская «транскрипция» текста четко демонстрирует особенности византийского произношения (καὶ – кѣ, σὺν – синь, γέννηθέντα – гениѣнта, κατελθόντα – кательѣонта и др.). В греческой орфографической и фонетической записи есть ошибки в буквах и словоделении. Вероятно, лишенное смысла расположение в строке трех вариантов текста друг за другом возникло при позднейшем переписывании, тогда как изначально славянский, греческий текст и его транскрипция были записаны подстрочно.

Сходный способ обращения с греческим оригиналом и славянским переводом был использован Максимом Греком в Псалтыри 1552 г.: дошедшие до нас подстрочные греко-славянские списки Псалтыри также датируются XVII в. Греческий текст в них записан кириллическими буквами с непоследовательным отражением византийского произношения непосредственно в написаниях и с помощью отдельных орфоэпических помет над строкой [Вернер, с. 41–52]. После параллельного славяно-греческого текста в обеих выше названных рукописях следует небольшая приписка: в ней автор сообщает адресату («тебѣ государю послахъ») о посылке своего «малого труда», в котором он дерзнул «протолковати еллински и славенски» Символ веры. Расположение двуязычного Символа с припиской в списках идентично: он следует за текстом «Сказания известна о приходѣ на Русь Максима Грека» Исаии Каменчанина [Синицына 2009, с. 45–72, 93–106] и предшествует «Предисловию сказующу вкратцѣ силу книги сея», составленному Максимом для прижизненных собраний своих сочинений. В обеих рукописях первым сочинением после «Предисловия» идет «Исповедание православной веры». «Исповедание», будучи программным сочинением Максима Грека, открывающим прижизненные Иоасафовское и Хлудовское собрания, имеет непосредственное отношение к тексту Символа веры. Созданное после 1538–1539 гг. [Синицына 1977, с. 153], «Исповедание» стало обращенным в мир посланием-ответом Максима Грека на возведенные на него обвинения в ереси и измене. Собственно догматическая часть с распространенным изложением членов Символа веры в «Исповедании» занимает меньшую, вводную часть текста, уступая место объяснению исправлений, внесенных Максимом в тексты Св. Писания.

С лингвистической точки зрения тесно связанным с двуязычным текстом Символа является и «Сказание о еже како подобаетъ извѣстно блюсти исповѣдание православныя вѣры», входящее в прижизненный Румянцевский сборник (РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 264) и Хлудовское собрание [Журова, ч. 1, с. 432–439; ч. 2, с. 213–218]. Начинающееся со слов «Священный Символь, еже есть исповѣдание православныя вѣры», Сказание кратко излагает историю Вселенских соборов, особо выделяя решение Третьего собора, запретившего вносить изменения в текст Символа. Основным же содержанием Сказания является обсуждение

конкретных переводческих и языковых отступлений славянского Символа от греческого текста. Особое внимание Максима к славянскому тексту Символа, бытовавшего в различных богослужебных книгах в разных редакциях и зачастую лишь в виде указания, а не полного текста, демонстрирует и Румянцевский сборник, содержащий на л. 316–320 текст Символа с комментариями («Образ святыя вѣры, изложено на 1-м соборѣ»).

Греко-славянский Символ, будучи тесно связанным с важнейшими сочинениями Максима Грека и оформленным типичным для его переводов образом, дает основания говорить об использовании составителями собрания в 151 главу не дошедших до нас архивных, в том числе эпистолярных, материалов святогорца. Вероятным адресатом послания, содержащего перевод Символа, мог быть тот же Григорий, которому первоначально предназначалось послание (позже Сказание) о соблюдении Символа веры.

Литература

- Вернер И. В. Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека. М., 2019.
 Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Новосибирск, 2008. Ч. 1; Новосибирск, 2011. Ч. 2.
 Симицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
 Симицына Н. В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2009.

К. В. Вершинин (ИРИ РАН)

ПОХВАЛА ИВАНУ КАЛИТЕ В ПОСЛАНИИ «НЕКОЕМУ ХРИСТОЛЮБЦУ» XVI в.

В исследовательской традиции Похвала Ивану Калите из колофона Сийского Евангелия 1339/1340 г. обычно считается написанной непосредственно для этой рукописи. Не так давно нам удалось обнаружить новый список Похвалы (20–30-х гг. XVI в.), интерполированный в состав краткого летописца (РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 662. Л. 311 об.–312 об.; далее – Рог. 662), «переадресованный» Ивану III, но сохранивший первоначальную дату – 6847 г. [Вершинин 2020, с. 70; Вершинин 2022, с. 164, 210–211]. Данный список может служить косвенным доказательством того, что Похвала первоначально существовала отдельно (к слову заметим, что чтение «в запустѣившии (!) земли» может поставить под сомнение хрестоматийный пример «аканья» в рукописи 1339/1340 г. – «въ апустѣившии земли», который теперь допустимо истолковать как lapsus scribendi).

Еще один пример бытования Похвалы, также указанный нами [Вершинин 2020, с. 69, примеч. 3], но подробно не рассматривавшийся, содержится в анонимном послании под заглавием «Предисловие азбуки толковья, вкратцѣ собрано от Б(о)ж(е)ственного Писания о общем согрѣшивших пристанищу, к нѣкоему хр(и)столюбцу во власти сущу», известном в списке РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1084. Л. 273 об.–293 (далее – Унд. 1084). Рукопись датируется третьей четвертью (вероятнее всего, концом 50-х гг.) XVI в. [Емченко, с. 195–196] и содержит ранний список «Стоглава». В «конвое» последнего помещена грамота новгородского архиепископа Пимена в Псков от 20 августа 1556 г., в связи с чем уместно предполагать псковское или новгородское происхождение послания.

Памятник имеет компилятивную структуру. Его основной объем занимают цитаты из переводных текстов. Большинство этих цитат не аннотировано, прямо называются только Златоуст (в том числе его «Маргарит») и «Василий» (Великий). В текст целиком вставлена славянская азбучная молитва (начало: «Азь Тобѣ припадаю, м(и)л(о)ст(и)ве...»), в древнейшем виде известная в списках XIII–XIV вв. [Андреев, Афанасьева, Соболева, с. 205–206; Соболевский, с. 13–15]. Среди других источников можно опознать «Увещательные главы» Агапита в древнейшем переводе [Лобакова, с. 295], послания митрополита Илариона «брату-столпнику» (ср.: РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 753. Л. 133), Кирилла Белозерского великому князю Василию Дмитриевичу [Акты исторические, с. 21–22], Нила

Сорского Гурию Тушину [БЛДР, с. 170–175]. Таким образом, памятник был создан начитанным книжником, ценившим литературные редкости и подобравшим «наставительные» сентенции для начальствующих. О своем происхождении, а также об адресате он пишет: «мы же мирстии» (Унд. 1084. Л. 291 об.; вставлено в цитату из «Маргарита»).

В начале послания автор сообщает: «Тако и о царѣх, якож(е) в нынѣшнее лѣта (!) при наших очесех случис(я). Хошу, хр(и)столюбче, мало что о дрѣжавномъ вспомянути, яко не наимнику случис(я) спона, но самог(о) кормчиа лишени есми...» (Унд. 1084. Л. 276 об.). Таким образом, памятник создан вскоре после смерти Василия III. Именно в этом контексте в послании приводится выписка из Похвалы Ивану Калите. По чтению она ближе к Сийскому Евангелию (в частности, упомянут Юстиниан, в списке Рог. 662 замененный на Константина). В силу особой ценности данного фрагмента Унд. 1084 приводим его полностью:

«В лѣто 7042-е, м(ѣ)с(я)ца дек(а)бря въ 4 д(е)нь, в че(тверто)к, на памят(ь) с(вят)ыя великом(у)ченицы Варвары. Преставися бл(а)говѣрныи ||(Л. 277) великии княз(ь) Василеи Иванович всеа Русии, а во иноцех Варлам. А всех лѣтъ живота ег(о) 56 лѣтъ и 8 м(ѣ)с(я)ць. Сеи убо г(о)с(у)д(а)рь, кн(я)зь великии Василеи Иванович, имѣаше правы суд пач(е) мѣры, почитая б(о)ж(е)ственная Писания и исправления с(вя)тых о(те)ць и пр(ѣ)п(о)д(о)бных, по правилом манаканонным, ревнуя правовѣрному ц(а)рю Иустиану. При его дрѣжавѣ бл(а)гочестию велию восиявшу и многимъ с(вя)тым церквем в то время созданным, ото усть ег(о) поучению б(о)ж(е)ственных словес, яко источнику велию и сладку текущу, напаяюще бл(а)гочестивых с(вяти)т(е)ль с(е)рдца, христоролюбивых въ его дрѣжавѣ люди. И безбожным ересемъ преставшим при его ц(а)рствѣ. ||(Л. 277 об.) Любя и дрѣжа православную с(вя)тую вѣру, сирым и вдовицам в бѣдах помощник, от насилующих, яко от усть лвовъ, восхищая. И вся Русская земля поминает велегл(а)сно дрѣжаву его ц(а)рства».

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. БЛДР. СПб., 1997. Т. 9.

Литература

Андреев А. А., Афанасьева Т. И., Соболева А. Е. Ярославский часослов второй половины XIII века. Исследование и издание текста. М.; СПб., 2024.

Вершинин К. В. Похвала Ивану Калите в списке XVI в. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова. СПб., 2020. С. 63–70.

Вершинин К. В. Рогожский второй летописец начала XVI в. // Средневековая Русь. М., 2022. Вып. 15. С. 163–212.

Емченко Е. Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.

Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: исследование и тексты. СПб., 2006.

Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.

П. В. Гаврилов (ИВИ РАН)

БОЯРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПО ПИСЦОВЫМ МАТЕРИАЛАМ ВОДСКОЙ ПЯТИНЫ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Исследование посвящено землевладению новгородского боярства по поземельному описанию Водской пятины Новгородской земли. Источниками исследования являются первая часть писцовой книги Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Семенова сына Губы Моклокова (1499/1500) г. [НПК, т. 3, стб. 1–493, 502–960], книга Каргальского погоста Копорского уезда тех же лиц (1499/1500) г. [НПК, т. 3, стб. 494–502]. Для сравнения, хорошо сохранившиеся писцовые

материалы по Тверской половине Бежецкой и Деревской пятин не дают столь пространных перечней землевладельцев одного клана для того или иного погоста [НПК, т. 1; т. 2; т. 6].

Цель исследования – локализовать землевладение новгородских бояр различных кончанских группировок в землях погостов северо-запада Новгородской земли. Генеалогические реконструкции боярских родов были выполнены В. Л. Яниным [Янин 1981; Янин 1991; Янин 1994; Янин 2003]. Местоположение погостов было установлено в работе А. А. Селина, И. Ю. Анкудинова и А. А. Фролова [Приходная книга].

Землевладение неревлян раскинулось в долинах р. Систа и ее притоков. В землях Каргальского, Толдожского, Ратчинского, Опольского и Врудцкого погостов располагались участки Григория и Ивана Михайловых детей Казиминова сестрича, Анны Васильевой жены Губина и Александра Самсонова. Относительно обособленное положение занимали обжи Федора Селезнева в Дягиленском погосте, расположенном несколько восточнее вышеперечисленных погостов. Деревни неревского боярства находились и в верхнем течении р. Волхов. От побережья оз. Ильмень до Коломенского погоста находились владения Ивана и Григория Михайловых детей Казимировых сестричей, Якова Губина, Федора Яковлевича, Василия Онаньина и Ивана Лошинского. В долинах рек Луга и Оредеж лежали земли Александра Самсонова, Федора Яковлевича Селезнева и Василия Онаньина.

В округах Кипенского, Дятиленского, Вздылитцкого, Замозского в Бегуницах, Льешского, Ястребинского и Врудцкого погостов концентрировались доли в доходах Микиты, Кузьмы и Тимофея Грузовых, Олфера Иванова сына Офоносова, Офимьи и Семена Шенкурских. Представители фамилий происхождением связаны со славенским кланом.

Вотчинники в округе истока р. Волхов, его верхнего и среднего течений и также в долинах рек Оредеж, Луга, Городонька и Хрепелка представлены лишь прусско-плотничьим и неревским боярством – из славенских можно найти только обжи Федора Хромого в Дмитриевском Городенском погосте. В среднем течении Волхова в Солецком погосте располагалась «волость» прусско-плотничьего боярина Ивана Захарьина сына Овинова. Его же обжи находились в Дягиленском погосте. Крестьянские коллективы от устья вдоль левого берега р. Волхов были зависимы от представителей прусско-плотничьей боярской группировки. Среди здешних землевладельцев – Лука Федоров, Иван Захарьин сын Овинов, Александр Тимофеев, Настасья Иванова жена Григорьева, Офимья Горошкова, Оксинья Микитина жена Есипова и Богдан Есипов.

Составитель поземельного описания обнаружил деревни и доли Луки Клементьева, Остафия Глухова, Василия Кузьмина и представителей семейства Норовых в погостах в долинах рек Луга и Оредеж. Также кажется, что здешние земли – единственное место концентрации вотчин Парфеевых, по крайней мере по писцовым описаниям, публиковавшимся в XIX–XX вв.

Среди землевладельцев рассмотренной территории наиболее многочисленными были представители прусско-плотничьего боярства. Земли здешних церковных округов так или иначе образованы долями или деревнями представителей этого клана. Полученная картина компактного размещения землевладений различных вотчинников одних и тех же кланов, относящаяся к последней четверти XV в., – результат развития боярского землевладения в Новгородской земле и концентрации земельных владений в руках наиболее влиятельных боярских кланов. Владения подвергались дроблению в результате родственных разделов, но не утратили своей компактности. Это хорошо коррелирует с расположением десятин Новгородской епархии, которые плотно перемежались именно в западной части Новгородской земли, что косвенно подтверждает раннее включение территорий в систему даннических отношений, в том числе и с новгородскими боярами [Фролов].

Источники

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Императорской Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 1; СПб., 1862. Т. 2; СПб., 1868. Т. 3; СПб., 1910. Т. 6.

Литература

- Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 110–155.
- Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / Сост. И. Ю. Анудинов и А. А. Фролов. М.; СПб., 2011.
- Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В. Л. Генеалогия боярских родов Великого Новгорода. Часть 1: прусско-плотницкая группа // Историческая генеалогия. 1994. Т. 4. С. 30–47.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

М. А. Гиршевич (ООО «Столичное археологическое бюро»)

МОБИЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОГО ПОСАДА В XVI в.

К концу XV в. наметилось окончание периода владения Москвой по жребиям. Деление города между наследниками, начатое после кончины Ивана Калиты, подходило к своему финалу. Удельный князь Федор Борисович Волоцкий имел право держать своего наместника в Москве только каждый шестой год, и то в течение полугода [Тихомиров, с. 241]. Великий князь Иван III Васильевич практически становится полновластным хозяином города. Военные походы на соседние земли приносили не только территориальные приобретения, но и людские ресурсы, которые часто в виде полна оказывались в Москве. Если до середины XV в. московский посад располагался только на левом берегу Москвы-реки, вокруг Кремля, то во второй половине столетия началось заселение земель на противоположном берегу [Гиршевич 2019, с. 9].

В последнее десятилетие XV в. великий князь Иван III уже мог полновластно распоряжаться городскими землями. В 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглинною, и постави меру от стены до дворов 100 сажень да 10» [Шмидт, с. 267]. В 1495 г. «князь велики велел дворы снести и церкви за Москвою против города» [Шмидт, с. 270].

В XVI столетии великий князь Василий III Иванович, став единственным полновластным владельцем Москвы, задумал возвести вокруг части городского посада, называемого «загородьем» [Гиршевич 2019, с. 10], оборонительное сооружение. В связи с преждевременной кончиной государя эту крепость строили уже по указу наследника малолетнего великого князя Ивана Васильевича и его матери великой княгини Елены. В течение весны-лета 1534 г. был построен «град землян» Китай [Гиршевич 2024, с. 214–218]. Находившийся в это время в Москве лях из Познани, Войтех, сообщил полоцкому воеводе Яну Глебовичу, что после строительства этого деревянного замка «все князи и бояре, и купцы богатый Московскіи все скарбы свои звозили в замок» [АЗР, т. 2, с. 332]. Такое действие должно было вызвать и обратный процесс, выезд из новой крепости наименее состоятельных и зависимых горожан. Большая часть москвичей вела подсобное хозяйство, что требовало огородной земли и угодий для выпаса домашней скотины, а наличие крепостных стен несомненно ограничивало такой способ ведения хозяйства.

Наиболее значительное переселение посадского населения Москвы происходило в связи с введением опричнины в 1565 г. «И которые улицы и слободы поймал государь в опришнину, и в тѣх улицах велѣл быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поймал в опришнину, а которымъ в опришнине быти не велѣлъ, и тѣх ис всѣх улицъ велѣл перевести в ыные улицы на посад» [ПСРЛ, т. 29, с. 344]. Помимо переселения зависимых людей и знати, разделенных на опришнину и земщину, переезжать пришлось и государевым службам.

После разорения Москвы в 1571 г., в котором, по некоторым оценкам иностранцев, «более трехсот тысяч людей там погибли только в названном пожаре без тех, которые были убиты или

уведены татарами» [Забытый источник, с. 141], городской посад заселялся принудительно новгородскими купцами и всякими ремесленниками «из других мест» [Забытый источник, с. 141].

Еще дважды в городе в конце XVI в. происходили процессы переселения жителей городского посада в связи с постройкой новых оборонительных укреплений. В конце 1579 – начале 1580 г. был построен земляной город, предшественник Белого города [Гиршевич 2024, с. 218–221]. Помимо этого оборонительного сооружения, выстроенного в связи с вступлением Речи Посполитой в Ливонскую войну, в 1590–1591 гг. из-за угроз со стороны крымских татар был построен Деревянный город (Скородум) по линии современного Садового кольца [Гиршевич 2024, с. 221–223].

На протяжении всего XVI в. московские государи вели процесс формирования столичных территорий за счет мобильности московского посада, в результате которого сложился привычный нам образ города, отображенный на планах Москвы XVII в.

Источники

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 2.

Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного / Публикация А. Каппелера, Р. Г. Скрынникова // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.

Литература

Гиршевич М. А. О московских топонимах и некоторых проблемах интерпретации письменных источников // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2018 г. М., 2019. (Труды Столичного археологического бюро; Т. 3). С. 6–18.

Гиршевич М. А. Земляные и деревянные города Москвы XVI – начала XVII века // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2024. Вып. 20. С. 211–228.

Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы. М., 2003.

Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 254–299.

А. Л. Грязнов (НП «НИЦ «Древности»), Н. В. Башнин (РАНХиГС)

СИНОДИК ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ НАЧАЛА XVI в.: НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 24-18-00416.

Одним из наиболее ранних сохранившихся синодиков является хранящийся в РГАДА и датируемый XVI в. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539). В рукописи не содержится прямого указания на то, в какой церкви или каком монастыре синодик был составлен. Существуют две основные версии – Ферапонтов монастырь и Кирилло-Белозерский монастырь. Также наиболее часто высказываются две версии датировки составления первоначальной части синодика: начало XVI в. и середина XVI в. Основное внимание к синодику в историографии связано с присутствием в нем поминания семьи известного живописца конца XV – начала XVI в. Дионисия.

Палеографический и кодикологический анализ рукописи, осуществленный Л. В. Мошковой, позволил выделить в ней четыре части. Бумага основной части рукописи (Л. 1–15 об., 24–92) по филиграням датируется 1480-ми и 1500–1510-ми гг. Хорошо определяется основной почерк рукописи (Л. 1–2 об., 4–4 об., 6, 9–11 об., 13–15, 24–60, 88–88 об.). Дополнения к основному тексту синодика написаны группой разнообразных почерков (Л. 3–3 об., 6 об.–8, 12–12 об., 60 об.–86 об.). Текст в конце синодика написан тремя почерками (Л. 86 об.–87 об., 89–92 об.). Кроме того, в синодике выделяется явно вставной блок листов (Л. 16–23 об.). Он другого цвета, практически не загрязнен. Датировка водяных знаков этой бумаги – 1520–1530-е гг.

Для анализа текста синодика и его датировки была составлена таблица, в которой зафиксированы все пометы (на полях, над строкой, в тексте), помогающие идентифицировать

внесенных в поминания лиц. В общей сложности выявлено 284 записи. Далее была проведена идентификация (годы жизни и кончины, родственные связи, поминания в других синодиках) заказчиков поминаний и упоминаемых в записях лиц. В результате удалось выявить ряд закономерностей и маркеров, помогающих вычлнить более ранний текст, внесенный в синодик при создании рукописи, а также уточнить датировку этого текста. Записи, сделанные основным почерком рукописи, связаны с лицами, которые действовали в последней четверти XV в. и кончина которых датируется этим временем: Михаил Борисович Плещеев (после 1474 г.), дьяк Алексей Полуектов (после 1475 г.), кирилловские игумены Кассиан и Игнатий, Пафнутий Боровский (1477 г.), Федор Басенок (1480 г.), дьяк Василий Беда (1480 г.), Мартиниан Белозерский (1483 г.), великая княгиня Мария Ярославна (1485 г.), дьяк Яков Кочергин (после 1486/1487 г.), князь Борис Васильевич Волоцкий (1494 г.), дьяк Андрей Майко (1502 г.). Дополнительные записи связаны с лицами, действовавшими или скончавшимися в первые три десятилетия XVI в. Самые ранние дополнительные записи связаны с персонами, скончавшимися после 1502 г.: великая княгиня Софья Палеолог (1503 г.), епископ Никон Коломенский (после 1504 г.), митрополит Спиридон (после 1504 г.). Таким образом, составление основного текста синодика можно относить к 1502 г.

Прямых данных о месте создания синодика в его тексте не обнаруживается. По косвенным признакам можно заключить, что это не Кириллов и не Спасо-Прилуцкий монастыри. Сопоставление изучаемого синодика с синодиком Ферапонтова монастыря XVII в. (РНБ. НСРК. F.325) показывает, что структура и состав поминаемых родов в них в значительной степени совпадают. Касается это как рубрикации (заголовков и их очередности), так и текста самих записей, их состава и порядка имен в них. Таким образом, не остается сомнений, что рукопись РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539 – это синодик Ферапонтова монастыря.

Рассмотрение записей, содержащихся в синодике Ферапонтова монастыря, не только подтверждает сведения широкого круга источников о родственных связях и хронологии жизни большого числа представителей знати и служилой бюрократии, дает возможность подтвердить ряд гипотез, но и позволяет выявить новые данные. Например, детали истории семей Григория Мамона и князя Ивана Васильевича Ромодановского, происхождение семьи белозерских землевладельцев Онтонидиных, иноческое имя Федора Басенка – Феогност; родословная Кутузовых, включающая перечисление предков с XIII в., уже существовала за несколько десятилетий до составления Румянцевской редакции родословных книг; устанавливается родство Паисия Ярославова с великокняжеским дьяком Леонтием Ярославовым, который назван братом Паисия. Сопоставление текстов двух ферапонтовских синодиков показывает, что рубрикация в позднем синодике только приблизительно отражает таковую в более раннем. Из-за пропуска заголовков и помет при переписывании поминаний в новый список, в последующем под одним заголовком могли быть объединены поминания совершенно разных родов.

Анализ сведений синодика Ферапонтова монастыря 1502 г. и сопоставление его с текстами других памятников коммеморации показывают важность обращения к наиболее ранним текстам синодичных записей и необходимость крайне аккуратного использования записей из синодиков XVII в., в которых велика вероятность искажения первоначальных текстов.

Д. Г. Давиденко (ИА РАН)

МОНАСТЫРЬ КАК МЕСТО КРЕЩЕНИЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Работа выполнена в рамках НИОКР 122011200385-1.

Крещение царских детей было важным событием жизни двора и показателем значимости храмов, где оно свершалось. Большую работу по систематизации соответствующих сведений и ряд важных

наблюдений сделала М. Г. Ракитина [Ракитина 2009а, с. 52, 61, 63–67; Ракитина 2009б, с. 413–432]. Выскажем свои предположения по поводу мотивации выбора мест и участников крещения и эволюции сложившихся практик.

В конце XIV – середине XVI в. младенцев великокняжеского дома обычно крестили старцы Троице-Сергиева монастыря, иногда в самой обители. В 1549 г. у Ивана IV родилась дочь Анна. Ее крестили в Новодевичьем монастыре в новопостроенном самим государем храме патронального посвящения «старец Андриан Ондросовы пустыни да старец Генадии Сараиские пустыни, а дѣствовал священническая игумен Троецкии Сергиева монастыря Серапион Курцов» [ПСРЛ, т. 29, с. 57, 156]. Разрядная запись описывает царский пир с участием митрополита Макария, князей Юрия Васильевича, Владимира Андреевича, церковных властей и поименно названных светских лиц [Жарков, с. 257–258]. Новизна ситуации связана с выбором места крещения, возведением на нем по этому поводу обетного храма, фиксацией событий не только в летописи, но и в разрядной записи.

В декабре 1552 г. царевича Дмитрия крестил в Троице-Сергиевом монастыре ростовский архиепископ Никандр [ПСРЛ, т. 29, с. 210–211], ранее его возглавлявший. Временный возврат к традиции мог быть вызван желанием крестить мальчика в мужском монастыре.

С середины XVI в. царевичей крестили в Чудовом монастыре: Ивана (1554 г.), Евдокию (1556 г.) и Федора (1557 г.) Ивановичей [ПСРЛ, т. 13, с. 239, 265, 283]. 1 ноября 1556 г. там была освящена церковь Иоанна Лествичника с приделом мученицы Евдокии «строения царского» [ПСРЛ, т. 13, с. 276], явно патронального характера. В 1559 г. в Чудовом монастыре крестили князя Василия, сына брата Ивана IV Юрия Васильевича [ПСРЛ, т. 13, с. 317]. С 1550-х гг. и в течение последующих почти 40 лет мы не имеем сведений об участии троицких старцев в крещении царевичей. Выбор Чудова монастыря мог быть связан с особым почитанием митрополита Алексия как покровителя державы и династии [Турилов, с. 644], вызванным воспоминанием о его роли в воспитании великого князя Дмитрия Ивановича и возглавлении боярского правления во время его детства. Предание об исцелении святителем Алексием ханши Тайдулы могло усилить его восприятие как чудотворца по отношению к восточной знати, что подтолкнуло в 1553 г. крестить казанского царя Александра Сафакиреевича у его мощей [ПСРЛ, т. 13, с. 229]. Прецедент перерос в традицию, распространившуюся со следующего года и на царских детей. Опала троицкого игумена Артемия могла временно охладить интерес царя к его обители. Смерть царевича Дмитрия в 1553 г., ранее там крещенного, вызывала нежелательные ассоциации.

Иван IV начал устраивать обетные храмы в местах крещения детей (в 1549 г. в Новодевичьем и в 1556 г. в Чудовом монастырях), хотя после крещения царевича Дмитрия в Троице в 1552 г. этого не произошло. Традиция не прижилась, видимо, потому что в определенном месте крещения (Чудов монастырь) площадь не расширялась, а династический род продолжался.

Внучку Владимира Андреевича Старицкого Евдокию в 1586 г. «крестили в Новом монастыре царица Леонида, царевича Ивана Ивановича» [ПСРЛ, т. 34, с. 191], возможно, по аналогии с царевной Анной в 1549 г. Вероятно, ее не хотели приравнивать к царским детям, потому и исключили Чудов монастырь.

14 июня 1592 г. «крестил царь... Федор Иванович... дочь свою царевну Феодосью в Чюдове монастыре», а в Грановитой палате был стол [Разрядная книга, с. 38]. Крестил царевну старец Троице-Сергиева монастыря Варсонофий Якимов [Горский, с. 63–64]. Тем самым Федор Иванович возродил традицию привлечения троицких старцев к крещению царевичей, прерванную в царствование его отца в 1550-е гг., но закрепил статус царской крещальни за Чудовым монастырем (где он сам и был крещен), введенный тогда же.

Как заметила М. Г. Ракитина, в XVII в. царских детей крестили только в Кремле [Ракитина 2009б, с. 413], в основном в Чудовом монастыре, но с участием троицких старцев. В 1654 г. царевич Алексей Алексеевич был крещен патриархом Никоном в Успенском соборе.

Восприемниками были царевна Ирина Михайловна и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Адриан [Дворцовые разряды, стб. 400–401]. Пересмотр места крещения царевичей хронологически совпадает с патриаршеством Никона, когда их крестили в Успенском соборе, а после оставления им кафедры до избрания нового патриарха в храмах на Сенях. Однако 4 сентября 1652 г. царь был на крещении Марфы Алексеевны в Чудовом монастыре [Выходы, с. 267]. Видимо, в первые месяцы патриаршества Никон еще не успел пересмотреть сложившуюся практику. Затем традиция возобновилась, и в 1672 г. царевич Петр (будущий Петр I) был крещен уже в Чудовом монастыре.

Источники

Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексиевича, всея Руси самодержцев. М., 1844.
 Дворцовые разряды по Высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1852. Т. 3.
 ПСРЛ. М., 1965. Т. 13; М., 1965. Т. 29; М., 1978. Т. 34.
 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3.

Литература

Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1890. Ч. 2.
 Жарков И. А. Малоизвестная разрядная запись середины XVI века // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 255–258.
 Ракитина М. Г. Обряды рождения и крещения царских детей в России в XVI–XVII вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 46–70. [Ракитина 2009а]
 Ракитина М. Г. Рождение детей в московской великокняжеской семье по летописям XIV–XV веков // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 413–433. [Ракитина 2009б]
 Турилов А. А. Алексей митрополит // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 637–646.

В. В. Денисенко (МГИМО), М. В. Моисеев (ИРИ РАН)

ИНСТИТУТ ШЕРТИ В ОТНОШЕНИЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С ПОСТОРДЫНСКИМИ СТРАНАМИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Освобождение от ордынской зависимости послужило толчком к формированию новой системы международных отношений между наследниками Золотой Орды. Каждая из сторон предпринимала серьезные усилия, чтобы добиться в этих контактах нового статуса. Чингизидские государства сохраняли дипломатические институты и ритуалы, которые восходили еще к ордынскому времени. Нечингизидские сообщества цепко держались за старые обычаи, хотя их права на особое положение подвергались сомнению всеми участниками международного диалога. В этих условиях русская дипломатия вырабатывала такую политику, чтобы последовательно снизить влияние на себя негативных ритуалов и процедур ордынской дипломатии и подчеркнуть свой независимый статус. Касалось это и разработки документов, с помощью которых эти отношения фиксировались и оформлялись. Особый исследовательский интерес имеет институт шертования, который сложился в рамках двусторонних отношений, а затем был использован при приведении в подданство различных нехристианских народов нашей страны.

Ранее всего шерть фиксируется в русско-крымских отношениях. В 1474 г. под шертью понимали процесс присяги на «докончальном ярлыке». Постепенно этим термином стали называть и присягу, и сам документ. К началу XVI в. сложилось общее понимание того, что такое шерть. В это время шертью называют специально составленный документ, в котором перечислялись обязательства одной из сторон. Шертовали, то есть присягали на нем, все представители знати, и это делало шерть действительной. Шертующие должны были подписать шертную грамоту и

оставить отпечаток своей печати: «руки свои приклали и мишени» [ПСРЛ, т. 13, с. 4]. Впрочем, подписывались на этом документе только грамотные, другие же могли «печати свои прикласти» [ПСРЛ, т. 13, с. 54]. На всеобщий характер этой процедуры указывает и такое описание возведения на казанский престол Шах-Али в апреле 1519 г.: «...сеита и уланов и князей и карачей и мурз и молн и шизот и всех земских людей к шерти приведоша» [ПСРЛ, т. 13, с. 32].

Шерти (шарт-наме) – документы, которые по своему характеру отличаются от договоров, регламентировавших междукняжеские отношения и связи России с европейскими государствами. Основное их отличие заключается в отсутствии хронологических рамок. Как правило, действие шерти ограничивалось временем жизни глав государств, их заключающих. Шерть – это клятва, присяга. Существовало разное понимание шерти в среде восточных правителей и московской дипломатии [Беляков]. Если для русских политических кругов очевидно стремление превратить шерть в договор, регулярна апелляция к ее положениям, то степняки достаточно вольно понимали ее значение. Как правило, нередко при жизни одного и того же бия шерть нарушалась, и вновь степные аристократы присягали. Со смертью же (или смещением) одного из руководителей было необходимо новое шертование.

В ходе развития отношений увеличивается и число шертей [Конев, с. 172]. Составлялись специальные акты для послов, которые присягали, что насилия и грабежей над русскими послами и их людьми не будет. Были шерти и для разных групп постордынской знати, и даже шерти отдельных лиц. Все это в конечном счете лишало статуса договорного между странами акта. Нельзя было заключить шерть между, например, Русским государством и Ногайской Ордой, но только между русским правителем и всей знатью Орды. Такое же понимание распространялось и на шерти других постордынских государств и сообществ. Таким образом, можно говорить о специфике международных отношений Русского государства с постордынскими странами, которая заключалась в персонифицированном характере рассматриваемых документов-шертей.

Литература

- Беляков А. В. Сибирские шерти XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 1. С. 125–131.
 Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Вып. 6. С. 172–177.

М. М. Дробышева (НИУ ВШЭ)

ДАТИРОВАННОЕ ГРАФФИТО ИЗ УСПЕНСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00862, <https://rscf.ru/project/25-18-00862/>.

Неофициальные надписи и рисунки-граффити Успенского собора во Владимире планомерно издавались А. А. Медынцевой [Медынцева 2010; Медынцева 2011] и С. Н. Вахтановым [Вахтанов], но, к сожалению, введенные исследователями в научный оборот источники, как кажется, не нашли должного отклика среди широкого круга исследователей, хотя ряд надписей представляют особый интерес. В частности, одно из граффити собора, вероятно, является уникальным примером позовницы, отраженной в храмовой эпиграфике [Дробышева].

В соборе присутствует и датированная надпись, которую А. А. Медынцева прочитала следующим образом: «лѣ^т 7³ма^т го сгоре стена горо^дна» (перевод: ‘лета семь тысяч сорок-аго сгорела стена городня’). По мнению исследовательницы, в надписи сообщается о неизвестном по другим источникам пожаре 7040 (1532) г., из-за которого сгорела то ли стена храма, выходящая на площадь, то ли деревянные укрепления – городни. А. А. Медынцева со ссылкой на работы Н. Н. Воронина привела данные о крупном пожертвовании, внесенном Еленой Глинской в Успенский

собор в 1532 г., и считала их косвенным подтверждением произошедшему пожару, потребовавшему ремонтных работ в храме [Медынцева 2011, с. 172–173].

Изображение рассматриваемого граффито было издано, к сожалению, только в прориси. Но, даже ориентируясь только на него, можно обратить внимание на некоторое несоответствие изображения надписи и историко-филологического комментария. А. А. Медынцева пишет: «Дата – 7040 – соответствует 1532 г., причем только первые три буквы-цифры относятся к дате, о чем свидетельствуют ясно видные титла над ними; следующие две – ГО (Г без титла) – буквенное обозначение окончания родительного падежа» [Медынцева 2011, с. 172–173]. Если над третьим символом в дате – его исследовательница читает как \bar{a} – действительно присутствует титло, то тогда год здесь должен читаться как 7041 (1533) г. Наличие титла подтверждается и изображением надписи. Еще важно заметить, что этот третий символ в записи года скорее является \bar{d} с характерными для XVI в. длинными ножками, а значит, в граффито зафиксирован 7044, то есть 1536 г.

В восточнославянской храмовой эпиграфике поводами для создания настенных надписей могли становиться самые разные события, но надписей о пожарах мы знаем совсем немного. О пожаре, в результате которого 25 мая 6668 г. сгорела Троицкая церковь, сообщает надпись из Георгиевского собора Юрьева монастыря [Гиппиус, Щеголькова, с. 470–471]. В церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде сохранилась надпись о том, как в 6971 (1473) г. сгорела Федорова улица [Медынцева 1985, с. 444–445; Рождественская, с. 340]. Граффито из Владимира – третий известный нам пример подобных надписей.

Если известия о пожарах двух новгородских граффити не имеют аналогов в летописях, то владимирское граффито, напротив, подтверждает сведения книжных источников. В Никоновской летописи присутствует подробное описание случившегося 13 апреля 1536 г. пожара во Владимире: «загорѣся градъ Владимиръ, градская стѣна промежь берегъ... згорѣло стѣны отъ рѣкы отъ Клязмы и разметали 170 городень да четыре стрѣлници, да на Пречистѣй на съборной церкви половина кровли згорѣла, а на Дмитріи Святомъ вся кровля згорѣла, а иконы и съсуды церковныя и книги Божіимъ милосердіемъ выносили всѣ цѣлы, а Рожественаго монастыря половина згорѣла, а града осталось Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Матери Его заступленіемъ 265 городень да семь стрѣлницъ» [ПСРЛ, т. 13, с. 110–111]. Несмотря на масштаб пожара, охватившего весь город, в летописном сообщении особый акцент делается именно на уничтожении части городской стены. В граффито Успенского собора мы видим тот же акцент.

Уже к августу 1536 г. по царскому указу горододелец Истома Курчев восстановил сгоревшую крепость [ПСРЛ, т. 13, с. 111]. Надо думать, что граффито в Успенском соборе было оставлено если не сразу после пожара в апреле 1536 г., то точно до августа, когда городские стены уже были восстановлены.

Литература

- Вахтанов С. Н. Граффити Успенского собора города Владимира // *Материалы исследований*. Владимир, 2012. Вып. 18: Научно-практическая конференция (28–29 ноября 2011 г.). С. 100–104.
- Гиппиус А. А., Щеголькова Е. Ю. Каталог надписей-граффити // *Росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря: археология и искусство*. М., 2024. С. 452–541.
- Дробышева М. М. Кто и куда звал попа и дьякона? Об одном граффито из Успенского собора во Владимире // *Graphosphaera: Письмо и письменные практики*. 2024. Т. 4. Вып. 2. С. 400–405.
- Медынцева А. А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // *Славяне и Русь*. М., 1985. С. 440–450.
- Медынцева А. А. Граффити белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье*. XXII чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2010. С. 187–193.
- Медынцева А. А. Надписи-граффити Успенского собора во Владимире // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. М.; СПб., 2011. Вып. 3. С. 171–180.
- Рождественская Т. В. Надписи и рисунки в церкви Федора Стратилата на Ручью // Царевская Т. Ю. *Роспись Церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века*. М., 2007. С. 339–382.

Л. И. Журова (ИИ СО РАН)

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ МАКСИМА ГРЕКА В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЯ

Исследование выполнено по госзаданию «Прошлое в рукописных источниках XVI–XX веков: сохранение и развитие традиций». № FWZM-2024-0006.

Богатое рукописное наследие Максима Грека сохранилось в составе прижизненных кодексов (Румянцевского, Иоасафовского, Хлудовского собраний), сводов, составленных русскими книжниками в конце XVI – начале XVIII в. (Соловецкого, Рогожского, Думина, Парижско-Синодального, Музейного, Полного, Троицкого, Поморского), и сборников смешанного состава. Установлены основные направления развития истории текста писателя в рукописной традиции систематизированных собраний. Первоначальные варианты сочинений писателя находятся в Румянцевском и Иоасафовском собраниях сочинений Максима Грека, последние авторские варианты представлены Хлудовским. И Хлудовский кодекс послужил основой для составления поздних сводов, хотя текст сборника – РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 285, середина XVI в. – не послужил для них антиграфом. Некоторые главы прижизненных собраний в поздних сводах представлены в иных редакциях: «Сказание о рукописании греховном», «Послание Григорию о строке 89 псалма», «Послание Георгию о “Луцидарисе”». На основе текстологического анализа определены основные направления и тенденции в развитии авторского текста в книжной культуре XVI–XVII вв., особенности его рецепции.

Наиболее интересны результаты исследования сочинений, не вошедших в своды трудов писателя или представляющих оригинальные варианты и редакции глав собраний. В первую очередь надо отметить сочинения, которые включены в систематизированные собрания как дополнительные статьи. Так, в Соловецком собрании (РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 494/513, третья четверть XVI в., 74 главы) на дополнительной тетради, датируемой по филигране 1568 г. [Шашков, с. 21, Сеницына, с. 265], появляется 75-я глава: «Максима Грека Святыя Горы. Послание нѣкоторой инокине, в немъ учит не скорбѣти о умерших». Другой список этого сочинения сохранился только в Поморском кодексе (1721 г.), и новых чтений он не представляет. В Собрании Архивное 2 (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1622, 20-е гг. XVII в.) находим уникальное «Послание князю Димитрию о скорбех» (второй список – Поморский кодекс) и «Послание к начальствующимъ правовѣрно о исправлении» (второй список – Поморский кодекс). Последнее входит в дискурс «поучительные слова начальствующим» как подготовительный этап работы Максима Грека над темой, известной по 24-й («Слово к начальствующему на земли») и 25-й («Главы поучительны к начальствующим правовѣрно») главам Иоасафовского собрания.

В уникальной рукописи РНБ. ОСРК. Q.I.219, сборнике-конволюте XVI и XVII вв., помимо ряда глав Хлудовского и Румянцевского собраний, сохранились тексты в единственном списке – «Послание игуменьи Евникии», «Об античных мифах».

Большой интерес представляют сборники смешанного содержания XVI в. РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 21/1098 и ГПНТБ СО РАН. F.IV.3. В их составе сохранилось несколько сочинений Максима Грека, отличающихся уникальностью чтений и восходящих к авторскому архетипу текста. Так, в этих рукописях «Слово на арменское зловерие» (66-я глава Хлудовского кодекса) и «Слово против льстиваго списания Николая Немчина» (68-я глава Хлудовского кодекса) передают большой ряд чтений, отличных от глав прижизненного Хлудовского собрания, правленного рукой Максима Грека. Как показал анализ текстов, списки сборников представляют первоначальные варианты сочинений писателя.

Уникальные тексты «Ответов христиан агарянам» (67-я глава Хлудовского кодекса) обнаруживаем в сборниках ГПНТБ СО РАН. F.IV.3 и РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1149, 70-е гг. XVI в. (в нем находится собрание посланий митрополита Даниила [Даниил, с. 836]). От

Хлудовского списки сборников отличаются первоначальными вариантами чтений, часть из них совпала со списком Румянцевского собрания, сохранившего архив писателя. Не исключена вероятность, что архетипичные тексты приведенных сочинений находились также в составе прижизненного Румянцевского собрания, но были утрачены, вероятно, в конце XVI в. при переплете рукописи [Синицына, с. 181].

Важным моментом истории текста сочинений Максима Грека стала правка в Соловецком (РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 494/513, третья четверть XVI в.) и Синодальном (ГИМ. Синодальное собрание. № 491, рубеж XVI–XVII вв.) собраниях. Она, как установлено, проведена при сверке глав этих собраний с архетипичными текстами, вошедшими в состав сборников XVI в.

Таким образом, бытование первоначальных вариантов сочинений Максима Грека в составе сборников смешанного содержания представляет самостоятельную линию в рукописной истории текстов писателя, связанную, вероятно, с книжной культурой Кирилло-Белозерского, Владимиро-Суздальского, Спасо-Евфимиева монастырей.

Литература

- Даниил, митрополит Московский. Сочинения / Исслед., подгот. текстов Л. И. Журовой. М., 2020.
 Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.
 Шапков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013.

Д. В. Игнатъев (НИУ ВШЭ)

«ЕВРОПА» И «ЕВРОПЕЙЦЫ» В РЕЛИГИОЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МАКСИМА ГРЕКА

Одной из перспективных тем в изучении текстуального наследия Максима Грека остается его отношение к Западной Европе, «латинянам» и ренессансной философии. Предмет настоящего исследования – взгляд Максима Грека на понятия «Европа» и «европейцы» в его сочинениях. В 9-й главе Иоасафовской рукописи, «Слове о том же к благоверным на богоборца пса Моамефа, здесь же отчасти и Сказание о кончине века сего» [Преподобный Максим Грек, т. 2, с. 117–124], мы находим необычный взгляд Максима Грека на понятие «европейцы». «Слово» было написано Максимом в 1530–1540-е гг. в качестве второго антимагометанского сочинения для оправдательного комплекса из 12 текстов. В отличие от 8-й главы Иоасафовской рукописи, святогорец, как отмечала Н. В. Синицына, избрал эсхатологический подход для критики ислама [Синицына, с. 364–365]. Святогорец представил Магомета не просто как ложного пророка, но как предвестника антихриста и, следовательно, скорого конца света.

Описывая всемирный упадок христианства, Максим подробно рассматривает историю христианской религии на Востоке и Западе. Повествуя о распространении христианства от «верных восточных народов», он пишет, что «свѣтъ благовѣриа» разлился «къ намъ еуропианомъ», тем самым либо имплицитно относя его русских читателей к общности «европейцев», либо называя «европейцами» греков, к народу которых Максим принадлежал от рождения. Далее, рассказывая о том, как ислам покорил многие народы, Максим отмечает, что «царство православных царей» было разделено на многие части и покорено агарянами. В то же время «останки западных Римскихъ дръжавы» разделились на многие государства, а «западные короли» воюют между собой, подобно «прежним нашим еуропианом, царемъ же и государемъ и князем, греком же и бльгаром и сербовом». Максим ни разу не называет европейских королей и жителей европейских королевств «европейцами», но, напротив, именует «европейцами» только православных греков, сербов и болгар. В «Послании великому князю Василию III по поводу

нашествия крымского хана» Максим называет войско императора Ираклия I, отправившегося в поход против Хосрова «в Азию», «европейским воинством» [Преподобный Максим Грек, т. 1, с. 149]. Можно предположить, что Максим относил к общности «европейцев» только православных ромеев, наследников Римской империи, и их православных подданных, входивших в «византийское содружество наций». Сконструированная Максимом «европейская» идентичность сочетала в себе как конфессиональный, так и цивилизационный (имперский) компоненты. Однако афонец не относил ни русского государя, ни жителей Московской Руси к «европейскому» миру.

Взгляды Максима Грека несколько отличались от традиционных византийских взглядов на «Европу» и «европейцев». Греческие писатели не называли Ромейскую державу Европой, а себя европейцами. Они описывали Ромейскую державу как единственную наследницу Римской империи, подразумевая ее вселенское господство [Nicol]. Однако личный опыт Максима Грека, в том числе годы, проведенные в Италии, способствовал расширению его историко-географического кругозора. После окончательного падения Византии, лишенной политической субъектности, центр христианского мира оказался на Западе, но сам афонец не мог признать его подлинной Европой в римском смысле, поскольку, с его точки зрения, западные христиане отпали от истинной веры. Таким образом, Максим Грек осмыслял Европу не столько в географических, сколько в конфессионально-цивилизационных категориях. Православные греки, сербы и болгары входили в круг «европейцев», тогда как латиняне оставались чуждыми, а Московская Русь, хотя и сохраняла православие, не вписывалась в этот концепт, потому что не являлась частью Римской империи.

Источники

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1; М., 2014. Т. 2.

Литература

Синицына Н. В. Текстологические комментарии // *Преподобный Максим Грек. Сочинения.* М., 2014. Т. 2. С. 347–411.

Nicol D. M. The Byzantine View of Western Europe // *Greek, Roman, and Byzantine Studies.* 1967. Vol. 8. No. 4. P. 315–339.

Е. В. Камараули (ВГУ, ЕГУ им. И. А. Бунина)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина».

Освоение территории «Поля» в конце XVI – начале XVII в., строительство городов и формирование вокруг них уездов активно изучаются в последние десятилетия [Глазьев; Зенченко]. Однако земельная политика государства и ее роль в оформлении служилых сообществ в этом регионе ранее не были предметом специального исследования. Уклад жизни, реальный быт людей, осваивавших степные окраины, предполагал, что население этих территорий в значительной степени самостоятельно обеспечивало себя, ведя хозяйство, и одновременно было вооруженным и организованным, способным нести службу, обороняя границы государства. Этот уклад породил довольно однородную социальную структуру, что могло привести к созданию вокруг каждого из городов единого служилого сообщества. Однако правительство, распоряжаясь земельным фондом, целенаправленно разделяло различные группы служилых людей.

Прежде всего, речь идет о противопоставлении «города» и «уезда» [Камараули]. Кроме того, внутри городских и уездных территориальных корпораций создавались различные служилые

группы, которые наделялись различающимися правами и обязанностями. Например, беломестные атаманы и казаки, поместные казаки, владевшие землей в уезде, наряду с детьми боярскими. Поместные казаки, верстаясь и испомещаясь аналогично детям боярским, получили разрешение владеть частью своих земель на вотчинном праве, но при этом могли получать реальные земельные «дачи» локализованно – только из тех земель, которые специальными указами отводились под казачье землевладение. Слой уездных слободских атаманов, сочетавших черты воинов и земледельцев, стоял особняком и от городских «приборных» людей, чьи «поля» не выходили за пределы городских земель, и от детей боярских, поскольку верстались атаманы коллективно и пониженными окладами. Наделяемые землей на правах «приборных», атаманы владели землями в уезде, как и служилые «по отечеству». Таким образом, земельные права имели первостепенное значение для фрагментации складывающейся на окраинах социальной структуры.

Источниковую базу исследования составили дозорные и писцовые книги за первую половину XVII в. ряда уездов Юга России; дозоры были опубликованы исследователями, писцовые, в частности, привлечены Ливенская и Воронежская книги, не опубликованы (РГАДА. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104; Д. 233–234. Л. 1–1753 об.). Была поставлена задача проследить возникновение отдельных групп с особым землевладением внутри южнорусских уездных служилых сообществ.

Изучая процесс превращения окраин в государственную территорию России, мы проанализировали земельную политику правительства как стержень социальной стратификации населения. Перечисленные выше служилые группы были достаточно устойчивыми. Как правило, беломестные атаманы и поместные казаки оставались таковыми, а случаи их перехода в состояние детей боярских скорее исключительные. Но их земельные владения обладали большей мобильностью. Исследование показало, что принадлежность конкретных земель той или иной служилой группе могла меняться в течение небольших временных промежутков, равных примерно двум десятилетиям. Наиболее частыми были перемещения земель между поместными казаками и детьми боярскими. Государственными распоряжениями во владение поместных казаков могли передаваться редкие на Юге владения московских чинов. Эта подвижность землевладения была важнейшим инструментом правительственной политики, использовавшимся для интеграции окраинных земель в состав государственной территории.

Литература

- Глазьев В. Н. Станы Центрального Черноземья в XVII веке как территориальные единицы: формирование и степень заселенности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2024. № 1. С. 33–37.
- Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008.
- Камараули Е. В. Город и уезд на Юге России в конце XVI – начале XVII в.: формирование служилого землевладения городских приборных чинов Воронежа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 28–40.

А. Л. Корзинин (СЗИУ РАНХиГС)

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ XVI–XVII вв. В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ И МУЗЕЙНЫХ ФОНДАХ РФ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-18-00416 «Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти».

К коммеморативным источникам мы относим синодики соборов и монастырей, обиходники, записные, вкладные и кормовые книги, памятники эпиграфики и монастырской археологии.

Русские коммеморативные источники исследовались в работах Ф. И. Успенского, Е. В. Петухова, А. В. Горского, Н. М. Никольского, архимандрита Леонида (Кавелина), С. Б. Веселовского, А. А. Зимины, Т. В. Николаевой, С. В. Конева, А. Г. Авдеева, А. И. Алексеева, Л. А. Беляева, В. И. Вишневого, В. В. Дергачева, И. В. Дергачевой, З. В. Дмитриевой, А. В. Кузьмина, Н. В. Левицкой, А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, А. В. Маштафарова, А. Г. Мельника, С. В. Николаевой, Ф. В. Панченко, Г. А. Романова, Ю. Д. Рыкова, С. В. Сазонова, С. В. Стрельникова, С. Б. Сукиной, С. З. Чернова, Т. И. Шабловой, И. Н. Шаминой, С. Ю. Шокарева, немецкого слависта Л. Штайндорфа, Т. Дайкстра и многих других историков. В последнее время были изданы и введены в научный оборот десятки синодиков XVI–XVIII вв., однако подавляющее большинство синодиков-помянников, вкладных и кормовых книг русских обителей все еще не опубликованы и недостаточно изучены. Дело не только в значительном объеме этих рукописных источников (нередко объем синодиков составляет 300–500 листов), но и в распыленности документов, нахождении синодиков, вкладных и кормовых книг, принадлежавших одному монастырю, в разных архивохранилищах и музеях нашей страны. Исключением являются разве что коммеморативные источники Троице-Сергиева монастыря, хранящиеся преимущественно в Отделе рукописей РГБ. Синодики, вкладные, записные и кормовые книги, обиходники XVI–XVII вв. Иосифо-Волоколамского монастыря содержатся в фондах Отдела рукописей ГИМ, РГАДА, Отдела рукописей РГБ, а древнейший синодик и вкладная книга обители – в ИРЛИ РАН.

Синодики, вкладные и кормовые книги, обиходники XVI–XVII вв. Кирилло-Белозерского монастыря сосредоточены в Кирилло-Белозерском и Софийском собраниях Отдела рукописей РНБ, однако вкладная книга рубежа XVI–XVII вв. находится в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН, обиходник 1570-х гг. – в РГАДА, синодик XVII в. – в Отделе рукописей ГИМ, еще три синодика – в КБГИАХМЗ.

Синодики суздальских и владимирских соборов и монастырей (суздальского Рождественского собора, Покровского, Боголюбовского, Ирнинского девичьих монастырей, Успенского собора Владимира и др.) хранятся в музейных фондах ГВСИАХМЗ. Три синодика XVII–XVIII вв. суздальского Рождественского собора оказались в Отделе рукописей ГИМ.

Распылены и фонды переславских монастырей. Синодики XVII в. Данилова, Федорова, Никитского, Успенского Горицкого монастырей доступны в ПЗГИАХМЗ. Вкладные книги XVII в. Данилова, Федорова и Никитского монастырей переданы в Научно-исторический архив СПбИИ РАН. Ранний синодик Горицкого монастыря оказался в Отделе рукописей ГИМ, еще один синодик Никитского монастыря – в ГВСИАХМЗ.

Синодики-помянники XVI–XVII вв. ростовских Успенского собора, Борисоглебского, Богоявленского Авраамиева монастырей находятся в фондах ГМЗ «Ростовский Кремль», но две вкладные и одна кормовая книги Борисоглебского монастыря хранятся в Отделе рукописей РНБ, а синодик Авраамиева монастыря 1649 г. – в Отделе рукописей ГИМ.

НГОМЗ включает в себя коллекции с синодиками XVII–XVIII вв. новгородских Кирилло-Новоезерского, Сыркова, Сокольничкого, Иверского, Антониева монастырей. Однако синодики XVII в. Тихвинского Успенского монастыря попали в Научно-исследовательский отдел рукописей БАН, синодик новгородского Савво-Вишерского монастыря – в Отдел рукописей РНБ.

Коммеморативные источники бывшего Калужского княжества оказались разбросаны по музеям и архивам: две вкладные книги XVII в. Пафнутьево-Боровского монастыря переданы в Отдел рукописей ГИМ, синодик XVI–XVII вв. того же монастыря хранится в КОМЗ. Синодик Лихвинского Покровского Доброго монастыря находится в КОМЗ, вкладная книга Доброго монастыря – в ГАКО.

Указанная выше проблема распыленности коммеморативных источников вызывает потребность в составлении и издании каталога монастырских синодиков, вкладных, кормовых книг, обиходников и т. д. с указанием их местонахождения, наличия списков, копий, публикаций. Желательно и постепенное введение в научный оборот ранее не публиковавшихся поминальных документов, их опубликование с научным комментарием, включение палеографического описания

рукописей. Целесообразно издавать целые комплексы синодиков, вкладных и кормовых книг отдельных монастырей и соборов. Созрела необходимость в научных работах, где исследовались бы взаимосвязи между внесенными в синодики, вкладные и кормовые книги определенных монастырей вкладчиками, устанавливались места их погребений и пострижений в схиму.

Список сокращений

ГАКО – Государственный архив Калужской области

КБГИАХМЗ – Кирилло-Белозерский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

КОМЗ – Калужский объединенный музей-заповедник

НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

ПЗГИАХМЗ – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

О. Ф. Кудрявцев (МГИМО)

«ВОЛГА НЕ МОЖЕТ ВПАДАТЬ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ»: ГИДРОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛА ФРАНЧЕСКО ДА КОЛЛО

Сочинение императорского посланца Франческо да Колло «Переговоры о мире между Светлейшим Королем Сигизмундом и Великим Князем Московским Василием», составленное по итогам его дипломатической миссии в Москву в 1518–1519 гг., которая была предпринята с целью урегулирования затянувшегося военного конфликта между Россией и Польско-Литовской унией, представляет большой интерес, в частности рассуждениями о физической географии Восточной Европы.

В своем труде Да Колло присоединяется к давней, связанной с географическими представлениями Античности традиции, которая доказывала наличие в Восточной Европе горных систем, именуемых Рифейскими и Гиперборейскими, с которых будто бы берут начало великие реки региона, и, по убеждению Да Колло, самая важная среди них – Танаис, или Дон. И это он утверждал несмотря на то, что незадолго до его труда, в 1517 г., польский космограф Матвей Меховский опубликовал сочинение «Трактат о двух Сарматиях», в котором демонстрировал несостоятельность всякого рода попыток доказать наличие указанных выше гор. Приверженность Да Колло картине физической географии Восточной Европы, разработанной древними, обусловлена тревогой об устойчивости средиземноморской гидросистемы, зависящей, по его мнению, в сущности от одной реки Танаис/Дон. Для Да Колло исследование реки Танаис представляло чрезвычайный интерес – не только познавательный, но и, без преувеличения, экзистенциальный. И вот почему. По его убеждению, а возможно, не только его, именно водами реки Танаис (= Дон) наполняются все средиземные моря (*sic!*), к числу коих он относил Евксинское (= Черное) море, Пропонтиду (= Мраморное море), Меотийские болота (= Азовское море), а также собственно Средиземное море со всеми входящими в него прибрежными водоемами. Да Колло доказывает свою мысль следующим рассуждением: верно ли, что от реки Танаис «происходят и берут начало и истоки наши средиземные моря, начиная с Евксинского, которое в Азии омывает Трапезундскую империю и в Европе империю Константинопольскую и которое создает Пропонтиду и море, заключающееся между Босфором Фракийским и Геллеспонтом, и своим продолжающимся течением [переходит] в Эгейское море, потом в Ионическое... потом еще в Адриатическое, в глубине которого находится чудесный город Венеция, госпожа и царица этого моря (*patrona, e Regina di esso mare*), далее в Сицилийское Тирренское, Лигурийское, Галльское, Сардийское, Балеарское, Испанское, или Иберийское, Гадитанское, или Геркулесово, Атлантическое; или же, – продолжает свою мысль Да Колло, – эти моря рождаются и происходят из Южного океана, и сам этот Океан входит и протекает через

Гадитанское море [= Гибралтарский пролив]? Кажется ясным и всеми признается, что именно в нем берут истоки и начало [наши моря]» [Da Collo, p. 59v–60v]. Однако это общее мнение Да Колло считает безосновательным (*parmi, che la commune opinione possa mancar di fondamento*). Ведь хотя, согласно Да Колло, «Южный Океан входит в наши средиземные моря через Гадитанский пролив (*golfo Gaditano*), тем не менее благодаря своему отливу он из них же и выходит, и возвращается, так что если бы указанные прежде средиземные моря не имели выше [своего] начала и источника, они остались бы вследствие выхода и отлива воды в Океан сухими и безводными» [Da Collo, p. 59v–60v]. Ситуация невозможная, особенно для Венеции и подобных ей приморских городов, ибо представить страшно, что стало бы с этой «госпожой и царицей» Адриатики, лишись она моря, власть над которым являлась основой ее могущества и процветания. С этим связаны беспокойство Да Колло, так скажем, экологической катастрофой, которая, пусть теоретически, могла угрожать Венеции, а также его внимание к тем водным артериям, которые, по его убеждению, питают средиземные моря: «...источник сих морей, – рассуждает он, – может находиться в болотах Меотийских (= Азовском море), именуемых скифами сей страны Тамиринда (*Tamirinda*), которая на нашем (то есть итальянском. – *О. К.*) языке означает “мать морей” и происходит от знаменитой реки Танаис, порождающей и производящей Евксинское море, от которого ведут происхождение все другие моря, поскольку оно имеет более высокое положение, чем Южный океан, расположенный в более низких местах, и сие мое мнение подтверждается тем, что Евксинское море постоянно течет в направлении Босфора Фракийского и Пропонтиды, а от Пропонтиды к Геллеспонту, или Эгейскому морю, которое к другим [средиземным] морям спускается без [какого-либо] противного ему течения или отлива...» [Da Collo, p. 60r–v].

Да Колло рисует грандиозную картину движения колоссальных водных масс в Восточной и Южной Европе и в омывающих ее морях. Оказывается, все они зависят в сущности от одной реки Танаис/Дон, которая аккумулирует основные восточноевропейские водные ресурсы, ибо она забирает в себя, как сказано, Волгу со всеми ее притоками, а с нею вместе и другие реки, в них впадающие. И вот вся эта громада воды, согласно Да Колло, через Танаис/Дон вливается в Азовское и Черное, а с ними вместе – во все средиземные моря. Вот почему, по утверждению Да Колло, «Волга не может впасть в Каспийское море» (*non potendo in oltre la Volga entrar nel mar Caspio*) [Da Collo, p. 56r].

Все сказанное выше дает основание Да Колло восславить «достоинство и величие реки Танаис» (*honore, e grandezza del fiume Tanai*) [Da Collo, p. 60r] – и не столько как признанной в древности и в его время границы Европы и Азии, но прежде всего как главного подателя воды для средиземноморского бассейна, обеспечивающего жизнь и процветание расположенных по его периметру городов и государств, и более других – Венеции.

Источники

Da Collo Fr. Trattamento di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia, et Gran Basilio Principe di Moscouia ... Padoa, 1603.

С. С. Кутаков (ИВИ РАН)

ЛОКАЛЬНОЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XVI в. (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКИХ ВОТЧИННИКОВ МАЛЕЧКИНЫХ)

Служилые люди Московского государства XVI в. не представляли собой единую однородную массу, что хорошо иллюстрируют тверские писцовые материалы [Кром].

Малечкины – достаточно многочисленные тверские вотчинники [Матисон 2021, с. 46–55]. Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 гг. называет десять представителей этого рода

(включая трех жен Малечкиных, урожденных под другими фамилиями) [Писцовые материалы, с. 662–663]. Точно определить их родственные связи друг с другом затруднительно [Матисон 2020].

Вотчины Малечкиных располагались на границе волостей Воловичей и Захожья Тверского уезда: с. Троицкое, сц. Панино, сц. Страхово и может быть сц. Ремязино в Воловичах, а также с. Малечкино в Захожье [Кутаков, Степанова, с. 293–294]. Возможно, ранее они входили в состав одной вотчины, а к середине XVI в. распределились между отдельными представителями рода Малечкиных. Анализируя комплекс сохранившихся документов, связанных с их землевладением, можно расширить список представителей этого рода и условно реконструировать генеалогию Малечкиных, увязав ее с величиной и географическим положением земельных владений отдельных представителей.

В дозорной книге 1551–1554 гг. земельные владения Малечкиных описаны в основном в рубрике «села и деревни князей и бояр и детей боярских тверич». Их объединяет служба тверскому архиепископу. Среди них нет помещиков, за исключением Ивана Гаврилова сына. Однако он – помещик тверского владыки. При этом сказано, что он служит царю и великому князю, но это, скорее всего, ошибка переписчика [Писцовые материалы, с. 252].

Среди Малечкиных особенно выделялся Петр Матвеевич (ум. 1531/1532 г.). Он происходил из среды рядовых тверских детей боярских. Был женат на представительнице рода Желнинских [Шумаков, с. 68, № XIX] – тверских землевладельцев, вотчины которых располагались в волости Захожье, по соседству с вотчинами Малечкиных [Писцовые материалы, с. 147]. Петр Матвеевич, в отличие от своих родственников, служил великому князю. Он участвовал в войне против Казанского ханства 1523–1524 гг. [АФЗХ, с. 87, № 91]. Его дочь Марья (ум. 1563/1564 г.) была замужем за князем И. И. Кашиным-Оболенским (ум. 1565 г.), ставшим одной из первых жертв опричнины.

Примечательно, что вотчина Петра Матвеевича дважды отписывалась на великого князя. В первый раз после его смерти в 1531/1532 г., но в 1534 г. возвращена его жене Алене [АФЗХ, с. 88, № 91]; второй раз – после смерти Алены, которая в соответствии с завещанием мужа разделила вотчину между Иосифо-Волоколамским и Троице-Сергиевым монастырями [Шумаков, с. 68–69, № XIX], откуда ее «взял царь и великий князь на себя» в 1563/1564 г. [Титов, с. 62]. В 1615 г. половина этого земельного владения была в поместье за Иванисом Григорьевым сыном Одогуровым (Дозорная книга Тверского уезда 1615 г. // РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 467. Л. 13 об.–14).

Наблюдение за развитием вотчины Малечкиных в Тверском уезде показывает, как, с одной стороны, в роду местных вотчинников сохраняется традиция службы тверскому архиерею, а с другой – проявляется консолидация служилого сословия под властью «государя всея Руси».

Источники

АФЗХ. М., 1956. Ч. 2.
Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005.
Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1: Акты 1506–1647 гг.

Литература

Кром М. М. Частная служба в России XVI века // Русское Средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 422–432.
Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. М., 2016. Т. 3. С. 280–317.
Матисон А. В. Наследственная служба дворян при архиерейских домах в XVI–XVIII вв. (тверской род Малечкиных) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М., 2020. С. 264–266.
Матисон А. В. Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021.
Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Русского археологического общества И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5.

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫЕ В СОБОРНИКАХ
ДРЕВНЕЙШИХ ПЕРЕМЫШЛЬСКИХ СПИСКОВ «АПОСТОЛА» ФРАНЦИСКА
СКОРИНЫ (XVI в.)**

В марте этого года исполнилось ровно 500 лет с момента выхода в свет в г. Вильно (современном Вильнюсе) первой точно датированной печатной книги – церковнославянского «Апостола», подготовленного и изданного доктором Франциском Скориной.

Скорининский «Апостол» использовался в церковном богослужении, что подтверждается в том числе многочисленными маргинальными пометами на его печатных и рукописных экземплярах. Наши более чем полувековые наблюдения позволяют утверждать, что в отдельных регионах современной Европы скорининский «Апостол» сохранял свое значение в качестве общественно богослужебного вплоть до XVIII в. Именно таким он долгое время оставался и в Восточной Галиции, где, в частности, активно переписывался уже в первой половине – середине XVI в. Перемышльская православная епархия в XVI–XVII вв. была и одной из наиболее значимых территорий распространения как печатных экземпляров скорининского «Апостола» 1525 г., так и многочисленных его списков. Впоследствии в этой самой западной части Восточной Славии скорининские издания оказались незаменимой опорой возникновения местного национально-культурного движения, опиравшегося во многом в основе своей на кирилло-мефодиевское книжно-литературное наследие.

Тогда же, в начале XIX в., в Перемышле организуется знаменитая Капитульная библиотека, в которую с обширных пространств Перемышльской епархии стекаются огромные книжные богатства, в том числе издания Франциска Скорины и рукописные списки с них. Последние в середине XIX в. были впервые описаны известным галицким ученым А. С. Петрушевским (Archiwum Państwowe w Przemyślu. F. 143. Sygn. 431. K. 2r–2v). Много позднее собрания Капитульной библиотеки были перемещены в другие хранилища, в том числе в Национальную библиотеку в Варшаве, где сейчас в Отделе рукописей хранятся и интересующие нас полные древнейшие перемышльские списки «Апостола» 1525 г. Франциска Скорины, в том числе сделанные в XVI в. (Sygn. Акс. 2769, Акс. 2806, Акс. 2966).

Полный список Акс. 2769 отличается тем, что имя Франциска Скорины указывается сразу же на его титульном листе, так, как это сделал он сам в печатном оригинале своего «Апостола». Правда, позднее место это в списке зачеркивается, хотя все равно весь данный киноварный текст читается вполне отчетливо (Л. 1). Имя Скорины указывается далее, но также зачеркивается (Л. 53 об. и другие). С л. 188 списка «Починается съборникъ дванадцеть месяц звестуя избранным святым и праздником», в котором на сильно дефектном л. 194 об. читается: «В тойж день успение вели[каго Влади]мира, самодержца киевскаго, оньж крестиль руск[ую землю]» (15 июля); «святых муч князей русских бориса и глеба» (24 июля). Эти скопированные тексты за исключением некоторых орфографических изменений полностью соответствуют печатному скорининскому оригиналу. Правда, Скорина, в отличие от переписчика, последовательно употребляет заглавные буквы, в том числе именуя князя «Владимира» и «Рускую землю».

Полный список Акс. 2806 имени Скорины не содержит, но представляет собой довольно точную копию его «Апостола», с л. 253 об. которой «Починается съборникъ», включающий на л. 262 об. тексты упоминаний святого князя Владимира (15 июля) и святых князей Бориса и Глеба (24 июля), идентичные приведенным в печатном скорининском оригинале с некоторыми орфографическими особенностями и без употребления заглавных букв.

Полный список Акс. 2966 также не содержит имени Скорины. В нем «Починается съборникъ» на л. 276, а на л. 285 об. под 15 июля кратко значится имя святого князя Владимира без каких-либо уточнений: «владимиру (первая буква, “в”, киноварью), а под 24 июля: «Святых муч князей русских бориса и глеба».

Как видим, переписчики печатного «Апостола» Франциска Скорины вслед за ним последовательно употребляли название этой завершающей его части – «сборникъ», роднящее с аналогичным, использовавшимся на Руси уже в XI в., например, в Остромировом Евангелии. Вместе с тем переписчики не добавляли в свои месяцесловы никаких новых восточнославянских православных святых, а указывали только приведенных у Скорины, в том числе святых князей Бориса и Глеба, культ которых на Перемышльской и окрестных землях существовал исстари. Известно и о наличии тут древнего храма, им посвященного. А вот упрочению почитания на этих обширных территориях памяти святого князя Владимира, несомненно, помогали сведения о нем в кратких святцах из сборника скорининского «Апостола» или даже открывали его святительскую личность для многих. В то же время стоит знать, что в Первом, как мы его называем, скорининском сборнике, помещенном в конце «Малой подорожной книжки», напечатанной Скориной буквально за два года до выхода в свет виленского «Апостола», имя святого князя Владимира вообще отсутствует, а во Втором скорининском сборнике, помещенном в конце «Апостола» 1525 г., на л. 23 под 15 июля читается: «В тойже день Успение великаго Владимира, самодержзца киевскаго, онъ же крестиль Рускую землю». Все это при анализе текстов обоих скорининских сборников с необычайной наглядностью демонстрирует в том числе приемы эдичионной работы Франциска Скорины, остающейся все еще малоизученной.

Г. Ленхофф (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРЕВА ДВОРА В КОНЦЕПЦИИ И КОМПОНОВКЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ (1555–1563 гг.)

Общепринято, что Степенная книга была инициирована московским митрополитом Макарием, составлена в митрополичьем скриптории благовещенским протопопом Андреем и адресована царю. Однако это представление требует уточнения. Стилистическая и тематическая разнородность памятника, в том числе различия в трактовке одного и того же сюжета [Ebbinghaus, p. 184–189], и методика организации книгописного дела в Москве [Усачев, с. 440–444, 465] наводят на мысль, что композиционная работа над неподписанным кодексом выполнялась параллельно несколькими коллективами в разных мастерских [Ленхофф]. Некоторые исследователи допускают, что замысел создания исторического нарратива, утверждавшего право Московского царства на статус ведущей империи и претензии на бывшие киевские земли, мог исходить от царя Ивана IV [Соболевский, с. 10–11; Кусков, с. 75; Флоря, с. 105]. Предполагалось, что «идеи “Степенной”, служившие возвеличению царской власти, были восприняты Иваном IV и использованы в политической борьбе» [Дмитриева, с. 133]. До сих пор конкретные аргументы в пользу таких гипотез не приводились. В докладе будут рассмотрены данные, свидетельствующие о наличии у Государева двора ресурсов и мотивации для того, чтобы участвовать в таком проекте.

В годы правления Ивана Грозного особые возглавляемые дьяками ведомственные отделения (избы, приказы) выполняли государственные поручения в канцеляриях на территории Кремля [Леонтьев, с. 107–111, 136–152]. Штаты приказных людей готовили административные, политические и исторические документы на основе архивных материалов. Опись Царского архива, составленная около 1572 г., проливает свет на более чем 230 нумерованных ящиков центрального государственного хранилища в Кремле. В Царском архиве, согласно описи, откладывали грамоты, дипломатические инструкции, деловую переписку, постановления, родословные и разрядные росписи, летописи и разного рода рукописные и печатные книги. Отмечается поступление документов в Царский архив от правительственных учреждений, из казны митрополитов, церковью и монастырями. Отмечается также выдача документов царю и ответственным государственным лицам [Шмидт, с. 60–61, 83–84, 126–128]. На ящике 224 есть помета: «в 76-м году августа (1568) летописец и тетради посланы ко государю в Слободу» [Описи, с. 43; Зимин, т. 3, с. 525–527]. Речь

идет о передаче исторических источников Лицевого летописного свода, который составлялся между 1568 и 1576 гг. в царской книгописной мастерской, расположенной в Александровской слободе [Клосс, с. 249].

В описи Царского архива 1572 г. нет прямого указания на Степенную книгу. Новейшие исследования позволяют реконструировать бытование двух древнейших беловых списков первой редакции [Сиренов 2007а, с. 28, 31]. Один список (ГИМ. Чудовское собрание. № 56/358) остался в кремлевском Чудовом монастыре. Можно предполагать, что второй список, парадный Томский кодекс (Томский областной краеведческий музей. № 7903/2), выявленный Н. Н. Покровским в 1970 г., был поднесен царю и затем отложен или в центральном государственном архиве, или «у государя в казне», в личном архиве Ивана IV. В декабре 1564 г. царь покинул Москву с большой свитой и направился в Александровскую слободу [ПСРЛ, т. 13, с. 391–392]. Текстологический анализ дает основания считать, что в конце 1560-х – первой половине 1570-х гг. Томский список находился в Слободе и использовался при составлении Лицевого летописного свода [Сиренов 2007б, с. 411–413; Lenhoff, p. 344–346].

Какие цели могли побудить окружение Ивана IV взяться за составление Степенной книги в 1550-х гг.? Согласно предисловию, подробное оглавление позволяет читателю книги «немедленно обрѣсти» отдельные повести [Степенная книга, с. 148]. Разделы, которые совпадают с инструкциями и перепиской от имени царя, читались в дипломатических кругах. Разделы, оправдывающие внешнюю политику (увеличение территории Московского государства), могли быть адресованы соседям, которые боролись против объединения «исторических русских земель». Некоторые пассажи могли быть прочитаны царской семье и придворным. Не исключено, что фрагменты читались публично на государственных церемониях.

Источники

Зимин А. А. Государственный архив России XI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментария А. А. Зимина; под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978.

Описи Царского архива и архива Посольского приказа / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. ПСРЛ. М., 1965. Т. 13.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1.

Литература

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI и XVII веков. М., 1980.

Кусков В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

Ленхофф Г. Как создавалась Степенная книга? Спорные гипотезы и актуальные вопросы // ТОДРЛ. СПб., 2022. Т. 69. С. 437–452.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в русском государстве. Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI в. М., 1961.

Сиренов А. В. Научное описание выявленных списков Степенной книги // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. С. 24–88. [Сиренов 2007а]

Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. [Сиренов 2007б]

Соболевский А. И. Рецензия на Пл. Гр. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904 // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. Т. 82. Ч. 1. С. 7–14.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

Ebbinghaus A. The Compilers of the Old Russian Book of Royal Degrees at Work: How the “Povest’ na sretienie chudotvornago obraza” Was Made // *The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciousness*. Bloomington (Indiana), 2011. (UCLA Slavic Studies. New Series; 7). P. 175–200.

Lenhoff G. “The Book of Degrees and the Illuminated Chronicle: A Comparative Analysis // *Revue des études slaves*. 2016. Т. 87. № 3–4. P. 337–349.

УСТАВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО: НОВЫЕ РЕДАКЦИИ, ВИДЫ И ГРУППЫ

Мной продолжена работа по выявлению и описанию всех списков Устава («Духовной грамоты») Иосифа Волоцкого в различных хранилищах. Ранее мной был выявлен Старообрядческий вид Краткой редакции Устава и новая Сокращенная редакция.

В ходе просмотра описей в Отделе рукописей РГБ были отобраны и просмотрены 21 список Устава Иосифа Волоцкого разных редакций и еще 4 рукописи, содержащие неполный набор Слов (помимо двух, ранее выявленных). Их перечень с указанием датировки именно листов с Уставом (он зачастую в сборнике из разновременных частей):

Ф. 98 (собрание Е. Е. Егорова)

№ 457, в 4°. Устав на л. 289–386, первая четверть XVII в.;

№ 1361, в 4°. Устав на л. 147–294, 1818 – начало 1820-х гг.;

№ 1469, в 4°. Устав на л. 61 об.–212, 1824 г.;

Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 529, в 8°. Устав на л. 3–215, конец 1510-х – 1520-е гг.;

Ф. 138 (Собрание Костромской областной библиотеки им. Н. К. Крупской). № 31, в 4°. Устав на л. 60–258, последняя четверть XVI в.;

Ф. 173/І (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 171, в 4°. Устав на л. 271–359 об., рубеж 1610–1620-х гг.;

Ф. 178 (Музейное собрание)

№ 4731, в 8°. Устав на л. 1–163, 1750–1760-е гг.;

№ 8576, в 4°. Устав на л. 306–418, 1750-е гг.;

Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 135, в 4°. Устав на л. 1–172 об., 1570–1580-е гг.;

Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 77, в 2°. Устав на л. 255 об.–284, 1783 – начало 1790-х гг.;

Ф. 242 (Собрание Г. М. Прянишникова). № 135, в 4°. Устав на л. 1–141, 1730-е гг.;

Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища)

№ 99, в 8°. Устав на л. 1–197, середина XVIII в.;

№ 234, в 4°. Устав Краткой редакции на л. 9–54 об., 1819 – первая половина 1820-х гг.;

№ 242, в 4°. Устав на л. 5 об.–196, 1620–1630-е гг.;

№ 243, в 4°. Устав на л. 1–118, 1720–1730-е гг.;

Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 59, в 4°. Устав на л. 1–129, 1640-е гг.;

Ф. 304/ІІ (Дополнительное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры)

№ 84, в 2°. Устав на л. 67–124, 1814–1817 гг.;

№ 196, в 2°. Устав на л. 55–104, 1831–1844 гг.;

Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского)

№ 144, в 4°. Устав на л. 1–188, 1650–1660-е гг.;

№ 145, в 4°. Устав на л. 1–115, 1640–1650-е гг.;

Ф. 445 (Собрание Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе). № 42, в 4°. Устав на л. 1–197 об. второй фолиации, 1783 г.

Рукописи, содержащие неполный набор слов:

Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 660, в 4°. После механических утрат остались первые 10 Слов Пространной редакции Устава на л. 124 об.–199 об., 1550-е гг.;

Ф. 200 (Собрание Ниловой пустыни). № 21, в 2°. Первые 6 Слов Устава на л. 28–44 об., вторая половина 1830-е гг.;

Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 143, в 4°. Слова 2–6, 10 и 11 Краткой редакции на л. 201–223, 1540-е гг.;

Ф. 722 (Собрание единичных поступлений книг древней традиции). № 913, в 4°. Шесть Слов Устава на л. 68–103.

Еще один полный список Пространной редакции Устава обнаружен в ГВСИАХМЗ: № В-5636/82, в 4°. Устав на л. 1–207, 1550-е гг. + середина XVII века.

Несколько списков образуют группу с конвоем в виде двух статей святого Ефрема «о страхе Божиим». Это списки РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 145; Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 243; Ф. 178 (Музейное собрание). № 4731 и 8576.

Еще одну группу с одинаковым конвоем из Предисловия Типика Иоанна Златоуста и «А се имена калугерем» формируют две рукописи РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 135 и Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 59.

Третью группу списков Устава можно выделить по конвою из заметки о канонизации Иосифа Волоцкого. Это списки ГВСИАХМЗ. № 5636/82; РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 144 и Ф. 445 (Собрание Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе). № 42.

Старообрядческий вид пополнился списком РГБ. Ф. 228 (Собрание Д. В. Пискарева). № 77.

Новый Дублированный вид находится в списках РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 242 и Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1361. Неизвестный редактор первой половины XVII в. создал Предисловие и продублировал текст 12-го Слова в конце других Слов. Протографом Предисловия служит дефектный список РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря). № 660.

Списки РГБ. Ф. 304/II (Дополнительное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 84 и 196 являются новой, 13-Словной редакцией Устава Иосифа Волоцкого. Из нее были исключены 12-е и 14-е Слова, а 13-е Слово разбито на два. К этой редакции принадлежит и неполный список РГБ. Ф. 200 (Собрание Ниловой пустыни). № 21. Таким образом, эта редакция, скорее всего, создана в XIX в.

К XIX же веку относится и список РГБ. Ф. 722 (Собрание единичных поступлений книг древней традиции). № 913. Здесь в наличии только 6 Слов, но существенно сокращенных относительно Пространной редакции. Выпущены весь текст после Оглавления, указания на источники цитат, обоснование трех устроений в 6-м Слове. Ранее мной был найдена иная попытка сокращения: ГИМ. Епархиальное собрание. № 851, вторая половина 1830-х гг. Этот список, как и 13-Словная редакция, вышел из среды официальной церкви.

Тенденции редактирования свидетельствуют о постоянной актуальности уставного наследия преподобного Иосифа Волоцкого.

Т. А. Матасова (МГУ), А. Л. Корзинин (СЗИУ РАНХиГС)

ПОМИНОВАНИЕ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ В XVI–XVII вв.

Софья Палеолог умерла 7 [ПСРЛ, т. 6, вып. 2, с. 369; т. 28, с. 336] или 17 [ПСРЛ, т. 12, с. 257; т. 8, с. 243; т. 26, с. 296] апреля 1503 г. И если погребальные традиции уже сформировались к этому времени, то практика фиксации заупокойных вкладов находилась в стадии активного формирования. Вероятно, именно поэтому не сохранилось ни одного известия о вкладах Ивана III на помин души Софьи, с которой он прожил 31 год и которая родила ему 12 детей.

В древнейшем синодике Московского Успенского собора, написанном на пергамене, память «Благодарной и христоробивой и великой княгине Софии Ивановне Васильевича» была дописана уже после смерти Ивана III (ГИМ. Синодальное собрание. № 667. Л. 55). В раннем Мазуринском списке синодика Успенского собора (1501 г., а не 1491–1494 гг.) поминание Софьи Палеолог отсутствует (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 152 об.). В древнейшем синодике Иосифо-

Волоколамского монастыря имя Софьи в ряду благоверных великих княгинь Московских дописано над строкой между именами Марии Ярославны (в иночестве Марфы), умершей в 1485 г., и Марии (вероятно, дочери великой княгини Марии Ярославны, скончавшейся в 1465 г.) (ИРЛИ РАН. Собрание отдельных поступлений. Оп. 23. № 52. Л. 7). Приписка имени Софьи свидетельствует о составлении этого синодика ранее апреля 1503 г.

Старший сын Софьи Василий III вкладывал солидные суммы на помин души родителей на Афон и Синай [Россия и греческий мир, с. 131, 147, 155–156], а также в сербские обители [Россия и греческий мир, с. 149]. Василий действительно ощущал себя «Палеологом», чувствовал свою кровную связь с греческим миром [Каштанов]: не случайно Максим Грек обратился к нему «Василие Иоанновиче Палеологе» [Преподобный Максим Грек, с. 119]. Василий III делал вклад по упокоению душ родителей и в Иосифо-Волоцкий монастырь (с. Турово «в Тфери» и его окрестностях), право владения которым неоднократно подтверждал Иван Грозный [АФЗХ, с. 134, 227, 316]. Царю было известно, что в середине XVI в. на Синае продолжают поминать его родителей, деда и «бабу великую княгиню Софию» [Россия и греческий мир, с. 237].

При Иване Грозном образ Софьи довольно сильно трансформировался [Матасова], ее образ стал важным звеном в истории царского рода, что проявилось в появлении статьи Степенной книги о чудесном зачатии Василия III и связанном с этим явлении Софье преподобного Сергия. Эта история войдет и в Лицевой свод, и в позднюю редакцию Жития святого [Службы и жития, л. 121–122 об.]. Изображение этого сюжета можно найти на одной из икон из собрания Ярославского художественного музея XVI–XVII вв. (ГК 48155749; ЯХМ-53403/348; Инв. И-394). В ранней кормовой книге Троице-Сергиева монастыря, составленной при игумене Серапионе Курцеве в 1551 г., корм по великому князю Ивану III, его детям и женам был установлен в субботу после праздника Воздвиженья 14 сентября. Средний корм по великой княгине Софье шел с села Федоровское с 49 селами и деревнями (всего 860 четвертей земли) [Горский, с. 37, 40]. В кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Софья упомянута в числе тех членов семьи Ивана III, кого требуется помянуть 26 июля на день священикомученика Ермолая «и иже с нимъ» [Кириченко, Николаева, с. 239].

В многочисленных русских синодиках конца XVI – XVII в., просмотренных нами, упоминание Софьи встречается часто, но в подавляющем большинстве случаев в ряду других княгинь. В некоторых синодиках в Неделю Торжества православия ее поминовение – опять же наряду с другими княгинями – выделено «отдельной строкой» [Древняя российская вивлиофика, с. 36; Синодик, с. 54, 89]. В одном из синодиков XVII в. Успенского собора Ростова Софья названа «благоверной царицей и великой княгиней» [Конев, с. 99], а в кормовой книге Спасского монастыря Ярославля – «римлянкой» [Исторические акты, с. 10].

Как видим, начало поминовения Софьи совпадает со временем становления этой практики в первой половине XVI в. Какое-либо выделение Софьи из общего ряда других почивших великих княгинь в источниках XVI–XVII вв. носит эпизодический характер.

Источники

- АФЗХ. М., 1956. Ч. 2.
 Древняя российская вивлиофика. СПб., 1775. Ч. 8.
 Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Дополнение. Книга кормовая. М., 1896.
 Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М., 2008.
 Конев С. В. Синодология. Ч. 2. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 95–107.
 Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1.
 ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2; М., 2001. Т. 8; М., 2000. Т. 12; М.; Л., 1959. Т. 26; М.; Л., 1963. Т. 28.
 Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1.
 «Синодик в Неделю Православия» Софийского собора Великого Новгорода / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2018.
 Службы и жития Сергия и Никона Радонежских. М., 1646.

Литература

Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Т. 2. Приложение арх. Леонида. М., 1879. (ЧОИДР. Кн. 2).

Каишанов С. М. Кто был Карл, «сестрич» Василия III? // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докладов и сообщения межвузовской научной конференции. Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г. М., 1989. С. 24–25.

Матасова Т. А. Образ Софии Палеолог в памятниках XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2. С. 105–118.

А. А. Романова (БАН)

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В МЕСЯЦЕСЛОВАХ XVII в.

Месяцесловы, или святцы, прообраз современных календарей, в славянской рукописной традиции появились прежде всего в составе богослужебных книг, ранее всего в Евангелиях и Апостолах, и изначально отличались краткостью.

Основное содержание месяцесловов богослужебных книг – это памяти святых и даты прославления чтимых икон. Термин «историческое событие» в контексте упоминания в святцах может пониматься по-разному. Так, явление чудотворной иконы может быть и историческим событием, и легендарным. В большинстве случаев перенос мощей святого или перенос иконы из одного места в другое является историческим событием с определенной фиксированной датой. Поэтому под историческими событиями в докладе понимаются события и церковной, и светской истории, однако основное внимание будет уделено событиям, непосредственно не связанным с почитанием церковных святынь.

Упоминания исторических событий в славянских месяцесловах известны в самых древних славянских памятниках и восходят к византийской традиции. Прежде всего речь идет о событиях, которые истолковывались как предзнаменования: землетрясениях, кометах, затмениях, пожарах и т. п. Так, целый ряд землетрясений, произошедших в Константинополе в I тыс. н. э., упоминаются в Остромировом, Реймском и Архангельском Евангелиях. Следует отметить, впрочем, что упоминания в древнейших месяцесловах подобных событий, наблюдавшихся в русских землях и описанных в летописях, крайне редки [Лосева, с. 339, 342, 349].

Месяцеслов чаще всего является частью богослужебных книг: помимо Евангелий и Апостолов, также Уставов, Часословов, Обиходников, следованных Псалтирей.

В послесмутное время в русской рукописной традиции получают распространение отдельные рукописные месяцесловы, обычно небольшого формата, предназначенные, как можно предположить, для использования вне богослужения, включавшие также дополнительные статьи, в частности притчу о царе-годе. Одним из наиболее известных и ранних образцов такого рода являются так называемые «Коряжемские святцы» 1621 г. (РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 237) – рукопись, получившая известность благодаря тому, что в ней, по мнению многих комментаторов, в частности издателей рукописи, вписана память царя Ивана Грозного, а также благодаря большому количеству русских памятей [Коряжемские святцы]. Впрочем, текст святцев 1621 г. отличается значительной краткостью.

Помимо дополнительных памятей местночтимых святых отдельные месяцесловы включили в свой состав вместо краткой памяти более пространные проложные статьи, повествующие о подвижниках подробнее. Ярким образцом такого рода месяцесловов стали святцы с летописью, известные в ряде списков. Житийные тексты святцев с летописью в последнее время стали предметом изучения А. В. Духаниной.

Святцы с летописью включают не только памяти, но и краткие жития, а также известия, не связанные с почитанием святых и икон. Большинство неагиографических известий, которые представлены в рукописной традиции святцев с летописью и внесены в основной текст списков

середины – второй половины XVII в., датируются второй половиной XVI в. Среди них – взятие Казанского царства (под 2 октября), основание каменного города в Москве (под 9 мая, с указанием даты – 7093 (1585) г.), известие о венчании на царство, годах жизни и дате смерти Федора Ивановича (под 1 июня), сообщение об оползне в Нижнем Новгороде (18 июня 7105 (1597) г.), указание на пожар в Казани под 23 июня 7087 (1579) г. Помимо основного текста, на полях списков месящесловов вносились уточнения датировок и сведения о новых событиях. Так, в рукописи ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 1299, около 1682 г., под 16 августа присутствует указание на комету 7190 (1682) г. – знаменитую комету Галлея.

Приведенные наблюдения показывают, что жанр месящеслова к концу XVII в. претерпел определенные изменения – в состав месящеслова могли включаться краткие жития, сведения летописного характера и современные события. Традиция эта была продолжена в XVIII в. – так, в рукописи РГБ. Ф. 651 (Собрание Е. И. Усова). № 88 в состав месящеслова включены сведения о буре в Соловецком монастыре 6 сентября 7210 (1701) г., о солнечном затмении 17 апреля 1718 г. и некоторые другие астрономические наблюдения.

Дополнения к поздним месящесловам не получили большого распространения, однако традиция использовать поля месящесловов для внесения избранных памятных дат и событий продолжила существовать в Новейшее время.

Литература

Коряжемские святцы / Под общ. ред. Василия Бойко-Великого. М., 2015.

Лосева О. В. О землетрясениях в греческих и древнерусских месящесловах и об особенностях Холмского Евангелия XIII в. // Записки Отдела рукописей [РГБ]. М., 2000. Вып. 51. С. 339–349.

Ф. Ромоли (Университет Пизы)

СЛЕДЫ КУЛЬТУРЫ ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМА ГРЕКА: ЛИЧНОСТИ, КЛЮЧЕВЫЕ МЕСТА И *AUCTORITATES*. В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА MAXIMNUM

Исследование финансируется Евросоюзом – Next Generation EU, Миссия 4, Компонент 1, Уникальный Код Проекта I53D23006710001 [Finanziato dall'Unione Europea – Next Generation EU, Missione 4, Componente 1, CUP I53D23006710001] – PRIN 2022 PNRR P2022837KN – *Humanistic Italy and sixteenth-century Muscovy in dialogue: Digitization and digital mapping of the work of Maximus the Greek.*

1. Проект MaximNum

Название и логотип. MaximNum – это проект, финансируемый Министерством университетов и научных исследований Италии в рамках Национального плана восстановления и повышения устойчивости на 2023–2025 гг. В проекте участвуют университеты Пизы, Кьети – Пескары и Болоньи. Акроним MaximNum объединяет слова Maximus, отсылающее к имени Максима Грека, и Humanism, обозначающее культуру гуманизма, и кратко передает суть названия самого проекта, которое в развернутом виде звучит так: «Гуманистическая Италия и Московия XVI века в диалоге: оцифровка и картографирование трудов Максима Грека». Идея диалога и сближения культур легла в основу логотипа проекта, который символически соединяет на страницах раскрытой книги два ключевых места жизненного пути Максима Грека: Флоренцию и Троице-Сергиеву лавру, представленные соответственно куполом Брунеллески и голубыми маковками Успенского собора.

Идея и цели. После того как западная идентичность Максима Грека была установлена Е. Денисовым [Denissoff], многочисленные исследования последних десятилетий показали, что он являлся носителем гуманистического обновления, в культуре которого он был воспитан и которое

впоследствии привнес в Московию (см., например: [Garzaniti; Romoli]). Его «гуманистический фактор» формировался под влиянием множества элементов и обстоятельств: принадлежность к греческой диаспоре в Италии, обучение во Флоренции в кругу гуманистов, общение с Савонаролой, деятельность в качестве переписчика, обучение в университетах Болоньи и Падуи, сотрудничество с венецианскими типографиями, пребывание в Мирандоле на службе у Джанфранческо Пико, а также новициат в доминиканском монастыре Сан-Марко во Флоренции. Проект MaximHum берет свое начало из желания засвидетельствовать посредническую роль Максима Грека в трансляции культуры гуманизма в Московии, в целях чего осуществляется оцифровка и картографирование его сочинений на церковно-славянском языке, а также существующих переводов его трудов на ряд современных европейских языков.

2. Создание корпуса: опубликованные славянские произведения

Для формирования корпуса опубликованных произведений Максима Грека на церковно-славянском языке были использованы каталог А. И. Иванова [Иванов], а также издания текстов, прежде всего более поздние (например: [Буланин; Преподобный Максим Грек, т. 1; т. 2; Журова]). Были определены параметры, необходимые для описания текстов; проведены поиск, сбор и регистрация метаданных. Общее количество описанных произведений приближается к 400, из которых опубликованными считаются 267. Из них 250 были закодированы в соответствии с системой кодирования текстов TEI.

3. Картографирование текстов

Гуманистическая культура, усвоенная Максимом Греком в годы его обучения в Италии, отражается в топонимах и именах людей, упоминаемых в его произведениях, в перечне авторитетных личностей, на которых он ссылается, в лексическом богатстве языка и в его подходе к библейскому тексту. Именно эти феномены были картографированы с целью выявления в текстах «гуманистического фактора» наследия Максима Грека.

Ключевые места и личности. Путем исследования и отбора упоминаний топонимов и имен собственных в текстах была воссоздана сеть итальянских контактов Максима Грека, а также определены места на Апеннинском полуострове, которые он посещал.

Auctoritates. Изучены как прямые цитаты, так и косвенные ссылки на авторитетные источники. В обоих случаях проведена работа по установлению исходного источника, поиску соответствующего фрагмента в оригинальном тексте, исследованию возможного гуманистического влияния этого источника и проверке его распространенности в гуманистической среде через печатные издания. Было зафиксировано более 1400 соответствий, среди которых встречаются как достоверные данные, так и предварительные результаты, открывающие перспективы для дальнейших исследований и возможного развития проекта.

4. Заключение

Корпус опубликованных произведений Максима Грека по завершении проекта будет размещен на специальной платформе, которая позволит свободно обращаться к текстам, а также проводить простые и расширенные поисковые запросы по метаданным и картографированным феноменам. Помимо опубликованных работ Максима Грека, портал будет содержать существующие переводы его трудов на ряд современных европейских языков. Таким образом, портал станет пространством для диалога и сотрудничества между исследователями из разных стран и разных научных дисциплин, что продолжит традицию «моста» между гуманистической Италией и Московией XVI в., который некогда установил сам Максим Грек.

Источники

- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
 Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011.
 Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1.; М., 2014. Т. 2.

Литература

- Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.

Denissoff È. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain; Paris, 1943.

Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *I Domenicani e la Russia*. Roma, 2019. (Dissertationes Historicae; 37). P. 41–74.

Romoli F. Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca. Firenze, 2021. (Europe in between. Histories, Cultures and Languages from Central Europe to the Eurasian Steppes; 3).

Д. В. Сень (ЮФУ)

«ЗАМИРЕНИЯ» ВОЙСКА ДОНСКОГО И ОСМАНСКОГО АЗОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.: СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

История «замирений»/«розмирений» казаков и азовцев охватывает большой период – со второй половины XVI в. по первую половину 1730-х гг. (с перерывами в 1637–1641 гг., 1696–1712 гг.). Оба явления уходят корнями во вторую половину XVI в., отражая становление и развитие казачье-османских отношений в Северо-Восточном Приазовье. Именно во второй половине XVI в. формировались многие характеристики пограничного сосуществования донцов и азовских турок-османов, перешедшие в последующую эпоху. Переход от мирных отношений к военным и наоборот [Посольская книга, с. 245; ср.: с. 250] стал составной частью *ритмов османо-казачьих отношений* в регионе. Не исключено, что к заключению первых мировых соглашений с донскими казаками был причастен кафинский санджакбей Касим, в ведении которого находился Азов. В османских документах от 5 и 15 ноября 1565 г. говорилось о перемирии, заключенном Касимом с донскими казаками, и о его разрыве, о посещении казаками Азова в мирное время и проч. [Мустакимов, Сень, с. 178–179].

Военная активность казаков привела к тому, что уже в 1550–1570-е гг. Азов стал уплачивать им разные ценности – «оброк» [Продолжение, с. 266; Мининков, с. 147], ставший важной приметой заключаемых «замирений» и затем включавший в себя *котлы, сети, соль* и проч. [Донские дела, стб. 348; Статейный список, с. 18]. Историю «оброка» необходимо изучать на фоне более масштабного явления: «Для казаков Нижнего Дона важным источником существования стала *добыча* (выделено мной. – Д. С.), которую они брали у азовцев» [Мининков, с. 147]. Сложное пограничное положение Азова привело в тот же период к еще одному последствию (значимому признаку заключаемых «замирений») – азовские турки-османы были вынуждены *первыми* присылать на Дон для переговоров о мире.

В 1580–1590-е гг. берет начало другое интересное явление: московские послы/посланники, направлявшиеся в Стамбул через Азов и обратно, стали выступать в роли инициаторов/посредников при заключении «замирений» ([Сухоруков, с. 79–80, 82–85]; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 393 об.–394). С 1580-х гг. именно их заключение становилось залогом успешной отправки царских дипломатов в Азов, откуда они продолжали путь морем до Стамбула и обратно [Сухоруков, с. 80; Акты, с. 3–6]. В 1584 г. царь Федор Иванович отправил посланника Б. Благово в Стамбул к султану Мураду III. Посланник отвозил на Дон грамоту о посольстве, в которой казакам повелевалось жить с азовцами «в миру» (или, как сказано в другом фрагменте документа, чтобы казаки «с Азовскими людьми жили смирно и задору никотораго Азовским людем не чинили...») [Прянишников, с. 2, 3].

Отныне донцы были *обязаны* информировать азовские власти о получении царского указа, повелевавшего жить в мирных отношениях с азовцами. Правовой новацией являлось то, что царский посланник и азовский санджакбей *совместно* должны были участвовать в обеспечении мирных отношений между азовцами и казаками ([Прянишников, с. 2]; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 393 об.–394, 485). Но едва ли не самое важное заключалось в том, что, общаясь уже в Кафе с

турками-османами, Б. Благово сказал: «...и вы... сами ведаете, что казаки с Азовом учинились в великом миру» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 2. Л. 394). Новыми царскими грамотами от 31 июля 1594 г. донцы извещались об отправке в Стамбул через Азов царского посланника Д. Истленьева и султанского чавуша Резвана. Казакам вновь вменялось помириться с азовскими людьми, если «ныне» они «не в миру», чтобы жить «с ними в миру и задору некоторого азовским людем не чинили некоторыми делы, чтоб... посланнику б нашему у турецкого салтана задержанья не было» [Акты, с. 4–5]. Подчеркну, что в этих грамотах, как и в других подобных документах, указывалось на роль посланника и азовского санджакбея в заключения перемирия. Из эпохи же 1560–1590-х гг. перешло в более позднее время целование креста донцами, шертование азовцев, обмен аманатами, отправка друг другу мировщиков («лучших людей») и некоторые другие «архаичные» элементы – например, во время миссии посланника Г. А. Нащокина 1592 г. [Сухоруков, с. 85 и др.]. Важно подчеркнуть, что уже в 1590-е гг. замирения представлялись казакам *сложившимся обычаем* [Сухоруков, с. 82, 84], к которому они апеллировали даже в конце XVII в. (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 12. Л. 238, 243).

Источники

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
 Донские дела. СПб., 1913. Кн. 4.
 Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М., 2016.
 Продолжение Древней российской вифлиофики. СПб., 1793. Ч. 8.
 [Прянишников И.] Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864.
 Статейный список о посольстве Ильи Даниловича Милославского и дьяка Леонтия Лазоревского в Царьград в 1710 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 8. Отд. II. С. 1–136.

Литература

Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998.
 Мустакимов И. А., Сень Д. В. Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. Вып. 3. С. 172–189.
 Сухоруков В. [Д.] Историческое описание Земли Войска Донского / Комментарии, дополнения, вступ. статья Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов-на-Дону, 2001.

Ю. В. Степанова (ИРИ РАН, ТвГУ)

БЕЛЬСКИЕ ВОЛОСТИ В XV–XVII вв.:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РЕГИОНА НА РУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ

Настоящее исследование нацелено на картографирование и пространственный анализ волостей и сельского расселения Бельского уезда – региона на русско-литовском порубежье в XIV–XVII вв. Для решения поставленных задач были привлечены переписи уезда второй половины XVII в. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 596, 597) и более ранний актовый материал (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 96, 97, 99, 101, 102, 108), который, в отсутствие писцовых описаний XVI в., отчасти заполняет лакуны в представлениях о динамике изучаемой территории. Общее представление о размещении бельских волостей второй половины XV – начала XVIII в. дают локализации Е. К. Французовой [Французова], Я. Е. Водарского [Водарский, с. 235, 256], В. Н. Темушева [Темушев, карты 4, 8].

Состав бельских волостей впервые приведен в перемирных грамотах 1503 и 1522 гг.: Болшево, Шоптово и Верховье. К Белой относилась также Монивидова слобода, становление которой как центра одноименной волости связано с пожалованием его великим князем литовским Витовтом в 1407 г. виленскому старосте и воеводе Альберту Монивиду [Полехов]. Старцова

волость была разделена между Торопцем и Белой в литовское время [Бассальго, Янин, с. 191–192]. Картографирование этой территории на основании переписей XVII в. и дает основание предположить, что припись части Старцовой волости к Белой могла состояться в тот же период, что и пожалование Монивиду. Таким образом, относившиеся к Белой земли в начале XV в. занимали сравнительно небольшую область на водоразделе Волги, Западной Двины и Днепра.

В XVI в. территория Бельского уезда существенно расширилась за счет приписи торопецких Бибереvской и Роженской волостей. Их пределы хорошо локализируются на основании данных переписных книг XVII в. Формирование поместного землевладения в уезде обусловило появление новых поселенческих центров и волостей: Пышковской, Дорогочевской, Гавриловской и др.

Трансформация границ уезда продолжилась после заключения Поляновского мира 1634 г. и межевания российско-польской границы в 1635–1637 гг., в результате которого вяземский Свечковский стан и ржевский погост Николы в Котельне оказались в составе Бельского уезда [Шеламанова, с. 165]. Во второй половине XVII в., после закрепления Белой в составе Русского государства, вновь меняется волостная структура уезда. Некоторые территориальные единицы, известные по документам начала XVII в., уже не фигурируют: Пышковская волость локализуется в составе Верховской, Гавриловская – в составе Чичацкой, Дорогочевская – в составе Жарковской (Старковской), Осташковская – в составе Понизовской. Оформились Ладыжская, Климятинская, Егорьевская и Днепровская волости на юге уезда, Пониклинская и Пустозалесская – на севере. Болотовская на юго-западе сформировалась на основе земель Яна, а затем Ивана и Леонтия Поплонских, подтвердивших свои владельческие права привилеями 1630-х гг.

Водораздельное расположение и периферийность региона в течение длительного периода обусловили медленное освоение этой территории, демонстрирующей низкие показатели заселенности даже во второй половине XVII в. – менее 0,6 двора на 1 кв. км в большинстве волостей. Наиболее плотно пункты размещаются в бассейнах рек Обши (заселен еще в древности), Межи, Березы и Лучесы, на левобережье Западной Двины в Бибереvской и Жарковской (Старковской) волостях. Освоенные микрорегионы разделялись большими лесными пространствами (остатками древнего Оковского леса) и болотами на северо-востоке, в центральной части уезда и в верховьях Днепра. На примере Бельского уезда прослеживается сравнительная неустойчивость волостной структуры и границ периферийного региона. Очевидная изменяемость волостного состава, связанная как с формированием землевладения и хозяйственным освоением территории, так и со сменой политического статуса региона, тем не менее, сочеталась с преемственностью ряда земельных владений. Таковая прослеживается между поместьями русского дворянства второй половины XVI – начала XVII в. и маестностями шляхты как в первой, так и во второй половине XVII в.

Литература

- Бассальго Л. А., Янин В. Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 104–214.
- Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Полехов С. В.* Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. 2014. Т. 7. С. 160–197.
- Темушев В. Н.* Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.
- Французова Е. К.* Карта административно-территориального деления Смоленщины второй половины XVII в. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. 3: Вопросы исторической картографии. С. 73–87.
- Шеламанова Н. Б.* Документы государственных межеваний 30–40-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 161–172.

**О ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРАХ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ С ЕГО СОСЕДЯМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ ДЕЛ И ТРОИЦКИХ МЕЖЕВЫХ КНИГ
СЕРЕДИНЫ XVI в.)**

В середине 50-х гг. XVI в. в Русском государстве было начато широкомасштабное межевание земель Троице-Сергиева монастыря. Оно было проведено тремя межевыми комиссиями по всем уездам, где находились монастырские владения. Деятельность первой комиссии, действовавшей в 7064 (1555/1556) и 7065 (1556/1557) гг. под руководством князя Ивана Дмитриевича Ростовского и подьячего Муртазы Никитина сына Чафарова (Чуфарова), отразилась в рукописи межевой книги № 20 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1). Смена руководителя межевого описания князя И. Д. Ростовского на князя Андрея Ивановича Стародубского положила начало деятельности второй комиссии – 7066 (1557/1558) г. Однако последний в том же году был заменен на князя Петра Борисовича Ромодановского, с именем которого связана деятельность третьей комиссии – 7066 (1557/1558) и 7067 (1558/1559) гг. Деятельность второй и третьей комиссий нашла отражение в рукописи межевой книги № 254 (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1).

Необходимость проведения межевания троицкой вотчины была вызвана периодически возникавшими земельными спорами с соседями монастыря [Черкасова, с. 53–54]. Так, один из сохранившихся документов – правая грамота от 3 февраля 1557 г. царя и великого князя Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю на земли, лес, луга и езы по реке Мологе у села Присецкого Бежецкого Верха, бывшие в тяжбе с поместными крестьянами деревень села Скорынова, а также о бое, грабеже, поджоге, ранении и похищении людей, возведении починка и нарушении межи [Акты, с. 147–165]. Судьями в этом деле, длившемся несколько лет, были князь И. Д. Янов Ростовский и подьячий Злоба Макаров. Они провели основные судебные-следственные действия, включая обыск среди местного населения. На основе вынесенного Иваном IV судебного решения князь И. Д. Ростовский и новый подьячий, Муртаза Никитин сын, разъехали спорную землю и составили разъезжую грамоту от 10 (или 9) июня 1556 г. Текст межевания в разъезжей грамоте в целом соответствует аналогичному тексту в межевой книге № 20, в которой он идет под № 3 [Стрельников, Павлов, с. 15–16]. Именно с установления границ между троицкими деревнями села Присецкого (Присеки) и принадлежавшими помещикам Чулковым деревнями села Скорынова начинается работа первой межевой комиссии.

В разъезжей грамоте от 11 июля 1558 г. сохранилось известие о судном подписном списке князя И. Д. Ростовского, по которому П. Б. Ромодановский произвел разъезд спорных земель в Песьем стане Ростовского уезда [Стрельников, Павлов, с. 231–232]. Разъезжую грамоту следует сопоставить с межеванием № 544 на те же земли из межевой книги № 20 комиссии князя И. Д. Ростовского. Тексты межеваний в межевой книге и грамоте сильно различаются. Этому можно дать следующее объяснение. Межевание № 544, включенное в состав межевой книги И. Д. Ростовского, было проведено в период деятельности этой комиссии в 7064 (1555/1556) и 7065 (1556/1557) гг., однако потом было оспорено одной из сторон. Характерно, что межевание № 544 не содержит межевого итога («направе – земля троицкая... а налеве – земля поместная...»). Как явствует из разъезжей грамоты, спор был рассмотрен судом князя И. Д. Ростовского, однако разъезд должен был произвести уже князь А. И. Стародубский. Но 11 июля 1558 г. «по цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову и по судному подписному списку князь Иванова суда Дмитриевича Ростовского, во княж Ондреево место Ивановичя Стародубского, князь Петр Борисович Ромодановской с таварыщи... розъехал спорную землю» [Стрельников, Павлов, с. 231]. Поскольку межевание на основе решения суда было осуществлено лишь третьим составом межевой комиссии, межевавшим троицкие вотчины уже в других станах, оно не оказалось отражено в результатах работы первой комиссии.

При этом сама межевая книга № 20 не содержит в себе указаний на межевые споры, хотя сами межевания в этой рукописи, особенно по Бежецкому уезду, отличаются тщательной детализацией описания границ владений.

Зато межевая книга № 254 насчитывает 14 случаев межевого спора как между Троице-Сергиевым монастырем и соседями, так и между самими соседями монастыря. В межевой книге № 254 содержится 4 упоминания о судных списках «за бояры» («и в том тягались, а списки у бояр, и межю писати по судным по подписным списком»; «от выскиди спор, а список за бояры»; «и в тех починках тягались, а списки у бояр»; «А в лугу тягались, а списак за бояры, а в споре на двесте копен» [Стрельников, Павлов, с. 174, 184, 197, 216]). В двух случаях межевая книга № 254, сообщая о межевых спорах, поясняет: «а суд не был» [Стрельников, Павлов, с. 219, 229].

Источники

Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. 1.

Стрельников С. В., Павлов А. П. Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2024. Вып. 15.

Литература

Черкасова М. С. О борьбе помещиков за землю в конце XV – первой половине XVI века // История СССР. 1989. № 5. С. 47–59.

А. А. Турилов (Исл РАН)

ДВА ПОДХОДА К ДАТИРОВКЕ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА (ФИЛИГРАНОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ) – ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Представителем первого подхода (метода) выступает в данном случае Александр Александрович Амосов (1948–1996), второго – Юрий Александрович Неволин (1932–2004). Они были знакомы друг с другом, первый неоднократно ссылался на работы второго в монографии, опубликованной в 1998 г. посмертно, тот же несомненно читал книгу А. А. Амосова.

А. А. Амосов, бесспорно, проделал огромную подготовительную работу по изучению филиграней Лицевого летописного свода (далее – ЛЛС), выявив вставные листы, связанные с редактированием памятника, и справедливо опроверг в ряде случаев как необоснованные мнения ряда предшествующих исследователей. Особенно важны его наблюдения о датировке знака «двойная лилия», который он связывает со временем пребывания на престоле Речи Посполитой французского принца Генриха Валуа (будущего короля Франции Генриха III) и относит появление бумаги с этой филигранью соответственно к 1574 г., а привоз ее партии в Москву ко второй половине 1570-х гг. Но исследователь категорически отрицает возможность залежности бумаги в кремлевской книгописной мастерской, между тем она вполне вероятна.

Ю. А. Неволин, как известно, занимался проблемой использования московскими миниатюристами эпохи Грозного (и прежде всего безымянным так называемым «кремлевским мастером») западноевропейской гравюры в качестве источника иконографических композиций. Во время своей работы в ЦМиАР он обнаружил в библиотеке музея экземпляр редкой для российских хранилищ печатной Библии-«полиглотта», изданной в 1566 г. во Франкфурте на Майне Георгом Корвинусом / Рабеном и богато украшенной гравюрами работы Йоста Аммана, несомненно использованными при работе над ЛЛС. Ю. А. Неволин не успел заняться разработкой сюжета, скончавшись в больнице вскоре после операции. На первый взгляд кажется, что, как и в случае с А. А. Амосовым, датировка работы над ЛЛС на основании использования гравюр франкфуртской Библии дает только нижнюю грань явления, причем даже более отдаленную, чем польская бумага. Но не нужно забывать, что выход Библии пришелся на период Ливонской войны, и привоз экземпляра в Москву почти несомненно следует связывать с одним из посольств. Причем более вероятен вариант, что это было русское посольство в одну из протестантских стран, поэтому перспективен поиск именно в этом направлении.

О ВОЗМОЖНОМ ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVI в.

Несмотря на появление биографий ряда видных руководителей Церкви XVI в. за редким исключением специальные работы по церковной элите в целом отсутствуют. Далекое не всегда известно, в каком именно монастыре тот или иной иерарх принял постриг и, как правило, в течение длительного времени получал подготовку, необходимую для успешной церковно-административной карьеры. Эти сведения важны для изучения состава ключевых внутрицерковных групп: в отличие от представителей светской элиты, спаянной родственными узами, архиереев спланивало духовное происхождение – место пострижения или длительного проживания до занятия значимых позиций.

Изучение духовного происхождения архиереев сталкивается с рядом проблем.

а) Данные о том, что настоятель определенного монастыря был поставлен на ту или иную кафедру, далеко не всегда отражают духовное происхождение – инок мог получить подготовку в одной обители, а затем какое-то время возглавлять другую.

б) Сведения о связи иерарха с тем или иным монастырем ограничены составом источников (архивы подавляющего большинства обителей дошли фрагментарно) и тем, что влиятельные светские и духовные лица давали вклады в целый ряд монастырей, располагавших общерусским авторитетом (Троица, Кириллов и др.). Далекое не все вкладчики из среды черного духовенства являлись их постриженниками.

в) Не всегда иерархи уходили с кафедр в «свои» монастыри. Уход мог состояться в монастырь, в котором иерарх длительное время проживал до поставления на кафедру. Некоторые иерархи *de facto* были сосланы властями в монастыри, с которыми они ранее не были тесно связаны.

Отмеченные обстоятельства ограничивают возможности исследователей в изучении духовного происхождения иерархов, но не делают такие попытки абсолютно бесплодными. Обратим внимание на ускользающее от внимания историков обстоятельство – адресат вкладов ряда иерархов Церкви, сделанных вскоре после их хиротонии. Для удобства сначала приведем сведения о вкладах лиц, духовное происхождение которых давно известно.

Выходец из Троицы митрополит Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) в 1539 г., по-видимому, вскоре после хиротонии дал в радонежскую обитель Апостол, а затем серебряные чарки. В годы пребывания на митрополичьей кафедре (1566–1568 гг.) Филипп (Колычев) дал в свое «пострижение» – Соловецкий монастырь – вкладов на 200 рублей.

В качестве вклада в «свой» Никольский Волосов монастырь выходца из него – *de facto* возглавлявшего Новгородскую епархию (кафедра была вакантна) юрьевского архимандрита Ионы (1517–1522 гг.) (в 1522–1547 гг. – рязанский епископ) – можно рассматривать организованное им весьма дорогостоящее каменное строительство во владимирской обители в 1518–1519 гг.

Происходивший из Троицы ростовский архиепископ Алексей (1543–1548 гг.) вскоре после своей хиротонии, состоявшейся 25 февраля 1543 г., дал 20 июля 1544 г. в обитель Сергия «стандартные» 50 рублей. Его преемник на кафедре и «единопостриженник» Никандр (1549–1566 гг.) в 1552/1553 г. дал в Троицу 50 рублей.

Выходец из Кириллова новгородский архиепископ Пимен (1552–1570 гг.) дал в белозерский монастырь в 1555 г. «вкладу 100 рублей да на келью... 20 рублей». В 1582/1583 г. очень значительный вклад серебряной посудой в «свой» Антониев-Сийский монастырь дал новгородский архиепископ Александр (1576–1591 гг.).

Обратим внимание на вклады некоторых иных лиц, духовное происхождение которых до недавнего времени известно не было.

Рязанский владыка Гурий (1554–1562 гг.) 6 апреля 1557 г. дал в Троицу 50 рублей. Ранее он являлся не только ее настоятелем, но и постриженником. Ставший вологодским владыкой осенью или в самом начале зимы 1576 г. Варлаам 20 декабря 1576 г. дал в Троицу 30 рублей. Он был поставлен из ее настоятелей. Занявший Новгородскую кафедру 20 февраля 1592 г. Варлаам (1592–1601 гг.) уже через две недели после своей хиротонии, 12 марта 1592 г., в обитель Иосифа дал 110 рублей. Иерарх принял постриг в обители Иосифа. После поставления на Рязанскую кафедру летом – осенью 1588 г. Митрофан уже 17 июля 1589 г. в Троицу дал 50 рублей. Судя по всему, он не только возглавлял ее до хиротонии, но и являлся ее постриженником.

Подведем итоги.

1) По крайней мере часть архиереев вскоре после своей хиротонии давали свой первый вклад (или, по меньшей мере, один из первых) в свою *alma mater*.

2) Его размер чаще всего составлял значительную сумму, достаточную для установления вечного поминания вкладчика, а порой и его родичей (50 рублей и выше).

3) Вклад следовал спустя какое-то время после поставления на кафедру – от нескольких недель до нескольких лет. Вероятно, этот хронологический промежуток обуславливался накоплением у иерарха достаточных для вклада средств (вопрос об их источнике требует дальнейшего изучения).

4) Рассматривая мотивы вкладчиков, рискнем предположить, что, с одной стороны, речь шла о своего рода «благодарности» монастырю, подготовившему иерарха к успешной церковно-административной карьере, с другой – о попытке, как правило, пожилого по меркам Средневековья лица в условиях регулярных эпидемий как можно скорее решить вопрос с установлением себе вечного поминания.

Привлечение дополнительного материала даст возможность верифицировать намеченную выше тенденцию и позволит прояснить вопрос о широте распространения соответствующей практики.

М. К. Ферро (Университет им. Г. д'Аннунцио гг. Кьети – Пескара, Италия)

К ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в. (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЕКТА MAXIMNUM)

Исследование финансируется Евросоюзом – Next Generation EU, Миссия 4, Компонент 1, Уникальный Код Проекта D53D23019540001 [Finanziato dall'Unione Europea – Next Generation EU, Missione 4, Componente 1, CUP D53D23019540001] – PRIN 2022 PNRR P2022837KN – *Humanistic Italy and sixteenth-century Muscovy in dialogue: Digitization and digital mapping of the work of Maximus the Greek*.

Проект MaximHum (*Humanistic Italy and sixteenth-century Muscovy in dialogue: Digitization and digital mapping of the work of Maximus the Greek*; <https://maximhum.fileli.unipi.it/>), под руководством Университета Пизы в лице Ф. Ромоли в сотрудничестве с университетами Кьети – Пескары (Мария Кьяра Ферро) и Болоньи (А. Альберти), имеет своей целью реализацию первого веб-портала, посвященного письменному наследию Максима Грека (Арта, около 1470 г. – Троице-Сергиева лавра, Сергиев Посад, 1556/1557 г.) на церковнославянском языке и исследованию его трудов в контексте их связей с культурой итальянского гуманизма и Возрождения.

Деятельность исследовательского подразделения Университета Кьети – Пескары включала, кроме совместной оцифровки текстов на церковнославянском языке в сотрудничестве с подразделением в Пизе, создание корпуса переводов произведений автора на современные языки, а также картографирование концептов.

Корпус переводов был сформирован путем сбора и каталогизации текстов. Каталог представляет собой инвентарный список в формате Excel, где для каждого перевода приводятся 12 дескрипторов (метаданных), призванных в краткой форме описать отдельный документ в его связи с другими переводами и оригинальными произведениями.

Отбор текстов для оцифровки осуществлялся таким образом, что переведенные *excerpta* (то есть фрагменты произведений), встречающиеся в научной литературе, посвященной афонскому монаху, включались в инвентарный список только при наличии редакционного заголовка, который указывал бы на критерий их отбора автором-куратором перевода. Что касается переводов на русский язык, то была проведена выборка: переводы, выполненные в начале XX в. в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, заменялись более современными переизданиями, а при наличии – исправленной и доработанной публикацией. Переводы представлены на семи языках: французском, английском, итальянском, латинском, новогреческом, польском и русском. В соответствии с целями проекта переводы на новогреческий язык на данный момент исключены из плана оцифровки. Для обеспечения доступа неспециалистов в славистике к произведениям Максима Грека приоритет отдается обработке текстов, переведенных на латынь и западноевропейские языки (французский, английский, итальянский).

Таким образом, на основании указанных критериев отбора насчитывается 264 перевода, составляющих инвентарный список, на 6 языках; преобладающим языком является русский, для которого мы имеем несколько переводов одного и того же текста, сделанных в разное время, в общей сложности это 231 текст; на французском языке имеется 13 переводов, на польском – 9 переводов *excerpta*, 6 текстов на итальянском, 4 на английском и 1 на латинском.

Отсутствие уже разработанной и готовой к использованию модели семантической категоризации для картографирования концептов, значимых в рамках гуманистической культуры, а также ссылок на религиозные дискуссии XIV–XV вв. и межконфессиональные и межкультурные полемики того времени потребовалась разработка специальной модели, соответствующей нашим целям. Были проведены тестовые попытки организации лексики произведений Максима Грека с помощью списков частотности, составленных с использованием программного обеспечения NoSketchEngine и SketchEngine. Однако эти инструменты не дали удовлетворительных результатов, поскольку данные потребовали ручной обработки и дальнейшего объединения. Кроме того, как показывают существующие семантические и лексические исследования, количественные показатели сами по себе не отражают специфические особенности, представляющие интерес для нашего исследования. Поэтому немашинное чтение и интерпретация контекстов употребления лексических единиц самим исследователем остаются необходимыми. В результате было принято решение начать с анализа и картографирования отобранных произведений автора с параллельным выявлением значимых лемм, уже исследованных в научной литературе и, возможно, соотнесенных с гуманистическими моделями или источниками. Сопоставление этих данных позволило сформировать предварительный список терминов для глоссария, включающий около 250 значимых лемм и словосочетаний.

Был также разработан и постепенно усовершенствован список категорий, используемых для описания терминов, с учетом трех основных концептуальных областей, обозначенных в начале исследования: семантики выявленных значимых лемм и словосочетаний; тематики, к которой они относятся в произведениях автора; а также концептов, характерных для гуманизма, как они представлены в ряде ключевых исследований и ранее изученных лексиконов. В результате были выделены 32 описательные метки.

Кроме того, были определены метаданные, подлежащие включению в тезаурус. Для каждой значимой леммы фиксируется нормализованная форма на основе словаря церковнославянского языка, выбранного в качестве эталона для проекта. Указываются произведения, в которых встречается данная лемма, с соответствующей тематической областью, определяются концептуальные категории, к которым она относится, а также фиксируется ее возможное появление в одной или нескольких библейских цитатах. Каждая лемма описывается с

помощью информативного идентификатора, а схожие леммы объединяются под единой поисковой ключевой формой.

В настоящее время для выявленных лемм и синтагм, не исследованных до сих пор, изучаются возможные источники и каналы их заимствований из литературы итальянского гуманизма и Возрождения. К концу проекта планируется завершить анализ 450 лексических единиц.

Б. Н. Флоря (ИСЛ РАН)

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

Особенности отношений государственной власти и дворянского сословия в России конца XV – первой половины XVI в. выявить могло бы сопоставление с характером таких отношений у западных соседей России. У последних существовали соглашения, ограничивавшие обязанности членов дворянского сословия по отношению к государственной власти – единые правовые нормы, распространявшиеся на всех членов дворянского сословия. Инициатором таких отношений была знать, возглавлявшая борьбу всего дворянского сословия за сохранение этих прав. В России знать не выступала с такими инициативами; обладая особыми правами, она не старалась распространить их на всех членов дворянского сословия. Связь между знатью и нижестоящими слоями в борьбе за общие обязательства не фиксируется.

Важной частью центрально-европейской системы отношений было предоставление большей части должностей на определенной территории представителю местного дворянского общества по рекомендации этого общества. Этого также добивалась знать. В России государственная власть, как правило, давала должности лицам, не имевшим на данной территории своих владений. Лучшие кормления принадлежали знати, и она в годы «боярского правления» не приветствовала попытки создания органов дворянского самоуправления.

У западных соседей России существовали общие нормы, определявшие единый правовой статус «дворянина» в отличие от «плебея» перед лицом судебных органов. В России середины XVI в. штраф за «бесчестье» боярина или сына боярского определялся ценностью его службы государству, размером дохода от кормления или жалованья. И знать не пыталась изменить этот порядок, предоставлявший ей преимущества, выступая от имени всего дворянского сословия.

Н. А. Чекалдина (РНБ, РХГА им. Ф. М. Достоевского)

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИОСИФОМ ВОЛОЦКИМ, В ЛЕТОПИСАНИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00308, <https://rscf.ru/project/25-28-00308/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Несмотря на значимость фигуры Иосифа Волоцкого в истории, его большое влияние на церковные процессы рубежа XV–XVI вв., летописцы обходят игумена Волоцкой обители своим вниманием. О его деятельности мы узнаём в основном из сочинений, написанных либо им самим, либо его сподвижниками/учениками. Роль Иосифа в церковной полемике раскрывается и в произведениях

«противников» – Вассиана Патрикеева, заволжских старцев. Вопрос борьбы с ересью поднимается в многочисленных посланиях Иосифа, архиепископа Геннадия, но в новгородских летописях упоминается лишь кратко. При этом в списках, наиболее близких ко времени обнаружения «ереси» Геннадием (1487 г.), ничего не говорится о «жидовстве».

Летописи освещают довольно стабильный круг вопросов, которые можно связать с Волоцким игуменом и ересью жидовствующих. Это: поставление Зосимы; раскрытие Геннадием ереси; собор 1490 г.; соборы 1503–1504 гг.; снятие Серапиона с владычной кафедры. Также в ряду этих событий в новгородских сводах мы бы рассматривали сведение с кафедры Геннадия в 1504 г.

Наиболее интересны в контексте нашей проблемы своды конца XV – первой половины XVI в. В новгородском летописании это два списка Новгородской четвертой летописи (Академический и Голицынский), Новгородская летопись по списку Дубровского, Сокращенный летописец по списку Никольского и Хронографический список Новгородской пятой летописи (он занимает пограничное положение между новгородским и московским летописанием).

Ближайшие к данным событиям списки – Академический и Голицынский Новгородской четвертой летописи. Оба они являются отражением противоречивого этапа новгородского летописания и довольно скупы на подробности событий конца XV – начала XVI в. Списки эти мало рассказывают о деятельности архиепископа Геннадия, а ведь новгородскому летописанию не свойственно обходить вниманием владык. Автор их общего источника – свода 1513 г., – о котором писала О. Л. Новикова [Новикова, с. 14–18], видимо, совершенно не интересовался вопросами, связанными с ересью. Работа составителя, по-видимому, заключалась в сведении материалов разных источников, а не в записывании событий, современником которых он был. Как раз проводилась она в период, когда в Новгород не был поставлен владыка (1509–1526 гг.). Именно на тексты этих списков будет опираться последующее новгородское летописание. «Пробелы» в истории будут восполняться в основном по дополнительным источникам.

Кажется, будто ересь не воспринималась летописцем как важная часть внутренней жизни новгородцев. О ее выявлении Геннадием известия содержатся лишь в велико княжеском летописании. Даже крупный макарьевский свод 1539 г., следуя за Академическим и Голицынским списками, за неимением других источников игнорирует и соборы 1503–1504 гг., и снятие Геннадия. Да и в целом отсутствие интереса летописца к деятельности Геннадия создает впечатление, будто архиепископ не был причастен к летописанию: либо владычная летопись не велась в это время, либо она составлялась независимо от владыки.

Продолжение Хронографического списка Новгородской пятой летописи хотя и принято относить к истории новгородского летописания, но, на наш взгляд, стоит воспринимать в контексте будущих сводов, причем московских – в первую очередь Никоновской и Воскресенской летописей. О редакторских правках этого памятника рукой митрополита Даниила не раз писал Б. М. Клосс [Клосс, с. 189–190, 195–196]. Именно в московском летописании последовательно рассказывается о выявлении еретиков, их осуждении.

Московские летописи первой половины XVI в. не пользуются дополнительными источниками для раскрытия вопроса ереси – круг текстов о ней почти не меняется. Время митрополита Даниила, так богатое на летописные памятники, приносит лишь развернутый рассказ, который мы читаем в своде 1518 г., осуждающий позицию архиепископа Серапиона как упрямство и нарушение божественных правил. Конфликт этот был актуален и важен лишь для данного периода (Даниил сам был постриженником Волоцкого монастыря): Лицевой летописный свод уже возвращает в свой текст краткую версию этого известия, так часто встречающуюся в новгородских летописях, а Степенная книга вовсе исключает это сообщение. Летописи времен Ивана Грозного сокращают и информацию о соборах на еретиков.

Вероятно, следующим поколением конфликты, связанные с Иосифом Волоцким, стали восприниматься уже как противостояние интересов (может быть, даже мирских), учитывая, какую роль в этом сыграл волоцкий князь Федор Борисович. А потому их освещение не имело нужды в

контексте составления фундаментальных сводов (Степенной книги и Лицевого свода), имеющих целью прославление истории Святой Руси.

Литература

Клосс Б. М. Митрополит Даниил и Никоновская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 188–201.

Новикова О. Л. Новгородские летописи XVI века. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. Г. Авдеев (ПСТГУ, ИА РАН), А. В. Энговатова (ИА РАН)

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ БОРИСА БАЗЛОВА ИЗ РАСКОПОК ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В 2023 г. В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Бронзовый именной перстень-печатка был найден во время раскопок Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН (начальник экспедиции – А. В. Энговатова) в 2023 г. в северной части Троице-Сергиевой лавры, в слое в юго-западной части Житного двора.

Хотя перстень стратиграфически был найден на границе техногенного горизонта и поверхности культурного слоя и был отнесен к находкам из переотложенного слоя, его планиграфическое расположение позволяет считать, что нижняя дата перстня не может быть древнее середины XVI в., когда территория Троице-Сергиева монастыря была расширена и ограничена новой крепостной стеной, построенной в 40–50-е гг. этого столетия, поскольку до этого времени место обнаружения перстня находилось бы в более раннем слое за границей обители. Верхняя дата, определяющая границу бытования данного артефакта, вытекает из биографии его владельца.

Вместе с тем перстень приобретает особую значимость в контексте историческом, поскольку в культурных слоях редко удается найти артефакт, связанный с конкретной личностью.

Находка относится к типу именных перстней-печаток и имеет массивный щиток круглой формы. Боковые стороны сужающегося книзу обруча с насечками у щитка имеют вид положенных друг на друга ладоней, нижние концы обруча разомкнуты. Форма перстня характерна для XVII в. Вся площадь щитка покрывает зеркально выполненная врезная надпись в четыре строки: ПЕРС/ТЕНЬ БОРИ/СА БАЗЛ/ОВА.

Базловы – в середине XVI в. мелкопоместные служилые люди по Юрьеву-Польскому – стали слугами Троице-Сергиева монастыря после Смутного времени.

Корпорация слуг этой обители была утверждена указной грамотой Федора Ивановича от 27 ноября 1594 г., в 1614 г. подтвержденной Михаилом Федоровичем. Она разделила монастырских слуг на три статьи, принадлежность к которым была наследственной и являлась частью военной организации обители. К первой были отнесены «лучшие» слуги, которые несли частную службу на Троице-Сергиев монастырь. Статус слуг, включенных во вторую статью, не был определен; в третью вошли «молодые и пешие служки». Люди, вошедшие в данные статьи, также подлежали призыву в качестве даточных.

Перстень Бориса Базлова приобретает особую значимость, поскольку владелец артефакта упомянут в двух синодиках Троице-Сергиева монастыря в числе даточных людей, умерших в Дорогобуже во время Смоленской войны (РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 817. Л. 85–85 об.; Ф. 304/III (Собрание рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 280–280 об.). На основе комплексного изучения источников это позволяет обратиться к слабо изученной проблеме участия монастырских даточных в Смоленской кампании.

В ней, согласно записям в упомянутых выше синодиках, участвовали все категории монастырских слуг. На первом месте в них, скорее всего, перечислены слуги первой статьи. Помимо Бориса Базлова, среди них названы имена представителей иных служилых фамилий – Кирилла Долматова, Ивана Редрикова и Никиты Перфирьева.

Далее в синодичной записи идут люди «за слуг», приданные монастырским слугам и при необходимости участвовавшие в боевых действиях. Вероятно, они не принадлежали к служилым фамилиям и входили во вторую статью монастырских слуг, обучавшихся за счет вотчинных доходов обители военному делу. Следующие за ними в списке служебники – очевидно, «молодые

и пешие» монастырские слуги третьей статьи, также участвовавшие в сражениях. Им были приданы стрельцы, содержащиеся Троице-Сергиевой обителью за свой счет. Крестьяне же из монастырских вотчин, вероятно, сопровождали подводы для нужд армии.

В сентябре 1633 г. Троице-Сергиев монастырь направил в Дорогобуж 406 даточных людей. Уже в конце месяца отряд каштеляна каменецкого Александра Песочинского, подкрепленный запорожскими казаками, осадил город. Русский гарнизон занял оборону в кремле, и поляки только выжгли посад. Данный факт подтверждает запись в Синодике № 25, где отмечено, что слуги Троице-Сергиева монастыря «померли в Дорогобуже в осаде» (Л. 280), то есть скончались от полученных ран. находка же перстня Бориса Базлова свидетельствует, что его тело было перевезено в Троице-Сергиев монастырь и захоронено.

Таким образом, верхняя хронологическая граница бытования перстня определяется смертью Бориса Базлова в Дорогобуже в конце сентября – начале октября 1633 г., а нижняя, учитывая вероятный возраст погибшего, может лежать в пределах конца XVI – начала XVII в. Вместе с тем данный артефакт в комплексе с анализом письменных источников предоставляет дополнительные возможности для изучения истории Троице-Сергиева монастыря и его обитателей, а также освещает редкий сюжет – участие корпорации слуг этой обители в военных действиях.

А. С. Алмазов (ГАУГН)

СТАЦИИ КАК ФОРМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКИХ «РАТНЫХ ЛЮДЕЙ» НА ТЕРРИТОРИИ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО В 1660-е гг.

Вскоре после того, как в 1654 г. Войско Запорожское перешло в подданство русского царя, встал вопрос о снабжении русских войск на его территории, как полевых контингентов, так и гарнизонов. В течение последующих лет эта проблема решалась практически без участия населения Гетманщины, пока в 1663 г. гетманом не стал И. М. Брюховецкий. В 1663 г. он договорился с Москвой о снабжении русских гарнизонов хлебом, а в 1665 г. – о взимании налогов в пользу гарнизонов.

Еще одной формой обеспечения «ратных людей» стали станции, представлявшие собой одновременно размещение войск на постой и взимание с местного населения средств на обеспечение размещаемых военных. В Войске Запорожском станции, как правило, использовались для обеспечения отрядов наемных («охотничьих») казаков. Первое свидетельство об обеспечении в такой форме «ратных людей» относится к 1665 г. Тогда гетман И. М. Брюховецкий применял станции для обеспечения отряда калмыков, использовавшихся для военных действий в районе Канева на Правобережье. В состав станции входили не только одежда и продовольствие, но также вино и табак [АЮЗР, т. 5, № 127, с. 282]. Станию получали и гарнизоны. В Чернигове это была временная мера, вызванная перебоями с поставками хлеба со стороны гетмана, а в Киеве она представляла собой одну из форм обеспечения «ратных людей» ([АЮЗР, т. 6, № 14, с. 57; Шевченко, с. 231–232]; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 559. Л. 340–345).

В июле того же года гетман решил обеспечивать стацией отряд «ратных людей», отправленный к нему для совместной операции против польских войск. 14 июля он выдал универсал полковнику Н. Балку с полком на стацию в Опощне (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 582. Л. 32–33), 15 июля полк В. Непейцына получил стацию в Миргороде, а командовавший всем отрядом воевода Ф. В. Протасьев с донскими казаками и «начальными людьми за полками» – в Ромнах (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1574. Л. 20). В Котельве на стацию были размещены солдатский полк И. Грана и рейтарский Я. Тура [Оглоблин, с. 290].

Стация собиралась различным продовольствием, поэтому сбор без участия гетманских

представителей сверх составленных ими росписей, а также сборы деньгами, одеждой, обувью и прочими товарами помимо продовольствия считались нарушениями правил сбора станции ([Оглоблин, с. 297, 301, 304]; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 582. Л. 20, 30–31; Ф. 214. Оп. 3. Д. 777. Л. 98). Примечательно, что полк «охотничьих» казаков К. Мигалевского получал станцию не только продовольствием, но и деньгами [АЮЗР, т. 6, № 58 (IV), с. 165].

«Ратные люди» в отсутствие гетмана и значительной части старшины, отправившихся в Москву на переговоры о заключении Московских договорных статей, принялись злоупотреблять сбором станции [Оглоблин, с. 273–305]. Для расследования этих злоупотреблений в Гадяч был отправлен товарищ белгородского разрядного воеводы П. А. Измайлов, а позднее его сменил князь А. Лобанов-Ростовский ([Оглоблин, с. 274–276]; РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 2. Л. 164 об.–178 об.).

Несмотря на крайнее недовольство гетмана И. М. Брюховецкого поведением «ратных людей», он был вынужден продолжить давать им станцию, поскольку они считались служившими под его командованием. Однако гетман смог уменьшить объемы станции под предлогом того, что летом 1667 г. часть отрядов были заменены рейтарами и солдатами Белгородского полка. Он заявил новому воеводе Е. Г. Огареву, что отныне станцию будут получать только солдаты оставшегося на службе в Гадяче полка Н. Балка. В итоге в январе 1668 г. из 649 человек, служивших в Гадяче, станцию получали только 288, то есть меньше половины [АЮЗР, т. 7, № 9 (I), с. 28].

Известен еще один случай назначения станции: 22 июля 1667 г. Полтавский Крестовоздвиженский монастырь был пожалован селом Диканькой из «государевых земель» при условии дачи станции полтавскому гарнизону [Алмазов, с. 106].

После восстания казаков против царской власти под руководством И. М. Брюховецкого в 1668 г. воинские контингенты и гарнизоны «ратных людей» на территории Войска Запорожского стали снабжаться практически исключительно за счет царской казны, поэтому станция для этой цели в дальнейшем не назначалась.

Источники

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863–1892. Т. 1–15.

Литература

Алмазов А. С. К вопросу о взимании налогов в царскую казну с владений украинского духовенства в 1666–1668 гг. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 2 (26). С. 99–110.

Оглоблин Н. Розыск 1666 г. о злоупотреблениях московских ратных людей в Малороссии // Киевская старина. 1895. № 12. С. 271–306.

Шевченко Ф. П. Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия (1940) // Шевченко Ф. П. Историчні студії: Збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ, 2014.

М. В. Бибилов (ИВИ РАН)

ДРЕВНЕРУССКИЕ ОПИСАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ПРОСКИНИТАРИЕВ

Научный проект «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в русских, греческих, латинских и других памятниках византийской эпохи» предполагает поиск, источниковедческий анализ, публикацию и перевод неизвестных доселе или мало вспоминаемых текстов, а главное – сопоставительное исследование греческих, латинских, древнерусских, восточных (кавказских, сирийских, арабских и др.) памятников византийского периода. Настоящий обзор посвящен описаниям и свидетельствам о Святой Земле, Иерусалиме, Ближнем Востоке в целом в контексте материалов византийских, латинских, восточных текстов.

Цели сравнительного источниковедческого анализа разноязычных и разножанровых текстов (паломнических записок, агиографических сочинений, хроник, специальных трактатов, памятников риторики, ономастиконов, этногеографической литературы, эпистолографии и др.) определяют важность и специальный интерес научной задачи проекта.

Если окинуть взором весь полуторатысячелетний период истории описаний Святой Земли и связанных с ней территорий, то в целом, конечно, центром подобных сюжетов в конце концов по мере сложения определенного сюжетного канона итинерариев и проскинитариев, а в славянской традиции – хожений (хождений) становится Иерусалим с его многочисленными святынями, зримо представляющими паломнику или служителю Церкви историю земной жизни Спасителя, Богородицы, деятельность Апостолов, мучеников и преподобных. Но становление такого «канона» было делом не сиюминутным. Первые описания – «путники», итинерарии, житийные описания – начинались с рассказов о пути следования из Европы или Азии и Африки к духовному центру мирового христианства – Святому Граду Иерусалиму.

После раннесредневековых повествований – так называемого Бордоского путника, Евсевия Кесарийского, Иеронима Блаженного, Петра Ивера Маюмского, Феодосия, Антонина из Плаценции, Аркульфа, а позже Фотия, Михаила Сирийского, Смбага Спарапета и др. – этапным памятником можно считать византийскую «Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем местах» [Повесть, с. 1–244], по В. Г. Васильевскому, первой половины IX в. У Епифания образ Иерусалима и его окрестностей и описание святынь Палестины предстают в классическом, можно сказать, виде, структуру которого будут повторять далее многие византийские тексты и их древнерусские переводы и восточные аналоги.

Епифаний по-своему составляет путь паломничества и определяет места поклонения на нем. Он еще видел и описал храм Иоанна Предтечи на Иордане, разрушенный при завоевании Святой Земли крестоносцами; он не упоминает о монастыре Пророка Илии между Иерусалимом и Вифлеемом, обрушившемся при землетрясении и восстановленном при византийском императоре Мануиле I Комнине, о чем сообщает паломник Иоанн Фока в своем повествовании [Иоанна Фоки Сказание, с. 1–59]. С другой стороны, Епифаний свидетельствует о храме Вознесения на Масличной горе как о еще не разрушенном, где иерусалимский патриарх служил праздничную литургию. Храм Пророка Илии не упомянут также ни Антонином Мартиром, ни Аркульфом, ни в Списке иерусалимских храмов начала IX в. (*Commematorium de casis Dei*), ни русским игуменом Даниилом. О нем вспоминает лишь Фока, туманно отсылая ко времени его основания «во времена глубокой древности» [Иоанна Фоки Сказание, с. 5.16, 24.1–2].

Интересно сопоставить содержание и структуру греческого текста Епифания с его славяно-русским переводом XV–XVI вв., изданным в Приложении к греческому тексту. Переводное заглавие определяет тему сочинения – «О Иерусалиме и Святых местах в нем». Действительно, на юге описание доходит до Вифлеема и обители Святого Саввы Освященного, на западе – до Эммауса. Ни о Египте, ни о Синае вообще не говорится. Сам Иерусалим описывается начиная с восточных территорий – Гефсимании, Елеонской горы, Вифании, даются справки о расстоянии до Иордана с местом Крещения Иисуса Христа, о пещере Иоанна Предтечи за Иорданом. Но совсем не говорится о называемых в греческом оригинале Капернауме и вообще о Галилее, об окрестностях Тивериадского озера и т. п. В славяно-русском тексте за пещерой Иоанна Крестителя сразу повествуется о горе Фавор и 4040 ступенях восхождения на нее, затем повторно вспоминается о Вифании и монастыре Святого Евфимия. В. Г. Васильевский определял пропуски в славяно-русском тексте соответствующими лакунами в греческом оригинале, с которого делался перевод.

Упомянутый Евсевием Кесарийским в «Жизнеописании Константина» атриум в базилике Константина (*Vita Constantini*, lib. III, cap. 35) был тем «садом», о котором сообщается в ранневизантийских проскинитариях. А в путеводителе святого Виллибальда близ Голгофского храма и трех крестов вне его также помещается сад, в котором было найдено место Гроба Господня [*Nodoeoricon*, p. 263]. Другое упоминание сада имеется в греческом Последовании для

низведения Благодатного огня в Великую субботу, датируемом VIII в. (в проскинитарии Б. Иоаннидиса). По Севульфю, темница Христа и Вараввы находилась «во дворе храма Гроба» [Sewulfi, p. 840]. Еще точнее свидетельство игумена Даниила: «Темница идеже всажен бысть Христос и посидел мало» стоит на севере от Голгофы [Даниил, с. 22].

Под храмом Константина в текстах имелась в виду церковь, расположенная к востоку от Голгофы и храма Воскресения. В Житии Константина говорится о царице Елене как о ее строительнице. Игумен Даниил пишет: «Идеже св. Елена налезла Честный Крест» [Даниил, с. 26.9–10]. Всё это было разорено при калифе Хакиме 1009 г.

Еще одна реликвия Иерусалима – это емкость (мраморная лохань), водой из которой Господь омывал ноги своих учеников. Свидетельства о ее пребывании в Константинополе относятся к XII в. [Riant, p. 212]. Антоний Новгородец в конце XII в. в храме Богородицы на Фаросе видел две лохани: «Лоханя Господня мароморяна и другая лоханя мраморяна же, в ней же Христос умыл нозе учеником» [Книга Паломник, с. 1–39, 71–94]. Оба сосуда имеют иерусалимское происхождение.

Другие свидетельства относятся к Копью Прободения, зданию иерусалимской патриархии, месту испытания крестов, Овчей купели, башне Давида, Лифостратону, Сионской базилике, столбу Бичевания, Горнице Тайной вечери, Силоамской купели и проч.

Источники

Даниил – Житие и хоженье Даниила Русьския земли игумена / Ред. и пред. М. А. Веневитинова // ППС. СПб., 1885. Вып. 9. Т. 1. Вып. 3.

Иоанна Фоки Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах в Палестине конца XII века // ППС. СПб., 1889. Вып. 23. Т. 8. Вып. 2.

Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева // ППС. СПб., 1899. Вып. 51. Т. 17. Вып. 3.

Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест первой половины IX века // ППС. СПб., 1886. Вып. 11. Т. 4. Вып. 2. С. 1–244.

Hodoeporicon S. Willibaldi // Itinera Hierosolymitana latina et descriptiones terrae sanctae saec. IV–XI / Ed. T. Tobler, M. A. Molinier. Genevae, 1877. Т. 1.

Riant P. Exuviae sacrae Constantinopolitanae / Préf. J. Durand. Paris, 2004. Vol. 2.

Sewulfi Relatio de peregrinatione... // Recueil des voyages et de mémoires / Publ. par la Société de Géographie. Paris, 1839. Т. 4. P. 833–854.

И. А. Бусарев (ИРИ РАН)

РЯЗАНСКИЕ АРХИЕРЕЙСКИЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Архиерейские дети боярские были важным звеном в епархиальном управлении. Десятня детей боярских рязанского архиепископа 1604 г. является единственным документом, отражающим численный состав детей боярских Рязанского архиерейского дома в начале XVII в. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 206). Она представляет собой список владычных детей боярских, поверстанных поместными и денежными окладами на государеву службу в период мобилизации против войск Лжедмитрия I. С серьезными сокращениями десятня 1604 г. была опубликована А. И. Григоровым [Григоров]. При публикации были записаны только имена детей боярских без поручителей. Также сами имена детей боярских были искажены. Именно поэтому в исследовании приводятся ссылки не на публикацию, а на архивных документ.

Начало десятни было утрачено, поэтому сохранились имена 74 поверстанных на государеву службу детей боярских, а также 9 человек, написанных в осадную службу с окладом в 20 четей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 206. Л. 40). Е. Ю. Люткина отмечала, что всего было поверстано 92 человека [Люткина, с. 158]. Сама десятня говорит о том, что «и всего поверстано рязанского архиепископа детей боярских 83 человека» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 206. Л. 39 об.).

Такое разночтение могло возникнуть из-за того, что Е. Ю. Люткина посчитала поверстанными на государеву службу 9 человек, не принятых в полковую службу, хотя в самой десятне говорится о том, что «будет их с осадную службу» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 206. Л. 39 об.).

Все дети боярские были разделены на 6 статей. Самым значительным представительством обладали 4-я и 5-я статьи, в которых было поверстано 25 и 26 человек соответственно. Самым значительным представительством среди поверстанных на службу обладали Гавердовские – 13 фамилий, Кунаковские насчитывали 7, Сальковы – 6, Мелеховы – 4, Глебовские, Котовы, Прямоглядовы, Сушковы – по 3, Алексеевы, Алымовы, Галицины, Неклюдовы, Протопоповы, Юровы – по 2. Однако большинство детей боярских: Бабкины, Безсоновы, Белоусовы, Бокшины, Горонтьевы, Гробовниковы, Дерябины, Иевлевы, Каменевы, Клементьевы, Кукарины, Матыцыны, Невежины, Нестеровы, Пирошковы, Сокуровы, Столбовы, Сьяновы, Терентьевы, Тороповы, Умрихины-Цвилленевы, Халдеевы, Цвилевы – были единственными представителями своих родов, поверстанных на государеву службу. Восемьдесят три призванных на государеву службу детей боярских составили 8,3 % от всех поверстанных рязанских детей боярских [Станиславский, с. 385]. После верстания дети боярские так и не вернулись в состав архиерейского дома, продолжив государеву службу в качестве городских детей боярских. Возможно, невозвращение владычных детей боярских свидетельствует о том, что десятня могла быть частью процесса инкорпорирования архиерейских детей боярских в состав служилого города, их «огосударствления». В пользу этого говорит тот факт, что поместный и денежный оклады первой статьи в десятне 1604 г. равны поместному и денежному окладам городских неслужилых новиков первой статьи в начале XVII в. – 300 четвертей земли и 10 рублей.

Сравнение данных верстальной десятни 1604 г., писцовой книги 1628–1629 гг. и приходно-расходной книги архиепископа Антония 1634 г. дает возможность проследить изменения, произошедшие в составе детей боярских рязанского архиепископа в первой половине XVII в. В десятне 1604 г. записаны представители 37 фамилий детей боярских. В писцовой книге 1628–1629 гг. набор фамилий увеличился до 40. При этом в конце 1620-х гг. на службе у рязанского архиепископа оставались представители всего 8 фамилий детей боярских, которые служили в 1604 г. Таким образом, за 24 года, прошедших с момента верстания, архиерейский дом пополнили 32 новые фамилии детей боярских. В процентном соотношении состав обновился на 80 %, и лишь 20 % фамильного состава архиерейских детей боярских продолжали свою службу с начала XVII в. При этом только представители 5 из 8 фамилий – Клементьевы, Матыцыны, Протопоповы, Тороповы и Умрихины – упоминаются в текстах всех трех источников. Если в процентном соотношении состав детей боярских внутри архиерейского дома обновился на 80 %, то в количественном отношении он стал меньше в 1,5 раза. В 1604 г. к 37 фамилиям принадлежало 83 человека, а в 1628–1629 гг. к 40 фамилиям принадлежало уже 47 человек. Из 40 фамилий 11 явно происходили от имени собственного: Андреевы, Григорьевы, Дмитриевы, Ивановы, Клементьевы, Некрасовы, Матвеевы, Петровы, Прокофьевы, Семеновы и Яковлевы, что может говорить об их низком происхождении и поверстании из представителей нижних слоев архиерейского дома. При этом прослеживается тенденция к уменьшению количества детей боярских в составе архиерейского дома. Так, в 1634 г. при призыве архиерейских детей боярских на службу под Смоленск Расходная книга 1634 г. фиксирует всего 39 человек, которые принадлежали к 32 фамилиям (Воронежский областной музей. № 12932). В 1638 г., по словам архиепископа Моисея, в его распоряжении оставалось всего 30 детей боярских, которые служили без поместий. В конце 1620-х – 1630-х гг. поместья имели всего 6 человек: Шестой Григорьев сын Матыцын и Андрей Иванов сын Сальков, Степан Гаврилов сын Матыцын, Яким и Савва Богдановы дети Неретины, Федор Протопопов (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 13323. Л. 363 об., 371). Остальные дети боярские в этот период времени служили в составе архиерейского дома без поместий. Так, в 1628–1629 гг. 47 детей боярских имели только двор в Переславле-Рязанском.

Таким образом, в первой половине XVII в. состав детей боярских Рязанского архиерейского дома переживает значительные изменения. В 1604 г. из состава архиерейского дома

на государеву службу были призваны 83 сына боярских, которые не были возвращены обратно, что привело к тому, что к концу 1620-х гг. фамильный состав архиерейского дома обновился на 80 %, а количественный состав стал меньше в 1,5 раза. При этом 27,5 % обновленного состава были выходцами из нижних слоев Рязанского архиерейского дома. Большинство детей боярских в первой половине XVII в. несли службу без поместий и имели лишь двор в Переславле-Рязанском.

Литература

- Григорьев А. И. «Десятня Рязанского Архиерея детей боярских верстаня новичнаго окладу 7112 году» // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2010. Т. 24. С. 86–107.
 Люткина Е. Ю. Десятня детей боярских рязанского архиерея 1604 года // Реализм исторического мышления. Проблемы Отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 157–158.
 Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.

В. Г. Вовина-Лебедева (СПБНИИ РАН)

ВАЖКИЕ АКТЫ XVII в. И ВОПРОС О КРЕСТЬЯНСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

Функционирование крестьянской волости на Русском Севере обычно описывается как самоуправление, касающееся всех сторон крестьянской жизни. Этот вопрос изучался многими исследователями. Права Е. Н. Швейковская, когда пишет о том, что М. М. Богословский и А. И. Копанев внесли наибольший вклад в исследование вопроса [Швейковская 2018, с. 446], по которому и сама Е. Н. Швейковская является крупнейшим специалистом [Богословский; Копанев; Швейковская 1997; Швейковская 2012; Швейковская 2018]. Можно добавить в этот перечень другие имена, отметим, например, статьи М. Е. Проскуряковой, посвященные выборам крестьянских старост в XVII в. [Проскурякова 2018; Проскурякова 2022]. В отношении XVI в. распространено мнение, что самоуправление на Севере было альтернативой самодержавному началу, идущему из центра [Носов]. Е. Н. Швейковская также противопоставляет крестьянское самоуправление усиливающемуся государственному началу [Швейковская 2018, с. 445].

Высшим проявлением самоуправления обычно считают сходы, на которых избирались представители миров. Общим местом является признание, что сходы собирались по любому насущному вопросу. При этом инициаторами были старосты (уездные или волостные), а крестьяне оповещались о сходе через сотских. Главной задачей сходов было избрание должностных лиц: старост, целовальников, мирских посыльчиков, земских судей, сотских и проч. Именно выборы на сходах обычно считаются важнейшим проявлением крестьянского самоуправления. Как подчеркивает Е. Н. Швейковская, они проходили без контроля со стороны воеводской администрации [Швейковская 2018, с. 446].

Давно замечено, что избранными оказывались лица, наделенные определенным опытом, прожитком и нравственными качествами. Часто подчеркивается, что это должны были быть люди, привыкшие общаться с вышестоящим начальством: воеводским, уездным или даже московским. Часто избирались по очереди родственники, лица, составлявшие как бы наследственный тонкий слой крестьян волости, опытных в разного рода мирских делах. Но если посмотреть, что это были за дела, то окажется, что все выборные имели от мира задание производить общение с внешним миром. Северная крестьянская волость, зачастую весьма удаленная от центров, представляла собой в значительной степени замкнутое сообщество, которое в силу многих обстоятельств было вынуждено организовывать внутреннюю жизнь самостоятельно. Однако почти все известные случаи решений сходов и действий выборных касались отношений с властными структурами, то есть с государством, нижними представителями которого, собственно, и являлись местные волостные старосты, сотские и проч. Поэтому власть была прямо заинтересована в том, чтобы в

волостях в нужное время были избраны, например, земские старосты. М. Е. Проскурякова показала это на материалах олонецких актов.

Такое самоуправление не являлось в подлинном смысле слова добровольной самоорганизацией крестьян, а скорее было их обязанностью перед властью. Разумеется, ситуации в разных местностях Поморья могли быть различными, почему каждую нужно изучать отдельно, на что указывал еще М. М. Богословский. Важские акты в составе Архива СПбИИ РАН (Ф. 27) еще мало были предметом подробного исследования [Вовина-Лебедева]. Между тем они представляют интерес именно в связи с поднятой проблемой. Мы не находим случаев, когда избранные волостные люди занимались решением вопросов, не связанных с обязательствами мира перед начальством, однако встречаем документы, отражавшие общинные действия, представлявшие отчасти традиции, идущие изнутри мира, а не спущенные сверху. Как таковые мы рассматриваем несколько «одиначных записей» и коллективных изветов из собрания важских актов, а также участие мирских людей в оформлении некоторых частных актов.

Литература

- Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т. 1; М., 1912. Т. 2.
Вовина-Лебедева В. Г. Три важских акта из Архива СПбИИ РАН // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 123–133.
Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
Проскурякова М. Е. Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII в.) // Carelica. 2018. Т. 1. № 1 (19). С. 38–55.
Проскурякова М. Е. «Выбор» в крестьянские старосты в Олонецком уезде 1670–1680-х гг.: Формуляры актов об избрании // Библиография. Археография. Источниковедение. СПб., 2022. Вып. 5. С. 15–24.
Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.
Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012.
Швейковская Е. Н. Мирские выборы в системе земского самоуправления на Севере России в XVI–XVII вв. // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 441–452.

В. В. Газизов (МАУ)

АДМИНИСТРАЦИЯ КРУЖЕЧНЫХ ДВОРОВ КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В XVII в.: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ОБЯЗАННОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20047. Винная торговля в XVII в. приносила большие доходы государству. Сегодня активно изучается организация таможенного и питейного дела в разных городах и уездах Московского царства. Организация питейного дела в Кольском остроге не становилась предметом специального исследования. В новой академической «Истории России» упоминается, что доходность кабаков Кольского острога в 1620-х гг. составляла от 1 до 1,5 тысячи рублей в год [Лисейцев, с. 579].

Обратимся к одному из аспектов организации питейного дела – администрации кружечных дворов. Основным способом организации виноторговли в Кольском остроге была передача кабаков «на веру». В таком случае управление кружечным двором оказывалось в руках кабацкого головы. Кабацкие головы одновременно являлись и таможенными головами. В Кольском остроге на протяжении всего XVII в. кабацкие головы назначались из посадских людей и крестьян Каргопольского уезда.

Кабацкого голову выбирали из посадского или крестьянского населения. Выбор фиксировался в выборной памяти, скрепленной подписями выборщиков. Ими же подтверждалась и благонадежность выбранного на должность человека. Затем память отправлялась в Новгородский приказ. Выбранных должностных лиц приводили к присяге в церкви по чиновной

книге. После этого полагалось «посылать бы тех голов в Колской острог на срок с Петрова дни и Павлова» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1629 г. Д. 34. Л. 410). В 1678/1679 г. кабацкие головы были отправлены примерно в эти же сроки.

В Кольский острог избирались двое кабацких голов. Один из них, как правило, был из Каргополя, второй – из Турчасовского стана. Избрание голов, незнакомых друг с другом в силу того, что происходили из разных мест, должно было препятствовать утаиванию от казны реальных кабацких сборов.

Головы выбирались из «людей добрых и прожиточных, кому б твоей государеве казне мочно было верити... а худых людей и воров в таможеню и бражников в Колской острог к твоему государеву к таможенному и х кабацкому збору выбиратьи не велети» (Там же). В основном это были люди финансово состоятельные и с хорошей репутацией. Избирались обычно на один год, к обязанностям новый голова приступал с 1 сентября. Однако случалось так, что кабацкие головы могли занимать должность и дольше.

Во избежание злоупотреблений и в помощь кабацким головам из местного населения Кольского острога избирались целовальники. Требования к ним предъявлялись такие же, как к головам. Служба голов и целовальников не оплачивалась, поэтому была тяжелой повинностью для местного населения. Им запрещалось заниматься коммерческой деятельностью, а за любой недобор или ущерб казне по своей вине неустойку следовало возместить за свой счет. Так, за 1639/1640 г. на кабацком голове Иване Малахове «напойных денег» было 24 рубля 89 копеек (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 904. Л. 81), а на кольских целовальниках Луке Вянзине «с товарищи» за 1677/1678 г. числилась недоимка за усохлое и вытекшее вино в 47 рублей 6 ½ копейки (РГАДА. Ф. 137. Оп. Кольский острог. Д. 3. Л. 104).

В связи с тем, что кружечные дворы в Кольском остроге были государственными, одной из главных функций была продажа алкоголя и сбор кабацких денег. Важной особенностью является то, что на кабаках в Кольском остроге вино не курили. Из-за проблем с добычей и поставкой дров производить вино в кольских кабаках было нерентабельно (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1629 г. Д. 34. Л. 1). Вино, хмель, солод, мед закупались из кольских доходов кабацкой администрацией в Вологде, на Двине и в Каргополе. Пиво варили в Коле на кружечном дворе.

Кабацкие головы и целовальники обязаны были принимать присланное вино и отправлять его на кружечные дворы, закупать сырье для изготовления напитков, следить и правильно вести таможенную и кабацкую приходо-расходную документацию. Для помощи в ведении документации в таможене мог содержаться штат подьячих. Известно, что в начале 1630-х гг. в таможене был подьячий Яков Захарьев, который содержался за счет личных средств колян (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633 г. Д. 42. Л. 65). В 1633 г. из-за долгов его отказались содержать. Кабацкий голова Степан Меженин просил давать жалованье подьячему из «государевых и таможенных доходов девят рублей на год», чтобы «государево таможенное дело не стало» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1633 г. Д. 42. Л. 65).

Еще одной важной обязанностью было бороться с корчемным алкоголем. Нелегальный алкоголь изымался в пользу казенной торговли, а на производителей накладывался штраф – заповедь. Известно, что в Кольском остроге размер заповеди за первую нелегальную продажу составлял 25 рублей (РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 324. Л. 1). Кроме борьбы с нелегальным винокурением среди местных жителей, приходилось бороться и с подпольной продажей иноземцами. Кольским стрельцам разрешалось по праздникам варить себе небольшое количество пива, и стрельцы должны были «кабацким головам являться, и в книги у них записывать велети, для того чтоб у них было ведомо, и спору о том не было» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 999. Л. 30).

Контролировать деятельность кабацкой администрации должны были кольские воеводы, чтобы «государевыми таможенными кружечного двора денгами не корыстовались, и хитрости никоторые не чинили, и государевы казны не крали, а збирали б таможенную пошлину и питейную прибыль в правду» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 289. Л. 113). О нарушениях воеводы должны были докладывать в Новгородский приказ. За нарушения голов и целовальников

наказывали кнутом и могли отстранить от должности. Самим воеводам запрещалось вмешиваться в деятельность голов и целовальников, «чтоб от того таможенному и кружечного двора збору никакой помешки и недобору не было» (Там же. Л. 114). Воеводы могли запросить отчетную документацию, через них поддерживалась связь между кабацкой администрацией и Москвой.

По окончании службы воеводы должны были «взять збору их с таможенного кружечного двора с книг в съезжую избу списком» (Там же. Л. 114), а затем с подлинными книгами и денежной казной отправить голов с целовальниками в Москву.

Литература

Лисейцев Д. В. Государственный бюджет Российского царства в 1620-1640-е гг. // История России: в 20 т. Т. 5: Россия в XVII веке. Кн. 1: Российское государство в первой половине XVII века. 1598–1645 годы. М., 2024. 770 с.

О. Н. Глазунова (ИА РАН)

КОЛЛЕКЦИЯ КРАСНЫХ ШИРОКОРАМОЧНЫХ ИЗРАЗЦОВ ИЗ РАСКОПОК НОВОДЕВИЧЬЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИА РАН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ИЗРАЗЦА

С красных широкорамочных изразцов начинается история изразцового дела в России. Они привлекали внимание первых исследователей еще в XIX в. [Султанов]. Много написано про них и в последующее время. Подробно расписаны изображения, показаны серии, выявлены источники многих сюжетов. Однако археологические раскопки последних лет на территории Новодевичьего монастыря выявили некоторые новые факты и особенности [Беляев и др.].

Практически все найденные при работах красные широкорамочные изразцы происходили из раскопанных остатков келий и иных жилых зданий монастыря. Они хорошо делятся на несколько серий.

К первой можно отнести обкладку изразцовых печей раннего периода, датирующегося концом XVI – началом XVII вв. Большинство строений, из которых они происходили, погибло в пожаре 1611 г. К данной серии относятся: лицевые изразцы с изображением трех фантастических существ: первое – крылатый конь с головой хищного зверя, второе – коронованный пышнохвостый хищник с человеческой головой, стоящий в цветущей арке, и третье – стилизованное изображение Мелузины; изразцы с изображением барсов, стерегущих древо жизни; с изображением двуглавого орла; с розеткой, состоящей из растительных и геометрических элементов. Фризы двух видов: с пальметтами и с «овами». Перемычки все без исключения витые.

Перечисленные фантастические (мифологические) существа хорошо известны в Западной Европе, но не встречаются среди персонажей русского бестиария. В русском изразцовом искусстве они тоже продержатся недолго. Коронованный хищник с человеческой головой встречается только в ранних комплексах. Изображение Мелузины с самого начала больше напоминает причудливый растительный орнамент (лицо даже без намека на какие-то черты – как пустое место), угадать происхождение которого можно, только зная сюжет и практику изображения Мелузины на западноевропейских изразцах. Крылатый конь встречается несколько позже, но совершенно утрачивает хищные черты.

Двуглавый орел на изразцах этого комплекса находится внутри круглого плетеного венка, изображен с опущенными крыльями, с ошейником и без каких-либо атрибутов власти. Встречаются небольшие отличия в рисунке разных изразцов, что говорит о наличии как минимум двух матриц. Кроме того, имеются «орлистые» изразцы как большой, так и малой руки.

Еще больше различий в изразцах с сюжетом «барсы у древа жизни». Тут можно говорить о 4–5 вариантах матрицы.

Изразцы с одним сюжетом и отличающимися рисунками происходили, в частности, из ряда келий, находившихся в северо-восточной части монастыря [Максимова, Глазунова, Елкина]. Трудно определить, было ли там две или три печи. Но очевидно, что, во-первых, набор изразцов у печей был идентичен и, во-вторых, печи делались одновременно в одной мастерской, но с использованием разных матриц. До сих пор фактического подтверждения одновременного использования разных матриц одного сюжета в одной печи не было.

У изразца с розеткой имеется прототип рисунка – привозные (европейские) поливные белоглиняные изразцы со скошенной рамкой. Таковые были найдены, в частности, при раскопках Приказов в Московском Кремле в 2019 г. [Беляев, Глазунова, Смирнов].

Можно утверждать, что сюжетика ранних красных изразцов во многом происходит из Западной Европы. И это, по всей видимости, был один из первых импульсов, волн изразцового производства в России.

В более поздних кельях 1630–1640-х гг. печи обложены красными изразцами с иными сюжетами. Появляется военная серия, разнообразные растительные орнаменты, в том числе и несимметричные или с одной осью симметрии, изразцы с изображением львов. Разительно меняются перемычки. На место единообразных витых «изразцовых веревок» приходят различные растительно-геометрические композиции, как горизонтальные, так и вертикальные.

Особняком как по сюжетам, так и по рельефу и манере исполнения стоят несколько изразцов с библейскими (?) мотивами.

Таким образом, на примере изразцовой коллекции Новодевичьего монастыря можно проследить историю появления первых красных изразцов в России, развитие новых, уже чисто национальных изразцовых серий, изменения в сюжетах и орнаментике с течением времени.

Литература

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // *Российская археология*. 2019. № 4. С. 177–192.

Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Смирнов А. Н. Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском Кремле // *Российская археология*. 2020. № 3. С. 114–124.

Максимова А. А., Глазунова О. Н., Елкина И. И. Глава III. Келейная и хозяйственная застройка (1524/25–1685 гг.) // *Беляев Л. А. Московский Новодевичий монастырь. Результаты исследований 2017–2014 годов: история и археология*. М., 2024. С. 105–163. Ил. 173–314.

Султанов Н. В. Древнерусские изразцы. М., 1895.

Е. А. Горбачевский (ИРИ РАН, ГИМ)

ДЕТИ БОЯРСКИЕ ЯРОСЛАВЛЯ, ГАЛИЧА И КОСТРОМЫ В 1661–1678 гг. (К ВОПРОСУ О РАСПАДЕ СЛУЖИЛОГО ГОРОДА)

Тему распада служилого города вряд ли можно назвать подробно изученной. Одна из первых работ, в которой рассмотрен этот вопрос, принадлежит А. А. Новосельскому [Новосельский]. В дальнейшем распад служилого города в первой половине XVII в. рассматривался В. Н. Козляковым [Козляков].

Этот процесс для второй половины XVII в. изучен в меньшей степени, что связано с большим объемом источников в целом и отсутствием значительного числа генеалогических сведений о представителях основной массы служилых людей по отчеству – детях боярских. Важно также то, что эти данные должны не только быть представительны по численности людей, но и позволить проследить временные изменения.

Относительно недавно В. А. Аракчеевым был выявлен и изучен один из таких источников – комплекс из 84 сказок 1661 г. [Аракчеев]. Ценность источника заключается в подробных

сведениях, сообщаемых отставными детьми боярскими об их потомках с указанием именных данных.

Из указанного комплекса нами отобраны 65 сказок детей боярских Ярославля, Галича и Костромы, после чего в 22 переписных книгах 1678 г. по трем уездам осуществлен поиск потомков 2-го поколения, указанных отставными служилыми людьми 17 годами ранее.

Анализ данных 1661/1678 гг. приводит к следующим выводам.

К началу 1660-х гг. в результате военных потерь или отсутствия потомков мужского пола около 12 % семей в обозримом будущем должны были выбыть из служилой корпорации уезда, а их земельные наделы перейти в собственность казны или представителей других родов. Эта цифра могла достигнуть и 16–17 %, если бы в семье помещика после смерти сына/сыновей снова не рождался сын или после выбывшего сына не оставался внук. В целом, в 35 % семей военная служба выкашивала хотя бы одного представителя 2-го поколения. На индивидуальном уровне из несших службу сыновей 32 % погибали или попадали в плен, еще 7 % составляли невоенные потери (глух и увечен, скорбен и т. д.).

Учитывая наличие в семьях в среднем 2,7 потомка мужского пола, ожидаемо увидеть к моменту переписи 1678 г. большую часть 2-го поколения детей боярских из источника 1661 г. В действительности этого не происходит. К 1678 г. полностью исчезнут представители 49 % семей, на индивидуальном уровне убыль еще более катастрофична – из 2-го поколения останется только 31 % детей боярских. При таком значительном выбывании из служилого города на индивидуальном уровне именно наличие нескольких потомков позволяло в некоторой степени сохранить хотя бы часть владений за семьей землевладельца, а саму семью – в служилой корпорации уезда.

Материалы переписных книг 1678 г. показывают, что у менее чем 20 % из оставшихся 53 детей боярских имелись хоть какие-то вотчинные владения. В 40 % вся собственность помещика – 1 населенный пункт, у еще 40 % количество владений от 2 до 5. Лишь несколько человек имели 10–15 владений. На всю выборку выявлено 166 владений. Не более трети из них находились в единоличной собственности сына боярского. Еще примерно треть владений была разделена между ближайшими родственниками (братья, отец, дяди). Владельцами оставшейся трети населенных пунктов были однородцы или представители других родов. Иными словами, очевиден глубоко зашедший процесс дробления служилого землевладения.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что комплекс военных, демографических и социально-экономических обстоятельств в 1660–1670-е гг. привел к выбыванию значительной части детей боярских и, следовательно, к существенному изменению состава служилых землевладельцев уездных корпораций Ярославля, Галича и Костромы. Несмотря на то, что результаты работы находят соответствие с выдвинутой ранее А. А. Новосельским концепцией распада служилого города в XVII в., только выявление и исследование материалов, подобных комплексу сказок 1661 г., вместе с изучением массовых источников позволит детализировать этот процесс в разных регионах Российского государства XVII в.

Литература

Аракчеев В. А. «Сказки» о семейном положении и службе отставных служилых людей Замосковского края 1660–1661 гг. // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2024. Вып. 16. С. 208–240.

Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.

Новосельский А. А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 234–253.

А. О. Гуляева (РГАДА)

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ СОСТАВА ВАЛОВЫХ ПИСЦОВ И ПЕРЕПИСЧИКОВ В XVII в. (ПРОСОПОГРАФИЯ)

За всю историю изучения писцовых книг и их разновидностей писцам неоднократно давались характеристики, призванные оценить достоверность и информационный потенциал созданных под

их руководством источников. В связи с неполной сохранностью и неравномерной изученностью приказных архивов (в том числе архива Поместного приказа) нередко историки были вынуждены переносить свои выводы, полученные при исследовании писцовых книг 1620-х гг., почти на весь XVII в.

В XVII в. писцовые комиссии чаще всего возглавляли дворянин и подьячий.

В 2019–2021 гг. Г. А. Ивановой (одной из составителей Каталога писцовых книг Русского государства) были представлены результаты наблюдений над составом *приказных служащих*, возглавлявших писцовые и переписные комиссии. Согласно полученным ею выводам, комиссии демонстрировали разный социальный и профессиональный облик в периоды проведения валовых описаний и переписей 1620-х, 1640-х, 1670-х и 1680-х гг.; кроме того, со временем к работе все чаще привлекались опытные в своем деле подьячие, что позволило отметить определенную «профессионализацию» комиссий в конце XVII в. [Иванова].

Для получения более полной картины мной был рассмотрен социальный и профессиональный облик *дворян*, возглавлявших такие комиссии наряду с представителями приказной бюрократии. Основными источниками стали справочные издания (Описание документов и бумаг МАМЮ, Русский биографический словарь, Каталог писцовых книг Русского государства и др.), позволившие собрать сведения о 431 дворянине – писце и переписчике 1620–1686 гг. Как источники об их карьере и продолжительности жизни привлекались также боярские книги и боярские списки 1626–1713 гг.

Средний возраст писцов оценочно составлял около 50 ± 10 лет. В течение века коллективный портрет писцов, переписчиков и межевщиков изменялся. Наблюдались тенденции к увеличению доли стольников (от $\leq 1\%$ в валовом письме 1620-х гг. до 18% в переписи 1640-х гг., 34% в переписи 1670-х гг. и 57% в валовом письме 1680-х гг.), сокращению среднего возраста руководителей комиссий и увеличению в их структуре доли дворян скорее среднего, чем старшего возраста. Руководители переписных комиссий отличались более рыхлой структурой. В описаниях из отдельных приказов (Каменных дел в 1640-е гг., Большого дворца в 1670-е гг.), которые не носили валового характера, принимало участие большое количество стольников (31 и 39%), преимущественно среднего возраста. Характер изменений государева двора (см.: [Айрапетян; Павлов 2000; Павлов 2010; Седов]) совпал с переменами в структуре писцов лишь частично. Вероятно, их подбор диктовался не только численностью доступных дворян, но и задачами комиссий.

Данные об опыте дворян, руководивших писцовыми комиссиями, неполны, но показывают наличие группы дворян, которым по каким-то причинам в течение длительного времени (в среднем от 7 до 18 лет) оказывалось предпочтение, и тенденцию к расширению и «омоложению» этой группы в течение XVII в. В отличие от писцов, опыт организации описаний, по-видимому, не имел значения в работе переписчиков (среди них оказались не только неопытные и неграмотные, но и слепые, и глухие дворяне). Исключая переписчиков, $> 38\%$ писцов привлекались к руководству писцовыми и межевыми комиссиями в течение жизни неоднократно. Их число было недостаточным для распределения по всем уездам – и чем шире был требуемый контингент писцов (в том числе относительно численности государева двора), тем сильнее размывались требования к его качествам. Однако если в 1620-е гг. мог существовать особенно острый недостаток в писцах, из-за чего к письму чаще назначались старые дворяне, то дефицит кадров должен был значительно сократиться к концу XVII в.

Литература

Айрапетян И. Ю. Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х гг. XVII в.: по материалам боярских списков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1980. № 6. С. 67–80.
Иванова Г. А. Подьячие, возглавлявшие писцовые комиссии XVII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 81–89.

Павлов А. П. Государев двор в истории России XVII века // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Wiesbaden, 2000. Bd. 56: Von Moskau nach St. Petersburg. Das russische Reich im 17. Jahrhundert. S. 227–242.

Павлов А. П. Стольники как представители государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова // *Cahiers du Monde Russe*. 2010. № 2–3 (Vol. 51). P. 211–240.

Седов П. В. Изменение структуры «государева двора» во второй половине XVII в. (по боярским спискам 1667–1682 гг.) // *Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: международная конференция – чтения памяти академика Л. В. Черепнина, Москва, 13–16 июня 1994 г.: тезисы докладов*. М., 1994. Ч. 2. С. 83–91.

А. Н. Гуслистова (НП «НИЦ «Древности»)

ГОРОЖАНКИ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ В ВОЛОГДЕ XVII в.

В отечественной историографии практически нет исследований истории женского предпринимательства периода ранее XVIII в. Связано это со слабой доступностью для исследователей источников, в которых могут содержаться сведения по данной проблеме. Женщины XVII в. не участвовали в крупной и мелкой оптовой торговле (не упоминаются в таможенных книгах), однако розничная торговля и ростовщические операции были им вполне по силам. Основным источником изучения женского предпринимательства в Вологде XVII в. являются писцовые и переписные книги 1626–1628, 1685/1686 и 1711/1712 гг. [Писцовые и переписные книги]. В этих кадастрах содержится подробное описание торговых рядов, с упоминанием бывших и нынешних владельцев торговых помещений. Среди них есть и женщины. Причем как их количество, так и доля в процентном соотношении со временем растут. По писцовой книге 1626–1628 гг. женщинам (вдовам) принадлежало 14 торговых точек (лавки, амбары, лари), что составляло 3 % от общего числа лавок. В 1685/1686 г. в их собственности было 29 торговых помещений – 5 %, а в 1711/1712 г. – 48 лавок – 9 % от общего числа. В сословном отношении не все владелицы были посадскими вдовами, часть из них представляли сословие служилых людей по прибору (например, вдовы каменщиков), торговых крестьян и священников, в целом повторяя картину сословной стратификации городского сообщества XVII в.

О владении и распоряжении вологжанками торговым имуществом свидетельствуют рядные, духовные и купчие грамоты, в которых они выступают продавцом/завещателем лавок. Подлинников таких документов сохранилось немного, и в основном они сконцентрированы в фонде столбцов ГАВО (Ф. 1260), однако упоминаний таких сделок гораздо больше. В писцовой книге 1626–1628 гг. в числе нынешних владельцев лавок упоминается 14 женщин, еще 15 женских имен встречаем среди бывших владельцев торговой недвижимости. Такое количество можно объяснить последствиями Смуты, точнее результатом опустошительного «вологодского разорения» 1612 г., после которого осталось большое количество вдов. В 1685/1686 г. среди бывших владелиц лавок было упомянуто только две женщины.

Вдовы посадских людей и других категорий населения, несомненно, были полноправными владелицами помещений, которые наследовали после смерти мужа и распоряжались ими до совершеннолетия детей или при отсутствии таковых. Однако утверждать, что вдовы сами занимались розничной торговлей, было бы слишком смелым. Скорее всего, здесь можно говорить именно о предпринимательстве – получении ими доходов от аренды лавок другими лицами или работе через приказчиков (но прямых указаний на такую деятельность пока не обнаружено).

Теоретически у вдов посадских людей мог быть еще один вид доходов – ростовщичество, или отдача денег «в рост». Однако пока свидетельств того, что кабалы, принадлежавшие вдове и упоминающиеся, например, в ее духовной, были выданы именно ею, а не покойным мужем, нет. Еще одним видом предпринимательства можно считать владением вдовами в рамках своего двора ремесленными мастерскими (кузнями, мыловарнями, дубильнями, кожевенными избами). Первый

пример такого владения можно увидеть по переписной книге 1685/1686 г., где незамужней девице Параскеве Волковой принадлежала кузня. Вполне возможно, что и в остальных дворах посадских женщин были ремесленные мастерские, однако в XVII в. точно узнать об этом можно только из купчих, тогда как кадастры подробных описаний состава городских усадеб не дают. В начале XVIII в. такая возможность появляется. В переписной книге 1711/1712 г. каждый двор описан с подробным перечислением всех жилых и хозяйственных построек и среди владельцев дворов с ремесленными мастерскими немало женщин. К сожалению, из переписной книги не ясно, кто непосредственно эксплуатировал эти производственные комплексы.

Таким образом, основным видом предпринимательской деятельности, доступной женщинам Вологды XVII в., было владение розничными торговыми точками в городских торговых рядах. Среди возможных – ростовщическая деятельность и владение ремесленными мастерскими. На протяжении XVII в. доля женщин среди владельцев розничных торговых помещений растет. Связано это, возможно, с бурным развитием местного рынка, ростом оборотов оптово-розничной торговли в Вологде. Благодаря этому конкуренция была не так остра, и даже такие слабозащищенные социальные слои, как вдовы, имели больше возможностей для самореализации.

Источники

Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. М., 2008. Т. 1–2; Вологда, 2018. Т. 3.

А. Г. Гуськов (ИРИ РАН)

ВНУТРИПРИКАЗНЫЕ РАСХОДЫ В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.

Финансовая составляющая деятельности отдельных приказов довольно редко являлась предметом внимания со стороны исследователей. В отношении Посольского приказа можно отметить классическое исследование С. А. Белокурова, кратко описавшего приходно-расходные операции учреждения за некоторые годы [Белокуров, с. 57–58]. В работе А. В. Белякова на отдельных примерах были проанализированы доходы и расходы дипломатического ведомства в 1645–1682 гг. [Беляков, с. 230–237]. Из истории других учреждений необходимо указать монографию О. В. Новохатко, в которой подробно разобран бюджет Разрядного приказа за 1676/1677 г. на материалах книг Денежного стола [Новохатко, с. 414–543].

Согласно книгам середины XVII в., расходы Посольского приказа в общем виде делились на три категории: жалованье служащим, «избные» и «приказные» расходы (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 2–8, 10, 11, 12а, 13). Строгого разделения между двумя последними не существовало, поэтому отдельные статьи могли встречаться в разные годы в обоих видах расхода. В последней четверти XVII в. дифференциация почти полностью исчезла. Так, в расходной книге 1681/1682 (190) г. в хронологическом перечне издержек встречаются и поденный корм стрельцам, которые сопровождали «крымскую казну», и жалованье толмачу на строительство двора после пожара, и покупка дров, свечей и чернил, и поденное жалованье штатным переводчикам приказа (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 50–50 об., 51, 51 об. – 52 об., 55–58 об.).

Для понимания доли внутриприказных (по терминологии того времени – «избных») расходов во всей затратной части финансов Посольского приказа представляется необходимым дать ее общую характеристику. На основе анализа документов была выявлена следующая система расходов внешнеполитического ведомства, отдельные элементы которой действовали в разные периоды XVII столетия:

I. Внутренние расходы (обеспечение деятельности учреждения). Осуществлялись в основном из собственных средств.

1) Оплата труда работников приказа: а) «регулярное» жалование (годовой оклад, поденный корм, праздничные); б) временные выплаты (хлебные, соляные, тканями); в) экстраординарные выплаты (на постройку дома, за переход на службу в Россию и т. д.).

2) «Социальные» выплаты: на погребение и отпевание, помощь в чрезвычайных ситуациях (на «пожарное разорение» и т. д.), обеспечение после увольнения со службы, пособие вдовам.

3) Расходы на обеспечение бесперебойной и комфортной работы (основная часть «избных» расходов): приобретение канцелярских принадлежностей, поддержание чистоты помещений и двора и т. п.

4) Расходы на обеспечение функционирования служебных помещений: постройку (пристройку) зданий и помещений, их ремонт, изготовление и ремонт печей, крыш, дверей, замков, окон и т. п.

5) Прочие траты: на водосвятие в праздники, молебен (священнику), ткань на обертку мощей и др.

II. Внешние расходы (осуществление выполнения функций). Обеспечивались в основном поступлениями (денег, материалов и т. д.) из сторонних приказов, иногда – из средств самого Посольского приказа.

1) Финансирование отправляемых дипломатических миссий («отпуск»): жалование дипломатам, подарки, инвентарь для работы (бумага, чернила и т. д.).

2) Финансирование принимаемых дипломатических миссий («прием»): выплаты иностранным дипломатам, обеспечение проживания (продукты, дрова, вода и т. д.), одеждой и помещениями (ремонт, окна).

3) Выплаты и выдачи казакам («жалование» на Дон; деньги и проч. приезжим станицам).

4) Оплата транспортных расходов.

5) Оплата деятельности по «книжному строению».

6) Выкуп полоняников.

7) Содержание кормовых иноземцев.

8) Обеспечение выплаты «поминок» Крымскому ханству.

Более подробный анализ так называемых «избных» расходов показал скрупулезный подход в обеспечении бесперебойной и комфортной работы служащих внешнеполитического ведомства. Во-первых, приобретались канцелярские принадлежности, которые включали бумагу разных видов («александрийская», «книжная», «росхожая»), пергамен, чернила, перья, песок, «розмерь», свечи разного веса и размера, шанданы (подсвечники), щипцы для свечей, ткани на «разное», печати, тиски для печатей, золото, серебро, краски, воск, сургуч и проч. Во-вторых, изготавливались мебель и места хранения документов: лавки, столы, стулья, сундуки, полки, шкафы и т. д. Отдельно оплачивался ремонт мебели. В-третьих, обеспечивалась чистота помещений и двора, что включало в себя уборку территории и туалета, сгребание снега, подметание и т. д., а также закупку необходимого инвентаря. В рамках заботы о гигиене приобретались предметы для умывания – полотенца, ушаты, шайки и проч. Достаточно регулярно финансировался переплет книг как служебного характера (статейные списки, приходно-расходные, указные книги и т. д.), так и «подносных» правителям государства (переводы иностранных трудов, исторические сочинения и проч.). В зимнее время года возникали расходы на отопление, включавшие приобретение дров. Иногда встречались достаточно экзотические траты, например, на цепи для колодников.

Литература

Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007.

М. И. Давыдов (ГВСИАХМЗ)

ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫЙ АВТОГРАФ КНЯЗЯ ДМИТРИЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКОГО

Ранее неизвестный автограф князя Дмитрия Михайловича Пожарского, представляющий собой лаконичное анонимное распоряжение и оформленный по типу приказных помет, находится на затыли (верхней части оборотной стороны) челобитной властей Суздальского Покровского девичьего монастыря боярам и воеводам Второго ополчения о невзимании даточных людей и кормов. Непосредственно под этой пометой-распоряжением помещен датированный 2 августа того же года и писанный дьяком Михаилом Даниловым приговор об удовлетворении прошения стариц (Государственный архив Владимирской области. Ф. 575. Оп. 1. № 288. Л. 16 об.).

Текст челобитной к настоящему времени уже издан, причем дважды, в том числе впервые – автором этих строк [Давыдов, с. 127–128; Акты Покровского монастыря, № 420, с. 393]. В обеих публикациях документа вопрос об атрибуции пометы-распоряжения не ставился. Сама запись – не лучшей сохранности (в ряде мест наблюдаются загрязнения и потертости бумаги, выцветание чернил), поэтому ниже для удобства восприятия она представлена в виде прориси (см. рис. 1).

*Рис. 1. Прорись вновь выявленного автографа
князя Дмитрия Михайловича Пожарского. 1612 г.*

Палеографические особенности исполнения отдельных букв (строчные «м» и «т», один из вариантов строчной «д», выносные «р» и «х»), а также характерная размашистость почерка не оставляют сомнений в принадлежности пометы руке князя Дмитрия Пожарского. В ходе изучения записи попутно удалось уточнить не совсем верно воспроизведенный в обеих публикациях ее текст; правильно: «Не имать датощних людей да (буква «а» написана по букве «и». – М. Д.) и корму никоких». Следует добавить, что заведомо дефектные, даже по меркам XVII в., чтения («датощних людей» и «корму никоких») опять-таки были присущи письменной речи князя Пожарского – подобного рода примеры акустической дисграфии встречаются и в иных его автографах.

В то же время в сравнении с последними рассматриваемая помета определенно стоит особняком. Ее отличают, во-первых, анонимный характер, а во-вторых, содержательная составляющая: все прочие известные нам автографы князя, связанные с его службой, выполняли исключительно удостоверительную функцию, тогда как в данном случае – административно-распорядительную.

Еще один заслуживающий внимания момент касается обстоятельств появления пометы на обороте челобитной. Показательно, что дополняющая помету «контрассигнация» дьяка Михаила Данилова содержит отсылку не к консолидированному решению Совета всей земли, а только к «приказу столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского». Эта особенность, в свою очередь, заставляет вспомнить недатированное сообщение Нового летописца о богомольной поездке Дмитрия Пожарского в родовой Спасо-Евфимиев монастырь, совершенной им «не с

великими людьми» (то есть в сопровождении лишь немногочисленной свиты) по пути из Ярославля к Москве [ПСРЛ, т. 14, с. 122–123 (первая пагинация)]. Нам представляется совершенно очевидным, что как само распоряжение князя, так и оформленный Михаилом Даниловым приговор следует напрямую увязывать с пребыванием лидера движения Второго ополчения непосредственно в Суздале; иными словами, именно там Пожарский находился 2 августа 1612 г. Наши выводы в общем и целом коррелируют с выкладками Ю. М. Эскина касательно посещения князем Суздаля «ок. 30 июля» [Эскин, с. 229] (на с. 81 этой же работы для данного события указана иная, явно ошибочная дата – 30 июня), а заодно позволяют несколько уточнить отдельные детали в хронологии выступления национально-освободительных сил к русской столице летом 1612 г.

Источники

Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века. М., 2019.
Давыдов М. И. Челобитные властей Суздальского Покровского монастыря вождям Второго ополчения и социально-политическая борьба в Суздале в 1611 – начале 1612 года // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 118–128.
 ПСРЛ. М., 2000. Т. 14.

Литература

Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2018.

Н. А. Демичева (ИМЛИ РАН)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА К МОСКВЕ В ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII в.: НЕКОТОРЫЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Присоединение Новгорода к Москве в 70-е гг. XV в. представляет собой важный политический процесс, который отразился не только в древнерусских произведениях XV–XVI вв., но и – хоть и в гораздо меньшем объеме – в летописной традиции XVII в.

Отметим, что во многих памятниках XVII в. сведения о походах Ивана III на Новгород 1471–1478 гг. по разным причинам отсутствуют или крайне лаконичны. Повествование в ряде летописей данного периода начинается с описания событий более позднего времени (например, Бельский летописец, Новый летописец, Летописец 1619–1691 гг. и т. д.), в некоторых пропущены сведения за этот период (Пискаревский летописец). В популярном памятнике «Летописец выбором» лишь кратко сообщается об отправлении Ивана III в Новгород (под 6988 г.), а в некоторых списках указывается на то, что «Бог поручил» великому князю Новгород, причем событие ошибочно отнесено к XIV в. [Богданов, с. 107–185, 667–738].

В рамках данного небольшого сообщения мы сконцентрируемся на Кратком московском летописце начала XVII в. (архив Франке, г. Галле) и Мазуринском летописце, в которых тема присоединения Новгорода к Москве освещена относительно подробно.

Краткий московский летописец начала XVII в. был обнаружен в архиве Франке в г. Галле (Германия) В. И. Бугановым и подготовлен им совместно с Н. М. Рогожиным к публикации. Данный памятник, вероятно, был создан в Москве книжником из «круга столичных церковников, убежденных сторонников единой державы, проповедников величия России, Москвы...» [Буганов, Рогожин, с. 524]. В связи с этим вполне закономерно, что в летописце события присоединения Новгорода к Москве также в целом изображены с московской точки зрения.

Источником рассказа о походе 1471 г. в Кратком московском летописце начала XVII в. является повесть «О брани на Новгород», которая находится в Типографской и Софийской II летописях. Об этом свидетельствуют общая структура текстов, использование одних и тех же

фактографических деталей, а также значительные текстуальные совпадения. При этом рассказ летописца ближе к варианту произведения в Типографской летописи (в обоих текстах упоминается о том, что земские люди выступали против обращения новгородцев к Казимиру IV за покровительством). Несмотря на то, что в летописце текст очень сильно сокращен, основные маркеры промосковской позиции были сохранены (например, используются негативные эпитеты по отношению к новгородцам).

Рассказ о заключительном новгородском походе Ивана III 1477–1478 гг. в Кратком московском летописце начала XVII в. представляет собой краткую редакцию повести «О войне на Новгород», которая содержится в нескольких летописях XV–XVI вв., в том числе и Типографской. Исследуемый текст по сравнению с первоначальной версией повести стал еще более лаконичен и практически безоценочен (о московской точке зрения свидетельствует только эпитет «крамольници» по отношению к новгородцам).

Мазуринский летописец был создан в Москве предположительно Сидором Сназиным, имевшим отношение к патриаршему скрипторию, датируется 1682–1683 гг. [Богданов, с. 274–301]. В нем уделяется внимание всем трем походам Ивана III на Новгород, присоединение Новгорода к Москве при этом охарактеризовано положительно.

Источниками повести о походе 1471 г. в Мазуринском летописце являются повесть «Обрания на Новгород» (в Типографской и Софийской II летописях) и «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» (в редакции Степенной книги), что обуславливает ее яркую московскую позицию и стилистическую неоднородность.

Рассказ о походе 1475–1476 гг. (так называемом походе «миром») совпадает с повествованием об этих событиях в Степенной книге, в которой противопоставляется образ праведного и миролюбивого Ивана III образу жестокосердных новгородцев.

Основным источником повести о походе 1477–1478 гг. в Мазуринском летописце является Московская повесть о походе 1477–1478 гг. (в Московском своде конца XV в., Воскресенской летописи, Степенной книге и др.), которая была сильно сокращена книжником, при этом сохранены идеологически значимые оценочные детали. Фрагменты с описанием осады и сдачи города восходят к более сдержанной повести «О войне на Новгород» (в Типографской и Дубровской летописях, Летописных сводах 1497 и 1518 гг., Уваровском списке Ермолинской летописи).

Таким образом, в проанализированных летописях XVII в. наблюдается тенденция к сокращению источников при сохранении общей промосковской направленности. Произведения о новгородских походах Ивана III в Кратком московском летописце начала XVII в. восходят, вероятно, только к Типографской летописи, составитель же Мазуринского летописца проявляет склонность к созданию компиляций.

Литература

Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. М., 2024.

Буганов В. И., Рогожин Н. М. Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия) // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 519–573.

Е. С. Дилигул (БАН)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КНИГИ О ТИХВИНСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ

«Книга о Тихвинской иконе Богоматери» (далее – «Книга») – один из наиболее известных образцов монографических сборников [Карбасова], получивших распространение в русской рукописной книжности XVII–XVIII вв. В историографии первой редакцией «Книги» принято считать текст, отразившийся в не сохранившейся до наших дней рукописи тихвинского

иконописца Родиона Сергеева, созданной им в 1658 г. и снабженной пространным комплексом миниатюр [Кириллин, с. 20; Шалина, с. 611]. Все тексты, вошедшие в состав «Книги», были разделены на главы, в основу которых были положены законченные сюжеты сочинений, посвященных иконе Тихвинской Одигитрии. Наибольшее распространение получила редакция «Книги», созданная Симеоном Полоцким к 1674 г. [Дилигул, с. 78]. Около 1678 г. была подготовлена новая редакция книги, получившая название «Солнце Умное» [Серебрякова, с. 133]. Также на протяжении XVII в. бытовали различные варианты памятника, создававшиеся на основе текстов этих редакций.

Несмотря на обширный комплекс научных работ, посвященных изучению «Книги», начальный этап формирования памятника остался за рамками научных исследований.

Результаты работы по выявлению рукописей, содержащих произведения о Тихвинской иконе Богоматери, а также сведения описей имущества Успенского Тихвинского монастыря позволяют утверждать, что первые сборники, посвященные тихвинской святине, стали складываться в 40–50-е гг. XVII в. Так, в описи за 1640 г. среди кодексов монастырской книгохранилища находилась рукопись «книга в десь Празнество Пречистей Богородицы Одигитрию Тифинской, и о явлении Слово, и о осадном сидении о избавлении Пречистей Богородицы». Для указанного периода характерно два типа сборников. В состав первого типа вошли не только самостоятельные литературные тексты в честь чудотворной иконы, но и сочинения, связанные с общим почитанием образа Одигитрии.

В сборниках второго типа тексты самостоятельных памятников были разбиты на главы в соответствии с законченными сюжетами этих произведений и получили новую литературную обработку, сформировав, таким образом, наиболее ранний вариант «Книги о Тихвинской иконе Богоматери». Одной из основных особенностей этого варианта «Книги» является отсутствие в его составе гимнографических текстов.

Создание новых сочинений, впоследствии вошедших в состав «Книги», как и развитие почитания Тихвинской иконы Богоматери, связано с деятельностью игумена Герасима Кремлева, руководившего обителью с 1634 по 1640 г. [Дергачева-Скоп]. По его заказу в 1636 г. была составлена пространная редакция Повести об осаде Успенского Тихвинского монастыря, а также создано Сказание о поновлении чудотворного образа. Герасим неоднократно ездил в Москву, привлекая в монастырь вкладчиков. С его именем связывают формирование выдающейся плеяды тихвинских иконников XVII в., появившейся в самом начале 1640-х гг.

Таким образом, во второй трети XVII в. в русской книжности формируются не только новые редакции текстов Тихвинского цикла, но и первые сборники, ставшие основой для редакций «Книги о Тихвинской иконе Богоматери» во второй половине XVII в.

Литература

- Дергачева-Скоп Е. И.* Герасим // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 158–159.
- Дилигул Е. С.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери в творчестве Симеона Полоцкого // Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць: да 390-годдзя Сімяона Полацкага (матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21–22 лістапада 2019 г.). Мінск, 2019. С. 72–78.
- Карбасова Т. Б.* Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новозерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 240–248.
- Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрии». Литературная история памятника до XVII в., его содержательная специфика и связи с культурой. Тексты. М., 2007.
- Серебрякова Е. И.* «Солнце Умное» – Книга о Тихвинской иконе Богоматери: кодикологические и художественные особенности (по рукописям ГИМ) // На рубеже культур: Тихвин в XVII столетии. СПб., 2015. С. 132–140.
- Шалина И. А.* Сергиев Родион // Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2009. С. 609–618.

МОСКОВСКОЕ «ДЕЙСТВО» О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: ЗВУКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РИТУАЛА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В первой половине XVII в. особое место в литургической жизни Москвы занимал «великий» крестный ход в московский Новодевичий монастырь, который совершался ежегодно при участии патриарха и царя в день празднования Смоленской иконы Божией Матери 28 июля. Торжественный крестный ход неоднократно упоминается в исследованиях сакрального пространства столицы и богородичного культа в Москве, однако его структура, драматургия и состав богослужебных текстов не становились предметом отдельного исследования. Чиновники московского Успенского собора и музыкальные рукописи XVII в. сохранили ряд значимых деталей чинопоследования, свидетельствующих о масштабах празднования, о сложной структуре богослужения и его своеобразной «звуковой среде», образованной звучащими песнопениями в честь Смоленского образа. Целью исследования является рассмотрение комплекса музыкально-поэтических текстов на 28 июля и уставных указаний, зафиксированных в нотированных и ненотированных кодексах, в старопечатных изданиях Московского Печатного двора 1610–1650-х гг., а также сведений источников о «великом» крестном ходе в контексте почитания Смоленской иконы, которое актуализируется в момент утверждения новой царской династии с 1620-х гг.

Сохранившиеся списки службы на 28 июля этого времени, включающие от 8 до 74 текстов песнопений, говорят о возросшей значимости праздника по сравнению с последними десятилетиями XVI в., когда в богослужебной книжности, по-видимому, еще не сложилось целостное чинопоследование в честь чтимого образа (известны только два кодекса 1580-х гг., в которых на 28 июля представлено не более одной-двух нотированных стихир, сопровождаемых ремарками типа «Пречистой Одигитрии»). Однако начиная с публикации службы в печатной июльской Минее в 1629 г. полный комплекс песнопений, соответствующий полиелейному последованию с литией, стабильно фиксируется в музыкальных рукописях с заголовками типа «Явление иконы Смоленския Пр(е)с(вя)тыя Вл(а)д(ы)ч(и)ца наша Б(огоро)д(и)ца Одигитрия». Наиболее репрезентативным оказывается состав службы на 28 июля в четырехтомном Стихираре из собрания Д. В. Разумовского середины XVII в., где выписано 25 нотированных песнопений. Как показывает анализ, служба, скомпилированная из текстов разного происхождения, посвященных общему прославлению Богородицы, и утвердившаяся в книжной традиции с 1620-х гг., должна рассматриваться в контексте московского «действия» о Смоленской иконе.

Начиная с 1630-х гг. в «Сказании действенных чинов» Успенского собора и других источниках подробно описывается торжественное богослужение в Новодевичьем монастыре, где в Смоленском соборе находился чтимый список Богородичного образа и куда еще накануне, вечером 27 июля, для участия в праздничной службе отправлялся государь. Сведения Чиновников Успенского собора подтверждаются описаниями выходов государей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича в 1630–1650-х гг. Согласно источникам, московский государь ежегодно выезжал на Девичье поле, присутствовал за вечерним богослужением в Смоленском соборе монастыря, ночевал «в шатрах», утром 28 июля встречал в Саввинском монастыре «великий» крестный ход из Кремля и присоединялся к нему вместе с патриархом, совершая по пути в Новодевичий монастырь несколько остановок с пением канонов Пресвятой Богородице и святителю Петру Московскому, молебнами и неоднократным поклонением иконам. Перед монастырем насельницы обители встречали торжественную процессию, затем патриарх служил водосвятный молебен и праздничную литургию в Смоленском соборе, после чего крестный ход возвращался в Кремль, а государь, поклонившись иконам, отъезжал «в шатры».

Исследование структуры этого масштабного «действия», насыщенного богослужебным пением в честь Богоматери, позволяет обратить внимание на апотропеическую семантику Одигитрии, культ которой сформировался на Руси во многом благодаря усилиям великого князя

Василия Иоанновича, основавшего Новодевичий монастырь в 1524 г. Его торжественная встреча жителями и духовенством Смоленска с иконой Смоленской Божией Матери после длительной осады и взятия города в 1514 г., во многом подобная вхождению в Золотые ворота Константинополя императора Михаила VIII Палеолога в 1261 г. и его поклонению константинопольской Одигитрии, на что неоднократно указывали исследователи, нашла символическое отражение в усложненном ритуале ежегодного выезда на Девичье поле 28 июля московских государей в первой половине XVII столетия. Активная демонстрация в рамках «великого» крестного хода царского поклонения Богородице как защитнице Московского государства и символика встречи и проскинезиса, представленная в музыкальной образности песнопений, которые создавали «звуковое пространство» московского «действия» о Смоленской иконе, усиливали его триумфальный характер. Двухдневное празднование Смоленской Одигитрии с участием патриарха и царя, не имевшее аналогов в литургическом календаре Москвы среди минейных памятей и потребовавшее создания целостного комплекса богослужебных текстов на 28 июля в 1620-х гг., знаменовало торжество новой династии Романовых, представители которой актуализировали почитание древнего образа не в последнюю очередь как источника легитимации царской власти после трагических событий Смуты.

Г. П. Емельяненко (ИРИ РАН)

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РУСИ В ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ 1652 г.

Летописный свод 1652 г. (далее – Свод 1652 г.) – один из наиболее примечательных памятников позднего русского летописания, созданный по инициативе патриарха Никона. В отличие от многих других памятников позднего летописания, описывающих только события конца XVI – начала XVII в. (с особым интересом к событиям Смуты), Свод 1652 г. продолжает традицию летописания предшествующих столетий, в рамках которой излагается вся история Руси и России начиная с древнейших времен.

Текст Свода 1652 г. условно делится на две части – повествование до третьей четверти XVI в. и от последней четверти XVI в. до 1652 г. [Лаврентьев, с. 8]. Первая из частей Свода 1652 г. представляет собой преимущественно характер компиляции, в силу чего привлекала мало внимания исследователей. Значительно большего внимания удостоивалась вторая часть памятника, повествующая в том числе об эпохе Смуты.

Тем не менее начальная часть Свода 1652 г. интересна с точки зрения изучения представлений о прошлом в интеллектуальном пространстве Российского государства середины XVII в., в частности в кругах, близких к патриарху Никону. В рамках предлагаемого доклада нас будет интересовать прежде всего изложение древнейшей истории Руси в Своде 1652 г.

Наибольший интерес в разрезе заявленной темы представляет содержащийся в Своде 1652 г. вариант Сказания о Словене и Русе (далее – Сказание) – литературного памятника первой половины XVII в., в котором изложена мифологическая по своему характеру версия древнейшей истории народа словен и русов начиная с библейских времен. Завершается Сказание сообщением о призвании новгородцами Рюрика и его братьев в соответствии с завещанием Гостомысла, который здесь назван новгородским князем (РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423 (далее – Больш. 423). Л. 1–9 об.).

Вариант Сказания, читающийся в Своде 1652 г. (далее – Патриарший вариант), имеет ряд значительных отличий от других вариантов текста [Гольдберг, с. 57–58]. Чтобы подчеркнуть древность Словенска Великого (Новгорода), чья история в Сказании возводится к античным временам, в Патриаршем варианте добавлено указание на время «начала Римского царства»

(Больш. 423. Л. 4). Согласно этой статье, Словенск якобы был основан за 1657 лет до Рима (до «начала римского царства») (Больш. 423. Л. 4).

В заключительной части текста Патриаршего варианта Сказания содержатся особенности, представляющие наибольший интерес с точки зрения заявленной темы. Так, например, после «завещания» Гостомысла здесь следует разбивающий основной текст Сказания фрагмент, озаглавленный «О начале Киевском и о граде», представляющий собой выдержку из Повести временных лет, в которой говорится об основании Киева (Больш. 423. Л. 8 об.–9). Этот фрагмент заимствован, вероятно, из Никоновской летописи и не предлагает никаких дополнений хорошо известного летописного сюжета. Однако, будучи включенным в контекст легендарного повествования Сказания, летописный сюжет об основании Киева читается по-новому. Так, например, в тексте Сказания постулируется происхождение полян от ильменских словен, что имплицитно подразумевает изначально подчиненное положение первых по отношению к последним, а также Киева по отношению к Словенску (Новгороду).

Также в тексте Патриаршего вида Сказания содержатся оригинальные чтения об Аскольде и Дире, которые здесь названы племянниками Кия. Особого внимания заслуживает указание, согласно которому правившие в Киеве Аскольд и Дир притесняли жителей Новгорода, что заставило последних вспомнить о «завещании» Гостомысла и призвать на княжение Рюрика с братьями (Больш. 423. Л. 9). Таким образом, здесь имеет место совмещение ролей Аскольда и Диры и летописных «варягов из-за моря», взывавших дань со словен, кривичей, чудь и веси, согласно Повести временных лет.

Текст Свода 1652 г., следующий за Патриаршим вариантом Сказания, также содержит ряд фрагментов, не содержащих каких-либо оригинальных сюжетов, но представляющих интерес с точки зрения рассматриваемой темы. Особое внимание обращает на себя сюжет о «первом крещении» Руси, якобы произошедшем в правление византийского императора Михаила (Больш. 423. Л. 9 об.–10). Этот сюжет, основанный на «Окружном послании» патриарха Фотия, был хорошо известен в русской летописной традиции и, вероятно, был заимствован автором Свода 1652 г. из Степенной книги, о чем свидетельствует упоминание именно императора Михаила, а не Василия, как в других вероятных источниках, таких как Воскресенская и Никоновская летописи и Русский Хронограф. Хотя в Своде 1652 г. этот сюжет приводится в несколько сокращенном виде, однако в основном сохраняет свое содержание. В контексте рассматриваемой темы стоит отметить, что наличие рассказа о «первом крещении» в Своде 1652 г. свидетельствует о сохранении определенного интереса к этому сюжету в середине XVII в.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на то, что часть Свода 1652 г. имеет преимущественно характер компиляции, последняя носила не механический, а творческий характер. Авторы Свода сочетали хорошо известные в русском летописании сюжеты с современными им мифологическими построениями. В целом, такой подход можно считать характерным для русской исторической книжности первой половины XVII в., он наблюдается в других памятниках, среди которых можно выделить третий разряд Русского Хронографа редакции 1620 г., Сказание о Словене и Русе (один из вариантов которого, как отмечалось ранее, включен в состав Свода 1652 г.) и Хронограф архиепископа Пахомия.

Литература

- Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 50–63.
Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1984.

В. В. Злобин (НИУ ВШЭ)

ЧЕТВЕРТНЫЕ ПРИКАЗЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ НАД МЕСТНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ В РОССИИ XVII в.

Конструкцию судебно-следственных дел над представителями местных уездных администраций в Московском государстве XVII в. сложно назвать монолитной. В этих процессах определенно существовали и принимали участие друг в друге две стороны. Во-первых, это московские приказы-четверти, осуществлявшие контроль за управлением подчиненными им территориями. Во-вторых, это представители неоднородного сообщества местных должностных лиц. Как не раз отмечалось, между этими органами власти почти не было связующих механизмов [Kivelson, p. 276–278; Davies, p. 27–28; Коллманн, с. 13–14]. Для приказов в обычных условиях сама по себе деятельность уездных должностных лиц не была предметом особого внимания, если она не относилась к известному ряду сфер государственного интереса.

Несмотря на отсутствие разработанной координации между приказами-четвертями и уездными администрациями, они не существовали изолированно. В ряде случаев они вступали в интенсивное взаимодействие. Именно следственные процессы над местными должностными лицами и были той платформой, где происходил тесный контакт между Москвой и уездами. Сущностная особенность всех таких процессов заключалась в том, что речь в них шла всегда о границах легитимного в принципах и практике осуществления власти. Выработка этих границ, составлявшихся из определенных прецедентов, и происходила в ходе судебно-следственных дел о должностных лицах. Результатом сотрудничества центра и регионов являлся совместно определенный легитимный порядок управления.

В докладе будет рассмотрена первая сторона этого сотрудничества – четвертные приказы (Устюжская четверть, Новгородская четверть, Владимирская четверть). Рассматривая, какую роль играли центральные органы управления в расследовании преступлений администраторов, исследуется целеполагание приказов в таких делах и степень его реализации по ходу самих процессов. С этой целью в центре внимания доклада будут практики, использовавшиеся приказами в ходе организации процессов. Исследование было выполнено по материалам 19 судебно-следственных дел о злоупотреблениях уездных администраторов за 1674–1693 гг. из коллекции РГАДА «Приказные дела новой разборки», где сохранено большинство документации приказов-четвертей (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 987, 1442; Оп. 5. Д. 502, 547, 953, 996, 1134, 1202, 1222, 1418, 1419, 1675, 1676, 1785, 1903, 1904; Оп. 6. Д. 342, 372, 542).

Практики расследований не были подчинены осмысленной теоретической основе. Решения приказов обуславливались практическими соображениями организации таких процессов. Здесь перед приказами стояли две главные проблемы. Первая была связана с выбором средств и возможностей осуществления процессов. Организовать ведение процессов полностью собственными ресурсами московские приказы были не способны. Приходилось искать выход из ситуации. В зависимости от степени прямого участия приказов в процедурах расследования существовало три сценария. С одной стороны, передача ведения процесса уездной администрации, с другой – высылка обвиняемого вместе со следственными материалами в Москву. Между ними находилась практика отправки из приказа сыщика в уезд или передача дела воеводе другого уезда. Любая внешняя помощь, к которой прибегали приказы в ходе процессов, существенным образом отдаляла их от настоящего контроля за текущим ходом дел. Это приводило к тому, что расследованиями начинали манипулировать заинтересованные стороны, что предопределяло их результаты. Приказы могли в таких случаях запустить расследования по новому кругу. Так можно было пересмотреть их итоги, но не решить саму проблему контроля за следствиями.

Вторая проблема – разрешение конфликта интересов. Приказы-четверти, что бы ни стояло за жалобами на администраторов, брали на себя задачу непредвзятой оценки произошедшего. Для ее успешной реализации полномочные лица должны были находиться вне стремлений тяжущихся сторон. Проблема была острой – приказы всегда шли на уступки в случаях обвинений

должностных лиц в предвзятости. Единственное решение, которое предлагалось, – это перемена организатора процесса, который должен был оказаться независимым. Однако такой выход из ситуации не мог гарантировать, что проблема пристрастности судей будет преодолена.

Обе проблемы, которые приказы пытались решать, выбирая средства организации процессов над должностными лицами, поднимают вопрос о степени контроля государством хода и результатов расследований преступлений местных должностных лиц.

Литература

- Коллманн Н. Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.; Бостон, 2023.
Davies B. State Power and Community in Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635–1649. London, 2004.
Kivelson V. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996.

С. А. Семенов (ИИМК РАН), Н. А. Кренке (ИИМК РАН, ИГ РАН), С. З. Чернов (ИА РАН)

КАРТА ГОРОДИЩ И ТОПОНИМОВ 1822 г. ЗОРИАНА ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКОГО – ПЕРВЫЙ СВОД ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Н. А. Кренке: Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР ИИМК РАН на 2025–2027 гг. в рамках выполнения ФНИ ГАН «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011), руководитель В. А. Лапшин.

В 2014 г. в Отделе рукописей РНБ в Санкт-Петербурге в фонде М. П. Погодина (опись 2, инв. номер 2019) С. А. Семеновым была выявлена и предварительно исследована (судя по листу использования, ни один из археологов к этому ценнейшему источнику ранее не обращался) карта «Славянского городства», составленная Зорианом Доленга-Ходаковским в 1822 г. (далее – Атлас). В качестве картографической основы З. Ходаковский использовал Подробную карту Российской империи, которая была «сочинена и печатана в Его Императорского Величества карт депо» в 1804 г. Масштаб карты равен 20 верст в английском дюйме, то есть 1 миллиметр на карте соответствует 800 метрам на местности. Карта была передана в Императорскую публичную библиотеку вместе с остальной коллекцией книг М. П. Погодина согласно его завещанию. Экземпляр карты, который использовал З. Ходаковский, представляет собой атлас в оригинальном кожаном переплете, на фронтальной поверхности которого имеется тисненая золотом надпись на французском: «Atlas de Russje». Всего в атласе должно было быть 110 листов, но в данном экземпляре их меньше – 102. Отсутствуют три из четырех титульных листов, на которые было нанесено «расположение частей и листов Подробной карты». Сохранившийся северо-западный лист «разграфки» использован З. Ходаковским для составления сводной карты «городства», на нем нанесены условные знаки и название карты: «Указание Славянского Городства в северо-западной части России в первом опыте 1822 года». Была ли составлена сводная карта «городства» на остальные части, остается неизвестным. Представленная в атласе сводная карта «городства» (Атлас. Л. 4) послужила основой для составления карты, опубликованной М. П. Погодиным в третьем томе его «Древней русской истории до монгольского ига» [Погодин, л. 5].

Размер листов в атласе 50 × 41 см (включая корешок). На каждом листе имеются широкие пустые поля, размер «рабочей поверхности» (медной гравированной доски) всего 40 × 38,5 см. Это давало возможность З. Ходаковскому делать свои заметки на полях карты. Заметки нанесены черными либо красными (карминовыми) чернилами и карандашом очень аккуратным почерком латинскими буквами. В атласе не хватает также нескольких листов, которые были неаккуратно вырезаны, по-видимому, бритвой, часто рассекая слова заметок З. Ходаковского на полях. Отсутствуют четыре листа, охватывавшие территорию современной Польши (Варшава, Краков), западной Белоруссии (Гродно) и Литвы (Вильнюс). Также лишь корешок остался от листа с

ярославско-костромским Поволжьем. Еще семь листов с наиболее насыщенной нагрузкой также были вырезаны (вся центральная Россия), но затем аккуратно вклеены назад, и шов укреплен с оборотной стороны узкой полоской ватманской бумаги. Кто и зачем вырезал листы, остается неизвестным. Ясно лишь, что это произошло до поступления атласа в библиотеку, так как библиотечная последовательная нумерация листов (карандашные номера в правом нижнем углу) не знает пропусков. Этнограф и литературовед А. Н. Пыпин (1833–1904), написавший первую достоверную биографию Зориана Ходаковского на русском языке и посетивший Публичную библиотеку между 1852 и 1866 гг., так описал хранящуюся там карту городищ: «Подробная карта с отметками, где, однако, недостает четырех или пяти важных карт» [Пыпин, с. 84].

3. Ходаковский наносил с высокой точностью на карту городища и связанные с ними топонимы. Кроме того, он подчеркивал красным цветом на карте топонимы с формантами «город», «городище», а также «волок», «бог/буг/бож» и некоторые другие. Таким образом, автором было проведено исследование топонимии от острова Готланд (нанесены названия Westergard и Ostergard) на западе до Западной Сибири на востоке. Основная масса нагрузки приходится на центральные губернии России, где нанесено более тысячи значков городищ и топонимов. В округе Нижнего Новгорода, Казани, Самары также имеются значки городищ, хоть и более редкие, чем в Московской, Смоленской, Новгородской, Тверской и Калужской губерниях.

Карта 3. Доленга-Ходаковского требует публикации, сопровождаемой развернутым комментарием.

Рис. 1. Атлас Российской империи с пометками З. Д. Ходаковского (Карта славянского городства) // РНБ. Собрание М. П. Погодина. Оп. 2. Ед. хр. 2019. Л. 43. Фрагмент к северо-востоку от Москвы.

Литература

- Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1871. Т. 3.
 Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3.

«ДЕРЖАЛЬНИКИ»: ИЗ ИСТОРИИ ПАТРОН-КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XVII в.

Слово «держальник» впервые зафиксировано в словаре англичанина Марка Ридли, побывавшего в России в 1594–1599 гг.; запись сопровождается переводом: «а k[e]рер», то есть ‘держатель, хранитель’. В XVII в. слово изменило свое значение и стало использоваться по отношению к людям, находящимся на содержании у богатых покровителей.

После Смуты широкое распространение получила практика материальной поддержки бедных дворян и особенно жильцов (низшего чина государева двора) со стороны представителей придворной верхушки. Многочисленные сведения такого рода содержатся в жилецком списке 1624/1625 г., жилецких сказках 1632 г. и материалах жилецкого разбора 1643 г. Так, беспоместные жильцы А. Я. и А. Ф. Ощерины жили в 1624/1625 г. у боярина князя И. Б. Черкасского, П. Б. Ростопчин – у боярина князя Д. Т. Трубецкого, П. Н. Неплюев – у боярина И. Н. Романова и т. д. [Горбатов, с. 326, 327, 329, 331].

Еще красноречивее данные жилецких сказок. Так, не имевший ни поместья, ни вотчины жилец И. Н. Шанской заявил в 1632 г.: «Быть мне на государеве службе нечем, а жалует меня, поит и кормит князь Иван Микитич Хованской» [Жилецкие сказки, с. 84].

В историографии указанное явление справедливо рассматривается в контексте патрон-клиентских отношений [Павлов, с. 87–88], однако необходимо сделать важное уточнение: в большинстве подобных случаев речь, по всей видимости, шла о кратковременной материальной помощи бедным дворянам, своего рода благотворительности, а не о длительных устойчивых отношениях, обычно связывающих патрона и его клиентов.

За семь лет, прошедших между жилецкими разборами 1624/1725 и 1632 гг., состав упомянутых в этих документах благодетелей и их подопечных полностью обновился: одни жильцы успели за это время потерять прежних покровителей, другие, наоборот, – приобрести.

Но статус держальника мог оказаться и удачной стартовой позицией для успешной карьеры, если покровительство со стороны влиятельного лица, помимо предоставления крова и пропитания, включало в себя протекцию при назначении на должность или производстве в следующий чин. Так, упомянутый выше Протас Неплюев, живший в 1624/1625 г. у боярина И. Н. Романова, в начале царствования Алексея Михайловича по ходатайству боярина Н. И. Романова (сына прежнего покровителя) получил назначение на воеводство [Павлов, с. 89]. А самый известный пример – это блестящая карьера окольного П. Т. Траханиотова, в 1620-х гг., в бытность его беспоместным жильцом, жившего в доме покровителя – Б. И. Морозова.

К середине XVII в. слово «держальник» прочно вошло в обиход в значении ‘доверенное лицо, порученец знатного человека’. Так, в расходной книге новгородского митрополита (будущего патриарха) Никона летом 1652 г. сделана запись: «Июля в 20-й день приходил к митрополиту от боярина от Ильи Даниловича Милославского держальник с именинничким пирогом...» [Временник, кн. 13, материалы, с. 58–59].

Из «рописи кушанью» боярина Б. И. Морозова на Вербное воскресенье (предположительно 1661 г.) можно узнать, сколько держальников кормили за праздничным столом в боярском доме. В особом меню, составленном для держальников, после перечня яств следует помета: «на пять блюд» [Временник, кн. 6, материалы, с. 34], из чего как будто можно заключить, что в конце жизни Б. И. Морозова в его доме столовались пятеро держальников.

Судя по переписке князя В. В. Голицына, знатные лица и в 1670-х гг. продолжали содержать за свой счет и предоставлять кров бедным дворянам. Так, боярин князь Ю. П. Трубецкой писал 25 июня 1677 г. князю В. В. Голицыну, находившемуся тогда в военном походе, прося проявить милость к поехавшим в его полк Никите и Илье Назарьевым детям Полозовым; свою просьбу князь Юрий Петрович мотивировал тем, что «отец их Назарей и оне одну кашу хлебают со мною вместе» [Временник, кн. 12, смесь, с. 43]. С аналогичной просьбой тогда же обратился к князю В. В. Голицыну боярин князь А. К. Черкасский: он просил за белянина Осипа Елизарова сына Марина, который, по словам князя, «живет в домишку моем» [Временник, кн. 12, смесь, с. 41].

Держальники оставались заметной частью социального ландшафта страны до начала XVIII в. В. Н. Татищев упоминает в своем «Лексиконе» (в статье «Держальник и знакомец») о службе в прежние годы «молодого шляхетства» при знатных господах «для посылок», наподобие

адъютантов, но в 1701 г., по его словам, «для большого принуждения к службе шляхетства накрепко держать запрещено» [Татищев, с. 259–260]. Однако текст этого предполагаемого царского указа до сих пор не найден.

Источники

- Временник Московского Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 6; М., 1852. Кн. 12; М., 1852. Кн. 13.
- Горбатов Е. Н. Жилецкий список 7133 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2016. Вып. 19. С. 300–363.
- Жилецкие сказки 1632 года (публ. Е. Н. Горбатова) // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2020. Вып. 7. С. 53–193.
- Павлов А. П. Патронатно-клиентельные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Федоровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 84–98.
- Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Е. Г. Малюта (ИМЛИ РАН, МДА)

«СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА» С. И. ШАХОВСКОГО: ДЕКЛАРАЦИЯ ТАЛАНТА ГИМНОГРАФА-МИРЯНИНА

Уникальная «Сопроводительная записка» известного государственного деятеля и дипломата первой половины XVII в. князя Семена Шаховского ранее привлекала внимание исследователей лишь по содержащейся в ней шифровке имени автора [Разрешение старинной задачи]. Между тем она немаловажна для понимания места гимнографических сочинений в литературной деятельности князя-эрудита.

Документ представляет собой пространную приписку к канону Шаховского трем святителям Московским, Петру, Алексию и Ионе, имеется лишь в одном источнике-конволюте с названием «Сборник житий, повестей, юридических статей» (РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание библиотеки МДА). № 203 (далее – МДА 203). Л. 229–237 об). Причина создания «Записки» является одновременно основной ее темой: желание подражать Великому акафисту, равно как и свое гимнографическое творчество в целом, князь Симеон считает нужным обосновывать. Кроме того, посылая непосредственно патриарху свою «похвальную догму» и «силлогизмо», Шаховской, как и в некоторых других случаях, старательно шифрует имя автора и каждое из его званий [Лифшиц, с. 132].

Упоминание в «Записке» «греха» князя заставляет задуматься над уточнением датировки создания акафиста трем святителям Московским [Макарий (Веретенников), с. 58] и отнести его к периоду жизни после тобольской ссылки Шаховского. Следовательно, «записка» адресована либо патриарху Иосифу, либо, что вероятнее, патриарху Филарету, высоко ценившему литературные дарования князя и, очевидно, не расторгнувшему незаконный брак Шаховского, оставив дело, «якоже есть» [Ляпин, с. 22–23; Малюта].

Данным предположением можно объяснить и любопытную особенность первых агиографических опытов князя: они предназначались для личного прочтения одного человека – патриарха и были старательно защищены от иных читателей. Здесь можно наблюдать разницу отношения автора к своей аудитории: гимнография предназначалась сперва для людей, сведущих в церковном литературном каноне, а потом уже для «простецов», для ознакомления во время богослужения (в отличие от заявленной автором адресации исторических сочинений сколь возможно широкой аудитории) [Демин, с. 411].

Патриарху же автор предоставляет править канон с акафистом святителям Московским в случае его несоответствия классическим образцам. Одной из причин такого «малоумия» в гимнографии обозначается «ненавыкновение», что склоняет считать данное сочинение в числе первых опытов богослужебного творчества Шаховского.

Эта двойная просьба исправить огрехи гимнографического труда и утвердить его авторитетом государя-патриарха не объясняется лишь необходимым этикетом и положением полуопального Шаховского. Значение «Записки» более широко, так как в ней ставится задача защиты не только возможности творчества Шаховского церковного характера, но и, конкретнее, защиты смелого опыта создания первого акафиста русским святым.

Аргументация этой специфической задачи для мирянина-гимнографа начинается с указания на прямое небесное содействие прославляемых святых в написании акафиста им. Возможные обвинения в неумении «слагать» отведены аргументом начитанности автора в немногих сочинениях подобного жанра (он упоминает Великий акафист, а также переводные акафисты Успению, Иоанну Предтече и святому Николаю Чудотворцу [Людоговский, с. 26]).

Самым примечательным в «Записке» является обоснование автором декларируемого дарования гимнографа с помощью ряда реминисценций и прямой библейской цитации. Известный своим искусством в составлении сочинений других жанров, Шаховской просит принять его опыты как свидетельство определенного таланта и «Церкви Божии предати», то есть разрешить их распространение (МДА 203. Л. 244).

Заключительный пассаж документа несет характер скрытого убеждения адресата. Автор выказывает здесь свою неординарную начитанность и тем еще раз убеждает патриарха, что погрешить от «неразумия» в гимнографии он, разбирающийся в сложных богословских вопросах, мог бы только по «лукавству», отсутствие которого спешит засвидетельствовать. Шаховской последовательно отводит от себя главные обвинения – в злом умысле и отсутствии знания, выставляя на вид слабейшее, то есть отсутствие опыта.

Наблюдения над содержанием и стилем «Сопроводительной записки» достаточно ясно иллюстрируют тезис о том, что посланные патриарху сочинения должны были, при известном неоднозначном отношении к нему высших лиц государства, развеять сомнения в искусстве князя как церковного писателя (в частности, гимнографа) и одобрить новые подобные опыты. Для решения этой задачи автор прибегает в документе к различным типам аргументации.

Литература

- Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
- Лифшиц А. Л. Неизвестное сочинение Семена Ивановича Шаховского о пожаре в Успенском соборе Великого Устюга // Slověne. 2023. Т. 12. № 2. С. 127–142.
- Людоговский Ф. Д. Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М., 2015.
- Ляпин Д. А. Четвертый брак: о семейной жизни князя С. И. Шаховского // История. Факты и символы. 2022. № 3 (44). С. 20–25.
- Макарий (Веретенников), архим. Первый Патриарх Иов и его время // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 1. С. 11–170.
- Малюта Е. Г. О малоизвестном третьем каноне трем святителям Московским // Modern Humanities Success. 2023. № 4. С. 65–68.
- Разрешение старинной задачи из Троицкой Лавры // Москвитянин. 1851. № 8. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Sachovskoj_S_I/text2.htm (дата обращения: 20.04.2025).

Я. В. Мартынова (Исл РАН)

СВАТОВСТВО КОРОЛЕВИЧА ЯКУБА СОБЕСКОГО К КНЯЖНЕ ЛЮДОВИКЕ КАРОЛИНЕ РАДЗИВИЛЛ В СООБЩЕНИЯХ РУССКОГО РЕЗИДЕНТА ПРОКОФИЯ ВОЗНИЦЫНА

Приезд в Польшу русского резидента Прокофия Возницына в 1688 г. пришелся на время подготовки в Гродно к сейму. Этот год оказался богатым на события, свидетелем которых стал русский резидент. Возницын ознакомил свое правительство с афронтом польского королевского

семейства в попытке устроить свадьбу старшего сына королевича Якуба с овдовевшей маркграфиней Людовикой Каролиной Радзивилл.

В докладе данный эпизод будет рассмотрен глазами русского резидента. Источниковой базой исследования стала переписка П. Б. Возницына с Посольским приказом (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 233, 234, 235).

Информаторами резидента были Лаврентий Доминик Кволчинский, переводчик при императорском дворе Адам Стилля, австрийский резидент в Речи Посполитой Иоганн Жировский. Упомянул Возницын в своих донесениях посланника и резидента бранденбургского курфюрста – Вихерта.

Сведения, передававшиеся в Посольский приказ, во многом совпадают с информацией польских и иностранных источников, к которым не единожды обращались польские исследователи. В частности, касательно одной из причин, почему сейм в Гродно был разорван, – попытка польской королевской семьи заменить принцип выборности монарха на абсолютизм.

В 1687 г. после смерти маркграфа Людвиг Гогенцоллерна начался новый этап борьбы за радзивилловское наследство и руку его вдовы Людовики Каролины. В донесениях Возницына приводятся точки зрения представителей разных кругов общества о происходящих событиях.

В августовский отчет Возницын включил представленное Лаврентием Кволчинским описание тайной миссии старосты мальборского Казимира Людвика Белинского – посла Яна III в Бранденбурге в 1687–1688 гг., которому было поручено, во-первых, получить обещанное ранее военное подкрепление и, во-вторых, организовать тайную встречу с княжной Радзивилл и заручиться ее согласием на брак со старшим сыном польского короля.

Донесения Возницына не обходят стороной тайное путешествие королевича Якуба в Берлин. Он отмечает: «Посол его королевского величества староста малбурский приехал вчера. С стороны посольства ево еще не слышат, токмо поговаривают, что имеет до Гданска ехать, для того дела княжни Радзивилловны сам королевич» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. 1688 г. Л. 91).

В донесении В. В. Голицыну Возницын передает одну из представленных австрийской стороной версий о причинах препятствования императором свадьбе сына польского короля с маркграфиней: «...король [польский] и так великим своим богатством пришел в такую мочь и владение, как неперед сего отнюдь не бывало... А ныне де, когда еще за нею (Каролиной Людвигой. – *Я. М.*) присовокупит толикие маетности, то и достоль будет владеть, как сам похочет» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. 1688 г. Л. 117). Еще одна причина неприятия союза наследницы Радзивиллов и сына Яна III австрийским правительством заключалась в том, что император опасался усиления французского короля, с которым шла война, за счет его союза с Польшей.

Возницын в одном из своих донесений передает версию, возможно, услышанную им от австрийского или бранденбургского посланников, которая не упоминалась ранее, о том, что «признавают еще государи (В. В. и А. В. Голицыны. – *Я. М.*), что то соединение супружества к болшему происходит делу. Имеет понеже уже того князя Наiburского фамилию производят Корибутоского дому и Ягеллонскому, по которой имеет приступ до Королевства Полского. Другой случай, что ныне имеет как в Полше, так и в Литве многие города и места, взятые за вышереченною княжною. Третье. Имея себе зятя, цесарское величество и прочих немецких князей и помощников, подлинно имеет себе за кандидата Королевству Полскому, что и приобещано оной госпоже, что она скоряй будет королевою полскою, будучи за князем Наiburским, нежели быти имеючи за королевичем полским...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. 1688 г. Л. 134). Можно предположить, что никто кроме польского короля, правда, при поддержке французского короля, не был заинтересован, чтобы состоялась свадьба Якуба и Людовики Каролины.

В нескольких вестовых письмах Прокофий Богданович указывал на задержку со стороны короля с объявлением о выступлении в турецкий поход. В донесении от 21 июня он писал, что «королевское величество еще пребывает в Вилянове» и «в обоз не пойдет, может то, что и пойдет, толко недалеко, и то сумнительно, понеже отпустил сына своего королевича до Прус для сватаня з

госпожею Радзивиловною, и что он там учинит дожидатца, того в Варшаве будет» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. 1688 г. Л. 95). Резидент уведомил также о несостоявшейся сделке короля с бранденбургским курфюрстом по присылке в Польшу в 1688 г. немецкого войска. Согласно мнению австрийского резидента Жировского, перенос военной кампании Яном III стал ответом императору на несостоявшийся брак.

Таким образом, впервые был рассмотрен эпизод сватовства польского королевича Якуба глазами русского резидента.

А. А. Мирясова (ИА РАН)

КОМПЛЕКС ЧЕРЕПИЦЫ ИЗ РАСКОПОК 2024 г. У ЦЕРКВИ ИЛЬИ ПРОРОКА (МОСКВА, УЛ. ИЛЬИНСКАЯ)

В рамках ремонтно-реставрационных работ по ул. Ильинка, д. 3/8, стр. 2 в г. Москва Институтом археологии РАН в 2024 г. проведены раскопки под руководством Л. А. Беляева. Они затронули территорию, непосредственно прилегающую к зданию церкви Ильи Пророка. Это самый древний из сохранившихся в Китай-городе храм (1520 г.). Как сам храм, так и соседствующее с ним с 1570-х гг. Новгородское архиерейское подворье, которому церковь была передана в 1676 г., – знаковые для российской истории места, связанные с известными событиями и людьми. Одним из ярких примеров является сигнал к началу восстания против Лжедмитрия I, который был дан набатом с колокольни храма.

Всего в 2024 г. здесь собрано 150 фрагментов черепицы разных типов. Вся черепица с большой вероятностью является разновременными вариантами покрытия памятника, связанными с восстановлением и перестройкой после многочисленных пожаров. Время строительства каменной церкви совпадает с началом применения черепицы в Москве. Уже первое каменное строение вполне могло иметь керамическую «аспидную» кровлю. Среди находок представлена городчатая чернолощенная черепица (3 фрагмента) из слоев, датируемых по керамике XVI–XVII вв., и еще 14 фрагментов тоже плоской чернолощенной черепицы (в том числе с крепежными отверстиями) с неопределимым оформлением нижнего конца (пластина этих фрагментов чуть тоньше, чем у городчатой) из слоев, датируемых по керамическому материалу XIV–XVI вв. (датировки О. Н. Глазуновой). Чернолощенная городчатая черепица имеет в Москве самую широкую датировку среди аналогичных досковидных черепиц с другими типами оформления нижнего края, она бытует до 1670-х гг., таким образом, может относиться и ко времени восстановления церкви, например, после пожара 1547 или 1571 г.

Чернолощенная лотковая черепица (28 фрагментов; в результате склейки получено 2 целых экземпляра и 3 крупных фрагмента, с полным профилем по длине или ширине), применявшаяся практически весь XVII в., могла покрывать своды церкви. Вся обнаруженная лотковая черепица относится, по-видимому, к единовременному покрытию, так как аналогична по качеству и параметрам ($32,5\text{--}33,5 \times 17,0\text{--}17,5 \times 5,2\text{--}5,5$ см; толщина пластины 2,0–2,8 см).

Интересна находка черепиц, образующих пару одинаковой формы, но разного цвета. Первая пара представлена чернолощенной и красноглиняной без лощения черепицей с нижним окончанием, оформленным двумя резкими полукруглыми вырезками, образующими узкий «зуб» (подобная черепица получила в литературе наименование «бобровый хвост»). Это крупные фрагменты 4 экземпляров (2 чернолощенных и 2 красноглиняных без лощения), по которым реконструируется целая форма. Чернолощенные экземпляры имеют продольный изгиб для укладки по выпуклой поверхности. Черепица была использована для покрытия глав небольшого размера (на что указывает сильное заужение конца с крепежным отверстием (с 14 до 6 см) и относительно небольшая длина (26,5 см). Довольно толстая пластина (2,5–3,0 см), видимо, должна была придать

фигурности, а чередующиеся цвета – нарядности. Такое сочетание цветов в покрытии глав известно. Например, концентрические чередующиеся пояски красного и черного цвета на главах церкви Сергия в Комягино из городчатых чернолощенных и краснолощенных черепиц, датируемых XVII в. [Альтшуллер, с. 41].

Вторая пара черепиц предназначалась для комбинации тех же цветов на прямолинейной кровле. Эта плоская черепица изготовлена из белой глины, с нижним концом, оформленным в виде 3 полукружий – крупного центрального и боковых поменьше, линия которых повторяется декоративным желобом, с небольшим отступом от края. Эта черепица также представлена в двух цветовых решениях: чернолощенная (21 фрагмент) и покрытая красным ангобом (3 фрагмента). Размеры реконструированного экземпляра: 22,0 × 29,0 × 1,5 см (реконструкция С. В. Борзовой).

Хронологическая привязка этой черепицы требует дополнительных изысканий. Сами фрагменты происходят из широко датируемых по керамическому материалу слоев. Возможно, эта черепица связана со временем перестройки храма после передачи его Новгородскому подворью в 1676 г. Облик церкви подвергся тогда значительным изменениям: завершение ее разбирается, поверх старых стен надстраивается новый четверик.

Больше всего обнаружено фрагментов (74) городчатой поливной черепицы, что неудивительно, ведь этот вид поливной черепицы получил наиболее широкое распространение, время бытования – XVII – начало XVIII в. [Хворостова, с. 212]. Целый экземпляр такой черепицы имеет параметры: 24,5 × 13,8 × 1,6 см. Толщина фрагментов варьируется от 0,8 до 1,8 см, что косвенно указывает на разное время производства. Фрагменты отличаются и по другим параметрам, и по тесту: в основном это белая глина, но представлены и фрагменты из розовой глины. Несколько фрагментов имеют характерный продольный изгиб. Некоторые (все они толщиной около 1 см) носят следы пожара. Вероятно, «муравленные» покрытия полюбились горожанам и неоднократно возобновлялись.

Распространение такого материала покрытия, как черепица, на территории нашего государства имеет определенную специфику и четкие хронологические границы: XVI–XVII вв. – время ее активного усвоения, после чего популярность этого вида покрытий идет на убыль [Беляев, Баранова, с. 273]. Черепичное покрытие важного храма в самом центре Москвы и, возможно, соседних построек на Новгородском подворье отражает этот яркий период ее бытования и обогащает наше представление об облике торговой части города XVI–XVII вв.

Литература

- Альтшуллер Б. Л.* Некоторые вопросы восстановления керамических покрытий XVII в. // Теория и практика реставрационных работ. М., 1972. Сб. 3. С. 39–47.
- Беляев Л. А., Баранова С. И.* О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков // Русь в XII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 264–277.
- Хворостова Е. Л.* Керамические покрытия кровель XV–XVII веков (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 204–214.

О. В. Новохатко (ИРИ РАН)

ОСМОТРЫ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в. (ПО ЗАПИСНЫМ КНИГАМ ДЕЛ ОБ ОТСТАВКЕ)

Одним из важнейших этапов в решении дела об отставке или отсрочке от полковой службы служилых людей по отчеству являлся их осмотр. Распоряжение об осмотре отдавал или государь при представлении ему челобитной, или руководитель Разрядного приказа после прочтения челобитной. Подтвердить требовалось основные позиции, по которым принималось решение об отставке или отсрочке от службы, – старость и тяжесть заболевания: «Велено осмотреть, и буде он

стар и увечен и служить немочно, от полковые службы отставить» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 140. Л. 11).

В Москве осмотр проводился в зданиях или Разрядного, или Аптекарского приказа, изредка на дому у челобитчика. В подавляющем большинстве случаев осмотр проходил в Разряде. Вначале зачитывали челобитную служилого человека, затем его осматривали и записывали результаты осмотра и, наконец, собирали анамнез: выслушивали рассказ челобитчика о его ощущениях, заболеваниях и их длительности, ранениях и травмах, обстоятельствах их получения.

Осмотр служилых людей в Разряде находился в компетенции в первую очередь высших чиновников приказа – разрядных дьяков – заместителей начальника приказа. К процедуре привлекались также другие разрядные дьяки, имевшие долгий срок службы в приказной системе или бывшие опытными специалистами в военном деле. В любом случае, дьяк производил осмотр служилого человека единолично, очевидно, только с помощью подьячего, который вел протокол обследования.

Чаще всего осмотр служилых людей на предмет отставки от службы ограничивался оценкой их состояния дьяками в Разряде, в других случаях разрядное руководство направляло челобитчиков к докторам в Аптекарский приказ. Осмотр завершался вердиктом разрядных дьяков тогда, когда состояние здоровья челобитчика не представлялось им тяжелым и в то же время эта оценка не вызывала у них сомнений. При колебаниях Разряд обращался к докторам Аптекарского приказа с поручением осмотреть служилого человека и сделать вывод о его годности к полковой службе, подтвердить или опровергнуть мнение разрядного руководства. Заключение докторов должно было в обязательном порядке быть заверено приписью дьяка Аптекарского приказа. Этот документ направлялся в Разряд вместе с ответной памятью, где уже на его основании руководство приказа принимало решение об отставке.

Во второй половине XVII в. в подавляющем большинстве случаев руководство Разряда полагалось на заключение, сделанное докторами Аптекарского приказа, – дать челобитчику отсрочку от полковой службы или отставку от нее. Картина несколько меняется с начала 1700-х гг. Здесь доля решений Разрядного приказа, противоречащих заключениям докторов, увеличивается. Например, заключение доктора гласило, что «немочь ево, как кажетца, есть начало сухотной немощи в лехком. Для помянутых знаков, сиречь плевание крови, сухости и слабости телесной и для трудности дыхания, и тяшости в груди, никаким образом не может служить», однако решение Разряда ограничилось только отсрочкой от полковой службы (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 174. Л. 126 об.).

В то же время это не означало, что разрядное руководство во всех случаях принимало только более жесткие, чем доктора, решения. Иногда дело оборачивалось более благоприятным для челобитчика исходом. Так, доктора признали необходимость дать служилому человеку отсрочку от службы, но в Разряде его решили «от службы отставить за старость и за увечьем» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 174. Л. 128).

Помимо заключений докторов Аптекарского приказа Разряд в определенных случаях основывал свое решение об отставке челобитчика на показаниях других служилых людей, знавших о его заболевании. Если эти люди находились в тот момент в Москве, их приглашали для дачи показаний в Разряд. Обычно в таких случаях речь шла об эпилепсии и психических расстройствах. Внешний вид и поведение служилого человека с такими заболеваниями могли не показать его состояния при осмотре в Разряде. Поэтому необходимо было привлечь свидетелей, которые подтвердили бы, что наблюдали проявление болезни. Например, осмотр С. А. Кугушева показал, что у него «наружные болезни нет». Сам же он объявил, что «де с ума сходит в году по дважны и по трижды, и в беспамятстве людей бьет и над собою многие причины чинит. А в беспамятстве де бывает по месяцу и болши». Его слова подтвердили несколько служилых людей, «сказали про него, кн. Семена, на службе де он не был за вышеписанною болезнью и что с ума сходит» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 174. Л. 13).

Основываясь на источниках, можно отметить, что Разряд выносил решение об отсрочке или отставке от полковой службы на основании осмотров, проведенных только своими дьяками, в 1361 случае, зафиксированном в записных книгах. Осмотр челобитчиков по направлению из Разряда только докторами Аптекарского приказа указан в 325 записях. Таким образом, разрядные дьяки практически единолично оценивали годность служилых людей к службе, полагаясь на собственный опыт в приказной деятельности и знание военного дела, и обращались к профессиональной экспертизе лишь в том случае, когда заболевания служилого человека были весьма тяжелыми и руководство Разряда колебалось в вопросе об отставке или отсрочке от службы.

В. Д. Пузанов (ШГПУ)

ДОХОДЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – XVII в. В ОЦЕНКАХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ И ИНОСТРАНЦЕВ

В бюджете России пушнина играла особую и очень значительную роль. Посол Империи барон Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., отмечал, что пушнина, особенно дорогая, которую привозили из северных областей России и Сибири, была важным предметом русской внутренней торговли и русского экспорта. Герберштейн сообщал, что к началу XVI в. пушнина, воск и «рыбий зуб» были основными продуктами вывоза из Русского государства в Германию, Литву и Турцию. В России меха, «которые у них в изобилии», по замечанию Герберштейна, традиционно играли важную роль в торговых операциях, часто выступая заменой драгоценных металлов – золота и серебра, которые в стране еще не добывались [Герберштейн, с. 273–277].

По данным английского посла Джильса Флетчера, к 1588 г. подати деньгами из Сибири давали в казну 20 тысяч рублей. В это время область Казани давала 18 тысяч рублей, а Рязань – 30 тысяч рублей. К 1588 г. в Сибири русские отряды основали только два уездных центра: Тюмень (1586 г.) и Тобольск (1587 г.). Кроме того, помимо денег за «прошлый год» из Сибири были доставлены 466 сороков соболей, 5 сороков куниц, 180 чернобурых лисиц и др. [Флетчер, с. 37–39].

В 1653 г. шведский резидент в России Иоганн де Родес в докладе о русской коммерции, предназначенном для королевы Швеции Христины, оценивал общий доход казны Русского государства от всей пушнины в 20–30 тысяч рублей в год, которые складывались как из налога десятины на частных торговцев, так и из других источников. Родес сообщал, что пушнина, кроме соболей, добывалась по всей России, но основные доходы поступали от сибирской пушнины: «Больше всего и наилучшие меха добываются в Сибири, как-то соболи, куницы, черные, красные и белые лисицы, рыси, белки, горностаи и норки» [Курц 1914, с. 161].

В 1675 г. Бальтазар Койэтт, дипломат из Нидерландов, называл Сибирь «золотое дно его царского величества». По сведениям Койэтта, только из района р. Лены – Якутского уезда – правительство «доставляет налогов соболями на 90 000 рублей или дукатов» [Посольство, с. 340].

По данным подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, который бежал в 1664 г. в Польшу, а затем в Швецию, доход государевой казны от сибирской пушнины составлял более 600 тысяч рублей: «Сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память, а чаять тое казны приходу в год болши шти сот тысячь рублей» [Котошихин, с. 104]. При этом, согласно Котошихину, доходы от сибирской пушнины составляли в середине XVII в. около трети от всего бюджета Российского государства.

Эти данные Г. Котошихина получили распространение в Западной Европе, в первую очередь в Швеции, уже в 70-е гг. XVII в. Шведский дипломат Кильбургер, участник шведского посольства в Россию 1673–1674 гг., оценивал доход Русского государства от Сибири в 600 тысяч

рублей. Кильбургер отмечал, что «Сибирь занимает большую часть русского царства», и сообщал «в Москве говорят, как верное, что она приносит ежегодно до 600 тыс. рублей, чему без сомнения способствует соболина ловля» [Куриц 1915, с. 170].

В 1692–1693 гг. в Китай через Сибирь ездило русское посольство во главе с голландцем по рождению купцом Избрантом Идесом. Секретарь посольства предприниматель Адам Бранд сообщал в записках о посольстве, что русский царь в год обычно получает из Сибири «ясок соболями, куницами, белыми и красными лисицами и другой пушшиной» на сумму 200 тысяч рублей [Избрант Идес и Адам Бранд, с. 88]. Бранд отмечал, что из Сибири можно было бы получить больше, если бы она не лежала так далеко от Москвы. Надо отметить, что Избрант Идес и Адам Бранд были в Сибири официальными лицами – русскими дипломатами, и потому их сведения, видимо, восходят к официальным источникам.

П. Н. Милуков, исследуя доходы Русского государства, полагал, что «в среднем доход Сибирского приказа в XVII в. вряд ли был более 150 000 руб.», из которых доход от пушнины редко достигал и 100 тысяч рублей, а обычно был меньше. По мнению ученого, «показание Котошихина» о доходах казны от Сибири в 600 000 рублей «нужно признать совершенно неверным» [Милуков, с. 113]. Позднее С. В. Бахрушин отмечал, что «общая стоимость мягкой рухляди, поступавшей из Сибири в казну» составляла в среднем в XVII в. 100–150 тысяч рублей [Бахрушин, с. 53]. П. Н. Павлов оценивал доходы сибирской казны только в 7–8 % государственного бюджета [Павлов, с. 101].

Однако именно данные Г. Котошихина о роли сибирской пушнины в российском бюджете XVII в. вошли в отечественную историографию, см. работы В. О. Ключевского, М. К. Любавского, М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. Н. Фирсова, Г. В. Вернадского, Л. Н. Вдовиной [Ключевский, с. 221; Любавский, с. 229; Владимирский-Буданов, с. 250; Фирсов, с. 38; Вернадский, с. 68, 376; Вдовина, с. 67].

Материалы Сибирского приказа показывают, что доходы от пушнины в XVII в. играли важную роль, но были гораздо меньше, чем казалось Г. Котошихину. В 1691 г. Сибирский приказ составил доклад для государя, в котором отмечалось, что за последние десятилетия из Сибири привозили «соболиной казны и всякой мягкой рухляди» в год на суммы в 80 000, 90 000 и 100 000 рублей (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1110. Л. 153–160).

Источники

- Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1.
Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.
Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
Куриц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914.
Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
 Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
Флетчер Джильс. О государстве Русском. Б/м, 1867.

Литература

- Бахрушин С. В.* Научные труды. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.: Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М., 1959. Т. 4.
Вдовина Л. Н. Добывающие промыслы // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй. С. 55–74.
Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь; М., 2001. Т. 2.
Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1988. Т. 3.
Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.
Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1921.

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР ПРИ СТЕФАНЕ ВОНИФАНТЬЕВЕ

Стефан Внифантьев, духовник царя Алексея Михайловича и глава московской ветви движения «ревнителей древнего благочестия», – фигура весьма значимая в истории русского общества и русской церкви предраскольного периода. Находки последних лет позволяют достоверно отождествлять его с «грешным Агафоником», корреспондентом публицистических посланий Серапиону Суздальскому о единогласии и Никону, тогда еще Новгородскому митрополиту, о поклонении на восток при чтении псалмов ([Савельева, 2022]; здесь же основная библиография по теме). Деятельность московских боголюбцев под патронажем Стефана Внифантьева была направлена на доктринальное и дисциплинарное наставление духовенства, на искоренение нарушений церковной обрядности и на вовлечение каждого человека в христианское служение; в этом состояла реформаторская сотериология «ревнителей благочестия» [Живов, с. 353].

Приобщение клира и паствы к этому пути спасения, вопреки сложившимся представлениям, отнюдь не ограничивалось «изустными» проповедническими обращениями к миру, сведения о которых весьма скудны и неопределенны. Московские «ревнители благочестия» оставили после себя несколько публицистических выступлений, направленных на искоренение церковного неблагочиния, а основные идеи этих выступлений последовательно проводили через издания Печатного двора. С конца 40-х гг. XVII в. здесь выпускаются книги, в том числе богослужебные, которые дополняются разделами, провозглашающими идеи и задачи боголюбцев. В предисловиях, созданных специально для изданий Октоиха (январь 1649 г.) [Савельева 2021] и Псалтири с воследованием (октябрь 1649 г.), отражены регламентации по введению единогласия, следованию апостольским традициям в церковном почитании икон и унификации чина чтения Псалтири, в котором допускается обращение только к восточной стороне храма. Таким образом, все вопросы, важные на этом этапе для «ревнителей благочестия», так или иначе прошли через апробацию в дособорных изданиях Печатного двора и готовили духовенство к принятию грядущих решений церковного собора 1651 г., законодательно утвердившего позицию боголюбцев.

В работе Печатного двора под надзором Стефана Внифантьева прослеживается особенно интенсивное обращение к югозападнорусской книжности. Опыт доктринального и дисциплинарного наставления паствы перенимается московскими реформаторами через апелляцию к соседней, духовно и конфессионально близкой, традиции, несмотря на все особенности ее формирования. Вовлечение украино-белорусского книжного наследия в работу московских печатников проявляется не только в публикации и подготовке к изданию под патронажем Стефана Внифантьева компиляций западнорусского автора иеромонаха Гедона («Книга о вере», 1648 г.; «Альфа и Омега», не завершено). Для достижения своих целей московские справщики и редакторы обращаются к югозападнорусским изданиям, в том числе только что вышедшим (Требник Петра Могилы 1646 г.) и публикуют тексты из этих книг. Именно со Стефаном Внифантьевым начинаются первые контакты и первые опыты духовного и литературного сотрудничества киевского эрудита Епифания Славинецкого, приехавшего в Москву в июле 1649 г.; его перевод впервые публикуется в предисловии к «Псалтири с воследованием» 1649 г. [Грицевская, Литвиненко, с. 3–4, 23–28], в составе компиляции, подготовленной Стефаном Внифантьевым.

Таким образом, обращение боголюбцев под патронажем и духовным наставничеством Стефана Внифантьева к печатному стану свидетельствует о вполне решительных реформаторских устремлениях сообщества единомышленников, имеющих поддержку в самых высоких и просвещенных московских кругах.

Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Афанасий Александрийский и Псевдо-Афанасий в переводах Епифания Славинецкого // *Palaeobulgarica/Старобългаристика*. 2020. Т. 44. № 3. С. 3–34.

Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde russe*. 2012. № 2–3 (Vol. 53). P. 349–374.

Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // *Русская литература*. 2021. № 4. С. 65–77.

Савельева Н. В. Послания «грешного Агафоника» и публицистика ревнителей древлего благочестия: к проблеме атрибуции // *Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной*. СПб., 2022. С. 31–43.

Д. В. Сазонов (МПГУ)

ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕСТНОМ УПРАВЛЕНИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. (НА МАТЕРИАЛАХ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ А. И. БЕЗОБРАЗОВА)

Одним из актуальных направлений современной историографии допетровской России является изучение проблемного поля патрон-клиентских отношений [Кром]. Можно лишь согласиться с мнением М. М. Крома о многоаспектности патрон-клиентских отношений. Лучше всего эти неформальные связи изучены внутри аристократических кругов, церковный патронаж только начинает изучаться, а вопрос о наличии таких отношений в ряде других социальных страт и вовсе не поставлен в историографии [Кром, с. 73].

В основе исследования находится изучение частной переписки стольника Андрея Ильича Безобразова. Следует отметить, что эвристическая ценность корреспонденции как исторического источника уже подчеркивалась в историографии. Частная переписка, по мнению О. В. Новохатко, интегрировалась в государственные коммуникационные ресурсы, так как письма должностных лиц, адресованные знакомым или родственникам, были направлены на решение служебных вопросов [Новохатко 2018].

Обратим внимание, что А. И. Безобразов обладал обширной клиентарной сетью. Сосредоточим внимание на исследовании только тех неформальных отношений, которые связаны с местным управлением. В эту часть его клиентарной сети входили приказные люди, например, кашинский воевода Михаил Борщов, боровский воевода Гаврила Богданович Приклонский и подъячий Белевской приказной избы Савва Богданов. Это объясняется тем, что думный дяк и глава Разрядного приказа Василий Григорьевич Семенов был свойственником А. И. Безобразова [Новохатко 2007, с. 560]. В письмах приказных лиц, адресованных А. И. Безобразову, легко вычленим узнаваемые клаузулы, отражающие наличие патрон-клиентских отношений [Памятники]. Остановимся на нескольких сюжетах, подсвечивающих важные проблемы истории местного управления.

Так, воевода М. Борщов просил своего патрона помочь с каким-то делом в Холопьем приказе, а также просил узнать в Разбойном приказе «о грамоте по чему, государь, мне разбойные и бивственные дела ведать, а по иным, государь, городам указы присланы и губная изба сломат» [Памятники, с. 51]. Вероятно, это письмо было составлено после указа от 27 ноября 1679 г. об отмене губных старост [ПСЗ, с. 219–220] и М. Борщов хотел получить инструкции о ведении губных дел в связи с их полной передачей воеводам.

М. Борщов узнал о сборе ямских денег и просил: «Заступи милостью своей, чтобы в Кашин для сбора ямских денег никого не посылали», а далее увещевал: «А если, государь, кого пришлют и мне, государь, не для чего и в съезжую избу будет ездить, и на соль негде будет взять, кроме, государь,бору ямских денег» [Памятники, с. 51–52]. Он же просил А. И. Безобразова оказать содействие в отпуске грамот из Разрядного приказа, а также просил держать его в курсе неких дел Разряда, интересовавших М. Борщова [Памятники, с. 52].

Проблема противостояния губных старост и воевод также нашла свое отражение в корреспонденции: «Да бьет челом, государь, великому государю губной староста Иван Толкачев, чтоб меня переменить до указанных чисел, и ты, государь, пожалуй, милостивый ко мне, батько, умиловись надо мной, побей челом за меня думному Василью Григоревичу» [Памятники, с. 52–53].

Боровский воевода Г. П. Приклонский просит у А. И. Безобразова походатайствовать перед В. Г. Семеновым, признавая бедственное финансовое положение: «Для моего безсемянства поберег в Разряде, умираю голодною смертью, и дрова, и на бумагу, и на свечи, и на чернила с посаду и с уезду четвертные деньги не указаны все покупаю на свое, а неокладных и с судных дел никаких нет и подьячим прокормиться нечем, и хоромы на дворе все обвалились». Также он просил поддержать Г. П. Приклонского в качестве воеводы перед В. Г. Семеновым, так как бывший воевода Никифор Грушевский грозит сменить Г. П. Приклонского в должности [Памятники, с. 81].

Опасаясь сыска, мосальский воевода С. К. Безобразов просит «в Разряде человеку своему проведать подлинно, кто на мое место в Мосалеск будет, кому наказ и росписная грамота дана» [Памятники, с. 38].

Таким образом, можно утверждать о наличии неформальных отношений в практике местного управления. Воеводы посредством обращения к своему патрону пытались решить финансовые и кадровые вопросы, получить информацию из Разрядного приказа, поддержку в борьбе с губными старостами.

Источники

Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1]. СПб., 1830. Т. 2: 1676–1688.

Литература

Кром М. М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 4. С. 66–78.
Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007.
Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018.
А. А. Селин (НИУ ВШЭ СПб)

ДВА ВЗЯТИЯ И ДВЕ ПЕРЕДАЧИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА КОРЕЛЫ/КЕКСГОЛЬМА НА РУБЕЖЕ XVI–XVII вв.

Вопрос о политической принадлежности крепости Корела/Кексгольм – один из самых острых в военных и дипломатических спорах между Российским государством и Шведским королевством. В конце XVI – начале XVII в. Корела дважды была взята штурмом шведскими войсками, однако было и две попытки мирной передачи крепости: успешная в 1597 г. и безуспешная в 1610 г.

Первое взятие Корелы было частью шведских побед 1580–1581 гг., круто переменявших ход Балтийских войн XVI в. Получив назначение в Финляндию в августе 1580 г., П. Делгарди 23 октября перешел границу в двух милях от Выборга, а 26 октября осадил Корелу. 4 ноября город стали обстреливать калеными ядрами, и на следующий день он капитулировал [Разрядная книга, с. 429].

На тязвинских переговорах вопрос о Кореле был одним из самых острых. Вслед за подписанием договора в мае 1595 г. не последовало немедленной его передачи. Вопрос об этом городе имел для Шведского королевства важное политическое значение: фоном тех событий, которые происходили на востоке Балтики в 1595–1599 гг., было противостояние сторонников короля Сигизмунда во главе с Класом Флемингом и герцога Карла Сёдерманландского [Yrjö-Koskinen, s. 234, 235, 273]. Сам герцог объяснял задержку с передачей города несправедливым

межеванием на Севере и по Нарове и просил пересмотреть границу (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Столбцы. 1596 г. Д. 3. Л. 4–27).

В мае 1596 г. было снаряжено посольство Д. И. Вельяминова, С. О. Безобразова и дьяка Т. Репьева. Им следовало идти и принимать Корелу от шведских властей (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Столбцы. 1596 г. Д. 2). Москва придавала весьма большое значение взятию под власть Корелы: источники показывают редкий случай качественной координации действий между разными российскими межевыми комиссиями и местными воеводами (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Столбцы. 1596 г. Д. 1. Л. 6–7).

В январе 1597 г. король Сигизмунд отправил в Нарву письма царю Федору и Класу Флемингу с указом передать Кексгольм российской стороне. Из Нарвы в Москву было отправлено посольство: ратман О. Хастфер, переводчик Х. Прюссман и дворянин Т. Хенрикссон; они вернулись из России в конце февраля с известием о мирных намерениях Москвы [Tawaststjerna, s. 501–502].

Обе противоборствующие партии Шведского королевства были согласны передать Кексгольм и фактически соревновались в том, кто быстрее передаст крепость русским комиссарам. 1 июля 1597 г. главнокомандующим в Финляндии был назначен А. Столарм. Он приказал выборгскому наместнику М. Л. Крусу и О. С. Эльфкарлу немедленно передать Кексгольм русским. Около 20 августа две комиссии встретились, и 3 сентября 1597 г. город был возвращен под власть московского царя. Через несколько дней после передачи Кексгольма герцог Карл повел армию в успешный поход на сторонников короля Сигизмунда в Финляндии. Узнав, что замок уже находится во владении русских, он 17 октября отправил письмо царю Федору, указывая, что сам давно хотел, чтобы город был возвращен, но «некоторые мятежники» помешали его замыслу.

Город перешел под власть московских воевод; из него власть распространилась на Корельский уезд, граничивший с Выборгом и Олафсборгом. О строительстве или ремонте крепостных сооружений в 1597–1611 гг. ничего не известно [Schwindt, s. 45]. История осады города войсками Я. Деллагарди в 1610 г. хорошо изучена [Замятин]. Именно в статье Г. А. Замятина подробно показано, что достигнутое на переговорах в Выборге 1608 г. решение о передаче Корелы с уездом Шведскому королевству было принято на основе широких полномочий князя М. В. Скопина-Шуйского, без санкции Москвы. Такое решение показывает существенные изменения в структуре власти в Московском царстве к 1608 г. в сравнении с тем, как велись переговоры ранее, когда санкция центральной власти требовалась по гораздо менее значимым поводам [Селин 2019; Селин 2024]. Р. Б. Мюллер в 1940 г. были опубликованы данные о попытке шведской администрации Выборга получить Корелу без военных действий [Карелия, с. 16–23]. Этим исчерпываются сохранившиеся известия о переговорах по мирной передаче города.

Источники

Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер; Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

Литература

Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в.: Очерки военно-политической истории. СПб., 2008.
 Селин А. А. Столбовский мир 1617 г. 2-е изд. СПб., 2019.
 Селин А. А. Тязвино 1592–1595 гг. Дипломатические игры на востоке Балтики. СПб., 2024.
 Schwindt Th. Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnotetun kaupungin rakennushistorian aineksia. Helsingfors, 1898. (Analecta Archaeologica Fennica; II: 2).
 Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki, 1929.
 Yrjö-Koskinen Y. S. Nuijasota: sen syyt ja tapaukset. Otava, 1929.

А. В. Сергеев (ЧОУ ДПО «Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства»)

ОБЩЕСТВЕННОЕ И СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРОДУБСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Статус князей Стародубских характеризуют: включенность в Государев двор, присутствие в Боярской думе, землевладение, динамика местнических споров. К концу Смуты из большой (15 фамилий) ветви Стародубских Рюриковичей остались только 7 фамилий (Пожарские, Ромодановские, Хилковы, Татевы, Ковровы, Гагарины, Гундоровы). Деление ветви Стародубских Рюриковичей на фамилии, а также история князей во второй трети XVI – начале XVII в. рассмотрены в монографии автора [Сергеев, т. 1, с. 187–206, 471–484, 531–545, 580–589, 645–651, 687–691; т. 2, с. 14–34, 329–371].

Социально-политическая эволюция князей Стародубских в первой половине XVII в. в историографии изучена мало. Отдельные аспекты этого процесса освещены А. П. Павловым [Павлов]. Важные данные содержит публикация Боярских списков, осуществленная Е. Н. Горбатовым [«Подлинные» боярские списки]. М. Р. Белоусовым собраны и систематизированы биографические данные, в том числе князей Стародубских, из Боярских списков второй трети XVII в. [Белоусов]. Карьеры бояр и окольничих после 1613 г. изучены в монографии М. По [Рое]. Существуют работы об отдельных лицах или фамилиях Стародубских Рюриковичей [Кабанов, Семененко; Любимов; Наумов, Хилков; Поляков; Рабинович; Савелов; Фролов, Фролова; Эскин].

В составе Боярской думы в 1615–1624 и 1628–1642 гг. состояли два князя из ветви Стародубских Рюриковичей. Трое князей являлись боярами в 1624–1628 гг., а между 1645 и 1651 гг. окольничими были шестеро. Перед получением боярства большинство князей носили чин окольничего. Исключительным случаем для данной ветви стало пожалование из стольников в бояре князя Д. М. Пожарского. Кроме него, миновав окольничество, стал боярином князь А. В. Хилков. Возможно, это объясняется пребыванием в составе Боярской думы его отца (окольничий), деда (боярин) и близкой родни из Ряполовских, а также покровительством патриарха Филарета. В отличие от Ростовских и некоторых фамилий Ярославских Рюриковичей князья Стародубские не только сохранили, но и увеличили присутствие в Боярской думе. К середине XVII в. в Боярской думе осталось шесть князей Стародубских в чинах окольничих, но не было бояр.

Успех или неуспех служебной карьеры в царствование Михаила Федоровича определялся политической ориентацией князей в правление Бориса Годунова и в период Смуты. Особое значение для Стародубских Рюриковичей имели заслуги князя Д. М. Пожарского, ставшего одним из главных лиц в данной ветви.

Почти все князья Стародубские интегрировались в Государев двор (может быть, за исключением старшей линии Гагариных). В последних десятилетиях XVI в. в Государевом дворе насчитывалось 37 князей Стародубской ветви Рюриковичей [Сергеев, т. 1, с. 645–648], а в 1620-х годах – 45.

Большое значение имел демографический фактор. Так, возвышению князей Татевых помешала высокая смертность в данной фамилии.

Изменения общественного положения князей отражались в динамике местнических конфликтов. По этой причине наибольшее число споров пришлось вести Пожарским и Ромодановским.

Князья Стародубские стремились к сохранению поземельных связей с «родовым гнездом». Они не только удержали родовые земли, но и смогли вернуть часть утраченных прежде владений. Особенно заметно это стремление у Ромодановских. Большинство князей имели поместья и вотчины. Возможно, только у некоторых Гагариных было исключительно поместное землевладение. Увеличению доли вотчинного землевладения способствовали награды за «осадные сидения» в Москве «при царе Василии» и в 1618 г.

Эволюция общественного и служебного положения князей Стародубских в 1613–1645 гг. имела тенденции, характерные и для других княжеских родов: уменьшение общего числа и поколенной численности фамилий, изменения в составе князей, получавших думные чины (Пожарские, Ромодановские), вхождение в Государев двор закосневших фамилий (Гагарины).

В целом, по сравнению с предшествующим периодом общественное положение большинства князей Стародубских улучшилось.

Источники

«Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / Сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015.

Литература

- Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 1.
- Кабанов А. Ю., Семенов А. М.* В тени великого родственника: князя Дмитрий и Роман Лопата Пожарские // Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010. С. 197–199.
- Любимов С. В.* Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.
- Наумов О. Н., Хилков Б. М.* История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008.
- Павлов А. П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2019. Т. 1–2.
- Поляков И. А.* Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2020.
- Рабинович Я. Н.* Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640). Саратов, 2015.
- Савелов Л. М.* Князья Ковровы // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 286–296.
- Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII века. СПб., 2023. Т. 1–2.
- Фролов Н. В., Фролова Э. В.* Стародуб на Клязьме и князья Татевы-Стародубские. Ковров, 2017.
- Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.
- Рое М.* The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1.

Н. В. Соколова (Исл РАН)

«НОЯБРЯ В 3 ДЕНЬ В СЕЛЕ ПАНТЕЛЕИВЕ БЫЛ ПИР У ОТЦА НАМЕСТНИКА ИЕРОМОНАХА ДАМАСКИНА ПРО КРЕСТЬЯН»: АРХАИЗМ ИЛИ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в.?

Термин «пир» и производное от него «пировали», которые выявлены в приходо-расходных книгах мирских старост в вотчине монастыря Медведева пустынь в Дмитровском уезде, сохранившихся за период с марта 1695 по февраль 1705 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 447, 463), позволили сформулировать вынесенную в заголовок проблему. Первое свидетельство о «пирах» в данном комплексе источников относится к концу октября 1696 г. В книгах Ивана Андреева между записями от 29 и 31 октября помещен следующий текст: «Октября в день был староста с крестьяны в монастыре у отца строителя иеродиакона Геронтия хлеба ели и пировали. Поднесено отцу строителю в почесть 2 рубли да калачей на 8 ден.»; «Да в селе Пантелеиве были крестьяня на пиру же. Поднесено отцу строителю в почесть рубль» (Д. 447. Л. 11 об.–12).

В книгах старосты Герасима Федорова сына Морозова (1701/1702 г.) записи о «пирах» датированы: «Октября в 25 день был в монастыре у отца намесника иеромонаха Дамаскина пир про крестьян. Поднесено отцу намеснику в почесть от миру рубль 16 алт. 4 ден.»; «Ноября в 3 день в селе Пантелеиве был пир у отца намесника иеромонаха Дамаскина про крестьян. Поднесено ему в почесть отцу намеснику рубль 6 алт. 4 ден.» (Д. 463. Л. 389–390 об.). Книги старост Лазаря Олферьева (1699/1700 г.) и Лариона Моисеева (1700/1701 г.) сохранили сведения только об одном «пире» – в начале ноября, в монастыре: «Ноября в 3 день по мирскому приговору поднесено в почесть отцу намеснику иеромонаху Ливерию рубль, как были крестьяне в монастыре на пиру»; «Ноября в 1 день были у отца строителя крестьяне на пиру, хлеба ели в монастыре. Поднесено отцу строителю иеродиакону Дамаскину в почесть рубль денег» (Д. 447. Л. 72 об., 100–100 об.).

Таким образом, территориально «пиры» привязаны к двум локациям – монастырь Медведева пустынь и сельцо Пантелеиво. В сотной грамоте 1562 г. зафиксировано «того ж сельца Пантелеива погост на реке на Сестре, а на погосте церковь Воскресение Христово», в писцовом описании 1620-х гг. – «место церковное Воскресения Христова в пустоши, что был погост на реке на Сестре», в переписных книгах 1646 г. – «село Минеево, Пантелеево тож» [Сотницы, № 45, с. 144; Холмогоров, Холмогоров, с. 155–157]. Если верна моя гипотеза о том, что монастырь Медведева пустынь возник на месте еще одного погоста на реке Сестре, то традиция может иметь глубокие исторические корни («обмен пирами?»).

«Пиры» очевидно приурочены к какому-то дню или событию в конце октября – начале ноября. Похоже, что это Дмитров (Дмитриев) день и Дмитровская родительская суббота. Памятуя о языческой составляющей народного празднования Дмитрова дня, связанной с поминовением предков, можно осторожно предположить историческую связь «пиров» рубежа XVII–XVIII вв. с древнерусскими «братчинам». В книгах старост зафиксированы расходы на «почести» монастырским властям и на угощение слугам монастыря, но не крестьянам. По-видимому, в общине сохранялся обычай «пирования» в складчину.

В книгах старосты Максима Матвеева (1698/1699 г.) Дмитриев день прямо назван, однако в них отсутствует термин «пир»: «Куплено рыбы к Дмитриеву дни ради всяких людей на 6 алт. 4 ден. ... Х Дмитрову дни ведро вина, дано 26 алт. 4 ден.» (Д. 447. Л. 42 об., 43). По-видимому, речь идет о престольном празднике церкви во имя святого великомученика Дмитрия Солунского в селе Чернеиво, где жил этот староста. Аналогичные записи о расходах на рыбу и вино содержатся в книгах старост Семена Титова (1697/1698 г.) и Герасима Федорова (1701/1702 г.): «Куплено рыбы к празднику Вознесению дни для приезде монастырских людей на 10 алт.»; «Куплено к празднику Вознесению дни про приезд властинской и всяких началних людей свежей рыбы на 25 алт., два ведра вина дано 40 алт. Да прutowой соленой рыбы и бочешной на 23 алт. на 2 ден.» (Д. 447. Л. 27 об.; Д. 463. Л. 377–377 об.). Оба старосты были прихожанами храма в селе Раменье, возникшем вблизи известного по сотной грамоте 1562 г. погоста Володиславль с церковью Вознесения Господня.

Никто из старост, в чьих расходных книгах есть термин «пир», не жил в Минеевской выти (сельцо Пантелеиво с деревнями). На «пирах» всеотчинный староста выступал как представитель всей общины. Участие в «пирах» монастырских властей свидетельствует, что заинтересованность в сохранении традиции была обоюдной. При ежегодном переизбрании старост и частой ротации настоятелей, которых присылал в приписную (с 1683 г.) Медведеву пустынь московский Донской монастырь, традиционные «пиры» оказались актуальной коммуникативной практикой. Записи о подношениях на «пиру» «в почесть» и/или угощении от общины – настоятелю, монастырским насельникам и слугам, различаясь (персонально и в денежном выражении) в книгах разных лет и даже в текстах о «пирах» одного года, типологически схожи и между собой, и с записями о традиционных «праздничных» в монастыре («рождественское», «великоденское», «петровское» и на Рождество Пресвятой Богородицы). Но о подношениях «в почесть» нет упоминаний ни в одной из записей о расходах мира в связи с престольным праздником.

На рубеже XVII–XVIII вв. «пиры» и престольные праздники еще сосуществовали. Так, в 1701 г. деньги из общинной казны были выделены и на престольный праздник, и на «пиры». С исчезновением из мирской повседневности «пиров» их коммуникативная функция была усвоена «народным» празднованием престольных праздников, в котором принимали активное участие крестьяне соседних приходов.

Источники

Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.). С предисловием действит. члена С. А. Шумакова // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. I: Материалы исторические. С. I – VIII + 1 – 272.

Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. М., 1913. Вып. 11: Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины (Московского уезда).

К. Н. Станков (ИРИ РАН)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ШОТЛАНДСКОГО КЛАНА ГОРДОН НА РУССКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В КОНЦЕ XVII в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Данное исследование посвящено малоизвестным шотландцам-эмигрантам, находившимся на русской военной службе в конце XVII – первой четверти XVIII в. Поскольку сама по себе эта тема чрезвычайно обширна, основное внимание уделено представителям только одного шотландского клана – клана Гордон. До настоящего момента основное внимание ученые уделяли лидерам этой общины в России, прежде всего генералу Патрику Гордону оф Охлухрис (1635–1699), а также его сыновьям и ряду других представителей (см., например: [Ноздрин; Федосов 2000; Федосов 2003; Федосов 2005; Федосов 2009; Федосов 2015; Федосов 2018]).

Подлинный прорыв в исследовании этой проблемы сделан отечественным историком Д. Г. Федосовым, впервые издавшим полный перевод «Дневника» Патрика Гордона, снабженный подробными комментариями и фундаментальными сопроводительными статьями. Особая ценность этого источника заключается в том, что он содержит сведения не только о самом авторе, но и о многочисленных членах его семьи и других шотландцах, находившихся на русской службе во второй половине XVII в.

Дальнейшая разработка темы требует обращения к биографиям малоизвестных «русских» Гордонов, так как необходимо создать целостную картину истории этого клана и его роли в военной и государственной модернизации России при Петре I. В силу сохранности источников первым шагом в воссоздании истории клана Гордон в России является реконструкция биографий (или хотя бы установление имен) всех его членов, информация о которых дошла до нашего времени. Ввиду обширности этой темы в представленной работе ограничимся концом XVII в.

Многие шотландцы-эмигранты первой волны (те, кто покинул родину во время или сразу после Войны трех королевств) прибывали в Россию непосредственно с Британских островов. Однако имелось и множество исключений, например, сам Патрик Гордон, который, прежде чем предложить свою шпагу русскому царю, был на службе шведской и польской корон. Эмигранты второй волны – Гордоны, приехавшие в Россию в конце XVII – начале XVIII в., – часто были уже уроженцами стран континента, куда эмигрировали их родители, спасаясь от политических и религиозных гонений или от перенаселения и голода, вызванных бедностью аграрными ресурсами их суровой родины.

Некоторых своих сородичей по клану Патрик Гордон приглашал непосредственно из Шотландии. В данном случае особую роль играли не только межклановые узы, но и общие политические взгляды. Документы позволяют утверждать, что многие Гордоны, поступившие на русскую военную службу в период правления Петра I, были якобитами – представителями общественно-политического движения, зародившегося на Британских островах во время «Славной революции» 1688–1689 гг. и выступавшего за реставрацию на престоле низложенного в ходе нее короля Якова II Стюарта (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1697 г. № 16. Л. 1; № 33. Л. 3, 6, 8–9; № 43. Л. 4, 6; Ф. 150. Оп. 1. 1700 г. № 5. Л. 1–2, 7).

Ярким примером успешной военной службы якобита в России служит биография Хэрри Гордона. Он был католиком и сторонником Якова II, при котором сделал успешную военную карьеру. В ходе «Славной революции» на Британских островах (1688–1689 гг.) он в течение

нескольких месяцев оборонял главную цитадель Шотландии – Эдинбургский замок – от противников прежнего монарха. После сдачи крепости Хэрри подвергался различным мытарствам, пока не прибыл в 1691 г. в Россию по ходатайству Патрика Гордона. Благодаря влиянию последнего Хэрри Гордон быстро прошел по ступеням служебной лестницы, став в 1697 или 1698 г. подполковником [Гордон, с. 90, 96, 123, 131, 137, 155, 157, 159–160, 171].

В ходе проведенного исследования установлены примерное количество представителей этого клана в России, характер и места их службы, степень сплоченности в рамках клана, связи с представителями русской элиты (а также в ряде случаев религиозная принадлежность и политические убеждения). На основании анализа источников выявлено, что многие Гордоны обрели в России высоких покровителей и именно благодаря этим связям быстро продвигались на службе. Другие члены этого клана были обязаны возвышению исключительно личным заслугам и талантам.

Источники

Гордон П. Дневник, 1696–1698. М., 2018.

Литература

Ноздрин О. Я. «Русские потомки» генерала Патрика Гордона // Вестник Орловского государственного университета. Серия: «Новые гуманитарные исследования». 2008. № 2. С. 177–184.

Федосов Д. Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник, 1635–1659. М., 2000. С. 229–245.

Федосов Д. Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Гордон П. Дневник, 1659–1667. М., 2003. С. 233–263.

Федосов Д. Г. Полковник и инженер против блистательной Порты // Гордон П. Дневник, 1677–1687. М., 2005. С. 131–159.

Федосов Д. Г. От Киева до Преображенского // Гордон П. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 232–266.

Федосов Д. Г. «От степи к морю» // Гордон П. Дневник, 1690–1695. М., 2015. С. 435–483.

Федосов Д. Г. Последние походы // Гордон П. Дневник, 1696–1698. М., 2018. С. 211–250.

А. Н. Старицын (ИНИОН РАН)

ФЕДОР И ИЛЛАРИОН ПУЛЛОЕВЫ – ПРОПОВЕДНИКИ СТАРОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Малоизвестные деятели раннего староверчества Федор и Илларион Пуллоевы, карелы по национальности, родились в селе Горы, недалеко от построенного позже города Олонца. Отец и сын Пуллоевы не приняли церковную реформу и активно противодействовали распространению нововведений в церковной жизни. Их деятельность как староверческих миссионеров протекала в основном в Олонецком уезде на территории современной Карелии.

Старший Федор Пуллоев, родившийся в 1614 г., много путешествовал по уезду, а также выезжал за границу Российского государства в Швецию. Зная карельский и, по всей видимости, финский языки, Ф. Пуллоев проповедовал старую веру среди карельского населения в России и среди финнов в Швеции. В частности, в Швеции он около двух лет жил в деревне Кайпаа под Суоярви и оттуда часто приезжал в деревню Хюрсюля, расположенную недалеко от Салми. В Швеции Ф. Пуллоев неоднократно подвергался арестам за проповедническую деятельность, но избегал наказания за недостаточностью улик. Последний раз его арестовали в Салми в 1689 г., содержали в Кексгольмской крепости, откуда привозили на заседания уездного суда в Сортавалу. Неизвестно, удалось ли ему спастись на этот раз, но из его показаний, сохранившихся в материалах зимней сессии Сортавальского уездного суда за 1689 г., содержатся важные сведения о существовании поселения староверов у озера Канаброзеро. Это поселение было организовано его сыном Илларионом Пуллоевым приблизительно в 1674 г. и погибло в сентябре 1686 г. [Катаяла, с. 33–34].

Поселение у Канаброзера было хорошо известно как местным карелам, так и финнам – жителям шведского приграничья. Если миссионерская деятельность Федора Пуллоева на территории Швеции является установленным фактом, то относительно Иллариона нет достоверных свидетельств. Однако, учитывая близкое расположение Канаброзерского поселения от границы со Швецией и легкость ее перехода, можно предположить, что Илларион, так же как и его отец, неоднократно бывал в ближайших шведских селениях. Он имел тесные контакты с финном Пеккой Ляпери, происходившим из деревни Ойнаанваара прихода Яккима (совр. пос. Куркийоки). В приграничных деревнях известны жители, принявшие православное крещение: Антти, Самуэль, Тирикка, Хейкки Ляпери, Анти Саволайнен, Юхани и Хейкки Халонены и др. Некоторых из них крестил самолично Илларион Пуллоев [Катаяла, с. 29–32].

В России помимо Горской округи известно о путешествии Иллариона Пуллоева по православным монастырям и пустыням. В Житии Кирилла Сунарецкого повествуется о том, что он побывал в Сунском Виданском монастыре и в беседе с настоятелем Кириллом убедил его с осторожностью относиться к вводимым повсеместно церковным новшествам [Руди, с. 481].

Федор Пуллоев тоже известен своими миссионерскими путешествиями по Олонецкому уезду. Его проповедь укрепила в старой вере население Паданского и Шуезерского погостов. Знаменитое поселение на Березовом острове недалеко от Тунгуды, которое возглавил соловецкий дьякон Пимин, образовалось из окрестных крестьян, слышавших проповеди Ф. Пуллоева [Карелия в XVII веке, с. 308].

Деятельность карельских крестьян отца и сына Пуллоевых явилась уникальным примером активной проповеди старой православной веры как на территории России среди православных, так и на территории иностранного государства среди лютеранского населения.

Литература

Карелия в XVII веке. Петрозаводск, 1948.

Катаяла К. Дымом в царствие небесное: самосожжения староверов в шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 25–39.

Руди Т. Р. Житие Кирилла Сунарецкого (публикация текста) // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 448–500.

А. В. Топычканов (ИРИ РАН, СПбИИ РАН)

ЦАРЕВНЫ – ЦЕРКОВНЫЕ КТИТОРЫ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ СФЕР ВЛИЯНИЯ В ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ 1680-х гг.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00290).

Царская семья в раннее Новое время не образовывала монолитного единства. Она представляла собой сетевую структуру с разными центрами и различающимися интересами. Эти центры возникали регулярно, между ними постоянно происходило перераспределение ресурсов и властных полномочий.

Для второй половины XVII в. наиболее изучены три эпизода сетецентричного распределения власти. Первый эпизод связан с походами царя Алексея Михайловича 1654–1655 гг., когда фиксируется по крайней мере два центра принятия решений – царская ставка и ставка царицы Марии Ильиничны, которая выпускала указы от имени своего сына, младенца царевича Алексея Алексеевича, и реже от своего имени [Thugôt, p. 122–123; Топычканов, с. 112–114]. Второй эпизод связан с реформой патриарха Никона, которая буквально расколола семью царя Алексея Михайловича: одни поддержали патриарха (например, царевна Татьяна Михайловна), другие оказывали покровительство старообрядцам (царица Мария Ильинична, царевна Ирина

Михайловна) [Седов, с. 155–174, 422–432]. Третий эпизод вошел в историю как конфликт Милославских и Нарышкиных [Лавров; Седов; Бушкович; Болотина, Кононова, Болотина].

Эти эпизоды не были результатом каких-либо аномальных изменений внутри царской семьи. Наоборот, разграничение влияния внутри царской семьи осуществлялось в фоновом режиме, однако в силу непубличности данной сферы соответствующие практики лучше всего обнаруживаются при формировании нескольких центров управления или во время конфликтов.

Анализ перечисленных эпизодов позволяет определить, что различие интересов цариц и царевен проявлялось в том числе через ктиторскую деятельность, выражавшуюся в покровительстве монастырям, финансовой поддержке их строительной деятельности, различных вкладыях и пожалованиях. Так, например, царевна Татьяна Михайловна покровительствовала Новоиерусалимскому монастырю, царица Наталья Кирилловна – Высокопетровскому и Страстному монастырям, царевна Софья Алексеевна – Новодевичьему монастырю, а царевна Екатерина Алексеевна – Донскому монастырю.

Важным источником для реконструкции фоновых практик разграничения сфер влияния внутри царской семьи являются Расходные книги церковной утвари и облачениям Казенного приказа 1680-х гг. («Великих государей... книга расходная, что строят в Казенном приказе ризы, стихари... и всякую церковную утварь по памятем великих государей и великой государыни царицы Натальи Кирилловны и великих государынь цариц и царевен из мастерских палат и из разных приказов и по подписным челобитным») [Викторов, с. 163–173]. Эти книги содержат информацию о том, из чьей комнаты поступал заказ и для чего он предназначался. Благодаря записям Расходных книг церковной утвари и облачениям Казенного приказа можно установить, что ктиторские, как правило, закреплялись за одним членом царской семьи. Например, все заказы, предназначавшиеся для Новодевичьего монастыря, исходили из комнаты царевны Софьи (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 525. Л. 94, 100 об., 118 об.–119, 124–125; Д. 526. Л. 11–12, 13–13 об., 48, 52 об., 57, 77 об.), что указывает на ее статус как главного ктитора обители. Более того, одна из записей за 1685 г. содержит прямую ссылку на указ царевны Софьи без упоминания соправителей Ивана и Петра: «Августа в розных числах по указу великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны построено ис Казенного приказу в Новодевичь монастырь ко освящению новые церкви Успения Пресвятые Богородицы, а на то строение товаров пошло...» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 525. Л. 124). Таким образом, Расходные книги церковной утвари и облачениям Казенного приказа за 1680-е гг. свидетельствуют о том, что в царской семье существовало разграничение сфер влияния в отношении ктиторских монастырей и что пользовавшиеся ограниченной публичной властью царевны обладали в этих сферах огромным влиянием.

Литература

- Болотина Н. Ю., Кононова А. Ю., Болотина М. О.* Петр I в кругу семьи: Исследование и документы. М., 2023.
- Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
- Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1877. Вып. 1.
- Лавров В. М.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
- Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
- Топычканов А. В.* Политическое пространство царских загородных резиденций второй половины XVII века. М., 2019.
- Thyrét I.* Between God and Tsar. Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb, 1999.

КАМЕННЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ГРОБЫ РУССКИХ ПАТРИАРХОВ XVII в.: ЭВОЛЮЦИЯ ПОХОРОННЫХ ПРАКТИК

Похоронные практики русского Средневековья традиционно привлекают внимание исследователей (см. работы В. Л. Янина, Л. А. Беляева, Т. В. Пановой и др.). Одной из сложностей в данном проблемном поле становится расширение источниковой базы, поскольку непосредственное исследование захоронений не всегда возможно. Расширить представления об организации и деталях похоронных практик в отношении предстоятелей русской церкви позволяют записи расходных книг Патриаршего Казенного приказа, в которых в год смерти патриархов формировался специальный раздел «На преставление» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12, 75, 78, 134, 176; выдержки опублик.: [Забелин, стб. 1048–1084]). Анализ этих сведений позволяет проследить изменения похоронных традиций на протяжении XVII в., в частности, практики погребения патриархов в одном или двух гробах.

В 2012 г. было проведено подробное исследование гробницы патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре [Беляев, Капитонова]. Особенностью захоронения оказалось то, что Никон был похоронен в двух гробах – деревянном, в котором его тело доставили из Ярославля, и внешнем каменном саркофаге. По мнению авторов исследования, этот вариант погребения не соответствовал старомосковской традиции, когда «митрополитов Московских и патриархов всея Руси... несли к могиле на особых погребальных саях, а в саркофаг укладывали просто в облачении». В случае Никона «деревянный гроб вложили в каменный из-за долгой перевозки» [Беляев, Капитонова, с. 107]. Этот тезис может быть уточнен и частично опровергнут сведениями письменных источников об организации похорон патриархов Иоасафа I, Иоасафа II, Питирима и Адриана.

По смерти патриарха Иоасафа I (умер 28 ноября 1640 г.) из Патриаршего Казенного приказа «за гроб дубовый, в чем положит... Иоасафа патриарха три рубли четыре алтына дано» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 604 об.). Во время обряда тело владыки переложили из деревянного гроба в каменную гробницу, о чем свидетельствует запись от 2 декабря о выдаче денег «за шездесят аршин холстов, на чем святейшего патриарха властем перекладывать *из деревяново гроба в каменную гробницу* (здесь и далее курсив мой. – И. У.)» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 607). 1 января 1641 г. по царскому указу деревянный гроб патриарха был вынесен из Успенского собора и поставлен «в колокольницу под большой колокол» [Забелин, стб. 1056]. Каменный гроб обошелся казне в 12 рублей (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 616–616 об.).

Для погребения патриарха Иоасафа II (умер 17 февраля 1672 г.) также были куплены дубовый гроб за «полтретья рубли» и каменная «гробница с крышкой» за 15 рублей (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 75. Л. 538–539). Тело Иоасафа II похоронили в двух гробах: «положили тело во гробе деревянном во гроб каменной» [Чин погребения, с. 336].

Патриарх Питирим (умер 19 апреля 1673 г.) также был похоронен в двух гробах («дубовый гроб, в чем положен святейший патриарх в каменный гроб» стоил с провозом 2 рубля 5 алтын [Забелин, стб. 1061]).

Патриарх Иоаким (умер 17 марта 1690 г.) был погребен в одном только каменном гробу: «*ковчег дубовой*, сиречь гроб, в чем было положено тело святейшаго патриарха Иоакима и несено до каменнаго гроба его, и в соборной церкви из того ковчега тело ево переложено в гроб каменной, *без деревянного ковчега*» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 134. Л. 389). За деревянный гроб было заплачено 2 рубля, за каменный – 15 «против дачи 180 (1672 г. – И. У.) года» [Забелин, стб. 1065].

Тело патриарха Адриана (умер 16 октября 1700 г.) было упокоено в двух гробах – дубовом (2 рубля) и каменном (12 рублей). Деревянный ковчег с телом патриарха, украшенный зеленым бархатом, «со всем опущен в каменную гробницу» [Забелин, стб. 1082–1084].

Записи о подготовке к похоронам патриархов Филарета Никитича и Иосифа в расходной документации Патриаршего Казенного приказа не сохранились. Однако можно с уверенностью утверждать, что упокоение тела патриарха сразу в двух гробах – деревянном и каменном – практиковалось не позднее чем с 1670-х гг.: так были упокоены тела патриархов Иоасафа II, Питирима, позднее – Никона и Адриана. В то же время эта практика не являлась единственной – патриархи Иоасаф I, Иоаким были похоронены в одном, каменном гробу. О причинах выбора варианта погребения однозначно судить сложно, вероятно, при принятии решения важную роль играло состояние тела и наличие возможности его перекладывания во время похоронного обряда представителями высшего духовенства, как это предписывал Чин погребения.

Источники

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1.
Чин погребения российского патриарха Иоасафа, происходивший в 7180 (1672) году // Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6. С. 327–337.

Литература

Беляев Л. А., Капитонова М. А. Погребение патриарха Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре: исследования 2012 г. // Российская археология. 2013. № 4. С. 99–108.

Н. П. Чеснокова (ИВИ РАН)

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ВКЛАДНАЯ ЗАПИСЬ АРСЕНИЯ ЭЛАССОНСКОГО

Арсений Элассонский (1550–1625), архиепископ Димоника и Элассона, более половины своей жизни провел в Московском царстве и участвовал в знаменательных событиях русской истории, в частности, учреждении патриаршества в России. После возвращения патриарха Иеремии II в Константинополь Арсению разрешили остаться в Москве и жить в Кремле, вблизи от царской резиденции. В 1597 г. он стал хранителем царских гробниц в Архангельском соборе Московского Кремля, получив титул архиепископа Архангельского. В 1613 г. Арсений был назначен архиепископом Тверским и Кашинским. По-видимому, с 1616 г. и до конца своих дней Арсений являлся архиепископом Суздальским и Тарусским.

Арсений Элассонский пережил в столице Смутное время, позднее участвовал в поставлении Московским патриархом Филарета Никитича Романова, отца царя Михаила Федоровича. Он вошел в историю не только как видный деятель Греческой и Русской церквей, но и как автор исторических сочинений об установлении в Москве патриаршества, а также Повести о Смутном времени. Еще до начала Смуты Арсений Элассонский строил и украшал храмы в Москве и ее окрестностях, делал многочисленные драгоценные вклады (священническое облачение, иконы и рукописные книги) в монастыри и церкви не только России, но и православного Востока: в храм Гроба Господня, лавру Саввы Освященного, афонские монастыри Хиландар и Дионисиат, в Александрийский патриархат, монастыри Метеор и др. Русские иконы были отосланы Арсением и в монастырь Виссарион Дусик, где он в свое время принял постриг.

Все эти факты хорошо известны в историографии. Однако одна вкладная запись Арсения, как кажется, до сих пор не привлекала внимания исследователей. Речь идет о пожертвовании архиепископа в Троице-Сергиев монастырь: «126-го [1617] ноября в 27 день преосвященны Арсений архиепископ суждальский и торуски дал вкладу иноходец ворон сросл в цену за 30 рублей, камку лазореву за 10 рублей да денег 10 рублей, и за тот вклад тело его погребли на Москве в Троицком Богоявленском монастыре» [Вкладная книга, с. 39]. Очевидно, чтение подлинного текста следует уточнить. В нем должно быть написано «погребли б», так как архиепископ скончался только в 1625 г. Эта вкладная запись является по сути завещанием Арсения Элассонского, согласно которому он желал быть погребенным на подворье Троице-

Сергиева монастыря в Кремле. Будучи архиепископом Суздальским и Тарусским, Арсений, как свидетельствуют источники, проживал в Москве и, по всей видимости, намеревался оставаться в столице и далее, управляя отсюда своей епархией. Так, в 1619 г. Арсений участвовал в приемах при дворе Романовых Иерусалимского патриарха Феофана, где он был незаменим не только как носитель греческого языка, но и как знаток русской церковной жизни. В конце 1621 г. или начале 1622 г. Арсений навсегда переезжает в Суздаль. Этот факт в историографии никак не комментируется и рассматривается как само собой разумеющийся. Однако данное событие могло быть обусловлено какими-то особыми основаниями, так как с момента завещания, зафиксированного во вкладной книге, владыка Арсений, несмотря на свой возраст, вел весьма активный образ жизни. Он принимал участие в Московских церковных соборах 1619 и 1620 гг., а также с большой долей вероятности в октябрьском соборе 1621 г. по поводу нарушения поляками Деулинского перемирия [Дмитриевский, с. 44–45]. Более того, в 1622 г. по указу царя Михаила Федоровича архиепископ Арсений должен был совершить достаточно дальнее путешествие, сопровождая в Троице-Сергиев монастырь тело царевны Ксении Годуновой (инокини Ольги), которая скончалась в одном из монастырей его епархии. Вероятно, дальнейшее исследование позволит уточнить, какие именно обстоятельства вынудили владыку Арсения покинуть столицу вопреки его желанию жить и упокоиться в Москве.

Источники

Вкладная книга Троице Сергиева монастыря. М., 1987.

Литература

Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

П. В. Чеченков (НГТУ им. Р. Е. Алексеева)

ДВОРОВЛАДЕНИЕ ИНОЗЕМЦЕВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ 20-х гг. XVII в.

Нижний Новгород был одним из крупнейших городов России XVII в. Ценнейший источник его изучения – писцовая книга Д. В. Лодыгина, В. И. Полтева и дьяка Д. Образцова 1620-х гг. Это самое раннее известное науке описание города [Писцовая и переписная книги]. Источник не раз привлекал внимание исследователей. Однако сопоставление его данных с синхронными списками служилых людей не проводилось. Одной из категорий последних являлись служилые иноземцы. Ранее мы отмечали те перспективы, которые дает для их изучения окладная книга денежного и хлебного жалования иноземцев 1628/1629 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6А. № 68. Л. 393–488). Анализ указанных источников позволил сделать ряд наблюдений.

Писцы записали за различными иноземцами 181 двор или избу. Это почти 8 % от общего количества поселенческих единиц, известных писцовой книге. Лишь треть иноземцев, зафиксированных окладной книгой, имели дворы или избы в городе: 87 из 257. Почти два десятка поместных и полторы сотни кормовых писцовая книга не знает. Нетрудно предположить, что для поместных отсутствие двора в городе не было критично, но кормовые должны были где-то проживать. Остается предположить, что они жили на постое, не имея собственных дворов.

Сведения писцовой книги об иноземцах не вполне совпадают с окладной книгой. Писцовой книге известны 195 иноземцев. На посаде зафиксировано 43 иноземца (22 %). Их дворы или избы разбросаны вперемешку с дворами и избами других категорий населения, не имея каких-то сгустков. В Старой немецкой слободе и на примыкающей к ней территории – 24 иноземца (12 %), судя по всему, все они относились к немчинам. В Панской слободе – 121 (62 %). Ее особенностью было то, что 13 дворов записано за двумя или тремя разными иноземцами, поэтому количество дворов и дворовладельцев в этой локации не совпадает.

Из 195 иноземцев писцовой книги в окладной книге отсутствуют 109, но из последних трое – татары, а они все относились к служилым, 13 известны по иным источникам как служилые, еще трое самой писцовой книгой названы служилыми. Как можно объяснить тот факт, что почти два десятка служилых иноземцев Нижнего Новгорода не были включены в окладную книгу? Наиболее правдоподобный ответ будет связан со временем составления наших документов. Люди из более раннего документа могли к 1628 г. состариться, умереть или иным способом выйти из состава корпорации нижегородских иноземцев. Те трое, имена которых неизвестны нашим прочим учетным спискам, могли и не состоять в данной корпорации. Так, например, среди помещиков-иноземцев Нижегородского уезда были те, кто служил по московскому списку. Наконец, нельзя исключать и ошибок в учете.

Интереснее другое: 90 человек не удалось найти в документах, фиксирующих служилых людей. Из них только одного писцы назвали «неслужилым немчином» и одного «неслужилым торговым немчином». Тем не менее, вероятнее всего, большая часть из них относятся не к служилому, а к торгово-ремесленному населению.

Таким образом, к двум с половиной сотням служилых иноземцев, о которых мы знаем благодаря окладной книге, следует прибавить почти сотню неслужилых, проживающих в городе. Соответственно, общее число иноземцев, связанных, так или иначе, с Нижним Новгородом (службой и/или проживанием), – около 350.

Относительно их размещения в городе можно сделать следующие наблюдения. Большая часть иноземцев, обладавших дворами или избами, проживала относительно изолированно в Панской слободе (она же Слобода немцев и литвы). Из них несколько менее половины точно были служилыми. Здесь преобладали литвины. Треть иноземцев-дворовладельцев обитала на посадской земле или тесно связанных с ней местах. Среди них половина точно относилась к служилым, а доминировали немчины. Соответственно, тенденция к изоляции иноземцев была лишь намечена, но не реализована полностью. Эти данные, как кажется, свидетельствуют о том, что немчины появились в Нижнем Новгороде раньше – в те времена, когда иноземцев свободно размещали на посаде, а литвины – позднее, когда оформилась мысль о необходимости их обособления от русского населения. Следует отметить, что и двор «немецкого попа» находился не в слободах, а на Верхнем посаде. Единственной территорией, почти закрытой для выходцев из Речи Посполитой и стран Запада, был кремль, но здесь вполне могли проживать служилые татары крымского происхождения.

Источники

Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду // РИБ. СПб., 1898. Т. 17. С. I–XXIX, стб. 1–464, с. 1–73.

С. М. Шамин (ИРИ РАН)

КАРТИНА ДАНИЭЛЯ ВУХТЕРСА «БИТВА МЕЖДУ ИЗРАИЛЬТЯНАМИ И АМАЛЕКИТЯНАМИ» И ТЕРМИН «ПАРСУНА»

Имя Даниэля Вухтерса упоминается в любых обобщающих работах по истории русской живописи XVII в. Выявленные на сегодняшний день сведения о нем систематизированы в работе А. А. Павленко [Павленко]. Долгая жизнь мастера заставила исследовательницу предположить, что существовало два художника с таким именем. Эти предположения не кажутся убедительными, поскольку описание «второго» Вухтерса как голландца из «цесарской земли» хорошо соотносится с «первым» Вухтерсом – жителем принадлежавшего цесарю Антверпена. Кроме того, «второй» Вухтерс появляется в России сразу после того, как Вухтерс «первый» исчезает из Швеции. Пока

не будет выявлено документов, свидетельствующих о параллельной жизни двух Вухтерсов, их следует считать одним человеком.

Его имя впервые упоминается в 1609 г. в связи с принятием в антверпенскую гильдию св. Луки (цеховое объединение художников и скульпторов). В 1627 г. он занимался живописью в Антверпене. В 1658 и 1660–1662 гг. художник жил в Швеции со своим братом Абрахамом Вухтерсом, который хорошо известен специалистам в качестве придворного живописца датских и шведских правителей. С 1662 по 1667 г. он находился в Москве. Учитывая почтенный возраст и отсутствие документов о выезде из России, 1667 г. следует считать датой его смерти (в возрасте около 80 лет). В Москве мастерство голландца ценили. Достаточно упомянуть, что обучавшиеся «живописному делу» у С. Лопуцкого в Оружейной палате Д. Е. Золотарев и И. А. Безмин били челом, чтобы перейти в ученики к Вухтерсу, и получили согласие приказного руководства.

В работах ученых подписанные Вухтерсом картины не фигурируют. До Второй мировой войны в Германии хранилось два его произведения в технике гризайль: «Царица Савская» и «Великодушие Сципиона». Затем их след теряется. Скорее всего, они погибли. Репродукцию «Великодушия Сципиона» опубликовал в статье о Вухтерсе А. Миллер [Miller, с. 40]. Конечно, любые определения качества произведений живописи имеют условный характер, однако вряд ли кто-то возразит, если сказать, что качество этой работы существенно уступает творчеству именитых современников Вухтерса, таких, к примеру, как Рембрандт. Высказывались предположения, что «Великодушие Сципиона» – не самостоятельное произведение, а эскиз и судить о творчестве Вухтерса по этой работе неправомерно.

Охарактеризовать творчество Вухтерса позволяет написанная маслом картина «The Battle between the Israelites and the Amalekites overlooked by Moses, his arms held aloft by Aaron and Hur» («Битва между израильтянами и амалекитянами», размер 54 × 75 см), проданная на аукционе Christie's в Южном Кенсингтоне 5 декабря 1997 г. (лот 204, картины старых мастеров, номер на аукционе OMP-7822). Я отметил появление в продаже полотна Вухтерса, когда в 1999 г. просматривал базу данных Artnet. Представлялось, что специалисты по истории русского искусства вскоре обратят на нее внимание. Однако этого не случилось.

Между тем из Интернета стали исчезать не только изображения полотна, но даже и сведения о продаже. Встал вопрос о необходимости специальной публикации, для которой художница М. В. Мочалова сделала прорисовку композиционной схемы картины, что позволяет составить общее представление о произведении. Если говорить о качестве живописи Вухтерса, то его можно оценить как весьма посредственное, о чем свидетельствует аукционная цена. Эстимейт составил \$ 3317–\$ 4976, а итог – \$ 6103. Сумма мало отличается от стоимости холста XVII столетия. Тем не менее для истории русского искусства это ключевой памятник – он позволяет понять, почему из живописных произведений, написанных в России данного периода, сохранились лишь портреты «парсунного» качества. Ответ прост: хотя Вухтерс и был «лутче» своих предшественников на должности московского придворного живописца, его работы существенно уступали даже «средним» картинам мастеров «золотого века Нидерландов». Соответственным был и уровень подготовки, который он мог дать своим русским ученикам. В результате их жанровые творения оказались невостребованными в более поздние эпохи. «Парсуны» же сохранились, поскольку несли память о предках их позднейших владельцев. Представляется, что термин «парсуна» следует исключить из научного оборота. Речь идет о качестве работ, а не об особом жанре или виде искусства. Если мы выделяем «парсуну» как нечто, имеющее жанровую специфику, то получается, что у себя на родине Детерс, Вухтерс и Лопуцкий писали картины, а по приезду в Москву начинали вместо картин создавать «парсуны». Этому же они учили и своих русских учеников.

Литература

Павленко А. А. К вопросу о творческой деятельности художников второй половины XVI – XVII в. – династий Ван Мандер – Вухтерс // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2015. № 3. С. 118–127.

*Д. Вухтерс «Битва между израильтянами и амалекитянами».
Прорисовка М. В. Мочаловой*

Б. Л. Шапиро (РГГУ, Школа-студия МХАТ)

ВЕРСАЛЬСКАЯ КРУЖЕВНАЯ МОДА ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОКУПОК ИВАНА ГЕБДОНА

Европейская торговля с московским двором в царствование Алексея Михайловича достигла значительных размеров [Курц, с. 330]. Среди множества привозных товаров было и золотосеребряное кружево нескольких видов [Курц, с. 142, 144, 337]: из 100-процентных металлических нитей разного сечения и из состоящих из двух и более материалов так называемых пряденых нитей [Орфинская, Шапиро, с. 93]. Эти разнообразные кружева использовались царем Алексеем Михайловичем, как и членами его семьи (и в целом русской аристократией XVII в.), для отделки парадной одежды, обуви и аксессуаров весьма широко [Савваитов, с. 69, 71, 79, 83–86, 92–98, 105, 110–111, 113–115, 119–120, 122–123, 127, 129–136, 138–143, 156; Строев, с. 320–321, 324 и др.]. Середина и вторая половина XVII в. – время расцвета золотосеребряного кружева и вершина его популярности не только в русской, но и в западноевропейской придворной культуре: его общемировое потребление в это время выходит на свой исторический максимум.

Об одном частном случае истории такого кружева свидетельствует «Роспись покупок и поручений, возложенных на Ивана Гебдона». Документ черновой; он является частью массива документов о торговых отношениях России с Венецией, Англией и Голландией [Гурлянд, с. 1]. Согласно росписи, посреднику предстояло «из Немецких земель... призвать... кружив, в каких ходит Шпанской король» [Гурлянд, с. 47, 49], «и Французской, и Цесарь» – было приписано царем

собственноручно позднее [Гурлянд, с. 17] (то есть русскому царю требовались кружева, аналогичные тем, которые носили современники Алексея Михайловича: король Испании Филипп IV, король Франции Людовик XIV и император Священной Римской империи Леопольд I).

В 1660 г., когда создавалась эта роспись, существовало несколько мировых центров изготовления золотосеребряного кружева: Испания, Франция и Италия; а для двух других мировых центров кружевоплетения, Голландии и Англии, производство кружева такого типа было нехарактерно или малохарактерно. Наиболее эффективным (и достойным королей!) было золотосеребряное кружево сорта Point d'Espagne (в русской транскрипции – «подышпаны»), к происхождению которого были причастны все три вышеупомянутых центра. Испания производила металлическое кружево в весьма ограниченных объемах, и кружево, называемое «испанским», чаще обозначало не место его производства, а скорее его соответствие актуальным тенденциям: расцвет моды на кружево такого типа был связан с «золотым веком» испанской культуры (Siglo de Oro). Именно так объясняется и происхождение названия подышпанов. Это кружево типа гипюр, тяжелое, с очень пышным узором иррационально-барочного характера. Изготовленное из пряденых золотых или серебряных нитей, скрепленных тонкими сцепками, оно было на пике популярности во Франции в ранний период так называемых «версальских мод», то есть с начала правления Людовика XIV (1643 г.) и до смерти ее первого министра кардинала Мазарини (1661 г.), ознаменовавшей переход к усилению абсолютизма и, соответственно, к усилению помпезности художественного стиля барокко [Градова, с. 137–138]. Производились подышпаны в итальянской Венеции. Именно Италия (и Венеция прежде всего) поставляла на мировой рынок наиболее значительный объем металлического кружева высокого качества.

Поскольку во второй половине XVII в. отечественные мастерицы уже освоили изготовление всех разновидностей металлического кружева, за исключением подышпанов [Шапиро, с. 42], можно с уверенностью предположить, что царь заказал Гебдону именно этот сорт кружева, столь популярный у монархов Западной Европы и при этом не противоречащий стилистике московского барокко.

Литература

- Градова К. В. Театральный костюм. М., 1987. Кн. 2: Мужской костюм.
 Гурлянд И. Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль, 1903.
 Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
 Орфинская О. В., Шапиро Б. Л. Золотные ткани и золотосеребряное кружево в женских головных уборах XVIII в: результаты исследования археологического текстиля из Нижнего Новгорода // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 92–111.
 Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865.
 Строев П. М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.
 Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М., 2018.

М. В. Яковлева (УрФУ)

ЯМСКАЯ ГОНЬБА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПРОБЛЕМА ПОЯВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Складывание организованной системы связи во многом влияет на эффективность работы государственного аппарата. Территория Русского Севера находилась в ведении нескольких приказов: Тотыма, Чаронда, Великий Устюг, Соль Вычегодская и Устьянские волости – в

Устюжской четверти, а Вологда, Вятка, Каргополь, Заонежские погосты, Кольский острог, Мезень, Кеврола, Пермь Великая, Двина, Пустозерский острог и Яренск – в Новгородской [Пугач, с. 67]. В данном случае территориальные рамки будут ограничены землями, подконтрольными Устюжской четверти. Хронологические рамки охватывают XVI – первую половину XVII в.

Формирование ямской гоньбы в русских землях началось по инициативе княжеских властей, вероятно, в XIV в. [Семенов 2016, с. 108]. Титульным исследованием по истории правительственной связи является работа И. Я. Гурлянда. Он раскрыл истоки ямской гоньбы, основные пути сообщения и историю складывания профессионального сообщества ямских охотников [Гурлянд, с. 23–51]. Современная историография в последние годы все больше концентрируется на региональной ямской гоньбе. Так, активно изучается сибирская гоньба [Семенов 2023а; Семенов 2023б] и ямское дело в нижегородских землях [Полянин].

Одними из первых работ, поднявших вопрос о функционировании ямской гоньбы на Русском Севере, стали исследования М. С. Черкасовой. Она уточнила, что с 1510-х гг. постепенно появляются сведения о ямах на этой территории. С 1511/1512 г. известно о существовании Егрольского яма, в 1546 г. упоминается ям в Белозерске, в 1585 г. – Череповский ям [Черкасова, с. 119–120]. Во главе ямов стояли ямщики, которых могло быть от 2 до 4 [Гурлянд, с. 57]. Представления о формировании ямского сообщества дает грамота на Тотьму 1548 г. Согласно ей, ямщики избирались из среды местного населения. Избрание должно было происходить под контролем наместника [АСЗ, № 100, с. 75–76]. В случае с Тотьмой выборы были признаны недействительными, несмотря на то что ямщики уже успели получить утверждение в Москве. Выборная должность ямщика, как полагал И. Я. Гурлянд, могла переходить по наследству [Гурлянд, с. 59].

В конце 1540-х – середине 1550-х гг. началась постепенная подготовка и реализация реформы правительственной связи [Семенов 2017, с. 119]. Благодаря ей ямская гоньба приобрела профессиональные черты и утвердилась к концу правления Ивана IV [Семенов 2017, с. 126]. Управление организованной правительственной связью осуществлял Ямской приказ. В XVII в. там была составлена Поверстная книга, в которой содержались сведения о расстояниях между населенными пунктами, а также информация о сухопутных и водных путях. Ямские охотники на Русском Севере осуществляли гоньбу от Москвы до Обнорского яма, до Вологды, до Шуйского яма, до Чаронды, до Тотьмы через Шуйский ям, до Славенского яма, до Белоозера через Вологду [Поверстная книга, с. 105–107]. Подробно эти маршруты рассмотрел А. В. Коноплев. Условно он разделил всю территорию на три региона: Центральный (путь от Вологды до Архангельска), Западный (с востока ограничен сухопутным путем от Вологды к Архангельску, с западной – границей со Швецией) и Восточный (путь в Пустозерск и Западную Сибирь) [Коноплев, с. 179].

Социальное положение ямских охотников в структуре общества XVI–XVII вв. было неоднозначным. Вероятно, они занимали промежуточное положение между служилыми людьми по отчеству и служилыми людьми по прибору. Ямщики нередко привлекались к выполнению работ, не связанных с гоньбой. Их сфера деятельности часто не ограничивалась исключительно доставкой грузов и людей. Так, белозерский ямщик Федор Дементьев выступал в качестве таможенного откупщика (РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 34) (автор выражает глубокое почтение и благодарность Д. В. Лисейцеву за указанный источник). В целом, государство уделяло значительное внимание системе связи на Русском Севере. В 1622 г. чарондскому воеводе Федору Стрешневу была направлена грамота, согласно которой ямщикам следовало гонять по определенному пути до Чаронды (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Д. 1. Л. 50–50 об.).

Таким образом, система ямской гоньбы является важным элементом успешного функционирования государственного аппарата. Ямская гоньба начала складываться в XIV в., а к середине XVI в. она приобрела более профессиональные черты. На протяжении XVI столетия на территории Русского Севера постепенно учреждались ямы, а непосредственную гоньбу осуществляли выбранные из числа местного населения ямщики. История организованной связи, безусловно, не лишена «белых пятен», и многие ее аспекты еще только предстоит открыть.

Источники

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2008. Т. 4.
Поверстная книга // Исторический архив. М., 1950. Т. 5. С. 74–166.

Литература

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
Коноплев А. В. Маршруты ямской гоньбы на Европейском севере России в XVI–XVII веках // Труды Архангельского центра Русского географического общества. Архангельск, 2013. Вып. 9. С. 178–187.
Полянин А. П. Нижегородский ям в XVII веке // Богатство финно-угорских народов: материалы VI Международного финно-угорского студенческого форума (г. Йошкар-Ола, 15–16 мая 2019 г.). Йошкар-Ола, 2019. Вып. 6. С. 224–226.
Пугач И. Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг // Российская история. 2022. № 1. С. 67–86.
Семенов О. В. О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1. С. 103–119.
Семенов О. В. Ямская реформа в Московском государстве в XVI в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (160). С. 116–129.
Семенов О. В. «Прибыльная» деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова в области ямской гоньбы в Сибири в XVII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 1. С. 166–179. [Семенов 2023а]
Семенов О. В. Порядок обеспечения верхотурских ямщиков денежным жалованьем в XVII веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 5. С. 48–58. [Семенов 2023б]
Черкасова М. С. Из истории ямской гоньбы на Севере в XVI–XVII вв. // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Котлас, 2020. Вып. 3. С. 118–127.

О. Н. Аряев (Независимый исследователь, Германия)

ШЕЛОМЯ И ШЕЛОМЬЯ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО «ТАТИЩЕВСКОГО ИЗВЕСТИЯ» В ПРИМЕЧАНИЯХ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

При подготовке первой публикации «Слово о полку Игореве» (СПИ) Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский интерпретировали слова «О Руская земле! Уже за Шеломянем еси» как указание на «Русское село в области Переяславской на границе к Половцам лежащее близ реки Ольты» [Ироическая песнь... с. 10]. При этом они ссылались на труд Татищева «История Российская», в котором говорилось: «В то же время Половцы пришед в область Переяславскую, воевали около Носова и до Олты Июлия 23. и взяли до 800 человек в плен около сел Княгини Мстиславлей, Котельницы и Шеломья. Святослав же Ольгович послал сына Олга с войски, который дошед Половцов побил, и Князя их Сантзуза убил» [Татищев а, с. 120].

Правильное значение слова «шеломья» - холм, возвышенность - было установлено А. Х. Востоковым лишь через десять лет после публикации СПИ [Востоков, с. 313]. Села Шоломница и Котельница (в настоящее время – Старая Котельня в Житомирской области) располагались, вопреки Татищеву, не в Переяславской, а в Киевской земле. Таким образом, войско новгород-северского князя, направляясь в степь, никоим образом не могло оказаться возле Шоломницы. А. Мазон сравнил ошибку издателей с конфузом эзоповского персонажа, принявшего название порта Пирей за имя человека [Мазон, р. 79]. Однако и сам Мазон, в свою очередь, стал жертвой заблуждения, интерпретировав обилие ссылок на Татищева в примечаниях к первому изданию СПИ как признак фальсификации, между тем как в самом тексте СПИ ни малейшего влияния «Истории Российской» не прослеживается.

Эта цепочка ошибок возникла из-за, казалось бы, незначительной правки Татищевым текста источника – пропуска слов «тогда же» между сообщениями Алатырского списка Воскресенской летописи под 6667 г. о набеге половцев к Носову и Альте (т. е. на Переяславскую землю) и о нападении половцев на Котельницу и Шоломницу (т. е. на Киевщину): «Того же лета воеваша Половцы около Носова и до Лта, июля 23, и взяша душ боле 8 сот; тогда же о Котелнице воеваша и Шоломницу взяша, Мстиславлее княгини села» [ПСРЛ. Т.7 С. 71]. К этим сообщениям Татищев механически присоединил известие об убийстве половецкого князя Сантуза Олегом Святославовичем. В результате три различных половецких похода у Татищева слились в один

рейд на Переяславскую землю, а села Котельница и Шоломница оказались «перенесенными» с Киевщины на Переяславщину.

В первой редакции «Истории Российской» летописное сообщение приняло вид: «Того же лета воеваша половцы около Носова и до Олта июля 23-го дня и взяша душ более 800 у Котельницы и Шеломницы, сел княгини Мстиславли. Тогда же Олег Святославич изби половцы и Сантуза, князя половецкого, уби.» [Татищев б, с. 333-334]. Вследствие замены «тогда же» на «и» набег на Киевщину превратился в отчет о половецких трофеях на Переяславщине: 800 пленных, в Воскресенской летописи захваченные на Суле и Альте, у Татищева оказались взятыми у Котельницы и Шеломницы. Дополнительно Татищев переставил известие об убийстве Сантуза, в Воскресенской летописи отделенное от рассказа о других половецких набегах полоцкими событиями и вписанное в контекст нападения князя Изяслава Давыдовича на Путивль. Поскольку убивший Сантуза Олег Святославич был князем путивльским, это известие, следуя в татищевском тексте за рассказом о Котельнице и Шоломнице, еще более укрепляло левобережную локализацию сел «княгини Мстиславли». Не удивительно, что при работе над второй редакцией Татищев без малейших колебаний и прямым текстом локализовал Котельницу и Шоломницу в Переяславской земле.

В первой редакции своей «Истории Российской» Татищев переименовал Шоломницу в Шеломницу, а во второй редакции – в «Шеломыя», что содействовало «пирейской» ошибке издателей СПИ: наткнувшись на непонятное для них выражение «за шеломынем», Бантыш-Каменский и Малиновский обратились за помощью к наиболее авторитетному в те годы историческому труду – «Истории Российской» Татищева. Найдя там упоминание о селе «Шеломые», расположенном к тому же на Переяславщине, издатели решили, что автор «Слова» именно его имел в виду.

Источники и литература

Востоков А. Х. Грамматическое замечание на одно место в «Песне о походе Игоря» // Цветник. 1810. № 6. С. 311—321

Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя новгорода-северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800 г.

Татищев В. Н. а. История Российская с самых древнейших времен. Книга третья. М., 1774.

Татищев В. Н. б. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 4. М.: Академический проект, 2017. 733 с.

Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940.

СОКРАЩЕНИЯ

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.

БАН – Библиотека Академии наук

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ВТУ им. М. С. Щепкина – Высшее театральное училище (институт) имени М. С. Щепкина

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова

ГВСИАХМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ГИМ – Государственный исторический музей

ГНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации

ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека

ГСГУ – Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

ЕГУ им. И. А. Бунина – Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

ЕУСПб – Европейский университет в Санкт-Петербурге
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
 ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
 ИГ РАН – Институт географии РАН
 ИИ СО РАН – Институт истории Сибирского отделения РАН
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
 ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы РАН
 ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН
 ИПС им. А. К. Айламазяна РАН – Институт программных систем имени А. К. Айламазяна РАН
 ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
 ИРЛИ РАН – Институт русской литературы РАН
 ИРЯ РАН – Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
 ИСл РАН – Институт славяноведения РАН
 ЛГУ им. А. С. Пушкина – Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
 МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
 МАУ – Мурманский арктический университет
 МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
 МГУ им. М. В. Ломоносова – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 МДА – Московская духовная академия
 МПГУ – Московский педагогический государственный университет
 МХАТ – Московский художественный академический театр имени А. П. Чехова
 НГТУ им. Р. Е. Алексеева – Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева
 НИС – Новгородский исторический сборник
 НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 НСРК – Новое собрание рукописной книги, ОР РНБ
 ОЛДП – Общество любителей древней письменности
 ППС – Православный Палестинский сборник
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
 ПЭ – Православная энциклопедия
 РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
 РНБ – Российская национальная библиотека
 РХГА им. Ф. М. Достоевского – Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
 СГУ им. Питирима Сорокина – Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
 СККДР – Словарь книжности и книжников Древней Руси
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбГЭУ – Санкт-Петербургский государственный экономический университет
 СПбДА – Санкт-Петербургская духовная академия
 СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
 ТвГУ – Тверской государственный университет
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
 УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
 ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
 ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ШГПУ – Шадринский государственный педагогический университет
 ЮФУ – Южный федеральный университет

Научное издание

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ
Материалы XIII Международной научной конференции

Редактор: *к.ф.н. А. В. Духанина*

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 21.08.2025г

Усл. печ.л.27

Тираж 150 экз. Заказ номер № 940472

Группа компаний

"Вишневый пирог"

115114, Москва 2-й Кожевнический пер., 12.

www.cherrypie.ru